ВАСИЛИЙ ГАВРИЛЕНКО
ТЕПЛАЯ ПТИЦА

Annotation

Теплая Птица живет в каждом из нас. Ее невозможно убить. Ее не убьет даже огненный смерч Апокалипсиса, не убьет эпидемия, не убьет то, что на твоих глазах большинство людей стали ЗВЕРЯМИ. Пока жива хотя бы одна Теплая Птица, у ЧЕЛОВЕКА есть шанс. Потому что Теплая Птица – это желание любить и быть любимым.

Чтобы выжить в жестоком постапокалиптическом мире, Андрей Островцев стал настоящим зверем - сильным, осторожным и коварным. Встреча с Теплой Птицей все изменила - человеческий облик начал возвращаться к Андрею. Но сможет ли человек выжить в аду?

- Часть первая. Два Андрея
- Часть вторая. Конунг
- Часть третья. Возрожденцы
- Часть четвертая. Прольется вино
- Часть пятая. Лорд-Мэр

Теплая птица

Часть первая. Два Андрея

Часть первая
ДВА АНДРЕЯ
1
ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД

Ветви деревьев тянулись друг к другу, сцеплялись, образуя тоннель, из которого должен был появиться Поезд.

На Поляне нас собралось шестеро.

Впрочем, «нас» - это сильно сказано. Я прежде не встречал никого из этих людей, да и уверенности в том, что передо мною люди, не было.

Прислонившись спиной к покрытому мхом дереву, я сидел на толстом слое прелой листвы и наблюдал.

Крепкий игрок в рваной кофте, определенно, опасен.

Остальные - семечки. При условии, что они не атакуют вместе… А Джунгли полны одиночек.

Этот ли, тощий и желтый, - мне соперник? Я в одно мгновение вонзил бы в него заточку… Или тот, что нервно курит самокрутку из кленовых листьев?

Ну, самок в расчет не беру, тем более что одна из них, - старуха, с лицом, словно печеная картофелина. На что только рассчитывает на Поляне со своими тонкими, как ветки, руками?

Вторая самка молодая и, должно быть, сильная, с копной ярко-рыжих волос… Но и ей едва ли что-то светит.

Похоже, верзила в кофте оценил возможности собравшихся на Поляне примерно так же, как я, то есть своим главным конкурентом он назначил меня. Ишь, как смотрит! Изучает, сволочь.

-Слышь, долго еще?

Желтый игрок уставился на меня. На Полянах не принято разговаривать, но этот калека, видать, не в курсе, - ничего, прозреет, когда заточка пронзит ему глотку…

-Понятия не имею.

Желтый скрипнул зубами. Отвернулся.

Разумеется, я знаю, когда из тоннеля вынырнет голова Поезда, но сказать во всеуслышание – быть дураком.

Мертвые листья кружатся в воздухе - прощальные письма. Кому-то придется их читать. Уж, конечно, не мне.

Серый курильщик принялся ловить листья, чтобы снова свернуть себе косяк.

Солнечный луч медленно начертил «ПОРА» на земле у моих ног, и я поднялся - пришло время облегчиться, тем самым получив дополнительный козырь.

Мне доводилось видеть игроков, опорожнявшихся прямо на Поляне у всех на виду. Это их право, ведь речь идет о Последнем Поезде, и здесь не до цацканья.

Но я за этим делом всегда ухожу в лес.

Запах прели щекочет ноздри; здесь надо быть начеку - в любой момент из-за дерева может выскочить тварь.

Вот удобная ложбинка. Я сбежал вниз, скользя по мягкой глине, и, спустив штаны, присел на корточки.

-А-а-а!

От сильного толчка в спину я растянулся на дне ложбинки.

Кривая заточка вонзилась в землю возле моей головы. Я откатился в сторону и вскочил на ноги, одной рукой выхватывая из нагрудных ножен заточку, а другой - натягивая штаны. Не дал посрать, сучий потрох.

Верзила наступал, хрипло дыша, сверля меня красными глазами. Силен, как бык, но неповоротлив и медлителен.

Я поиграл в воздухе заточкой перед его носом и ухмыльнулся - даже здесь, в лесу, она блестела. Недаром точил клинок белымкамнем и натирал песком.

Моя полуулыбка произвела на верзилу впечатление - он вскипел от ярости. В таком состоянии этот олух едва ли на многое способен - я уложу его, как котенка…

Он прыгнул.

Широкое лезвие полоснуло по руке, я вскрикнул и несколько раз - снизу, в живот и меж ребер, вонзил в верзилу заточку.

Он упал ничком в черные листья и, содрогнувшись, замер.

Я вытер лезвие об его кофту и спрятал в ножны.

Нужно идти на Поляну и ждать Поезд… Но, черт побери, как саднит рука. Я закатал рукав куртки и ужаснулся: из ровного и глубокого пореза лилась кровь, но самое скверное - рука немела. Этот мудак отнял у меня козырь! Я пнул распластанного верзилу и, слегка пошатываясь, стал выбираться из ложбинки.

Из-за широкого ствола вышла рыжая самка. Значит, притащилась с Поляны посмотреть на схватку и добить того, кто победит.… Ну-ну…

Здоровой рукой я выхватил заточку:

-Иди сюда, цыпа.

Но самка не вынимала оружия.

-Что тебе надо?- крикнул я и оторопел: резким движением рыжая распахнула куртку, и я увидел ее грудь, скованную толстым свитером.

-Помоги мне сесть на Поезд,- сказала она.

Вот оно что! Ты хочешь жить и пользуешься тем оружием, каким наградило тебя небо. Что ж, имеешь право, но я не олух.

Рассмеявшись ей в лицо, я пошел на Поляну.

Меня встретили глаза остальных игроков, и я поразился, какой хищный огонь вспыхнул в них при виде раны. Не спешите, сволочи…

Вернулась и рыжая самка. Ни на кого не глядя, прилегла на листву. Какой, должно быть, удар – кто-то не стал лапать ее сиськи.

Впрочем, у меня онемела рука, а это значит, что я теперь слабее этой рыжей. Проклятый верзила!

К вечеру донесся запах гари. Пока рано, надо лежать, экономить силу.

Лишь тонкий пев тепловоза заставил меня подняться и подойти к рельсам. Сейчас… Бог, или кто там, помоги! Другие игроки, словно тени, выстроились вдоль дороги неподалеку от меня.

С ревом из тоннеля, образованного деревьями, показался Поезд, со всех сторон облепленный ухватившимися за что попало людьми. Попасть на крышу нечего и мечтать - там целые деревни.

Рано: первые вагоны перенаселены.

Курильщик и желтый не вытерпели и, отталкивая друг друга, бросились на проносящийся мимо вагон, пытаясь ухватиться за искореженный поручень. Люди из вагона, крича, отпихивали их. Курильщик исчез в шуме колес, а желтый, вцепившись в чью-то руку, поехал, получая удары и тычки.

А вот старуху-то я недооценил. Как ей удалось ухватиться за поручень шестого вагона?

Пора: скоро Поезд начнет набирать ход.

Я увидел свободную подножку и, став на мгновение пружиной, прыгнул на нее.

-Куда, сволочь,- *отбойщик*, карауливший на крыше, достал меня по голове длинной палкой. Если бы я был в порядке, то удержался бы и сбросил этого гада, но раненая рука скользнула, и я полетел вниз, лишь чудом не угодив под колеса.

Преодолевая гром в голове, вскочил.

О, черт! Последний вагон проследовал мимо. На подножке - всего один игрок с трепещущими на ветру волосами.

Я побежал.

Вот вагон, вот подножка, над ней - рукоятка, спасительный металлический штырь, - только бы схватиться за него. Ну! Рука снова подвела меня.

Я все еще бежал, когда игрок, до этого стоявший на подножке спиной ко мне, обернулся. Это была рыжая самка.

Она вдруг наклонилась и протянула руку. Я ухватился за эту руку, плохо соображая, что к чему. Собрав остатки сил, в последнюю секунду впрыгнул на подножку.

-Отпусти.

Словно очнувшись от сна, я понял, что все еще судорожно сжимаю руку рыжей и, отпустив эту теплую руку, взялся за поручень - холодный и скользкий.

Почему эта самка спасла меня? Почему протянула руку? Ведь я не просил о помощи. Помощи?!

Холодная злость начала заполнять душу - надо скинуть ее с Поезда, это Джунгли, я должен так поступить.

Ну, чего ты смотришь на ее затылок? Схватить за волосы, рывок - и самка закувыркается в темноте, там, где перестук колес. Сколько раз ты делал подобное.

Ветер ерошил длинные волосы, рыжие пряди касались моего лица.

Не могу! Дьявол побери, не могу…

Я уткнулся головой в деревянную окантовку и прикрыл глаза: будь что будет.

А на крыше вагона, похоже, что-то назревало.

- Ты занял мое место, гнида.

- Я выдавлю из тебя потроха.

Зазвякало железо, и с крыши свалились два сцепившихся тела. Место освободилось.

Превозмогая боль, я полез наверх.

-Куда, падла! Нам тебя не надо.

Черная, сплющенная с двух сторон рожа возникла передо мной; нешироκий конец длинной палки устремился мне навстречу. Я успел уклониться, и, ухватившись за палку раненой рукой, - от боли в голове взорвалась бомба - дернул.

Палка осталась у меня.

Застонав от напряжения, я подтянулся на одной руке и влез на крышу вагона.

В центре узкой площадки металлическая коротконогая печка выбрасывала в черноту снопы искр; ловя тепло, к ней жались игроки.

Некоторые жарили крыс, насадив на заточенные прутья.

-Эй, вы, какого хрена?

Почему «вы»? Я оглянулся: рыжая стояла за мной, настороженно глядя на игроков. Прицепился банный лист. Жаль, что я ее не сбросил.

Парочка наиболее смелых игроков (а, может, тех, кому больше всех надо), поднялась из-за печки, но я погрозил им палкой:

-Хотите полетать, суки?

Они присели и занялись крысами.

Стараясь не задевать согбенные спины, я пробил путь поближе к печке и, положив перед собой палку, сел на холодное покрытие вагона. Рыжая примостилась рядом, стала смотреть на огонь.

Я уже понял, что нам… тьфу! мне,- повезло. Игроки здесь собрались хлипкие; удивительно, что им вообще удалось попасть на крышу – наверное, садились в Начале Пути. В глазах у большинства – тусклая мольба: «Не тронь меня».

Однако, кое за кем нужен глаз да глаз - хотя бы вон за тем остролицым, что до белизны в костяшках пальцев сжимает припрятанную на груди заточку, или за этим одноглазым рослым игроком, что так жадно поглощает крысятину, едва не касаясь мордой огня. Была б рука здорова, я занял бы его место у печки.

- Подай крысу, – приказал я сидящему за моей спиной хиляку, оттесненному от печки к самому краю крыши. Тот, бросив затравленный взгляд, дотянулся костлявой рукой до широкого деревянного ящика и подал мне еду.

- *Ловец* тоже давай.

Игрок послушно протянул деревянный заточенный прут. Я насадил на ловец крысу и полез к огню. Сидящие у печки неохотно расступились, и моя крыса зашкворчала, разбрасывая во все стороны капельки жира. Одноглазый, прищурившись, разглядывал меня с деланным равнодушием, время от времени громко отрыгивая, - обожрался, сволочь. Тем не менее, я заметил, как он задержал взгляд на моей раненой руке. Вот ведь, не обмотал вовремя, дурак.

Крыса, исходя жиром, зарумянилась, и я поспешил на свое место, не желая с искалеченной рукой драться за место у печи.

Отличная жратва. Сытная, без химического запаха. Я жадно откусил, и тут с изумлением увидел глаза рыжей, в которых были не голод и зависть, а отвращение. Да кто ты такая?

-На, попробуй.

Отстранилась с испугом. Пожав плечами, я занялся едой, стараясь не замечать брезгливых гримас этой самки.

Ночью звезды горят и на небе, и в лесу. Не повезло тем, кто не попал на Поезд.

Я смотрел между ветвями деревьев, проносящимися над головой. В такие ночи - темные и холодные, со звездопадом и луной - странные мысли роятся в голове. Неужели, и вправду существует либо когда-нибудь существовала сила, более могучая, чем Джунгли? Какая это сила и где она? Там, где светят звезды? Но почему тогда не дает знать о себе?Почему, как самый сильный из игроков, не подчинит жизнь или не уничтожит ее? Вот и эта рыжая… Что в ней - сила или слабость? Почему она не побоялась удара в спину? Откуда в ней это спокойствие, если она слаба?

- Поляна! Готовьте дубины!

Я схватил палку, вскочил. Вместе с другими отбойщиками ринулся к краю крыши. Поезд замедлил ход. Вот и Поляна. Два игрока ожидали свой последний шанс. Один из них прыгнул сразу, и, получив удары от оравы отбойщиков первого вагона, угодил под колеса. Второй выжидал, похоже, нацеливаясь на последний вагон. Поезд преодолел

поворот и ускорил ход. Я посмотрел назад - на Поляне уже никого не было, а к лежащему на железнодорожномполотне телу метнулись из лесу плотные тени. Законная добыча тварей...

Отбойщики, довольные скоротечностью битвы, побросали палки и полезли к печке. И все же где второй игрок? Нагнувшись, я увидел темный комок спины. Отступив на полшага, приготовился как можно резче ткнуть палкой, чтобы попасть игроку между лопаток. Игрок слегка пошевелился, поднял голову.

Я увидел расширенные от ужаса глаза и вдруг, не в силах удержаться, полетел в эти глаза и окунулся в них всего лишь на мгновение, но боль – неудержимая, лютая - пронзила меня. Не подчиняясь себе, я опустил палку.

Игрок, хрипя, вскарабкался на крышу и полез в сторону тепла. Ему, похоже, крепко досталось в лесу, сквозь изодранную одежду выглядывало красное. До утра едва ли доживет.

Я медленно опустился на свое место, медленно положил палку. Несколько пар глаз неистово сверлили меня. Лязгнув зубами, как тварь, я демонстративно дотронулся до ножен.

Но вправду, что же со мной приключилось? Искоса - на рыжую. Она смотрела на меня, улыбаясь. Крупные мокрые зубы блестели под луной. Как жаль, что я ее не сбросил!

Поезд ревел, разрывая ночь в клочья. Полян больше не попадалось, вернее, они попадались, но пустые. Люди, и те, кто считал себя людьми, укрылись, где смогли. Молятся теперь, чтобы пережить эту ночь. Едва ли молитвы им помогут. Единственный союзник в Джунглях – закон выживания. Каждый сам за себя… За последние сутки я нарушил его несколько раз.

Рыжая спала, уронив голову на плечо. Ну, какой кретин станет спать на крыше Последнего Поезда? Хуже только уснуть в Джунглях…

Неужели надеется, что ее пощадят и не спихнут с Поезда? А, может быть, она рассчитывает на меня? Что я буду караулить? О, дьявол.

Какое странное лицо у этой самки… Бледное и чистое, не обветренное, не изрезанное шрамами, не обожженное дождем. Она совсем не похожа на игрока.

Рыжая повела плечом. Засопела. Я отвернулся. Не хватало еще, заметит, что смотрю на нее…. В Джунглях это не принято.

Но самка не проснулась, а вот у печки началось движение. Длинная тень шмыгнула к спящей. Ага, приметили.

- Не трожь,- бросил я.

Тень колыхнулась. Я достал заточку – луна блеснула на кончике лезвия.

-Ты чего, подлюга? – глухой, словно из-под земли донесшийся голос.

-Не трожь.

Игрок, вполне законно собиравшийся столкнуть уснувшего пассажира с Поезда, отодвинулся, вполголоса матерясь. И было от чего материться. Тот, кто, казалось бы, олицетворяет закон Джунглей, вдруг нарушает его. Ведь я игрок, игрок до мозга костей. У меня срезан кусок кожи с головы, морда окаменела от радиоактивной воды, на теле не счесть шрамы от зубов и заточек. Я умею убивать за мгновение, я могу убить сотню, если понадобится. Я первый, я самый сильный игрок в Джунглях! Я – закон!

«Ты - закон? Почему же ты не врезал палкой по горбу тому хиляку?»

Зябкий ветер всколыхнул мои волосы, я поежился. К черту. Не рассуждать. Поезд летит, я сел на него…

Предрассветный холод заставил игроков жаться к печи. Не обошлось без стычки, и Поезд покинула еще пара пассажиров. Между тем я с радостью отметил: пальцы на раненой руке начали шевелиться – хороший знак. Вот если бы к печке – тепло излечило бы меня.… Но там правят одноглазый и остролицый…

Кусочек солнца вынырнул из-за горизонта и окатил леса чем-то багровым. Терпеть и ждать. Мне нельзя ввязываться в свару, я еще слишком слаб…

- *Мост взорван!*

Сердце подскочило в груди и затрепетало где-то в горле. С головы поезда снова донеслось:

- МОСТ ВЗОРВАН!!!

Черт подери! Сколько надежд, сколько усилий! Проклятье…

-Что случилось?- рыжая ошалело осматривалась. Глаза покраснели, губы припухли от сна.

-Мост взорван.

Самка пошевелилась, собираясь встать.

- Лежи,- крикнул я, и сам что было сил, ухватился за выступы на крыше.

Поезд дернулся, как раненый бык. За визгом тормозов не было слышно воплей игроков, не вовремя вскочивших на ноги. Вот теперь, пожалуй, можно… Я приподнялся, глянул вперед. Первые три вагона уже висели над бездной, и нас неумолимо подтягивало к ней.

Одноглазый игрок пронесся мимо меня и спрыгнул с поезда. Я успел заметить, как земля разломала его, словно глиняного человечка.

Еще два вагона въехали в пропасть, с них горохом посыпались люди.

-Я сейчас прыгну.

Я взглянул на рыжую – глаза расширены, подбородок дрожит.

-Прыгнешь - сдохнешь!

Она поняла и, уцепившись руками за деревянную балку, глядела на меня. А я смотрел вперед, туда, где пропасть втягивала в себя вагоны Последнего Поезда.

До пропасти три вагона – оставшиеся на них игроки в спешке спрыгивают, земля ломает их, мнет.

Два вагона… Вагон…

-Прыгай!

Земля приняла меня, ударила в бок, по голове и, затем, перевернув на спину, добавила по затылку. Но резкой боли я не почувствовал, значит, обошлось. Рыжая спрыгнула почти одновременно со мной.

Вагон медленно – так мне показалось - сполз с обрыва. Через несколько мгновений раздался взрыв, со дна пропасти поднялся багровый язык, лизнувший небо и скрывшийся в каменной пасти. Все смолкло.

Тишина была недолгой. В воздухе раздался, усиливаясь с каждой секундой, стрекот вертолета. *Стрелки*!

- В укрытие!

Рыжая стояла неподвижно, как завороженная. Глядела в бледное небо, где росла черная точка. Я подскочил к ней, схватив за руку, дернул, увлекая за спину могучего дерева. Через пару секунд над лесом пронесся желтобрюхий вертолет.

-Ты что, оглохла?

Не ответила. Ну и черт с тобой.

Я поднялся.

Вертушка кружила над лесом, немного погодя к ней присоединилась вторая. Мешкать нельзя, скоро стрелки спустятся вниз.

-Вставай,- Рыжая все еще сидела на земле, дрожа: не игрок она, не игрок! – Надо идти.

Не слышит.

Что мне с того, если ее продырявят стрелки?

-Не хочешь идти – оставайся.

Я выкарабкался из укрытия. Вертушки кружили в отдалении, едва не задевая кроны деревьев ржавыми подбрюшьями.

Пригнувшись к земле, я побежал и скоро уперся в овраг, на дне которого в разноцветных водах речушки сгрудились вагоны, а вокруг – тела игроков. Черт подери! Придется спускаться – идти вдоль провала нельзя: стрелки не прикончат, так растерзает тварь. Держаться железки – единственный шанс уцелеть.

Сидя в приовражных кустах, я наблюдал за вертушками. Из лесу показалась рыжая, осмотрелась (в глазах - ужас), заметила меня.

-Пригнись.

От нее теперь не избавишься…

С вертушек сбросили тросы. Маленькие фигурки заспешили вниз – пауки. Все, началась зачистка.

- Спускайся следом за мной,- сказал я и, хватаясь за траву и кусты, полез вниз по склону. Сверху на меня посыпались мелкие камешки из-под ботинок самки.

Мы достигли дна, когда наверху, в лесу, захлопали выстрелы. Значит, кроме нас есть уцелевшие: работенка для стрелков.

В мутной воде речушки лежала большая часть пассажиров Последнего Поезда. Черные от копоти тела, неестественно вывернутые руки и ноги, стеклянные глаза, оскаленные зубы. Приехали, блин. Как здорово, что меня среди них нет.

-Ложись, - шепнула рыжая.

Дьявол! Я, должно быть, свихнулся: «Как здорово, что меня среди них нет!».

Вертушка зависла над нами. Я лежал на спине и видел, как из нутра машины показалась голова стрелка в желтом шлеме.

Я замер, я не дышал, я стал мертвецом.

Ветер колыхнул седые волосы на голове лежащего неподалеку от меня игрока. Тут же раздался звук, похожий на клацанье зубов, и череп трупа взорвался. В лицо мне брызнул кровавый дождь, но я не пошевелился.

- Артур, здесь одни дохлые.

Вертушка, круто взяв влево, скрылась из виду.

Я не сразу пришел в себя, некоторое время лежал неподвижно: по крайней мере, один раз мы с рыжей квиты. Самка уже оклемалась и стояла у кромки воды. Взглянула хмуро:

-Умойся.

И то дело.

Я спустился к речушке, разогнал радужную пленку. Зачерпнул пригоршню зеленоватой влаги, смыл с лица мозги и кровь.

В поисках брода мы двинулись вниз по течению.

На излучинерека расширялась, бежала споро и шумно. Из воды торчали камни.

-Попробуем здесь, - обернулся я.

Рыжая кивнула.

Осторожно ступая по скользким, обросшим водорослями камням, мы направились к противоположному берегу. Зеленоватая вода булькала под ногами, пенилась, шевелила водоросли.

Каждое мгновение я ожидал стрекота вертушки.

-Скорей.

-Да иду я.

Она еще и огрызается.

Мы преодолели речку, начали карабкаться по склону. Эта сторона оврага поросла матерым кустарником, поэтому подъем не занял много времени.

Я бросил взгляд на изломанный Поезд. Еще пару часов езды – и я мог бы завладеть местом у печи. Рука уже достаточно послушна…

Перебежками - к лесу.

Только когда кроны деревьев соединились над головой, стало легче.

Рыжая, тяжело дыша, прислонилась к дереву. Ее лицо раскраснелось, а глаза блестели. Да ей весело! Мало досталось? Ничего, стрелки и твари наверстают…

-Абдулла, дикие!

Стрелки! Легки на помине…

Я прыгнул за дерево, уткнувшись носом в сырую, пахнущую прелью, землю. Рыжая рухнула рядом.

Раздались выстрелы, на голову посыпалась кора.

-Обходи!

Мозг обливался расплавленным свинцом, а сердце билось где-то в горле.

-Доставай заточку,- прошипела рыжая. Ее взгляд – почти безумный - вернул мне рассудок.

Я выхватил клинок. Черт возьми, так просто не сдохну. Кувыркнувшись, перебрался за другое дерево. Два стрелка: один слева, другой справа. Особо не спешат: знают, что мы в ловушке. Пусть приблизятся…

Один, два, три, четыре... На пятом ударе сердца, я выскочил из-за дерева, и, швырнув заточку, отпрыгнул в сторону, за ствол дуба. Все слилось – и крик стрелка, и продолжительная пальба второго…

- Абдулла, ты как?

Абдулла не ответил напарнику.

-Сука! – выругался стрелок. С дерева, под которым я укрылся, брызнула кора.- Тварь! Я завалю тебя.

А у меня теперь нет заточки.

Стрельба внезапно оборвалась.

- У него кончились патроны,- крикнула рыжая и вдруг приподнялась, точно желая смерти. Я лежал ничком, ничего не соображая.

- Идиот! Он не может стрелять.

Злые глаза самки, расширенные от страха, вновь сказали мне больше, чем ее крик. Вскочив, я ринулся вперед, к маячившей меж деревьями неуклюжей фигуре в желтом обмундировании.

Стрелок лихорадочно терзал свое оружие. Увидев меня, он отбросил автомат в сторону, потянулся к ножнам. Не дав вытащить заточку, я сшиб его с ног. Мы упали в неглубокую ложбинку, полную гнилой воды.

Барахтаясь, я попытался встать. Куда там! Из-под такой туши не выскочишь. Моя голова очутилась под водой. Пытаясь разжать железные пальцы, я извивался, как уж.

Радужные круги поплыли перед глазами. «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Что такое «фазан»? Воздуха!

Вместо воздуха – вода.

Но вот – воздух. Тело стрелка обмякло.

Кое-как я выбрался из-под туши в камуфляжной форме. Отплевываясь и кашляя, прислонился к дереву. Со всхлипами, жадно – воздух. Пить воздух, вдыхать. Пытаясь избавиться от звона в ушах, затряс головой. Рыжая стояла у трупа стрелка. Наклонилась, сорвала пучок пожухлой травы, вытерла окровавленную заточку.

Силы возвращались медленно. Здорово помял… Никогда прежде я не вступал врукопашную со стрелками. Как и большинство игроков, которым дорога Теплая Птица, убегал, словно кролик, лишь только в воздухе показывалась вертушка. Стрелки -самые сильные в Джунглях, и лучше не стоять у них на пути.

А вот теперь один из них лежит передо мной, другой валяется неподалеку.

Глядя на распластанное в ложбинке тело, я впервые подумал, что иногда игрокам полезно действовать сообща. Рыжая перехватила мой взгляд и ухмыльнулась - на щеках возникли ямочки.

-Не благодари.

-Что?- удивился я.

-Ничего.

-Верни заточку.

Пожала плечами.

-Держи.

-Надо отчаливать,- сказал я, пряча заточку. - В лесу могут быть еще стрелки.

-И ты не возьмешь это?

Рыжая пнула лежащий на земле автомат. А ведь и в самом деле, это законная добыча.

-Пойди-ка ошмонай второго.

Самка кивнула и скрылась за деревьями.

Я приблизился к телу, наклонился, снял с мертвеца шлем. Черные волосы, выпученные глаза, перекошенный, облепленный розовой пеной, рот. В общем, человек без Теплой Птицы.

Рюкзак. Зубами и слегка дрожащими пальцами, я развязал веревку. Ого! Похоже, жратва. А это, видимо, патроны. Отлично.

Отставил рюкзак в сторону.

Подумав мгновение, стащил с мертвеца ботинки. Куртка, шлем – издали стрелки примут за своего, и трижды подумают, прежде чем стрелять, а игроки … Игроки бросятся наутек.

Вернулась рыжая. Быстро управилась! Прислонилась к дереву, выставив вперед ногу в толстом ботинке стрелка. Кроме ботинок, она прихватила автомат, рюкзак, куртку и шлем. Молодец.

Кленовый лист, кружась, опустился на глаза раздетого мертвеца.

Неспешно двинулись в сторону железнодорожных путей через заросли терна.

-Эй! – окликнула рыжая.

Я обернулся.

-Скажи, как тебя зовут?

-Что?

-Как тебя зовут?

-Нет у меня имени.

Эта самка чересчур любопытна. Имена… Зачем в Джунглях имена? Я уже и не помню, когда меня называли по имени… Нечто смутное, настолько далекое, что даже не верится: было ли?

И вдруг – всполох; да, было, раннее утро на светлой террасе, полноватая женщина с завитыми волосами разливает в чашки чай, светлоголовый мальчик, едва удерживая большую чашку в пухлых ручонках, протягивает ее матери…

- Как знаешь, - сказала рыжая.- Но, даже если тебе не интересно, мое имя – Марина.

Марина! Полноватую женщину тоже звали Мариной.

- Ну, я - Андрей.

-Здравствуй, Андрей, – Марина почему-то засмеялась. - Ты из этих мест?

Вот опять…

- Не знаю.

Я и вправду не знал. Однажды очнулся в овраге, опаленный оранжевым ветром, и знал только одно – надо выжить любой ценой. Только светлая терраса порой вспыхивала в сознании, но совсем не так ярко, как мгновение назад.

-Как страшно - быть лишенным родины.

Она бредит?

-А ты не лишенная?

- У меня есть родина. Быть может, я тебе ее покажу, Андрей.

-Очень рад, – усмехнулся я. – Вот наша родина. Мы все рождены в Джунглях.

-Джунгли когда-нибудь кончатся, их время пройдет.

Что она городит? Кто она?

-Странная ты…

-Странная? Андрей, посмотри вокруг – железная дорога, поезда, разрушенные города… Ты был когда-нибудь в разрушенном городе?

-Нет,- буркнул я. Однажды набрел на какие-то развалины, но подойти к ним не рискнул.

-А о бывших ты знаешь? – Марина раскраснелась.

-Кто же о них не знает? Они были до Джунглей, а затем взорвали все к ебаной матери. Дебилы, короче.

Марина нахмурилась и примолкла. А мне теперь отчего-то хотелось, чтобы она продолжала. Месяцами я не говорил ни с кем и думал, что это правильно, так требуют Джунгли. Я не слышал ничего, кроме коротких фраз на Полянах, предсмертных воплей игроков и рычания дерущихся за Теплую Птицу. Теперь мне хотелось слышать человеческий голос, но Марина молчала.

-Ты прав, – наконец, заговорила она, отстраняя от лица ветку.- Бывшие были дебилами. Как можно было разрушать такой мир?

-А ты знаешь, каким он был?

-Уж точно – не Джунглями.

-А вдруг - хуже?

Марина взглянула на меня и опять замолчала.

Дебри кончились; мы вышли к железной дороге. Я помог Марине вскарабкаться на насыпь по гравию. Ржавые рельсы, извиваясь, ползли к горизонту.

Свечерело. Пошел снег. Спасибо стрелкам за куртки. Надо найти укрытие, пока совсем не стемнело. Твари скоро выйдут на охоту.

На небе вырисовалось бледное пятно луны. Мы шагали по едва видным из-под свежего снега шпалам. Марина начала прихрамывать – ботинки стрелка натерли ногу. Она перехватила мой взгляд:

-Все нормально.

Долго она так не протянет, нужно укрытие и как можно скорее. Вот и луна стала ярче.

Я оглядывался по сторонам. Надежда обнаружить будку с едва различимыми буквами на голубоватой стене – «КТСМ» - «Когда Тяжело Спасительное Место» - становилась все более призрачной.

Марина вскрикнула.

Дорогу преградила крупная тварь. Вскинув автомат, я надавил на крючок – ни хрена! И как только стрелки пользуются этими штуками? Потянулся к ножнам. Тварь прыгнула. Короткий сухой клекот, и животное тяжело рухнуло на дорогу вблизи от меня. Марина опустила дымящееся оружие.

-Прежде чем стрелять, нажми вот это.

Она указала на небольшой рычажок на автомате.

-Откуда ты все знаешь?

-Жизнь научила.

Марина подошла к твари, дотронулась до оскаленной морды носком ботинка.

- Не стоит,- предостерег я. – Они живучи.

Рыжая отстранилась.

Стало понятно, что на эту ночь такого удобного и надежного убежища, как КТСМ, нам не найти.

Я приметил неподалеку от дороги разлапистое дерево и потянул Марину за рукав:

-Скорей.

Мы съехали с насыпи по гремучему гравию и побежали к дереву. Три твари уже спешили наперерез. На бегу я нажал рычажок автомата, как учила Марина, выстрелил, но не попал. И снова за дело взялась Марина. Одна из тварей упала на бок, другие остановились, обнюхивая мертвого сородича.

-Скорее.

Еще две твари выскочили из дебрей. Я полоснул свинцом и на этот раз – о, чудо! - завалил сразу обеих. Черт подери, неплохая вещичка.

У комля и выше ствол дерева оказался гладким – не на что наступить ногой, не за что уцепиться. Хотя до ближайшего сука я мог бы допрыгнуть… А вот Марина…

-Ну-ка.

Я присел. Она сразу поняла. Подошвы ботинок больно впились мне в плечи, но Марина, поднятая вверх, ухватилась за сук,

вскарабкалась на дерево.

-Андрей.

Я оглянулся. Не меньше десяти крупных тварей бежали сюда по свежему снегу.

Подпрыгнув, уцепился двумя руками за сук. Теперь надо подтянуться… О, дьявол! Ну почему на крыше вагона я не съел хотя бы три крысы? Где мои силы?

-Чего ты, *слабак*?

Что-то странное колыхнулось у меня в груди и, сжав зубы, я сделал подъем-переворот.

Твари запрыгали внизу, разевая пасти. Я прицелился было, но Марина схватила меня за руку:

-Не трать попусту заряды.

Ну вот, она опять права.

Твари повизгивали, кидаясь на ствол дерева.

-Давай повыше залезем, - предложила Марина.

Мы вскарабкались почти на самую вершину.

Туча наползла на луну. Снег усилился. К утру наметет сугробы – это плохо.

Тем временем, привлеченные запахом крови, на поляну спешили все новые и новые твари. Марина с отвращением следила за пиршеством. Эти создания пожирали сородичей.

-Лучше не смотри,- посоветовал я.

Но она не могла оторваться - жутковатые зрелища привлекают.

Визг тварей, словно чем-то шершавым, тер мозг. Скорее всего, пиршество продлится до утра…

Но что произошло со мной пару минут назад? Почему от окрика Марины, от этого слова *слабак* я нашел в себе силы влезть на дерево? Не связано ли это с болтовней о бывших – странных людях, сожравших самих себя, как твари на поляне? Неужели что-то связывает меня с ними? Меня, игрока?

Голова гудела. Надо бы ухитриться поспать, иначе завтра мы не пройдем и пары километров. Я принялся развешивать автоматы и рюкзаки по веткам, прочно накручивая лямки. Марине надоело смотреть на тварей. Повернувшись, она сонно следила за мной.

-Сними ботинок, - приказал я.

Марина послушно стащила обувь, сморщившись от боли. Нога маленькая, узкая и удивительно белая – ну, не игрок она! Мозоль не очень большая, но прорвавшаяся – клочок кожи над красной ранкой.

-Помажь.

Я протянул пузырек с желтоватой водой: однажды мне пришлось вброд переходить ручей, я был бос, как раз из-за мозолей, и заметил, что эта вода облегчает боль.

–Все не выливай.

Пока Марина врачевалась, я осмотрел ботинок. На пятке топорщился кусок коричневой кожи.

С помощью заточки я выправил ботинок и повесил его на ветку рядом с автоматами.

Снял куртку, протянул Марине.

-Обмотай-ка ногу.

-Не надо.

-Завтра не сможешь идти.

Она капризно изогнула губы и, взяв куртку, обмотала вокруг ноги, связав рукава. Ну вот. Теперь нога не будет мерзнуть, а к утру мозоль должна затвердеть.

Пора устраиваться на ночлег. Мне уже приходилось спать на деревьях, и я давно усвоил, что главное – не свалиться спросонья. Достал из внутреннего кармана веревку – только бы ее длины хватило на двоих.

Держа один конец в правой руке, другой перекинул через ствол дерева и схватился за него левой рукой.

-Лезь сюда.

Марина полезла ко мне сквозь ветви.

-Осторожно, – крикнул я, когда она покачнулась, едва не сорвавшись с дерева.

Прямо у ствола ветви толстые, удобные дляспанья.

-Обмотайся веревкой.

Марина послушалась.

Я связал оба конца веревки суровым узлом.

Несмотря на впивающуюся в спину кору, затекающие руки-ноги, Марина скоро уснула, свесив голову на грудь. Рыжие пряди из-под шлема закрыли ее лицо, и я не мог видеть, как она дышит.

Я посмотрел вверх. За ветками чернело небо. Денек выдался суетливый, но удачный. Я жив, и это несмотря на то, что много раз плюнул в лицо Джунглей. Вернее, жив благодаря тому, что плюнул.

Джунгли полны одиночек…

Я еще раз посмотрел на спящую девушку («девушка» - надо же, вспомнил это слово!) и прикрыл глаза.

2

УТРО НА СВЕТЛОЙ ТЕРРАСЕ

-Андрюша, сахар класть?

Посреди террасы – солнечная лужа. На столе – широком, самодельном - небольшая круглая ваза с печеньем, пара бумажных салфеток, и больше ничего.

-Конечно, клади. Когда ты, наконец, изучишь привычки моего сына?

Женщина в застиранном синем платье вышла из дому на террасу, неся в руках дымящуюся чашку.

-Я уже изучила, Марина Львовна,- сказала она, ставя чашку на стол.

Старуха в инвалидном кресле, стоящем в тени акации, нервно повела плечами, накрытыми красным пледом, и промолчала, не повернув головы.

Женщина взяла из вазочки печенье и, надкусив, положила на стол. Стала смотреть в сад, подперев голову костлявой веснушчатой рукой. На вид ей можно было датьтридцать лет, можно и все сорок. Карие, с зеленоватыми крапинками глаза смотрели тускло; светлые волосы, собранные на затылке в тугой пучок, казалось, прикрывали глубокие залысины. Она постоянно вздрагивала, будто опасаясь чего-то.

-Андрей, кофе стынет, - неуверенно сказала женщина, повернув голову в сторону двери, ведущей с террасы в дом.

-Что он там делает? – глухо произнесла старуха.

-Бреется.

Женщина поднялась и, подойдя к краю террасы, оперлась на деревянную перегородку. Сразу перед домом располагался сливовый сад – деревца слабые, с большим количеством отмерших веток и лишайниками на стволах. Сад перерезала тропинка, ведущая к калитке. За калиткой стелилась пыльная дорога.

Старуха покосилась на женщину. У нее были маленькие, глубоко посаженные глаза. На щеки накинуты красные сеточки капилляров. Она казалась грузной, даже толстой, но ноги в приспущенных вязаных чулках, торчащие из-под махрового халата, были тонкие и синеватые.

-Хоть бы сад в порядок привела,- кашлянув, заговорила старуха.- Перед людьми стыдно.

Плечи женщины дрогнули, но она промолчала.

-Ничего по дому не делаешь, все на Андрюшку спихнула.

-Мама.

Худощавый высокий мужчина с полотенцем на плече вышел на террасу. Он только что побрился, но кожа на лице не посвежела, осталась землистой.

Андрей присел к столу, взял чашку, сделал глоток. Поморщился.

-Возьми печенье.

Женщина вернулась к столу.

-Ты что, порезался?

Дотронулась до щеки Андрея.

-Пустяк,- тот отстранился. – Почему печенье в нашем магазине всегда краской пахнет?

-На рынке надо брать,- подала голос старуха.

Андрей допил кофе и поставил чашку на стол.

-Все, побежал.

Он исчез в доме и через пару минут вернулся, одетый в похожую на пальто светлую куртку, в левой руке - кожаный портфель.

-Возвращайся поскорей.

В глазах женщины промелькнула тоска.

Андрей кивнул и, спустившись по ступенькам с террасы, зашагал по тропе к калитке. Приподнявшись, женщина следила, как он, ссутулившись, прошел по дороге и исчез за поворотом.

Через некоторое время в воздухе раздался шум электрички, замер, потом раздался вновь.

-Все, поехал Андрюшка,- проговорила старуха и закашляла: в горле у нее захрипело и забулькало. Откашлявшись, вытерла рот подолом халата.

-Галя. Слышишь, Галя.

-Что?- встрепенулась женщина.

-В туалет…

Галя поднялась из-за стола, подошла к старухе и, взявшись за ручки на инвалидной коляске, принялась толкать ее к двери.

-Ну, Марина Львовна, помогайте же, помогайте. Крутите руками.

Старуха пыталась вертеть колеса, но руки плохо слушались ее.

Кое-как Галя завезла коляску в дом и закрыла двери. На террасе не осталось никого, а к двум надкусанным печеньям через деревянную пустыню стола стал подбираться отряд муравьев.

3

МАРИНА

И Марина Львовна, и Галя были мне смутно знакомы. А этот Андрюшка, так похожий на меня, но без шрамов и ожогов на лице? Кто все эти люди, почему я вижу их?

Кусочек странной, чужой жизни высветился ненадолго передо мной, и эта жизнь мне не понравилась.

Марина пошевелилась, открыла глаза. На ее бровях, ресницах, волосах лежали снежинки. Мгновение смотрела на меня, словно не понимая, кто я такой и где она находится.

-Брр, холодно. Уже утро?

-Да, надо идти.

Марина закашляла – надрывно, со всхлипами.

Я смотал и спрятал веревку.

- По пути устроим привал, нагреем кипятку…

-А куда мы идем? – спросила Марина.

Этот вопрос удивил меня.

-Не знаю,- пожал плечами, снимая с веток автоматы. - Игроки об этом не задумываются.

-Мы уже не игроки.

Марина протянула мне куртку.

-Почему не игроки?

-Потому что «мы». Разве тебе доводилось видеть в Джунглях игроков, действующих заодно?

-Как твоя мозоль?

Марина улыбнулась.

-Вроде ничего…

Она повернула ступню так, чтоб я мог увидеть мозоль.

Так: автоматы, рюкзаки, одежда, веревка… Вроде все? Почему-то всегда грустно покидать убежище, даже такое ненадежное и холодное,

как это дерево. Но что поделаешь: мы в Джунглях.

Я спустился на землю, помог Марине.

Белизна резала глаза. За ночь выросли сугробы. Ветви деревьев, еще не успевшие сбросить листья, стонали под навалившейся на них тяжестью.

На поляне лежало несколько трупов тварей. Это большая удача, новый козырь.

Я вытащил заточку и опустился на колени у ближайшего трупа.

-Что ты делаешь?- удивилась Марина.- Прекрати.

Я вспомнил, с каким отвращением она глядела, как я ел крысу на крыше Поезда.

-Без мяса нам не выжить.

-Прекрати.

-Не будешь ты – я буду, - отрезав перламутровый кусок, положил в рюкзак; по зеленой ткани расплылось багровое пятно.- Ведь я же не заставляю тебя…

Марина повела плечом, подкинув лямку автомата, и пошла вперед, проваливаясь в снег на каждом шагу. Я последовал за ней.

Железнодорожная насыпь за ночь превратилась в белый курган, но по шпалам идти гораздо легче, чем по лесу.

-Почему ты не ешь мяса?

Марина обернулась, поджидая, пока я догоню ее.

-Я не ем крыс и тварей, а мясо ем.

Я засмеялся.

-Что смешного?

-В Джунглях нет другого мяса.

-Ты плохо знаешь Джунгли.

Я умолк. Марина задумчиво смотрела на теряющуюся вдали дорогу.

-Еще километр – и устроим привал, - сказал я, увидев, что Марина опять захромала.

Снежинки кружились перед глазами, норовя проникнуть в нос, рот. Слева с треском сломалось и рухнуло дерево.

Снег повалил так густо, что я перестал видеть фигуру идущей впереди Марины. Эта непогодь нам на руку.

-Марина, привал.

Девушка вынырнула из белой пелены; на лице, разгоревшемся от ходьбы, таяли снежинки.

-Ура!

-Ты могла бы сказать, что хочешь передохнуть.

-Да ладно.

Мы спустились с насыпи и вошли в лес. Уходить далеко от дороги опасно, можно заплутать или наткнуться на стрелков. У ближайшего поваленного дерева я остановился, положил на снег рюкзак.

Марина села на комель, принялась расшнуровывать ботинок.

Разводить костер в лесу – дело рискованное, но после ночи, проведенной на дереве, нам необходим кипяток. Густой снегопад скроет дым.

Я чиркнул зажигалкой. Сырые листья – не бог весть какая растопка, от них больше дыма, чем огня.

С третьей попытки ветки все-таки занялись – костер запылал.

Заточкой я отковырял со ствола березы несколько наростов мутного льда. Но в чем его растопить? Свой котелок я потерял еще до посадки на Последний Поезд.

-Андрей.

Я оглянулся – девушка забинтовала ногу какой-то тряпицей и уже натягивала ботинок. Улыбаясь, она постучала себя по голове; звук получился гулкий, как от колокола.

-Ты чего?

И тут же понял, что она имела в виду.

Снял шлем, сорвал с него ткань, – черт возьми, отличный котелок.

Лед зашипел, подернулся облачками пара. Скоро обзаведемся кипятком. К этому времени неплохо бы и пожевать приготовить.

Я срезал толстую ветку, сделал ловец. Вынул мясо – парной запах защекотал ноздри.

Марина, поглядывая на меня, достала из своего рюкзака пакет с желтоватым порошком.

-Концентрат.

-Погоди, вскипит вода, разведешь.

От запаха жарящегося мяса у меня закружилась голова - чертову прорву времени ничего не ел. Котелок забурлил, я снял его и протянул Марине. Спеша и обжигаясь, она сделала несколько глотков.

Мясо дошло, и я накинулся на него, отрывая зубами большие куски. Хоть бы кто не прилез на запах…

-Можно … мне…- вдруг сказала Марина.

Я взглянул на нее, вспомнив, что ничего не ела с Последнего Поезда.

-Держи.

Отрезал половину, протянул ей.

-Это много.

Я промолчал: конечно, много.

-Не люблю концентрат,- призналась Марина, вытирая рукавом залоснившийся подбородок.

Ну, еще бы.

Шлем-котелок почти опустел, Марина выплеснула мутные остатки на костер.

- Идти сможешь?

Она кивнула.

Снег прекратился. Лес, нахлобучивши мягкие шапки, держал в объятиях уходящую вдаль железнодорожную насыпь. Идти будет не просто.

-Какая красота, - сказала девушка.

Показалось солнце. Волосы Марины вспыхнули. Что-то шевельнулось во мне, прямо как на крыше Последнего Поезда, когда я не смог скинуть раненого игрока. Липкий, неотвязчивый страх за Теплую Птицу исчез.

Мне захотелось что-то сказать девушке – но что? Джунгли замерли в ожидании.

Марина смотрела на меня.

Образ другой женщины - Гали из недавнего всполоха - внезапно возник перед глазами; Галя сказала: ты игрок, Андрюша. Страх перед смертью вновь овладел мной: кругом были Джунгли.

-Найти бы до вечера КТСМ – на дереве ночевать неохота, - пробормотал я.

Марина кивнула.

На каменных стенах – рисунки. В углу – уродливый металлический прибор в переплетении разноцветных проводов, заржавленный и мертвый. Крыши нет. Двери – тоже.

Марина положила на земляной пол рюкзак, автомат. Принялась

рассматривать рисунки.

-Что там?

-Посмотри.

Я приблизился. Это было изображение трахающихся мужчины и женщины: мне уже приходилось видеть подобное.

-Схожу за дровами, - хмыкнул я.

Принес сушняка.

-Интересно, для чего бывшим служили эти будки? Не для нас же их строили?

Марина подняла голову.

-Эта будка измеряла скорость поезда.

-Вот как. Откуда ты знаешь?

Она принялась ломать об коленку, плотно стянутую тканью цвета хаки, сухие ветки, складывать на заготовленное место посреди помещения.

-Просто знаю…

-Просто знаешь?

-Ну, прочитала.

Марина улыбнулась моему удивлению.

-Ты умеешь читать?

-Да.

Мне стало не по себе: я-то думал, что единственный в Джунглях умею читать… Совсем немного – надписи на стенах, ржавые таблички, но все же…

А Марина… Я ведь совсем не знаю, кто она.

-Все бывшие умели читать, - нахмурив лоб, проговорила девушка. - Они не всегда думали о еде и о том, как выжить. Очень часто бывшие задумывались о том, как устроен мир, о том, как сделать жизнь лучше. О справедливости и коварстве, о дружбе, предательстве, - она на мгновение замерла, - о любви и счастье.

-О чем?

-О любви и счастье.

-Но что это?

Марина улыбнулась.

-Ты думаешь – я знаю? На этот вопрос даже бывшим ответить не удалось…

Мы замолчали. Джунгли отступили – стало легче дышать. Кто бы ни была эта странная девушка с зеленоватыми глазами, я внимал ей, верил ей.

-Надо костер разжечь, - встрепенулась Марина и чиркнула зажигалкой.

Пока Марина возилась с костром, я сходил в Джунгли, принес охапку терна.

Загородил колючкой вход: так спокойнее.

Повернулся к Марине. Костер уже пылал, сноп дыма пополз вверх.

-Андрей, что у тебя на щеке?

Я провел рукой – кровь.

-Пустяк, царапина.

Скоро в будке потеплело. Подтаял снег на полу. Сполохи заплясали на стенах.

Марина задумчиво смотрела на огонь, слегка откинув голову. Не хотелось ни есть, ни разговаривать – на душе было покойно, как никогда в Русских Джунглях. Но Джунгли - на то и Джунгли, чтобы напоминать о себе.

Снаружи затявкали и завизжали твари, а потом раздался вопль… Какой-то игрок вовремя не нашел убежища. Что ж, дело обыкновенное.

-Сиди, - приказал я и, подкравшись к загороди, выглянул наружу. Две твари хватали за руки и за ноги высокого тощего игрока. Тот кричал, кое-как отбивался. Мой локоть ткнулся во что-то мягкое – я оглянулся.

-Я же сказал тебе.

-Отстань.

Ничего себе!

Она выглянула наружу:

-Надо спасти его.

-Не неси чушь – спасем, а самих сожрут.

Игрок, видно, только сейчас разглядел в снежном мареве КТСМ. Он рванулся, оставив в пасти у твари кусочек себя, и помчался на нас. Твари – за ним.

Игрок принялся раскидывать заграждение. Ну, это уже ни в какие ворота!

Я поднял автомат.

-Не смей, - Марина схватила меня за руку.

-Ты не видишь, что он делает?

-Не смей! Если выстрелишь – я уйду.

Уйдешь?

Я выругался и, отбросив автомат, втянул часть колючек в будку. Когда его культя дотронулась до моей руки, я ухватился за нее и помог игроку влезть в убежище.

В отверстие сунулась было тварь.

Марина дала короткую очередь из автомата. Туша осела на снег и завалилась на бок.

Игрок лежал на полу, булькая горлом, точно кто – то перевернул вверх дном бутыль воды. Левая кисть откушена, на правой нет пальца, глаза закрыты. Похоже, он проиграл. И стоило сотрясать воздух?

-Андрей, помоги.

Я помог Марине подвинуть игрока поближе к огню, ухмыльнулся:

-Смотри, чтоб не сгорел.

Ожгла взглядом:

-А если бы ты был на его месте?

Если бы? Что значит – если бы? У меня свое место, здесь, у костра, рядом с тобой.

Снаружи завизжали твари. Я вскочил, забил терном отверстие. Снова у нашего убежища – свежий труп и пиршество тварей…

Я подкинул в костер сушняку – призрачный хоровод на стенах закружился веселее.

Спасенный нами игрок притих. А вдруг, оклемается?

На лице Марины дрожали отблески огня; оно казалось бронзовым. Стало жарко, я снял куртку.

Марина откинула со лба волосы, глянула на меня и вдруг заговорила:

- Предчувствую тебя. Года проходят мимо-

Все в облике одном предчувствую тебя.

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,

И молча жду, - тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,

Но страшно мне: изменишь облик ты.

И дерзкое возбудишь подозренье,

Сменив в конце привычные черты.
О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!
Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик ты. **[1]**

-Что это? – проговорил я.

-Бывшие называли это «поэзия», – ответила Марина и начала укладываться спать.

Игрок зашевелился. Я поднялся, подошел к нему:

-Оклемался?

Стало не по себе: по испещренному шрамами лицу одна за другой скатывались слезы. Я никогда не видел в Джунглях, как кто-то плачет.

Игрок произнес довольно отчетливо:

-*Вспомнил.*

И вскрикнул - тело его выгнулось дугой, задрожало. Бедняга вытянулся на полу во весь рост и затих.

Я повернулся к Марине. Боль, бьющая из зеленых глаз, ожгла меня.

-Мы похороним его,- сказала она.

-Как это?

-Закопаем в землю. Так поступали бывшие.

-Как скажешь,- я зевнул.

4

FEMALE

Электричка отползла от платформы, перестукивая колесами. Заспанный голос объявил следующую остановку.

Людей в вагоне мало – пока что крупных станций не попадалось. Несмотря на рань, много окон было открыто. В них врывался аромат сирени.

Андрей сел на изрезанное ножом коричневое сиденье и стал смотреть в окно. Мелькали дачи. Кое – где виднелись дачники, поднявшиеся ни свет ни заря.

Грохоча, электричка пробежала мост, под которым синела река. Над водой клубился туман.

Андрей подумал о Гале. Почему она преследуют его, не дает покоя даже в электричке? Он тряхнул головой, пытаясь избавиться от образа печальной женщины, безропотно переносящей издевательства

матери Андрея,женщины, которая любит его, но которую не любит он сам. Образ не исчезал, а наоборот, расширялся, заполняя собой окружающее пространство; совесть мучила Андрея.

В вагон вошла пожилая пара – мужчина и женщина. На груди у мужчины - гармонь.

-Уважаемые пассажиры,- обратился гармонист к пустоте. - Позвольте в дорожку исполнить хорошую песню.

Он заиграл. Женщина запела что-то о любви, которая наступает внезапно и никогда не проходит.

И так дружно и ладно у них получилось, что Андрею захотелось подпевать. Вот у кого, должно быть, в жизни гармония, ни ссор, ни обид, – у этих вагонных певцов. Он достал из кармана кошелек и, когда певцы проходили мимо, протянул десятку.

-Благодарствую, - пропыхтел гармонист, принимая бумажку красноватой рукой.

Так как вагон был последний, пара присела передохнуть как раз за спиной Андрея.

-Что там считать – поезд пустой, - сразу послышался голос мужика.

-Доставай, я тебе говорю.

-Пошла ты.

-Ах ты паразит, алкаш.

-Заткись!

Последнюю фразу гармонист сказал с такой злобой, что женщина умолкла.

Андрею стало грустно, а вместе с тем он испытал нечто похожее на удовлетворение: у всех, - у всех в этом, мать его, мире, - есть червоточина.

Электричка добралась до большой станции. Вагон заполнился работягами, дачниками, студентами, стало тесно, весело и шумно. Гармонист с женой поднялись и снова исполнили свою песню.

В окна полетела пыль: слева от железной дороги горбатилась многотонными грузовиками федеральная трасса. Сидящий напротив Андрея студент давил на кнопки мобильника. Трое пожилых дачников сначала говорили о посадке огурцов, затем переключились на политику.

Вот и Малоярославец. Сейчас должна появиться она…

Вошла. Андрей махнул рукой: место свободно!

На вид лет двадцать пять, не больше. Широковатые скулы, вздернутый нос, напомаженные пухлые губы. Анюта…

-Ну что, сбежал? – спросила она, присаживаясь рядом с Андреем. Сумочку из фальшивой крокодильей кожи поставила на закованные в джинсу колени.

-Сбежал, Анюта, - шепнул Андрей, косясь на студента.

-Когда ты, наконец, разведешься со своей?

Андрей вздрогнул, взглянул на Анюту: тише, ведь люди. Он представил на мгновение, как говорит Гале о разводе, и у него заныло под ложечкой.

Анюта повела загорелым плечом. На ней была розовая майка с надписью «FEMALE». Вытащив из сумочки зеркало, стала поправлять растрепавшиеся осветленные волосы.

Солнце кольнуло глаза. Андрей надел темные очки, и стал похож в своей, не по погоде надетой, куртке со стоячим воротником на шпиона из старого кинофильма.

-Выйдем, покурим? – предложила Анюта.

Андрей кивнул и поднялся.

-Скажите, что занято,- негромко попросил одного из дачников.

В пустом тамбуре Андрей достал сигарету, почему-то стараясь не смотреть на Анюту.

Та курила, выпуская дым из сложенных розой губ. Кончик фильтра тонкой сигареты испачкался в красной помаде.

Докурив, Анюта кинула окурок на пол и вдруг полезла целоваться.

-Постой Анюта,- испугался Андрей.

-Почему?

-Тут люди…

Анюта хихикнула и, дернув Андрея за рукав куртки, увлекла за собой. Они очутились в сортире. Было тесно, воняло мочой и блевотиной. Андрей слабо протестовал, но жадные руки уже проникли под ремень брюк. Портфель со стуком упал на пол. Андрею показалось - все это происходит на глазах у толпы, вот сейчас дверь сортира откроется… Между тем горячая волна подхватила его на гребень. Он видел перед собой освобожденные из - под майки груди с

коричневыми сосками – левая, кажется, немного больше правой, и на мгновение весь мир скукожился для него до размера этих грудей.

-Андрюша, мне нужны деньги.

Анюта натянула джинсы и, глядя в замызганное сортирное зеркало, стала прихорашиваться.

-Сколько?

Андрей поднял с пола портфель и посмотрел на нее. В тусклом свете засиженного мухами электрического плафона Анюта показалась ему отталкивающе – некрасивой: крошечные глаза, неестественно-красный рот, волосы словно из папье-маше.

«Ярмарочная кукла», - подумал он.

-Десять тысяч…

-Хорошо, я подумаю.

-Десять тысяч долларов.

В дверь забарабанили и старушечий голос прогнусавил:

-Эй, долго там?

Андрею захотелось спрятаться в ржавом унитазе.

-Не суетись,- прошипела Анюта и крикнула, - Бабка, не лезь, у меня диарея!

-Чего?

-Иди ты.

Старуха, видимо напуганная непонятным словом, ушла. Стукнули раздвижные двери.

Любовники вывалились в тамбур. Смолящий сигарету работяга ухмыльнулся, но промолчал.

В вагон Анюта и Андрей решили не соваться: до Обнинска оставались считанные минуты.

5

КАЛУГА

Угли подернулись пеплом и лениво мерцали в темноте. Я знал наверняка, что там, за темнотой, опустив голову на рюкзак, спит Марина, но отчего-то казалось: я один в центре огромного мира, скрытого черной пеленой. Спать больше не мог: невыносимо видеть Андрея, Анюту, их возню в сортире… Какое отношение все это имеет ко мне?

Вдруг что-то, выпившее свет углей, понеслось к моему лицу из темноты.

Я едва успел отстраниться и перехватить руку с заточкой.

Вскрикнула Марина.

Преодолев слабое сопротивление напавшего, повалил на пол и, свободной рукой выхватив из ножен заточку, вонзил во что-то мягкое.

-Марина, как ты?

-Все н-нормально.

-Нужен свет.

Чиркнула зажигалка, вспыхнул хворост.

Игрок лежал навзничь. Из раны на груди текла темная кровь. Теперь он и вправду был мертв. Мертв, как бревно. Рядом валялась заточка, которую этот хмырь, должно быть, прятал в сапоге.

-Ну что, похороним его? Может, еще всплакнем по нему?

Марина выглядела растерянной. Еще бы – любитель поэзии бывших вдруг пытается убить своих спасителей...

-Это не он, это Джунгли, - сказала она слабым голосом. - Не всем хватает силы…

Наверное, мое лицо приобрело весьма неприятное выражение, потому что Марине явно стало не по себе.

-Андрей, если тебе трудно…

Что-то екнуло у меня в груди, словно рычажок переключился. Что со мной сделала эта рыжая?

-Ладно, закопаю эту падаль,- сказал я.- Если ты так этого хочешь.

Лучи наискось пробили будку. Марина поправила волосы – они вспыхнули, и мне показалось, что на голове у девушки надета корона. Почему-то вспомнилась Анюта из всполоха – ее нарисованные глаза и губы, жидкие волосы.

Марина улыбнулась, перехватив мой взгляд.

Я раскидал заграждение. Снег, добавившийся ночью, ровно укрыл следы вчерашних страстей.

-Ну что, пошли?

Я подвинул к Марине свой рюкзак и автомат, а сам взвалил на плечи мертвого игрока. Тяжелый, гад. Любитель поэзии.

Согнувшись, побрел к лесу, не задумываясь о том, что делаю и зачем. Увидел бы меня тот «я», что ждал на поляне Последний Поезд!

Виновница моего «преображения» ковыляла позади, таща два рюкзака и два автомата. Ничего, пусть поработает, пока я исполняю ее блажь.

Найдя ложбинку, с силой швырнул туда труп – эта затея мне нравилась все меньше. Голова игрока ударилась о торчащую из-под снега корягу. Пока я стрелковой лопаткой ковырял подмороженную землю, Марина зачем-то протирала игроку снегом лицо.

-Можно подумать, что ты его знала.

-Я и тебя не знала.

Я хмыкнул: сравнила тоже, одно дело – я, совсем другое – какой-то игрок.

-Этот гад убить меня хотел. А потом и тебя.

-Не он, а Джунгли.

Я заткнулся: ее не переспоришь.

Яма получилась неглубокой.

Игрок таращился из нее остекленевшими глазами. Я поспешил забросать землей его голову, а затем - лопата за лопатой – все остальное.

Джунгли шумели. Еще бы – ведь они никогда не видали ничего подобного…

Утирая пот со лба, я подошел к Марине.

-Что ты делаешь?

Она возилась с короткой бечевкой и двумя неравными палками. Не ответила, быстро сделала узел, стянула зубами – получился крест. Подойдя к могиле, Марина воткнула его в землю.

-Так делали бывшие.

-Ясно.

Вскинув на спину рюкзак, повесив на плечо автомат, я приготовился продолжать путь.

Марина стояла у могилы.

-Ну, чего ты?

Она едва заметно вздрогнула и, дотронувшись до креста, сказала:

-Спи спокойно, человек.

Джунгли снова зашумели, заколыхались.

Мы вышли из лесу, вскарабкались на насыпь. Глядя, как передо мной стелется железная дорога, я подумал: если умру, - мне хотелось бы, чтобы с моим телом кто-то поступил так же, как мы с мертвым игроком.

Насыпь понемногу истончилась, и скоро рельсы побежали по земле, лишь слегка присыпанной гравием.

-Сегодня ночью ты разговаривал во сне,- сказала Марина, тяжело дыша от ходьбы,- Звал какую-то Анюту. Кто это?

-Анюта? Никто.

Мне стало не по себе. Надо же, и не догадывался, что разговариваю во сне.

- Она - игрок?

Где-то в высоте запел ветер.

-Чего молчишь, Андрей?

-Анюта – это всполох,- признался я.

-А, понятно, – протянула девушка и замолчала. Я не ожидал, что она так легко отстанет - почему-то стало досадно.

Когда за поворотом железной дороги перед нами возник занесенный снегом город, уютно разлегшийся на дне широкой долины, дыхание у меня перехватило.

-Калуга, - сказала Марина, вытирая рукавом вспотевшее лицо.

Отсюда, с возвышенности, город казался пирогом, разрезанным на две части широкой рекой. Виднелись припорошенные снегом развалины домов, большие ямы с зеленой водой, поставленные на дыбы машины.

-Пошли,- бросила Марина, поправляя на плече лямку автомата.- Может, к ночи дойдем.

Она двинулась вперед, стуча подметками по шпалам. Я остался на месте: город внушил мне, нет, не страх, а некоторую нерешительность. Чем-то грозным веяло из долины.

-Ты идешь?

Я догнал девушку.

-Слушай, может, нам не стоит туда соваться?

-Почему? Ночлега нам не найти, а спать на дереве ну совсем неохота.

Марина улыбнулась, сверкнув мокрыми зубами.

Глядя на нее, я решился: Калуга так Калуга.

Мы вошли в город, когда сумерки вонзили в воздух морозную хрусткость. На улицах ни души. Пустые глазницы окон.

-Красивый, наверное, был город,- сказала Марина. - Посмотри, какое интересное здание.

Явзглянул на каменных ангелов, целящихся в нас из луков. Огляделся настороженно.

-Э-ге-гей!

-Что ты творишь? - накинулся я на девушку.

-Да не бойся, - беззаботно отозвалась она. - Здесь никого нет. Ого, посмотри, троллейбус!

Марина исчезла в разинутой гармошке дверей, и через секунду из чрева машины послышался ее испуганный вскрик. Сдернув с плеча автомат, я поспешил к ней.

Марина, бледная, стояла посреди салона. Прямо перед ней, оскалив золотые зубы, сидел одетый в кожаную куртку скелет.

Еще с десяток пассажиров мертво таращились на нас из глубины салона.

Я выругался, опуская автомат.

-Извини, Андрей.

-Марина, к чему эта глупость?

-Я же сказала, извини.

Она прошлась по троллейбусу, держась за поручень. Приблизилась к одному из пассажиров:

-Ваш билет?

Скелет щелкнул зубами и предпочел ехать зайцем. Марина засмеялась. Я не выдержал и улыбнулся.

-Андрей, не хочешь одолжить вон у того кожанку?

-Мне своя куртка нравится.

-Я думаю, тебе бы подошла кожа. Ты был бы похож на комиссара.

-На кого?

-Потом расскажу.

Мы вышли из троллейбуса.

Б-ррр! Холодно-то как. Лед, кругом лед. А на небе — звезды, эти странные, маленькие огоньки.

Марина больше не веселилась, задумалась и погрустнела.

Чутьем, вероятно, оставшимся во мне от бывших, я понял причину этой перемены. Там, в троллейбусе, среди прочих пассажиров, ехал в никуда скелет ребенка, и девушка, должно быть, представила ту силу, что смела и этого ребенка, и троллейбус, и людей в нем, и этот город, и еще тысячи городов. Но – что поделать, никто не виноват…

Среди развалин дул колючий ветер, какого не бывает в Джунглях.

Мы вышли на площадь. Здесь возвышался каменный человек с лысиной и бородкой. Он протянул к нам руку, словно просил чего-то.

-Ленин, - едва слышно сказала Марина.

-Что?

-Это памятник Ленину. Был такой человек.

-Но зачем памятник?

-Я тебе расскажу … потом,- Марина поежилась.- Давай найдем ночлег, мне холодно.

Ленин смотрел на полуразрушенный дом из красного кирпича с множеством окон. Над широким проемом входа - позеленевшая табличка.

-«Администрация города Калуги»,- прочла Марина.

Мы вошли.

Мне не приходилось бывать в таких местах, и я замер в изумлении.

Просторный зал распадался на несколько коридоров. С высоченного, украшенного лепниной, потолка, свешивались спутанные провода. Наверх вела широкая каменная лестница, укрытая полуистлевшим ковром.

По ковру пробежала крыса.

Мы поднялись по лестнице до самого верха. Здесь тоже бесконечная паутина коридоров.

-Андрей, давай сюда.

И правда, отличная комната для ночлега! Письменный стол, черный и трухлявый, - это дрова. Из стен торчат разноцветные провода, под потолком - разбитая люстра.

За столом на вертящемся кресле сидел хозяин кабинета, брат-близнец пассажиров троллейбуса.

-Вы по какому вопросу?

Это сказала Марина. Засмеялась.

-Наверное, среди бывших он был большим начальником,- она кивнула в сторону скелета, положив на пол рюкзак.

Я подошел к окну. Над площадью кружился снег, несколько острых снежинок впилось в щеки. Каменный человек насмешливо смотрел на меня.

Марина распаковала концентрат и, поморщившись, съела щепотку.

-Погоди, я сейчас поймаю крысу.

-Не надо, – испугалась она.

Ясно – пока не готова. Но рано или поздно придется заставить себя есть все, что посылают Джунгли.

Я не настаивал, тем более, что сильно устал и гоняться за крысами мне не хотелось. Но без костра нам будет тяжело - подмораживает. Подойдя к скелету, я отодвинул его в сторону вместе со стулом. Скелет застучал костями и уронил голову, сердито клацнув челюстями.

Разломать трухлявый стол не составило труда, а вот соорудить костер из его обломков оказалось сложнее.

Клубы сизого дыма устремлялись к потолку, зависали, словно в раздумье, нехотя подтягивались к окну и исчезали где-то за крышей.

Наконец, вспыхнул огонь.

Я сел у костра, и, как и прошлой ночью, стал смотреть на склоненное красивое лицо Марины. Красивое? Никогда не употреблял это слово. Какая, к черту, в Джунглях красота? А вот Марина восхищалась заснеженным лесом… Выходит, красота была и есть, но я не видел ее - *неумел видеть?*

-Марина?

Девушка подняла голову – она заматывала тряпицей ногу.

-Расскажи о Ленине.

-Интересно? – засмеялась.- Погоди, закончу…

-Как мозоль?

-Намного лучше.

Она обулась, протянула ноги к огню.

-В книгах бывших не только про Ленина написано. Оказывается, у них было много разных героев, плохих или хороших… Ленин, кстати, скорее плохой, – я так поняла.

-Почему же его вырезали из камня?

-Не знаю,- Марина кашлянула.- Книг бывших осталось мало, да и то они все повреждены огнем и водой. Ты будешь слушать, не перебивая?

-Буду. Рассказывай.

И она рассказала. Но не о Ленине. Замерев, я слушал, что когда-то на месте Джунглей была страна под названием *Россия*, в которой жили и трудились люди. Им было горько и радостно, холодно и тепло, они

голодали и были сыты, воевали и мирились, занимались науками, литературой, искусством, сеяли хлеб и летали к звездам. Не знаю, так ли хорошо рассказывала Марина, или что-то от бывших осталось во мне, но я вдруг увидел Россию – увидел ее всю - величественную, холодную. Ее города, села, ее леса, озера и реки, ее фабрики и заводы. Ее *народ*.

Не дослушав до конца, я вскочил и подошел к окну. Марина умолкла. Снежные вихри носились над площадью, внизу хлопала сорванная с петель дверь.

-Андрей?

Я скрипнул зубами.

-Когда я узнала, мне тоже было тяжело…

Украдкой стерши рукавом влажную полоску, появившуюся на щеке, я прилег у костра лицом к стене.

6

ПОЛЕТ НАД ДЖУНГЛЯМИ

Я проснулся в полутьме.

Замер, прислушиваясь. Ровное дыхание Марины, как шелест травы…

Ага, вот опять! Похоже на стон.

Что это?

Нащупав автомат, я поднялся. Осколок штукатурки пискнул под ногой. Марина пошевелилась, задышала чаще.

Ночь и погасший костер, а в комнате почти светло: луна. У окна намело сугроб.

Осторожно ступая, я обогнул Марину и вышел в коридор.

Снова этот звук. Прямо из соседнего кабинета…

Подняв автомат, я двинулся по трухлявому ковру.

Заглянув в дверной проем, увидел кучу пепла посреди комнаты, окно, сугроб, а слева, в углу, – что-то длинное, черное, похожее на сверток. Сверток пошевелился. Держа автомат наизготовку, я приблизился.

На полу лежала старуха: седые космы разметались вокруг головы, глаза ввалились, кожа высохла.

Рот, напоминающий пещеру, дрогнул, искривился; за хрипами и стонами я расслышал:

-Пить.

Этот игрок проиграл. Ему не уберечь свою Теплую Птицу. Приученный за последние дни к состраданию, я опустил автомат и вытащил из ножен заточку, собираясь прекратить муки старухи.

-Только попробуй.

Я обернулся: Марина. В глазах - зеленые огоньки. Она подошла вплотную, и вдруг, коротко размахнувшись, ударила меня по щеке. Я перехватил руку, до хруста сжал: зверь взвился на дыбы. Марина не поморщилась, спокойно и твердо глядя на меня. Из ее глаз исходила сила, - и испуганный зверь спрятался в Джунглях. Я отпустил ее руку.

-Скотина, - негромко сказала девушка, растирая запястье.

Присела на корточки перед старухой, погладила седые волосы.

-Пи-ить.

-Я хотел прикончить ее, чтоб не мучилась,- пробормотал я: щека горела.

-Принеси воды.

Вернувшись в кабинет, я развел костер и стал растапливать снег. Мне было досадно, что причинил Марине боль и, вместе с тем, почему-то приятно.Казалось: минуту назад я что-то доказал ей, хотя что именно, не знал.

Вода в шлеме-котелке забурлила.

Марина все так же сидела над старухой, поглаживала похожую на корень старого дерева руку:

-Не надо бояться – это совсем не больно, - шептала девушка. - Глаза закроются – и все.

Старуха, похоже, слушала, приоткрыв белесые глаза.

-Принес воду?

Я подал шлем.

-Еще горячее не мог? Подай, что ли, снега.

Растворив свежий снег в кипятке, Марина принялась аккуратно смачивать рот старухи, та зашлепала губами.

-Пей, мама, пей.

Мама?

Марина поила старуху, придерживая ее голову рукой.

«Опять заставит хоронить», - пришло в голову, но раздражения я не почувствовал. Ну, заставит, да, она такая…

Тем временем со старухой начало происходить то, что должно: Теплая Птица оставляла ее. Дыхание участилось, руки-ноги мелко

дрожали.

Едва прикрытая тряпьем, грудь старухи поднялась и стала медленно опускаться. Из открытого рта шумно и долго выходил воздух, казалось, что сейчас она вздохнет и поднимется, но, сделав несколько судорожных движений, старуха замерла.

Марина поднялась. Я подумал – сейчас заговорит о похоронах, но девушка молчала, глядя перед собой.

-Андрей, еще раз позволишь себе подобное, - произнесла она, так и не взглянув на меня,- я уйду.

И снова мне стало не по себе:

-Я не хотел хватать тебя за руку...

-Да я не о том,- отмахнулась Марина,- Кто дал тебе право распоряжаться чужими жизнями?

-Но…

-Не надо! Я думаю, ты все понял. Пошли.

Она подхватила котелок, выплеснула на пол остатки воды и вышла из кабинета. Я последовал за ней.

Старуха осталась одна в темноте.

Пока мы отсутствовали, в мой рюкзак забралась крыса, изловчившись, я поймал ее за хвост. Зверек завертелся, щекоча задубелую руку острыми зубками.

-Прекрати, – поморщилась Марина, застегивая куртку.

Я ухмыльнулся, отшвырнул запищавшую крысу.

И тут же на улице застрекотал вертолет. В окно ворвался слепящий свет и крики:

-Рассредоточились!

-Трое сюда, трое туда!

Стрелки. Зачистка!

Я схватил Марину за руку.

-Тише.

-Барух, Семен! - заорал грубый голос так близко, что сердце у менязаныло. – Вы че, уснули там, б … дь?

По лестнице застучали ботинки.

-Рассредоточились, мать вашу!

Похоже, мы влипли по-настоящему.

-К стене, – я оттолкнул побледневшую Марину. Она будто вжалась в камень, расширенными глазами глядя на меня.

Бросившись к двери, я встал за отворотом, держа наготове автомат. Тут же в кабинет ворвался стрелок. Я выстрелил: стрелок завалился вперед, головой в пепел нашего костра.

-Эй, они здесь, – завопил кто-то в коридоре. Секунда промедления – и мы погибли.

Согнувшись, я выскочил из-за двери. Раздался сухой перещелк выстрелов, резкая боль ожгла плечо. Позабыв про автомат, я с разбегу ударил стрелка ногой в грудь. Он отлетел к стене и, ударившись спиной, съехал на пол. Не теряя времени, прошил его пулями.

-Скорее, – заорал я, услышав шаги бегущих по лестнице стрелков. Марина выскочила из кабинета. Автомат в ее в руках дрожал.

Мы бросились по темному коридору. Проклятая западня. Кабинеты выходили окнами на площадь.

Рой пуль разорвал ковер под ногами. Марина взвизгнула. Ранена? Я упал на пол и, повернувшись, выстрелил в ответ.

-Сюда.

Я на четвереньках добрался до ближайшего кабинета. Марина ввалилась следом - вроде цела. Кинувшись к окну, я глянул вниз. По площади сновали стрелки, стаскивая в кучу трупы. Оказывается, в Калуге не так и мало было народу.

Западня… В коридоре шаги, шепот – знают, суки, что мы теперь никуда не денемся.

-Сколько там? – голос снизу, хриплый, властный.

-Двое, конунг, - отозвался кто-то, находящийся в коридоре рядом с нами. - Мужик и баба.

-Бабу постарайтесь живьем взять. Позабавимся.

Каменный Ленин, улыбаясь, указывал рукою на крышу. Я лег спиной на подоконник и посмотрел вверх.

-Марина.

Она приблизилась; в глазах даже не страх и отчаяние, а равнодушие, готовность принять то, что приготовила для нас судьба.

-Марина, – крикнул я: захотелось влепить ей пощечину, подобную той, что она влепила мне. Девушка встрепенулась.

-Забирайся мне на плечи и цепляйся за карниз.

-Уходят, суки,- заорали с площади, когда Марина, дрожа, как новорожденный олененок, отпустила руки с моей шеи и перенесла их на скользкий карниз крыши.

-Подтягивайся, ну же.

Пули с жадным лязгом врезывались в камень рядом со мной, плечо горело.

Марина, вскрикнув от напряжения, исчезла за отворотом крыши. Я остался в кабинете один. Чтобы стрелки из коридора не вздумали сунуться, пальнул в дверной проем, забрался на подоконник, и, подпрыгнув, ухватился за карниз. Снизу строчили без перерыва, но в полутьме не могли как следует прицелиться. Отчаянная веселость овладела мною: попробуйте, падлы, съешьте. Подтянувшись, я перебросил ногу на крышу. Марина вцепилась в куртку и помогла мне.

Оглядевшись, я замер: меж кирпичных труб и переломанных антенн торчал жирный зад вертолета. Как он смог опуститься прямо на крышу?

-Ты ранен?

-Тихо, – я дернул Марину за рукав, увлекая за одну из труб.

Тут и она увидела вертолет и в ее глазах блеснула радость. С чего бы это?

Но времени на расспросы не было.

-Всего один, - пробормотал я, различив через стекло кабины затылок пилота. - Эх, отсюда не достать... Стой здесь.

Я двинулся вперед, не сводя глаз с затылка. Достигнув вертолета, подлез под пахнущее машинным маслом брюхо...

-Какого хуя.

Пилот поперхнулся – он жрал концентрат из банки. Расширившимися глазами уставился на меня. Это был толстяк с широким бледным лицом.

-Н – не стреляй, - просипел он, как завороженный глядя на дуло автомата.

Почему-то мне и вправду не хотелось убивать толстяка. В его глазах проскользнуло что-то … детское. А может, мне показалось – я ни разу не видел в Джунглях детей.

Марина снова меня не послушалась. Она подскочила к вертолету и, едва глянув на пилота, заорала:

-Выметайся.

Толстяк стал выкарабкиваться из машины, разбрасывая во все стороны концентрат. Он был одет в чудные штаны из какой-то мягкой материи - спереди расплылось темное пятно.

-Скорее, ты! - от нетерпения у Марины сорвался голос.

Толстяк все-таки покинул вертолет, уставился на меня расширенными глазами. Нижняя челюсть дрожит, к высунувшемуся кончику языка прилипли кусочки концентрата.

-Лечь, – приказал я: толстяк тут же опустился на смоляное покрытие крыши, бормоча:

-Не стреляй, не надо.

Марина юркнула на освободившееся место пилота. Что она задумала?

Над головой застрекотало. Я отпрыгнул в сторону, укрывшись за широким боком вертолета и лишь после этого поднял голову: другой вертолет, с синим брюхом, завис над нами. Автоматная очередь - как клацанье хищных зубов. На спине толстяка появилась линия из красных точек, почти сразу ставших расплывшимся пятном. Банка с концентратом покатилась по крыше.

Пули звякнули по металлу, одна из них задела рюкзак у меня на спине. Тело толстяка вздрагивало, точно оживая.

-Андрей, залезай.

Это ж надо – я совсем забыл про Марину, пожалуй, впервые со дня Последнего Поезда.

-Что уставился? Скорее.

Я выпустил длинную очередь и, кувыркнувшись по крыше, влез внутрь машины.

-Что ты задумала?

-Тихо!

-Ты умеешь?

Она не ответила, отыскивая что-то на приборной панели. Наконец, надавив на какие-то кнопки, и дернув за обмотанный изолентой рычаг, Марина повернулась ко мне. Сказала:

-Держись.

Мне понравилось, как она это сказала.

Над головой загудело. Ожили лопасти - машина задрожала, передав свою дрожь мне. Неужели полетим?

Крыша осталась внизу. Я, не отрываясь, смотрел в выпуклое, как глаз твари, окно. Площадь с памятником Ленину. Прямо под памятником – гора трупов. Стрелки суетятся, стреляют в воздух.

Я и не заметил, как рассвело, – всего за какие–то десять-пятнадцать минут. Нас спасла темнота, выходит, цена Теплой Птицы и есть эти самые десять-пятнадцать минут.

Занесенные снегом полуразрушенные дома, заводы, домишки и заводики Калуги сливались внизу в чистый лист.

Я ухватился за поручень. Страшно… и весело.

Вертолет с синим брюхом заходил то с одной стороны, то с другой, то зависал сверху. Высунувшийся из кабины стрелок жарил из автомата.

Марина, вцепившись в рычаг управления, смотрела перед собой. Когда начиналась пальба, ругалась сквозь зубы.

Было заметно, что ей нелегко управлять этой махиной. От напряжения на шее вздулась синяя жилка. Я по мере сил старался утихомирить стрелка.

Когда синебрюхий вертолет зашел сбоку и стрелок оказался, как на ладони, мой автомат чихнул и замер. Пока я – зубами, до боли, - развязывал рюкзак, менял обойму (патронов в нем осталось с гулькин нос), в выпуклом окне показался лес и – сердце мое радостно забилось – разрезающая его светлой нитью железная дорога. Вдруг оторвемся?

Преследователи подбирались все ближе. Стрелок палил без передышки, пытаясь попасть в Марину.

Пилот, должно быть, такой же толстяк в желтой фуражке, как оставшийся на крыше Калужской городской администрации, качнул машину в нашу сторону; два вертолета едва не столкнулись. Стрелок заорал на него, и преследователи исчезли в беременных снегом облаках.

-Отстали, - выдохнул я.

Рано радовался. Синебрюхая вертушка появилась из облаков, блестя винтом на солнце. Я отчетливо увидел стрелка – кажется, даже разглядел черные волоски в горбатом носу.

-Подымай,- крикнул стрелок, разбазарив обойму.

Я выстрелил, надеясь, что попаду в затемненное пространство внутри вертушки, - туда, где, по моим прикидкам, должен находиться пилот. Находился он там и по прикидкам судьбы. Короткий крик известил, что я не промахнулся.

-Молодец! - крикнула Марина.

Я высунулся наружу. Холодный ветер схватил за горло. Вертолет стрелков будто висел над железнодорожной насыпью. Лопасти, главная и хвостовая, вращались с не уменьшающейся скоростью. Но вот он опустил нос, словно козленок, желающий бодаться, резко ушел в сторону и рухнул в стороне от полотна дороги, где вырос багрово-желтый столб, мгновенно затянутый черным дымом.

Все-таки оторвались!

Я вспомнил снующих по площади стрелков. Что, суки, съели? Скорее всего, мы единственные, кто выжил во время калужской зачистки.

Почему-то вспомнилась и старуха, как беспомощно она пила воду из рук Марины. Вовремя оставила землю: по рассказам, стрелки зачастую пытают и истязают своих жертв...

Я посмотрел на спину Марины.

«Бабу живьем берите. Позабавимся!».

Так кричал командир стрелков. Едва ли Марина представляет, от чего нам удалось оторваться.

Над люком - красная лампочка, высвечивающая буквы: «Выход». Куда отсюда можно выйти? Разве только на облако…

По полу рассыпан концентрат, валяется окурок самокрутки.

А это что?

Я поднял обложку от книги. «Библия» - истертые золотистые буквы. Что-то знакомое в этом странном названии. Кажется, это как-то связано с Галей, с утром на светлой террасе…

Задумавшись, я подобрал с пола окурок, развернул тонкую обгорелую бумагу. Буквы хлынули мне в глаза.

«и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь.

И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои.

И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих» **[2]** .

Так вот значит, как *это* было! Я представил (или вспомнил?): багровый шар, поглотивший солнце, красные полосы на небе, словно росчерки гигантского пера. Дрожь под ногами или в ногах и, - особенно ярко, – медленно падающий, дрожащий от ветра осенний лист. Осенний лист в разгар лета…

Вертолет начал снижаться.

Из-за леса показался разрушенный городок – кучи битого кирпича, воронки, полные зеленой жидкости. Посреди городка - башня, похожая на гигантский стебель борщевика.

-Андрей?

-Да?

-Я не могу посадить его. Я … забыла!

В голосе Марины звенело отчаянье.

Несмотря на ее усилия, скорость машины не падала, и даже мне стало ясно: если попытаться сесть, нас размажет по земле. Ровная поверхность – это смерть, но…

-Поворачивай к лесу!

Марина потянула обмотанную синей лентой рукоятку. Вертолет взял влево. Лопасти, казалось, застыли на месте, но я знал, что они бешено вращаются.

Машина понеслась над макушками елей, поднимая белые вихри.

-Ты можешь хоть немного сбросить скорость? – заорал я.

Снежная пыль проникала в кабину, колола лицо, попадала в рот.

-Попробую!

-Ну?

-Я уже сбросила!

Совсем ничего не почувствовал.

-Сделай наклон и вылезай!

Марина кивнула, надавила на рукоятку. Скоро вертолет запашет носом…

Она покинула место пилота и, скрючившись рядом со мной, встала напротив шевелящейся снежной стены – бледная и решительная.

Многолетние кроны затрещали. Сила, сопротивляться которой было невозможно, выдернула меня из машины и швырнула на деревья. Я полетел вниз, пытаясь зацепиться за ветки, обдирая сучьями руки. Вслед устремился хвост с вращающимся винтом. Но я падал быстрее.

Земля ударила меня.

-Андрей, - сквозь муть я увидел Марину. Сел, встряхнул головой. В ушах гудело – я потрогал мочку, на пальцах осталась кровь.

-Как ты? – спросил, не узнав свой голос.

-Нормально. А ты?

Я отвернулся и сплюнул кровью на сугроб. Зачерпнул две горсточки сухого снега - одну растопил во рту и выплюнул, другой растер лицо. Как будто полегчало… Пришло понимание того, как дико, отчаянно нам повезло. Мы внизу, на земле, и мы живы.

Марина что-то долго говорила, но я лишь уловил:

-Ты можешь опереться на мое плечо, не думай – я сильная…

Я сидел, прислонившись спиной к дереву, и смотрел на Марину, которая ходила взад-вперед, что-то возбужденно говорила, доказывала. Она уже протоптала передо мной тропинку.

Шум в ушах и голове стал болью в висках.

-Спасибо, - пробормотал я, сам не зная, зачем.

Марина встрепенулась:

-Тебе лучше, Андрей?

-Да … лучше. Все-таки я двужильный, - сказал я и поднялся. Кровь бросилась в голову, в глазах потемнело. Марина подскочила, не дав мне упасть, подставила плечо.

Выпятив серое брюхо, на мощных кронах повис вертолет. Снизу он казался маленьким, как теленок.

-Неужели мы оттуда на.бнулись? - пробормотал я.

-А ты и правда двужильный, - проговорила Марина, глядя вверх. - Но вот ухватиться за ветки ты не смог.

Превозмогая боль в висках, я засмеялся.

7

ОБНИНСК

Мы побрели в направлении разрушенного города, увиденного с вертолета, в надежде найти там пристанище на ночь.

Один рюкзак и автоматы похерили, и теперь (учитывая мое состояние), в сущности, - беззащитны. Отвратительное ощущение.

Я опирался на плечо Марины, стараясь как можно меньше давить на него, но понимая при этом, что без поддержки просто-напросто рухну на снег. Мне нужна одна ночь покоя и тепла: тогда тело восстановится, сила вновь заструится по жилам. И, конечно, не помешало б чего-нибудь пожрать… Какие, однако, жирные крысы шныряли по коридорам Калужской городской администрации!

Город был дальше, чем нам показалось с вертолета. Первые груды битого кирпича,бывшие когда-то домами, появились только тогда, как на небе выткался серпик луны.

Зеленоватые лужи, глянцевые, с кусками звездного неба, источали удушливый гнилостный запах. Я встречал такие: все живое обходит их стороной. В лесу они редки, здесь же - на каждом шагу.

Этот городок мертвее Калуги… Кирпич, лужи, снег. Из-под снега торчит былье, лепится к невысоким деревьям кустарник. Жутко, пусто, мрачно… Неужели здесь когда-то жили люди?

А это - башня… Одна часть – б*о*льшая, лежит на земле, другая – меньшая, протыкает небо обломком. Какой исполин переломил ее?

Как тревожно здесь! Тревожно и … знакомо.

Идти дальше незачем – скорее всего, все здания в городке разрушены, и надеяться на надежное кирпичное укрытие не приходится.

Между тем темнота сгустилась, – вот-вот вынырнет из черноты рука и схватит за горло…

Марина дышала тяжело. То ли ночной воздух, то ли чувство опасности прибавили мне сил – я уже не чувствовал себя разбитым. Распрямился, отпуская плечо девушки.

-Зачем ты? - сказала она,- я совсем не устала.

Я замер, вглядываясь в темноту. Нет, в этом городе надо держать ухо востро, гораздо дольше, чем где бы то ни было. Тишина *л*жива: здесь нет ни стрелков, ни игроков, ни тварей, но наверняка притаилось *что-то*, более страшное… Чтобы пережить эту ночь, нам необходимо убежище.

Я огляделся: тьма. Плотная, непроходимая тьма. Серпик луны скрылся в тучах, на ветру стучит обледенелое былье.

Что-то надвигалось на нас – ближе, ближе – я чувствовал кожей. А лицо Марины спокойно – это понятно: она не имеет такого, как у меня, опыта игры, единственная ставка в которой – Теплая Птица…

Металлическая узкая лесенка… Почему я подумал о металлической узкой лесенке? Откуда эта мысль в моей голове?

-Марина, - я дернул девушку за рукав, - за мной.

Мы побежали к башне.

-Андрей, что ты задумал?

Я не ответил, озираясь по сторонам. «Только б она существовала», - крутилось в голове.

Лесенка была припаяна к телу башни.

-Лезь.

Марина вцепилась в тонкие перекладины и полезла вверх, осторожно перебирая руками. Оглянувшись на тьму, я полез следом.

Нам повезло - на вершине башни образовалась небольшая площадка, частично огороженная острым забором из переломанной, искореженной арматуры.

Марина лежала лицом к небу и тяжело дышала. Я повалился рядом –казалось, сердце выпрыгнет из груди.

-Знаешь, Андрей, - выдохнула Марина, взглянув на меня. – Там, внизу, отчего–то стало так жутко… Я едва не умерла.

Нет, у этой девушки чувство опасности развито не меньше, чем у меня.

Ветер, застревая в металлических обломках, сердито насвистывал.

Редкие звезды показались на небе. Не они ли льют вниз пробирающий до костей холод? Деться от него некуда, он окружил нас, опутал… Сейчас бы костерок! И черт с тем, что станем маяком – лишь бы потеплело. Вот только где взять дрова?

Единственное тепло в окружившем нас мире - это наши тела.

Марина придвинулась ко мне, я обнял ее, уткнувшись лицом в рыжие волосы, накрылся курткой. Мало-помалу озноб отступил… А сколько, наверно, погибнет в эту ночь игроков, не успевших развести костер. Сколько примерзнет к стволам деревьев!

Я закрыл глаза, слушая биение сердца Марины.

-Андрей.

-А?

-Послушай.

Я откинул с головы куртку.

Какое-то время не было слышно ничего, кроме тишины, затем отчетливо донесся глухой перестук – кто-то лез по лестнице, стуча подошвами. Я оглянулся: глаза Марины расширились, лицо вытянулось.

-Тихо.

Я поднялся и, пригнувшись, подкрался к краю площадки. Стук подошв по перекладинам совпадал со стуком моего сердца. Кто это может быть? Игрок? Едва ли – все игроки, не нашедшие укрытия до этого времени, уже мертвы. Стрелок? Исключено – стрелки орудуют при свете дня. Тогда кто же?

-Андрей!

Встрепенувшись, я невольно вскрикнул: некто темный, приподнявшись над лестницей, уставился на меня двумя красноватыми угольками.

-Возьми, гад! - заорал я, вскакивая, и, что было сил, ударил кованым носком ботинка в промежуток между красными угольками.

Не издав ни звука, пришелец отпустил лестницу и, как мне показалось, необычайно медленно отделился от металлической стены башни. Я бросился к краю площадки и проводил взглядом темное кувыркающееся тело. Хрусткий звук удара о промерзлую землю донесся до нас.

-Кто это был? - прошептала Марина.

-Хер его знает. Уж точно не игрок.

-Что ему было надо?

Марина вдруг заплакала.

-Ты чего? - растерялся я.

-Когда все это кончится? – прокричала она. – Проклятая жизнь!

Чудачка! Как будто есть другая жизнь. Я, например, другой жизни не знал.

-Успокойся, - я присел на колени и обнял ее, погладил спутавшиеся волосы.– Я с тобой, я защищу тебя.

-Правда? – по-детски спросила она. - Повтори.

-Я защищу тебя.

Девушка прижалась ко мне, вздрагивая. И откуда ты такая взялась в Джунглях, где цена жизни – мгновение? Мгновение, которого не хватило, чтобы добежать до убежища? В Джунглях никогда и ни в чем нельзя быть уверенным. Ты думаешь: надежно спрятался, никто и ничто не угрожает, но вдруг настигает напасть, какой не ждешь, а это самое хреновое.

Марина устала: смерть старухи, стрелки, полет над Джунглями, моя травма. А тут еще ночной нежданный посетитель…

-Вздремни, подежурю, – предложил я.

Мы сидели на холодном металле, слушая завывание ветра, дальний гул леса.

-Не хочу, - пробормотала она, опуская голову мне на колени. Сразу уснула.

Ныло задетое пулей плечо, да и во всем теле разливалась слабость. Но мне было покойно, даже, пожалуй, весело. Едва ли кто-либо в Джунглях испытывал подобное. Мне открылся новый смысл существования, заслонив прежний - борьбу за собственную шкуру. Моя шкура! Сколько на тебе отметин от заточек, клыков, пуль, сколько ожогов, шрамов и затянувшихся язв! Ты задубела и потрескалась от мороза. Я спасал тебя, и буду спасать, но ты теперь не властна надо мною, моя шкура, я не служу тебе! Лишь одно в Джунглях достойно служения, напряжения всех сил.

Я откинул прядь волос с лица Марины, и стал смотреть — то на него, то на звезды, сияющие над нами.

Красная полоска окаймила горизонт. Пошел редкий мокрый снег. Неуверенно выглянул краешек солнца – луч, поплясав на обломках арматуры, перепрыгнул на лицо спящей Марины, пробежался по припухлым покрасневшим губам, веснушчатым розоватым щекам, блеснул в волосках бровей. Она открыла глаза, слабо улыбнулась.

-Утро?

-Утро, – приподняв ее голову, я поднялся с колен.- О!

-Ты чего?

-Ноги затекли, - простонал я. – Дьявол!

Тысячи иголок безжалостно вонзались в мышцы – хотелось и плакать, и смеяться одновременно. Я принялся неуклюже шагать по

площадке, морщась и вскрикивая. Марина прыснула со смеху.

-Тебе-то хорошо, – закричал я.- О! Стрелковская пытка.

-Посмотрел бы ты на себя.

Я усмехнулся.

-Поднимайся сама, - крикнул. – Посмотрим, как у тебя!

Она встала и, притворно ойкнув, принялась вышагивать рядом со мной.

-О! Пытка стрелковская.

-Не притворяйся.

Подойдя к краю площадки, я посмотрел на ночного гостя, распластавшегося внизу, как черный крест.

-Лежит? – приблизившись, спросила Марина.

-Куда денется, с такой-то высоты.

Высота и вправду была головокружительная: при свете солнца весь город как на ладони - белый лист с зелеными и красноватыми крапинками.

Как я и думал, ни одного здания не уцелело. Неподалеку от башни начинался лес, уходящий к самому горизонту. Он казался сплошным, но я знал, что есть просека, по которой стелется железная дорога.

Где-то на окраине из-под земли поднимались клубы сиреневатого пара, будто беззубый рот старого курильщика выпускал дым.

-Андрей, пошли отсюда.

Я повернулся.

-Мне совсем не нравится этот город, - сказала Марина, глядя вдаль. – Да и есть хочется…

Мы подошли к лестнице.

- Я первый, ты за мной.

Марина кивнула.

Я перелез с платформы на лестницу и стал медленно спускаться.

-Андрей!

-Да?

-Мне страшно! Голова кружится!

Только этого не хватало.

-Цепляйся! Не смотри вниз!

Я остановился, задрав голову.

-Хватайся за перекладину!

Марина, зажмурившись, перелезла с платформы на лестницу.

-Держись крепче!

-Держусь… Кажется…

Она неуверенно засмеялась.

Я помог Марине соскочить с лестницы.

-Больше всего боюсь высоты, - призналась она, поймав мой взгляд.

Тело ночного гостя чернело впереди. Я направился к нему, невольно держа руку на рукоятке заточки.

-Андрей, ты чего?

-Да хочу глянуть… Стой на месте.

Я подошел к трупу, лежащему лицом вниз и припорошенному снегом. Широкая спина плотно обхвачена черной курткой, прожженной, изрезанной – дыры топорщатся желтым мехом; грязно-синие широкие штаны заправлены в носки; обут в тяжелые кованые ботинки. Одежка, как у игрока… Неужели, игрок? Таких здоровяков мне прежде встречать не приходилось. Плотный, кряжистый; руки – что бревна, а мощный затылок оброс бурой шерстью.

-Ого!

-Я же сказал тебе.

-Ты опять? - отмахнулась Марина. – Тоже мне, командир.

Она подошла к игроку, дотронулась носком ботинка до широкой руки.

- Андрей, может, перевернем его?

Марина прочла мои мысли.

-Ну, давай, - как будто нехотя, согласился я.

Мы вцепились в труп. Вот так тяжесть, черт подери!

Игрок на мгновение замер на боку и перевалился на спину. Несмотря на свою прожженную шкуру, я вскрикнул, как мальчик, и отпрянул, упав в сугроб. Марина взвизгнула и отшатнулась.

Лица нет. Есть бесформенный, зеленоватый комок, покрытый бледными волосками; в недрах комка скрываются волчьи глаза, а широко разинутая пасть обнажает звериные клыки.

Не сговариваясь, мы побежали к лесу, застревая в снегу. Прочь, прочь отсюда.

-Погоди, Андрей, не могу, - взмолилась Марина. Уткнулась в толстый ствол березы и, обняв дерево, замерла, тяжело дыша.

У меня прилип к спине свитер. За всю свою игру с Джунглями я никогда не убегал *от страха*. От страха, сросшегося с инстинктом.

-Что это было? – выдохнула Марина.

Стараясь восстановить дыхание, я пробормотал:

-Не знаю. Похоже, мутант…

-О, Боже! – девушка прикусила губу. Мне казалось, она сейчас заплачет.

Худо-бедно привыкший к уродству природы и животных, человек, столкнувшись с уродством себе подобного, содрогается.

-Какая-то ошибка, случайность, - проговорил я. – Все из-за проклятых зеленых луж…

Марина вытерла глаза. Какая ты все-таки плакса!

-Зачем он лез к нам?

Я вспомнил пасть, полную острых зубов, содрогнулся.

-Может быть, башня была его убежищем, а я припечатал ему между глаз, - пошутил неуклюже, не желая пугать и без того дрожащую девушку.

-Хорошо, что припечатал.

-Хорошо? А где же твой нюх на несправедливость?

-Хорошо, что припечатал, - повторила Марина, отпуская березку. - Пойдем скорее отсюда.

Негустой, но цепкий подлесок мешал идти; с деревьев время от времени падали сухие ветки. Пахло хвоей и свежим снегом.

В животе у меня заурчало… Нужно найти еду. Вот и Марина едва переставляет ноги…

Прошагали еще немного и девушка, обессилив, опустилась на выкорчеванное бурей дерево.

-Погоди, Андрей, передохну.

Я присел неподалеку. Знобило: на голодный желудок утренний холод пробирает намного сильней. Нужно добыть мяса. Нужно убить тварь.

По снегу, пересекаясь и дробясь, рассыпались цепочки следов, - все следы старые, припорошенные, едва ли стоит идти по ним. Хотя…

Я поднялся.

-Сейчас приду.

-Я с тобой.

Спорить не было ни сил, ни желания.

Следы крупной твари - довольно свежие, не позже вчерашнего дня. Тварь приволакивает заднюю ногу, иногда падает в снег – здесь остались оплавленные по краям ямки. Но крови ни в ямках, ни по следу нет – значит, животное не раненое, а старое.

Косматая туша лежала у ветвистого дуба. Подходя, я с радостью отметил: брюхо животного вздымается и опускается – не придется есть мертвечину.

Учуяв нас, тварь задергалась, пытаясь подняться. Желтый глаз мутно следил за мной. Поколебавшись мгновение, я с размаху вонзил заточку в жирный загривок – животное негромко рявкнуло, щелкнули челюсти, лапы царапнули дерево.

-Ищи дрова, - приказал я.

Шкура была толстая и прочная, - стоило немалых усилий надрезать ее. Прямо под кожей - слой вонючего желтого жира: тварь и вправду оказалась очень старой…

Наконец, я, освежевав тушу, добыл кусок жилистого мяса. Обернулся. Марина натаскала дров – чего-чего, а этого добра здесь навалом.

Соорудив конусообразный костер, я потянулся за зажигалкой. Выругался.

-Ты чего? – вскинулась Марина.

- Зажигалку похерил.

Лицо Марины вытянулось:

-Что теперь делать?

Раздражение заворочалось во мне: потерять зажигалку – раньше такого со мной не случалось!

-Что делать? Жрать – вот что делать! Мы в Джунглях.

Я отхватил заточкой приличный кусок мяса и принялся рвать его зубами, чувствуя, как кровь течет по подбородку, сухожилия режут десны.

Посмотрев на меня, Марина взяла заточку... Она ела сырое мясо, едва-едва удерживая рвоту. Губы, щеки и подбородок вымазались в красное.

-Чего уставился?

Я отвернулся. Даже сырое мясо прибавляет сил, струится по венам, кормит Теплую Птицу. Мы сможем продолжить путь.

Сломанная башня осталась позади. Я шел легко: лишь слабые отголоски вчерашнего падения изредка подкатывали к голове, в глазах темнело, но ноги-руки были послушны, кости не болели.

Город еще не отпустил нас: прямо в лесу попадались заросшие бурьяном развалины домов;автомобили, сквозь зияющие дыры которых видны омытые дождями кости; попадались и зеленые лужи, прячущиеся в зарослях деревьев, – лопаются изумрудные пузыри, и облачко едкой хмари струится коварной змейкой…

Лес начал редеть. Сердце забилось спокойнее, четче: скоро должна показаться железная дорога. Идя вдоль железнодорожных путей, чувствуешь себя под защитой, будто кто-то прикрыл незримым щитом. Я верил, что пока передо мной бегут две ржавые ленты, я не заплутаю, найду ночлег и еду, отобьюсь от врага. А при удаче можно сесть на Поезд... Ведь когда-нибудь мне удастся сесть на Поезд и доехать до Конца?

-Андрей, посмотри!

Я обернулся на радостный вскрик Марины.

- Здорово!

Это был автомат – мокрый металл блестел на солнце.

-Выходит, мы здесь пролетали, - сказала Марина, раздумчиво посмотрев в небо. – Посмотри, лошадь!

В небе клубились, наползая друг на друга, облака, - они словно соревновались друг с другом в придумывании фигур. И вправду, одно из них было сейчас лошадью – белогривой, тонконогой, с трепетными ноздрями и чуткими ушами.

-А вон – ты, Андрей.

«Я» стоял, расставив ноги на ширине плеч, держа автомат у бедра и настороженно глядя перед собой. Марина смеялась, отыскивая в небе себя. Никогда прежде я так не смотрел в небо – фантазируя, рисуя что-то; небо было для меня лишь частью мира, в котором я должен выжить, причем частьюдалекой, неважной.

-Вон - ты.

Марина обернулась, посмотрела на облако.

-Андрей, ты мне льстишь.

-Ничуть.

«Марина» сидела в кресле: распущенные мягкие волосы развевались, доставая едва ли не до самого горизонта, на

одухотворенном лице застыла радостная улыбка.

Подул ветер, и фигуры исчезли. Я вспомнил, что мы в Джунглях и опустил глаза.

-Надо идти, Марина.

Она вздохнула, поправила рюкзак за плечами.

Мы побрели дальше. Солнце стояло высоко, лучи пробивали макушки деревьев, заставляли искриться свежий снег.

-Голубь, - ахнула Марина.

Я остановился, пораженный. Неподалеку от нас на стволе поваленного дерева сидел белый голубь. Он ворковал, раздувая перламутровый зоб, словно силился что-то сказать. Я никогда не видел в Джунглях птиц.

-Красавец,- прошептала Марина, взяв меня под руку.

Голубь взъерошился, колыхнул крылом, и, наклонив головку, повернулся, показав нам другой бок. Я почувствовал, как дрогнула Марина: этот бок у голубка был красно – синим и без единого перышка, кости вздымали тонкую кожу.

-Пойдем отсюда, - сказала девушка.

Она зашагала впереди, автомат болтался у нее на шее, солнце сидело в волосах. Яотчего-то почувствовал себя виноватым и перед ней, и перед этим голубем, и даже перед Джунглями.

Показавшаяся впереди железная дорога разом скомкала и отбросила все сомнения и тревоги. Из хаоса мы вышли к порядку.

Слева, прямо у дороги, торчало полуразрушенное здание, рядом – невысокая бетонная платформа, испещренная рытвинами, как следами больших червей.

-Это что - вокзал? – подала голос Марина.

-Похоже на то.

Наши ботинки гулко застучали по бетону. В конце платформы - искореженная синяя табличка на изогнутых ножках. На табличке - облупленные буквы. Марина прочитала:

-Об-нинск, - и повторила. – Обнинск.

Обнинск! А ведь я, кажется, кое-что знаю про этот город.

8

ПОДЗЕМНЫЙ ИНСТИТУТ

Заскрежетав тормозами, электричка приблизилась к запруженной народом платформе. Мимо окошка тамбура замелькали лица –

настойчивые, в испарине от жары и ожидания.

-«Москвичи», - с презрением бросила Анюта, затягиваясь сигаретой, – дома работы найти не могут.

Андрей смущенно оглянулся: люди, напирающие сзади, ничего не слышали, думая каждый о своем.

Двери с лязгом распахнулись. Пахнуло нетерпением, потом, десятки лиц с неприязнью глядели на столпившихся в тамбуре пассажиров, руки сжимались в кулаки, подрагивали сердца.

-Скорее, - крикнула полная женщина с двумя сумками в руках.

-Успеете, сядете, - сказала Анюта, выносимая из поезда людским потоком.

Две живые реки пересеклись, матюгаясь. Одна река последовала прочь от платформы, другая - погрузилась в электричку.

-Следующая остановка – Балабаново.

Нагретый на солнце, перегруженный горячими телами поезд стукнул колесами, загудел и рванул, отделяясь от платформы.

-Как селедок, - поведя плечом, сказала Анюта. – И так до самой Москвы.

Андрей кивнул. Толпа увлекла их к автобусной остановке. Люди брали штурмом единственный красный автобус: к желтой стае маршруток пока не подходил никто, напрасно надрывали голоса зазывалы: «Тринадцатый маршрут», «По Ленина». Вот автобус, проседая, отчалил, и тогда стали заполняться маршрутки – в основном, молодежью: экономные старики будут ждать другого автобуса.

-Погоди, - Анюта схватила Андрея за руку, - пусть разъезжаются.

Они протиснулись к лавкам, на некоторых спали загорелые дочерна бомжи. Воняло мочой и семечками. В пивном ларьке маялась от жары продавщица.

-Пива хочешь?

-Можно.

Анюта купила две бутылки «Багбира» и фисташки. Попросила продавщицу открыть пиво; та с недовольной миной выполнила просьбу.

-Надо же, пиво уже полтинник стоит, - проворчала Анюта, подавая одну бутылку Андрею. – Фисташки будешь?

-Нет, спасибо.

Андрей жадно хлебнул из бутылки – белая пена брызнула на плащ.

-Почему ты таскаешь плащ в такую жарынь? – без особого интереса спросила Анюта, хруста фисташками. Бутылку она поставила на скамью, прямо рядом с пыльной подошвой спящего бомжа. Ее большие груди выглядывали из-под розовой майки: казалось, Анюта стоит на людях полуголая.

-Не знаю, - пожал плечами Андрей.

-Ну, так сними.

Он снял плащ, перекинул через локоть, оказавшись в белой рубашке с короткими рукавами. Руки у него были тонкие, жилистые, покрытые черными волосками.

-Какая духотища, - проговорила Анюта, щурясь на солнце.

Андрей допил пиво, опустил бутылку в урну.

-Уже выдул? - подивилась Анюта и потянулась к своей бутылке. Бомж во сне дрыгнул ногой, бутылка упала. Она не разбилась, а покатилась под лавку, гремя и орошая асфальт пятидесятирублевым пивом. Бомж, словно младенец, зачмокал во сне раздутыми потрескавшимися губами.

-Козел, – зло сказала Анюта. – Бомжара чертов.

Народ рассосался; подошел пустой автобус. Андрей и Анюта вошли в жаркий салон, пахнущий пылью и потом, опустились на кресла с торчащей из дыр желтой поролоновой набивкой.

-Обилечиваемся, - подошла кондукторша: лицо усталое, волосы растрепаны; белые штаны-треники, похожие на кальсоны (в автобусе-то можно - это почти что дома), голубая застиранная футболка, подмышки желтые, влажные.

Анюта протянула кондукторше двенадцать рублей, получила два синих талончика; один отдала Андрею.

-Опс! Ты посмотри! – Анюта несильно пихнула Андрея в бок.

Бомж достал из-под лавки бутылку и пил остатки пива.

-Нарочно скинул, - засмеялась Анюта.

Автобус тронулся. Анюта принялась рассказывать про свою подругу, продающую одежду в торговом центре «Триумф». Трещала пуще сороки. Андрей слушал невнимательно: чувство, тяжелое, как медведь, ворочалось у него в груди. Когда Анюта, чмокнув его в щеку и весело бросив «До вечера!», сошла, он почувствовал себя лучше, -

надел плащ, стал вглядываться в проплывающие мимо окна знакомые улицы.

Люди входили, выходили, кто-то садился на кресло рядом с Андреем. Он упрямо глядел в окно. Когда снова подошла кондукторша(«Ваш билет? А, вы обилечены…»), на мгновение повернулся.

Андрей не думал о Гале, о матери, об Алене – мысли испарились, уступив место созерцательным проблескам: вон карапуз ест мороженое – на щеках слезы, значит, долго просил у мамы (а может, мама купила мороженое, чтобы не просил велосипед); вот старик на лавке читает газету (а может, спит, обманчиво поблескивая дужками очков). Показалась телебашня, ершисто ощетинившаяся крестообразными шипами. Но посмотрите-ка - к телебашне приторочена узкая лестница! До самого верха, туда, где плавают облака. К чему это? Должно, для монтеров, для ремонтников… Андрей представил, как должно быть, холодно и страшно ползти по узкой этой лестнице – все выше, выше - с абстрактной целью и такими же абстрактными возможностями. Что человек перед этой башней? Му-ра-вей.

«Муравей, да ведь башню-то он построил».

Андрею стало смешно.

«Конечная, ЯДИ», - сказала кондукторша, неприязненно глядя на Андрея. Автобус стоял с открытыми дверьми.

Андрей подхватил портфель и вышел у знакомой синей будки. Желтая табличка, приваренная к железной стенке, оповещала, когда придет следующий автобус. Но Андрею он был не нужен – за дорогой петляла узкая тропинка, ведущая в прохладу молодого бора. Андрей подождал, пока уйдет автобус, перешел дорогу и быстрым шагом двинулся по тропинке.

Сосны приняли человека под свои своды с величавым вниманием, обдав смолистым запахом. Бор скрывал терминал - невысокое, но длинное и широкое строение, огороженное колючей проволокой. К нему примыкали еще несколько зданий; это - ЯДИ – Ядерный институт, организация, ради которой построен город с многоэтажными домами и общежитиями для сотрудников. После остановки первого в мире атомного реактора, сворачивания программ, многие были уволены. Работу сохранили лишь единицы.

Например, Кузьмич.

Андрей дошел до будки с турникетом и шлагбаумом. Нелюдимого вида старик потребовал предъявить документы. Вот ведь чудак – знает всех сотрудников наизусть, но каждый раз требует предъявить документы.

-Здравствуйте, Кузьмич, - сказал Андрей, улыбаясь про себя. Показал старику красную корочку: «Андрей Сергеевич Островцев, старший научный сотрудник».

Кузьмич кивнул, протягивая руку к кружке с чем-то черным. Чай или кофе?

Андрей отвернул рогульку турникета, пошел по асфальтированной дорожке к проходной. Под голубым навесом, притороченным к левому крылу здания, млела «Тойота» Невзорова, – значит, начальник уже на месте.

На проходной ни души. Андрей прислонил к электронному турникету именной чип. Раздался короткий писк – прозрачные створки разошлись в стороны, пропуская старшего сотрудника. Человек со стороны был бы удивлен наличием современных пропускных систем внутри главного корпуса ЯДИ и общим невзрачным, даже, пожалуй, ущербным состоянием Института. Все здесь было словно затянуто пылью – стены, потолок, пол. Человек со стороны был бы удивлен, но таковых в ЯДИ не бывает.

Навстречу Андрею показалась Клавдия, женщина лет сорока, работница Прикрытия. Казалось, и она слегка припорошена пылью. Клава несла в руках какие-то бумаги.

-Здравствуйте, - холодно кивнула она, отворяя дверь в кабинет начальника Прикрытия Алтухова.

Андрей очень редко общался с людьми из ЯДИ-Прикрытия, а с Алтуховым даже никогда не разговаривал – не его начальство.

Быстрым шагом он прошел через темный коридор, не встретив ни души, свернул налево, преодолел еще один электронный турникет, спустился по узкой каменной лестнице и замер у белых дверей лифта.

Здесь Андрею пришлось открыть портфель и покопаться в нем среди дисков, бумажек, флешек. Выудив электронный ключ, он коснулся им тускло мерцающего зеленого кружка. Где-то внизу послышалось сумрачное гудение, точно очнулся от многолетней спячки древний подземный дух.

Отворились дверцы, Андрей вошел в белоснежную пасть лифта.

Всегда, когда он спускался в нижнюю часть – это занимало не меньше минуты, - представлял пласты породы, медленно проплывающие за стенками лифта – толстые слои песка и глины, грубый известняк, полонивший на веки окаменелых животных. Лифт напоминал шкалу барометра – только вот что показывает этот барометр?

Засекреченный, или *Подлинный*, ЯДИ привычно распахнулся перед Андреем широким пространством с многочисленными ходами, коридорами, лестницами, дверьми – не верилось, что здесь трудятся всего-навсего десять человек.

В Подлинном ЯДИ все новое, блестящее – от самого маленького шурупа до компьютера. С потолка льется мягкий свет, усиливая контраст с темным, как пещера, ЯДИ Прикрытия. Впрочем, для жителей Обнинска, да и для всей страны, исключая небольшую когорту посвященных, именно ЯДИ Прикрытия - подлинный ЯДИ. И Андрей – в когорте посвященных. Временами он чувствовал гордость, ощущая причастность к чему-то великому, а иногда – страх: «А для чего, собственно, мы это делаем?». Если Невзоров узнает об этой рефлексии – одним увольнением не обойдешься… Андрей никогда не афишировал в разговорах с коллегами свои раздумья, просто добротно выполнял свою работу.

Пройдя в раздевалку, Андрей повесил плащ на крючок, поставил чемодан в шкафчик. Взял с полки белый халат.

Электронные часы не стене показали «8.40».

Сняв темные очки, Андрей надел обыкновенные – с широкими расшатанными дужками.

Подойдя к зеркалу причесаться, задержался на некоторое время, рассматривая себя. Унылый взгляд, всклокоченные волосы; очки сидят на носу совершенно по – дурацки… И этот белый халат…

«Гарри Поттер, выросший и ставший дантистом… Дантистом в поликлинике».

Снаружи раздались шаги. Андрей торопливо вышел из раздевалки.

-Островцев. Привет!

Андрей пожал мягкую руку стоящего перед ним человека. Старший научный сотрудник Смолов…За боязливо озирающиеся

глазенки и свистящий шепот Смолова прозвали Хомяком. Хомяк был то, что называется tabularasa[3]: постоянно и всему удивлялся, раз за разом открывая Америку. В вопросах, не касающихся ОРА – отдела расщепления атома, житейских, самых простых - Смолов был сущим младенцем. Но в своем деле это специалист высочайшего класса. Впрочем, других в ЯДИ не бывает.

-Как жизнь? – спросил Смолов, заглядывая Андрею в глаза.

«С чего это он?» - удивился Островцев.

-Да вроде отлично. А у тебя?

Смолов улыбнулся, обнажив два длинных передних зуба, закивал головой, но ничего не сказал. Андрей обошел его и проследовал к лестнице, ведущей в ОПО – опытный отдел.

«С чего это Смолов спрашивает про жизнь?» - вертелось в голове. Больше всего на свете старший научный сотрудник Островцев боялся проблем.

Андрей спустился вниз, остановился на минуту перед дверью, набирая на замке секретный код.

ОПО - это царство змеиного шипения. Оно доносится откуда-то снизу, из-под многочисленных люков в полу, заставляя думать о чем-то индийском, естественно-природном, о Будде. Андрей был единственным «жрецом» ОПО, как он иногда именовал себя.

Белый коридор, покрытый изоляционной плиткой, тянулся до тех пор, пока не становился куском темноты: Андрей ни разу не дошел до его конца и считал, что это невозможно. Большую часть времени он проводил в своем кабинете, расположенном в головной части коридора, если можно назвать кабинетом открытое широкое пространство, со стулом, столом и компьютером, сиротливо приткнувшемся в уголке. Лифт у стены время от времени уносил Андрея еще глубже, - туда, где и вершилась главная работа.

Так же здесь располагались душевая и стеллажи с несгораемыми пухлыми конвертами - результатами опытов. На каждом конверте – десятизначный номер и электронный чип, за каждый конверт Андрей отвечает головой.

Положив портфель прямо на клавиатуру компьютера, Андрей сел на стул, опустив сцепленные руки на колени. Искусственный свет делал его лицо зеленоватым, зеленоватыми были стены, потолок, стеллажи.

Что-то мертвенное таилось во всем, - и в Андрее тоже. Месяцами копошась в ОПО, Островцев чувствовал, что искусственная зелень проникает все глубже и глубже под кожу. Он отдавал себе отчет, что работу свою ненавидит, ненавидит институт, кропотливую упорность, с которой зарождается в его недрах нечто змеиное, едва ли направленное на «мирное строительство».

Но что он еще умеет? И потом – разве напрасны были унизительные и голодные годы учебы?

Ездить в Москву? Андрей и до Обнинска-то добирается с трудом; к тому же, в Москве вряд ли можно применить его знания… Так где же? Только здесь, в Подлинном ЯДИ. Ну и еще, разве что… Миражом возникли в голове некие здания, люди, понятия, условно именуемые словом Запад.

Островцев потянулся за минералкой. Сделал пару глотков из бутылки. Поморщился от слабого щекотания в носу.

Часы на стене показали 09.30. Ничего себе присел! Андрей почувствовал укол совести. Все-таки он – добросовестный работник.

Поднялся, взял с полки конверт. Один из последних опытов – расщепление NA. Вспомнил: красновато-зеленый свет, почти иллюзорный; змеиное шипение, переходящее в подобие стона; жар, проникающий под термокостюм, и - вспышка в замкнутой колбе, - ослепительно-яркая. Опыт оказался удачным, даже сверхудачным: выяснилось, что при расщеплении NA высвобождается невиданное доселе количество энергии.

В сущности, прямо сейчас, из своего подвального отдела, Андрей мог уничтожить Вселенную...

«Ну, прямо-таки и Вселенную, - Островцев потер мочку уха. – Но Землю – точно».

Вселенную породил Большой взрыв… Андрей никогда не верил в это:взрывы, войны, и оружие он ненавидел всей душой, - рефлекторно, как кошка – собаку.

«Зачем ему NA?»

«Ему» - это не директору Подлинного ЯДИ Невзорову.

Островцеву чудился кто-то неведомый, облеченный властью: политической ли, денежной – не важно. Иногда этот неведомый представлялся Андрею одним из участников «великой той борьбы, какую вел Господь со князем скверны»[4].

Неужели все они – сам Островцев, Смолов, Лордеску, Рюмин, Ширко, Алтухов, Нечаев, Симоненко, Ильмень, Роштейн - служат сатане?

По официальной, «корпоративной» версии, озвученной Невзоровым на собеседовании при устройстве на работу (за пять лет это был единственный раз, когда Андрей разговаривал с директором): институт занимался разработкой новых источников энергии, необходимых в ближайшем будущем, – углеводородные ресурсы страны практически исчерпаны. Правдоподобно, но Андрей, хотя и не жил никогда в канувшем в Лету тридесятом царстве СССР, был подозрителен и недоверчив, как совок: он не поверил Невзорову. И это стало его личной проблемой - за муки и рефлексию в ЯДИ зарплату не платят.

Результат опыта – мутно-желтая пленка. Только мощный микроскоп заставит ее заговорить, и для непосвященного язык, на котором заговорит пленка, останется тарабарщиной, набором непонятных знаков на экране компьютера.

Андрей повертел пленку в руках, улыбнулся краем рта: в знании и сопричастности есть что-то наполеоновское…

Здесь не нужно смотреть на часы, чтоб понять: обед. За годы организм привыкает к принятому в ЯДИ распорядку.

Островцев зевнул, упаковал пленку в конверт, положил в карман халата электронный ключ и вышел из отдела. Свет автоматически погас, но змеиное шипение не утишилось ни на йоту.

Андрей понял, что голоден. Вышел из кабинета и направился в столовую, откуда доносился запах свежих огурцов.

Еда на ячеистых подносах поступала по конвейеру сверху, из кухни ЯДИ Прикрытия.

За белыми столами, наклонив головы, сидели девять человек. Брюнеты, блондины, один рыжий – Рюмин, два седых – Роштейн и Нечаев. Все, как один, плешивые.

Двигаются челюсти, хрустят огурцы на зубах...

Приход Островцева остался незамеченным - лишь Смолов кинул на него беспокойный взгляд.

Андрей взял с конвейера последний поднос, присел к столу, подальше от всех. Вообще, сотрудники Подлинного ЯДИ за обедом

разговаривали редко и о какой-нибудь чепухе. Словно кто-то незримый витал над столом, поторапливая, сковывая человеческие порывы.

Поднос, как всегда, упакован в прозрачный целлофан. Андрей спешно сорвал его. Так: концентратная картошка с подливой и котлетой, салат из огурцов-помидоров, кофе со сливками в бумажном стаканчике, несколько галет и конфет «коровка».

Андрей взял пластиковую вилку и первым делом, выудив из салата, отправил в рот кусок огурца. Ждало разочарование: огурец умел только пахнуть. Островцев быстро съел картошку с котлетой, запивая кофе. Конфеты и галеты оставил на подносе, который отнес обратно на конвейер и положил на гору из девяти точно таких же подносов. Столовая к этому времени была уже пуста. В горле конвейера послышалось гудение, и посуда медленно поползла вверх.

Выйдя из столовой, Андрей в пустом коридоре наткнулся на Смолова.

«Преследует меня, что ли?»

Островцев свернул в уборную и довольно долго пробыл там, причесываясь перед зеркалом намоченной расческой.

Смолов, к счастью, убрался восвояси.

Андрей, почему-то чувствуя себя не в своей тарелке, прошел в ОПО, запер дверь.

Зазвеневший телефон заставил его вздрогнуть. Покрытый пылью, забытый телефон для связи с начальством… Сколько он молчал? Пять лет?

С пересохшим от волнения горлом старший научный сотрудник снял трубку.

-Да.

-Островцев, здравствуйте, – знакомо-незнакомый, глуховатый голос.

-Здравствуйте, Александр Игоревич.

-Зайдите ко мне, пожалуйста, на минутку.

«Что ему понадобилось от меня?» - пронеслось в голове.

-Да-да, Александр Игоревич, я сейчас зайду…

«Долгие заунывные гудки – это внутри меня?».

Островцев положил трубку; чувствуя неприятный привкус во рту, снова покинул отдел, хотя собирался хорошенько поработать, может

быть, даже начать опыт с ТА… Но - вызывал директор. Впервые за все время службы в ЯДИ.

Кабинет Невзорова – тайна за семью печатями. Точнее, за тремя электронными замками и одним кодовым. Андрей поражался, как мозги сотрудников удерживают бесконечные цифры. Сам он пользовался чипами и поначалу часто путался, подолгу стоя у дверей либо лифта, дожидаясь, когда же кто-нибудь соизволит помочь ему. Чрезмерная секретность – тоже причина подозрений. Неужели новый вид энергии необходимо делать под охраной электронных сфинксов?

-Можно, Александр Игоревич?

-Входите.

Невзоров стоял у стеллажа с книгами.

-Присядьте, Островцев.

Андрей опустился на стул рядом со столом начальника, чувствуя нарастающее беспокойство. Невзоров был мало похож на директора, образ которого возникает при самом произнесении этого слова.

Он был настоящим атлетом: рослый, грудная клетка широкая, с ясно выраженными мышцами, мощный затылок с коротко остриженными рыжими волосами. Одет в костюм олимпийской сборной России. Невзоров мог бы сниматься в боевиках про русскую мафию…

Александр Игоревич увлеченно изучал какую-то книгу, похоже, позабыв о посетителе. Андрей кашлянул и испугался своей наглости.

Невзоров вернул книгу на полку. Сел за стол, впившись в Островцева голубоватыми глазами. Лицо у директора казалось тусклым, потертым; две продольные морщины вдоль щек придавали ему кисловатое выражение.

-Послушайте, Островцев. Гм… Даже не знаю, как и начать…

Сердце Андрея заныло. Невзоров достал из кармана платок. Неторопливо вытер лоб.

-Да. Не подозревал, что когда-нибудь придется говорить нечто подобное кому-то из сотрудников Подлинного ЯДИ, - Александр Игоревич сделал движение, будто собираясь встать с кресла. – Вы, конечно, в курсе, что наша организация традиционно заботится о моральном облике своих сотрудников?

Андрея передернуло – точно директор говорил не словами, а короткими молниями. Старший сотрудник ожидал чего угодно –

только не разговора о моральном облике.

-Простите, Александр Игоревич?

-Островцев, ведь вы все прекрасно поняли: речь о той девушке, с которой вы изменяете жене.

Краска хлынула ни лицо Андрея и тут же отступила, оставив место бледности – большей, чем обычно.

«Они следили за нами».

-Это мое личное дело, – глухо проговорил он, ловя убегающие глаза Невзорова.

-Пока вы работаете в ЯДИ - личных дел у вас быть не может, – директор сделал акцент на слове «пока».

-Где это прописано?

-Островцев, - отчеканил Невзоров, – Еще раз тебя увидят с этой шлюхой – вылетишь, как пробка.

Мозг Андрея заволокла пелена и, перегнувшись через стол до боли в животе, он выкинул вперед кулак – туда, к потной физиономии, враз ставшей ненавистной.

Директор ловко отстранился и, поймав руку Островцева, вывернул ее. Андрей застонал, пытаясь дотянуться до лица Невзорова свободной рукой, почувствовал сильный толчок и вместе со стулом полетел на пол. Тут же тяжесть навалилась сверху - от двух коротких ударов по лицу Островцев потерял сознание.

Когда пришел в себя, директор сидел за столом и вытирал лицо платком.

-Жара, - устало сказал он. – Проклятая жара. Прямо Бангладеш. Даже кондиционеры не справляются.

Кашлянув, Невзоров выпил воды из графина.

-Хотите?

Андрей мотнул головой, замычал, надевая треснувшие очки. Из разбитого носа на белый кафель капала кровь.

-Идите, Островцев, - разрешил Невзоров, глядя, как Андрей поднимается с пола. – Идите и подумайте над нашим разговором. Хорошенько подумайте.

-Я подумаю, Александр Игоревич, - пробормотал Андрей и вышел из кабинета директора.

Голова гудела, как бубен шамана, мысли свернулись в бесформенный комок. Он словно побывал в дурацком фильме либо в

глупом сне: только что хотел набить морду директору, а в итоге сам оказался с набитой мордой.

Болезненный смех сотряс Островцева.

«Бред! Просто бред!»

В коридоре никого не было. Прошмыгнув в уборную, Андрей смыл с лица кровь. Скомкал перепачканный халат, бросил в урну.

Сжимая челюсти, Островцев добрел до ОПО.

«Десять тысяч долларов», - сказала в электричке Анюта.

Зачем ей столько? А впрочем, не все ли равно - ей нужны деньги, и ему нужны деньги, *всем* нужны деньги.

«Они следили за мной. Как за крысой. За крысой! Что же это за организация?».

Андрей присел к столу. На часах – 14.00. Как время пролетело!

«Ничего, мы что-нибудь придумаем. Что-нибудь придумаем».

Островцев взглянул на плотные полки с результатами опытов и в голове почему-то возникли виды Парижа, Нью-Йорка, еще каких-то городов, увиденных по телевизору и на картинках в журналах.

«Придумаем… Завтра».

Змеиное шипение из-под пола, казалось, одобряло его.

Андрей взял портфель и поднялся.

Из столовой доносился запах жаркого, но Островцев, даже не подумав об ужине, проследовал к раздевалке. Натянул плащ и, слегка согнувшись, двинулся к лифту. Рабочий день для него закончился.

В вечернем сумраке подходящая к платформе электричка казалась зеленой гусеницей. Анюта, видимо, устала: не болтала, не лезла целоваться. Сидела на лавке, щелкала семечки. В автобусе она спросила, что у Андрея с лицом; он соврал, что упал с лестницы.

Распахнулись двери, выпустив потный, усталый люд. Когда толпа схлынула и немногочисленные пассажиры стали заходить в поезд, Анюта поднялась, пряча семечки в сумку.

-Пошли, что ли. А то до ночи останемся.

Они последними вошли в электричку. Двери захлопнулись.

«Следующая станция – Малоярославец», - объявило радио.

-Ты смотри-ка, - удивилась Анюта. – В Шемякино, что ли не остановится?

В вагоне было совсем мало народу: две женщины и мужчина впереди, да спал на лавке бомж.

Радио соврало: электричка остановилась в Шемякино, но вряд ли кто-нибудь вошел в вагон с темного полустанка.

-Анюта.

-Ну?

-Зачем тебе десять тысяч?

Анюта помолчала, прислушиваясь к стуку колес, наконец, будто нехотя, сказала:

-Я беременна. Кажется…

Чего-то подобного Андрей и ожидал. Он вздохнул, глядя на проносящийся за окном лесок.

-Если ты не хочешь, то не надо, - сердито сказала Анюта.

-А? – встрепенулся Андрей.- Нет-нет, что ты! Деньги будут.

Она улыбнулась:

-А своей ты скажешь?

-Скажу, - соврал Андрей.

«Малоярославец. Следующая остановка Ерденево».

-Ну, до завтра!

Анютин поцелуй вкусно пах семечками.

Она вышла из вагона, пройдя под фонарем, помахала Андрею рукой. Островцев подумал: как странно, что именно эта женщина, в сущности, совершенно ему чужая, носит в себе его ребенка.

Кроме Андрея и бомжа в вагоне никого не было. А может, не только в вагоне, но и во всем поезде?

Островцев смотрел на свое отражение в черном стекле и ни о чем не думал. Хотелось спать, но, боясь пропустить свою станцию, он тер глаза, зевал.

«Следующая станция - Родинка» - прохрипел динамик.

Андрей поднялся, прошел в тамбур. Бомж спал на лавке, раскинув в стороны обутые в раздавленные ботинки ноги. Вспомнилась похожая ночь, только зимняя. Островцев ехал тогда домой и тоже на лавке спал бомж. Кажется, в Малоярославце в электричку заскочили трое молодчиков и с криками принялись избивать бомжа ногами. Андрей ясно вспомнил свой собственный ужас и омерзение: он не посмел вмешаться, сидел, внутренне содрогаясь при каждом ударе по опустившемуся, безобразному, но *человеческому* телу. Молодчики выскочили на следующей станции, Островцев перешел в другой вагон,

не в силах осознавать, что рядом лежит бездыханное окровавленное тело.

Родинка едва светилась во мгле. С пригорка Андрей привычно отыскал глазами свой дом: в окнах, конечно, горит свет.

-Галя! Андрюшка приехал! – глухо крикнула Марина Львовна.

Андрей оставил портфель в прихожей, повесил на гвоздь плащ, и, разувшись, прошел в дом. Из кухни вышла Галя. Зеленоватые глаза смотрят тревожно. Заметила, конечно, следы невзоровских кулаков. Но матери она ничего не скажет – не станет тревожить.

-Андрюшка, как работа? – голос Марины Львовны донесся из спальни.

-Все хорошо, мама, спи.

Галя спросила про ужин.

-Поужинал на работе, - соврал Островцев. – Устал сильно...

-Ну еще бы, - заворочалась в темноте Марина Львовна. – Целый день…

Андрей прошел в комнату, быстро разделся, лег. Прохлада постели была приятна. В открытую форточку проникал сладковатый цветочный запах.

Негромко, как бы извиняясь, постучав посудой на кухне, пришла Галя. Медленно разделась. Андрей даже с закрытыми глазами видел ее некрасивое, преждевременно состарившееся тело, пожухшее, бесплодное.

«Пустоцвет», - так иногда его мать называет жену.

-Андрюшка, - услышал он шепот и, хотя ждал, знал, что он последует, слегка вздрогнул под тонким одеялом. – Андрюшка, что у тебя с лицом?

-Отстань, - пробурчал Островцев, переворачиваясь на другой бок.

Галя умолкла, но минуты через две снова зашептала – горячо, со слезой:

-Кто это тебя, Андрюшка? Ну, скажи!

-Отстань, я спать хочу!

-Тише, - испугалась Галя. - Марина Львовна услышит!

Но Островцева уже ни о чем не надо было предупреждать: словно в зыбучие пески, он провалился в сон, а женщина рядом с ним еще долго не спала, время от времени приподнималась на постели и заглядывала в побитое лицо старшего научного сотрудника.

9

ЛЮБОВНИКИ

Лес притих, как рать, поднявшаяся на бой.

Шли молча.

Я думал о своих всполохах. Островцев противен мне; противны обе его женщины, его работа и вообще весь *его* мир. Мир мелкий, мертвый… Все эти люди – Андрей, Галя, Анюта, Смолов, Невзоров - мертвецы, но они умерли задолго до Дня Гнева. И все-таки мне интересно...

Я хмыкнул, вспомнив, как Невзоров избил Андрюшку.

-Ты чего? – обернулась Марина.

-Да так, вспомнил кое-что.

В зеленых глазах сверкнуло любопытство.

-А я думала, ты больше не видишь всполохов.

-Вижу, и с тех пор, как повстречал тебя, гораздо чаще.

-Расскажи.

-Да что там рассказывать…

Марина пожала плечами.

-Твое дело.

В самом деле, почему бы не поделиться с ней своими всполохами? Дело давнее, дело темное…

Я ускорил шаг и, догнав девушку, пошел рядом.

-В общем, это связано с Обнинском. Всполохи говорят, что когда-то я там работал…

Она слушала, не перебивая.

Когда я закончил свой рассказ (почему-то выключив из него Анюту), пошел снег. Сквозь снежинки я смотрел на Марину: что она скажет? Но девушка шла молча, время от времени стирая с лица мокрый снег.

-Надо искать убежище, - сказал я, взглянув на небо.

-Андрей, а ведь там была еще одна женщина.

Я вздрогнул.

-Признайся.

Марина схватила меня за рукав куртки.

-Да, была... Но ... как ты узнала?

Марина засмеялась.

-Это секрет. Она хорошая была?

-Хорошая?

-Ну, добрая, красивая?

-Нет, не хорошая.

Зеленые глаза обдали холодком.

-Андрюшке твоему нравилась.

-Так Андрюшка - это не я.

Она отпустила мой рукав.

Солнце, зашторенное метелью, казалось блеклым пятном и все сильнее вытягивалось вдоль горизонта. Мало-помалу оно начало краснеть. Стрелки вряд ли простят нам угон вертушки, но пока можно не волноваться: погоня в такую погоду невозможна.

Одно плохо: снег мокро всхлипывает под подошвами, и на нем остаются синеватые следы. Две цепочки следов.

Что-то давненько не видать игроков… С одной стороны, это хорошо - махать заточкой кому охота; с другой – странно. Нет игроков, нет стрелков, нет тварей. А кто есть?

Джунгли приучают к тому, что жизнь - это всего лишь бег от смерти. Рано или поздно к нему привыкаешь и забываешь о том, что бежишь. Ноги-руки крепки, котелок варит – удрал, обманул, выиграл - прожил день. Нет – ну что ж…

Однако путешествие с Мариной не казалось мне бегом. Это – путь к цели. Какой цели? Не знаю… И Марина, конечно, не знает.

Губы пересохли – на ходу я схватил снега, пожевал. Холодные струйки побежали по горлу.

Я совсем не чувствовал усталости. Не верилось, что не так давно рухнул наземь с двадцатиметровой высоты.

Подумалось: а скольких игроков я обыграл? Не меньше сотни - это точно. Хотя однажды сам оказался на волоске от проигрыша. Это было у Восточной балки, где я наткнулся на игрока, свежевавшего тушу детеныша твари. Я был голоден, и туша должна была стать моей. Однако здесь нашла коса на камень: игрок с виду был жидким, а на деле оказался сноровистым и быстрым. Он полосовал меня по рукам, груди. Я не смог нанести даже пустяковой раны. Помню, как я упал, истекая кровью, на снег. Он придавил мою грудь коленом, приблизил заточку к шее. Помню его желтоватые глаза. Я ждал, слушая гомон Джунглей, прощаясь с Теплой Птицей, но он вдруг отпустил меня и, закинув на плечо тушу, побрел прочь.

Почему этот игрок пошел наперекор Джунглям? Быть может, решил, что со мной расправятся твари? Не знаю. Но я запомнил каждую морщинку на желтом обветренном лице.

Черная туча медведем ворочалась в небе. Светлая кайма на верхушках деревьев стремительно истончалась.

-Андрей, посмотри.

Марина указала в сторону леса, где возвышалось нечто темное.

Джунгли окружили большой бревенчатый дом со всех сторон, сжимая, будто пытались его задушить: кое-где на стенах - широкие трещины. На крыше – березка. Окна блестят осколками оплавленного стекла.

-Дача, - сказала Марина.

-Что?

-Дача, говорю. Бывшие отдыхали здесь, сажали цветы.

-Знаю, - пробормотал я, отыскивая вход. Ясно, что лучшего убежища нам не найти.

Дверь дачи сохранилась и даже была заперта. Я навалился плечом и упал вперед, вызвав сдержанный смех Марины. Из дома пахнуло затхлостью.

В сумраке я увидел довольно широкий холл, дверные проемы. Ступая по хлипкому полу, вошел в одну из комнат. Ржавый холодильник, плита; шаткий стол, шкаф, белеющий посудой: видимо, кухня. Марина пошарила на полке и радостно ойкнула. Из ее кулака вырос язычок огня, осветивший лицо: нашла зажигалку.

-Молодец, - обрадовался я.

В другой комнате – широкой, не меньше двадцати шагов - распавшийся диван, камин, прелое тряпье. Еще – какой-то черный покосившийся предмет.

-Ого, пианино, - воскликнула Марина.

Она открыла черную крышку, под которой белели клавиши.

–Эту комнату бывшие называли – гостиная. Здесь они принимали гостей. Играли на пианино.

Марина опустила руки на клавиши. Раздался грохот и скрежет.

Я поспешил заткнуть уши.

-Те, кто умел, играли, - сконфузилась девушка, закрывая крышку.– А еще -смотрели телевизор.

Она взмахнула рукой, и я разглядел на стене за пылью и паутиной тонкий прямоугольник.

-А если не было гостей, они все равно садились…

Марина порывисто села на диван, закряхтевший, застонавший.

-Включали телевизор и смотрели.

-Что смотрели?

-Все. Как классно, должно быть… Огонь горит в камине…

Марина, подперев голову руками, сделала вид,что смотрит телевизор – черный и пустой, как лесная яма.

-И что, все бывшие жили в больших домах?

-Не мешай.

-Кончай дурачиться, - разозлился я.

Она поднялась:

-Ты скучный, Андрей.

-Зато я не преклоняюсь перед бывшими.

-А я что преклоняюсь, что ли?

Я не ответил, разглядывая комнату: чудно как-то, ей Богу! Люди жили, принимали гостей, играли на пианино, может быть, танцевали, или как там это называлось… Ели, наверное, не крыс. Задумывались ли о том, что может с ними произойти не через сорок – пятьдесят лет, а здесь и сейчас, сию секунду? Нет, конечно, не задумывались… А смерть могучим дыханием высадила окна, вытравила души, сожгла тела – никто и не понял, что случилось.

-Андрей, пошли наверх. Интересно же!

Интересно? Да, пожалуй.

Скользкая лестница взвизгнула под ногами, грозя обрушиться. Дом как будто привык к тишине и уединению, и, похоже, готов был отстаивать свой покой: на самом верху моя нога попала между досками, я с трудом освободился.

На втором этаже не было окон. Марина чиркнула зажигалкой, образовав вокруг себя узкий кокон желтого света.

-Хоть бы факел… - пробормотал я. – А ну-ка.

Поднял с пола веник.

-Поджигай!

Комната осветилась, и мы увидели хозяев.

Обнявшись, они возлежали на широкой кровати. Полуистлевшее одеяло глубоко прорисовывало кости, белые черепа соприкасались. Не

знающий пощады ветер смерти опалил этих людей во время акта любви. И отчего-то казалось, что соитие, продлившееся до вечности, еще не завершено: страсть не удовлетворена, напротив, оттого, что мясо сошло с костей, стала яростней и болезненней.

На стене – тусклый портрет. Это – они.

Он – в военной форме, черноволосый, моложавый, веселые глаза под кустистыми бровями, породистый нос; она – хрупкая блондинка, доверчиво склонила на широкое плечо аккуратную голову, серые глаза глядят ласково и вместе с тем внимательно. Ни он, ни она не знают, что их ждет, а просто любят друг друга. И – черт побери – ведь эти бывшие оказались правы. Последнее, что запомнили его руки – ее тело, последнее, что запомнили ее губы – вкус поцелуя.

Веник, чадя, догорел, тьма скрыла любовников.

-Пошли отсюда, - тихо сказала Марина.

Мне тоже было не по себе в этой комнате, до сих пор наполненной своими хозяевами, как будто ничего не произошло.

Внизу Марина опустилась на диван. Задумалась.

Я нашел в кухне дрова, принялся растапливать камин.

Когда огонь разгорелся, бросая на стены красные и золотистые блики, дом будто бы ожил. Я подумал: ведь и правда, что-то теплилось в жизни бывших!

Сел на диван рядом с Мариной, стал смотреть на огонь.

-Андрей.

Голос Марины прозвучал странно: он словно бы пропитался теплом из камина. Я взглянул на нее. В глазах девушки мерцали огоньки.

-Что?

-Почему ты отказался от меня? Ну, тогда, в лесу?

Я вспомнил наше знакомство: ее мольбу о помощи, мой отказ, Последний Поезд и руку, протянутую игроку, потерявшему надежду.

-Прости… - пробормотал я. – Я не знал.

-Чего не знал? – Марина придвинулась ко мне, стремясь заглянуть в глаза. – Чего ты не знал? Ну, посмотри на меня.

Я медленно повернулся – ее лицо совсем близко.

-Я не знал, что полюблю тебя.

Казалось, поднимется буря: Джунгли обрушатся на нас, понесут, кружа, ударяя о выступы тьмы по жерлу неведомой воронки, дна у

которой нет. Но случилось более страшное: руки Марины обвили мою шею, и я ощутил на своих губах горьковатый, горячий вкус ее губ.

-Марина, - прошептал я, трогая ее волосы.

Она прижалась ко мне. Она дрожала. Дрожал и я, не зная, что говорить, что делать, что с нами происходит.

-Ты когда-нибудь… - выдохнула Марина. Я догадался, о чем она:

-Нет.

-Я тоже.

Улыбнулась:

-Бывшие смеялись бы над нами…

Марина сняла куртку, стянула через голову толстый свитер.

-Пусть смеются, - прошептал я, глядя на нее. – Пусть…

10

ВАСИЛИСК ЗАШИПЕЛ

Там, в слепой белизне, скрывался Василиск. Спустись другой сотрудник ЯДИ, Смолов, или, например, Нечаев, в святая святых ОПО, высокая конструкция, обложенная изумрудной плиткой, скорее всего, представилась бы ему не Василиском, а чем-то другим… Андрей же, в силу начитанности и присущей его душе некоторой поэтичности, порой воображал себя древним воином, сражающимся с чудовищем.

Василиск ждал в конце коридора, наполненного змеиным шипением, с каждым шагом становящимся все громче. *Зач- чем ты идеш-шь сюда, ч-человече?*

В последний раз проверив застежки на защитном костюме, Андрей двинулся вперед по коридору. Стекло шлема запотело – никогда он так не волновался, как сегодня, и никогда так рано не приходил в институт - раньше всех, даже Кузьмича. Островцев приехал в Обнинск на первой электричке, и когда шел через бор к ЯДИ. У земли еще клубился не тронутый солнцем туман.

Змеиное шипение становилось назойливее, проникало под шлем. Не помогали даже восковые беруши. *Останови*с – *сь, если хочеш-шь жить!*

Неестественное зеленое мерцание было невыносимым. Пот градом катился по спине.

Хотелось повернуть, выскочить на воздух, напиться холодной воды.

Вот и Василиск… Он не свободен. Над ним - белый люк, сработанный из цельного куска сверхпрочной породы, покрытый гафниевой плиткой. Что будет, если чудище вырвется из плена, не знает никто, даже директор ЯДИ Невзоров, а уж старший научный сотрудник Островцев - и подавно. И все же именно Андрей время от времени дает Василиску свободу – куцую, как заячий хвост.

Островцев открутил узкий клапан на люке. Замер на пару секунд перед панелью, сверкающей разноцветными кнопками. Надавил на красную. Из клапана вырвалась зеленоватая струйка.

Краем уха Андрей слышал, что предыдущий хозяин ОПО ненароком подставился под струйку, и Василиск растерзал его.

Чувствуя, что жар становится невыносимым и пот застилает глаза, Островцев приспособлением, похожим на сачок, зачерпнул зеленый пар. Повернулся к экрану на белоснежной стене, мерцающему под толстым стеклом. На экране – желтая кривая, под ним – большая красная кнопка. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, Андрей надавил кнопку.

Под люком заскрежетало, словно провернулись жернова чертовой мельницы, струя пара исчезла.

Неуклюжими, в защитных перчатках, руками Андрей возвратил клапан в первоначальное положение.

Едва передвигая ноги, направился к выходу, сопровождаемый шипением Василиска.

«Сиди, тварь», - скрипнув зубами, сказал Андрей.

На дне сачка поблескивали несколько зеленых капелек, будто старший научный сотрудник наловил светлячков. В защитном костюме неудобно собирать капли в пипетку, затем наносить их на cell-стекло. Островцев негромко ругался, когда пипетка, дрогнув, роняла светлячка на белую столешницу, а не в ячейку cell-стекла. Наконец, все светляки очутились в ячейках. Андрей упаковал cell-стекло в защитную пленку и положил на конвейер. Теперь – в душевую и наверх.

Он в костюме стоял под розовыми струями, думая почему-то о фильмах ужасов.

Выйдя из душевой, снял костюм, оставшись в тренировочных брюках и водолазке. Под мышками расплылись желтоватые круги. Босиком по прохладному кафелю Островцев проследовал в раздевалку. Морщась, стянул прилипшую к спине водолазку, бросил ее в корзину

для мусора. Туда же - штаны. Похлопав себя по безволосой груди, Андрей нашарил на полу шлёпки и пошел к лифту.

Наверху в своем кабинете Островцев наконец-то вынул беруши и еще раз побывал в душевой, на этот раз обмыв собственное тело.

Всякий раз после Василиска, когда Андрей поднимался к себе, ему казалось, что он изменился.

Разглядывая в зеркале посеревшее лицо, старший научный сотрудник испытывал злость: кто виноват в этой серости, если не Василиск? Василиск и Невзоров… И Галя, и Анюта, и мать. Все они, каждый по-своему, виноваты.

Из-под пола доносилось приглушенное шипение. Андрею показалось: кто-то читает странный стишок:

Пастушок, не ходи босиком!

Видишь – ленты шуршат по земле?

Слышишь шепот – колышется шмель?

Чуешь скошенной запах травы?

Пастушок, не ходи босиком.

-Проклятая! – Островцев размахнулся и стукнул по своему отражению кулаком. Зеркало треснуло -из разрезанной руки пошла кровь.

-Проклятая жизнь.

Андрей опустился на пол. Он ходил босиком, не разглядел в высокой траве змею и теперь ее яд все глубже проникает в душу.

Багровая вода исчезала в решетке на полу, находя дорожки в мыльной пене.

«Что я есть? Пена! Кто-то – пенки, я – пена. Вся жизнь, как лабиринт. Лабиринт Минотавра. Лабиринт Василиска. Как выбраться? Как мне выбраться из этой ловушки?»

Натыкаясь на стены, Андрей нашел аптечку, вылил на рану полпузырька йода. Жжение отрезвило его.

-Ну и пусть, - прошептал Островцев, туго перематывая руку бинтом. – Черт с вами со всеми…

К кому он обращался, кого ненавидел, Андрей осознавал смутно. Но одно было совершенно ясно – жизнь проходит, как гроза над созревшими хлебами. Она бессмысленная и нелепая, его жизнь.

Одевшись, Островцев подошел к конвейеру, взял запечатанный конверт – сквозь танталовую фольгу мерцают светлячки. Присел к

столу. Оцепенев, пару минут таращился на крошечные частицы Василиска.

В старшем научном сотруднике уже не было ни сомнений, ни раскаяния: в черепе словно сидел генерал, четко и размеренно командующий парадом. Андрей же – всего лишь солдат на этом параде.

«Фаталист» - усмехнулся Островцев и, взяв клейкую бумагу, быстро и крупно написал: «Опыт с Биоатомом (23767t по классификации UAA)».

Сжав зубами до хруста кончик карандаша, мелкими буквами: «Незавершенный».

Андрей отрезал надпись и аккуратно приклеил ее на конверт. Так, где портфель?

После того, как конверт исчез в пахнущей кожей темноте и щелкнула застежка, Островцев зажмурился, ожидая рева сигнализации, секьюрити с автоматами.

Тишь да гладь.

Нехорошо усмехнувшись, Островцев надел плащ.

Андрей взглянул на часы, удивился: оказалось, он пробыл в ОПО всего полчаса. Сонно мигали таблички «Выход» и «Будь осторожен». Здесь, в холле, змеиное шипение уже не слышно.

«А что если?»

Андрей повернул к кабинету директора.

Какой код на двери Невзорова? Андрей по собственному опыту знал, что сотрудники используют совсем простые коды. Может, и директор? Дрожащим пальцем ввел четыре ноля. Щелчка не последовало. Четыре единицы – нет. Четыре двойки – бесполезно.

В сердцах Андрей несильно ударил по двери ногой и – к его ужасу – она отворилась.

Островцев замер на пороге. Что думает мышь, видя желтеющий в мышеловке сыр?

В глубине невзоровского кабинета мерцали зеленые цифры. Едва слышно гудел кондиционер.

Твердым шагом Андрей подошел к столу директора, схватил стопку бумаг с чертежами, и кинулся прочь, на ходу запихивая бумаги в портфель.

Уже в сосновом бору, когда Островцев спешил к подходящему автобусу, в голове сверкнула мысль: если бумаги лежат так открыто, то место им, скорее всего, в туалете. Ну и пусть. До чего приятно напоследок стукнуть обидчика по скуле!

Кроме задремавшей кондукторши, в автобусе не было никого.

Обнинск клубился за окном потяжелевшим туманом. Изредка навстречу проносились полупустые маршрутки.

У магазина «Продукты» стояла закрытая на замок бочка с квасом.

«Квас хранится надежней, чем документы ЯДИ», - подумал Андрей и засмеялся. Кондукторша вздрогнула, огляделась: «Ой, уже Белкинский овраг». Подошла, строго глядя на Островцева.

-Обилечиваемся, молодой человек.

Показалась башня – макушку скрывают кучевые облака. К башне приварена лестница, кажущаяся сбоку лестницей в небо.

На остановке в салон ввалилась толпа, стало шумно, пестро, запахлодухами, потом; кто-то что-то рассказывал, кто-то с кем-то спорил. Андрей, с готовностью отвлекаясь от своих мыслей, стал прислушиваться к разговору двух стариков, присевших напротив.

-И вот я ему говорю, - откашлявшись, продолжил старик в серой панаме, очевидно, начатый на остановке рассказ. - «Товарищ, говорю, жить-то, конечно, все хотят, но такой ценой жизнь себе я покупать отказываюсь». Он на слово «товарищ» прямо взбеленился – пена на губах, глаза – пятаки, орет: «Да я, тебя, падла партизанская, через мясорубку пропущу!». «Власть, - говорю, - ваша, пропускайте».

-А многие ломались, становились полицаями, - вздохнул его собеседник, человек с длинным, изможденным лицом.

-Не то слово – гестаповцам по части зверств фору давали, все старались отплатить за жизнь свою паскудную, задобрить фрицев. Знал я одного, однорукого Занько, работал на лесопилке. Пришел немец – Занько всех предал, стал убивать, насиловать, грабить…

-А вы «Сотникова» не читали? Там это самое подробно описано.

-Да где уж мне читать? – вздохнул старик в панаме и поднялся. – Ну ладно, Семен Иваныч, я пошел: Аксеново.

В электричке, рвущейся к Москве, Островцев думал про стойкого партизана. Портфель жег колена, под сердцем настойчиво копошился червь сомнения, несмотря на то, что Андрей считал сами понятия –

родина, патриотизм – пережитками прошлого, атавизмом, таким же, как хвост или шесть сосков у человека.

«А старик-то остался жив», - пришло ему на ум у платформы «Победа», и это была победа над сомнениями. Как он выжил, этот стойкий партизан? Освободили свои, или, в конце концов, он уступил напору палачей? Жаль, недорассказал дед...

За окном пронеслась лента реки.

Теперь Андрей размышлял о *деле*: сейчас не начало девяностых, когда ученые, прихватив по возможности секреты отечества, драпали в Америку. Времена кувыркнулись на триста шестьдесят градусов, и никто никому не нужен, даже тащи он на плечах атомную бомбу…

Атомная бомба не заинтересует американосов… Но 23767t – это не атомная бомба.

«Станция Сколково. Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Очаково».

О, черт! Контролеры.

Островцев вскочил и метнулся к тамбуру. Контролерша с разноцветной бляхой на груди преградила путь:

-Куда намылился?

-Курить.

Андрей протиснулся мимо.

-«Кур-и-ить» Знаю я… Взрослый мужик, а бегает! Ладно студенты, еще можно понять.

Андрей прошел в тамбур, оттуда - в соседний вагон. Слегка пошатываясь – вперед, подальше от контроля. Ему казалось, что люди, сидящие на лавках, смотрят на него с презрением.

Андрей не замечал, что многие поднимались и следовали вереницей за ним. Пройдя три вагона, Островцев остановился в тамбуре и, оглянувшись, обрадовался: зайцев много.

-Ну, где они? – тревожный шепот.

-Да вроде в четвертом.

-До Очакова дотянем…

-Быстро идут…

-Придется перебегать.

-Да уж…

«Очаково. Следующая – Матвеевская».

Увлекаемый толпой, Островцев выплыл из вагона и понесся по перрону к голове электрички. Рядом бежали студенты, рабочие, дачники.

Зайцам повезло – двери закрылись, когда они уже погрузились в безопасный вагон.

Андрей уселся на сиденье и вздохнул с облегчением.

Теперь до Киевского можно наслаждаться покоем.

Андрей редко бывал в Москве, и всегда она начиналась для него с Киевского вокзала, с металлической крыши-арки. Не верилось, что арка создана людьми. Нет, конечно, - ее построили великаны, легко гнущие арматуру и, как пушинки, поднимающие куски железа.

Нельзя сказать, чтоб Островцев любил этот странный город, разросшийся во все стороны. Город шума, суеты, денег, ласковых мошенников и злых пророков.

Непрерывный гул размягчает мозг, постоянная тревога за карманы портит карму…Провинциал ошалело бродит по улицам, толкая прохожих и рискуя попасть под машину.

Некоторые зайцы прыгали через турникеты, кое-кто спускался на железнодорожные пути и обходил вокзал стороной. Андрей присоединился к последним, так как прыгать в плаще неудобно.

В подземном переходе порадовался, что ему не надо соваться в переполненное метро. Купив в автомате телефонную карту, Островцев протолкался через пышущую жаром толпу и побрел в сторону площади Европы.

Скоро он понял, что ошибся: вокруг ни единой телефонной будки. Проклиная мобильники, из-за которых убрали таксофоны, Островцев повернул обратно, хотя мог бы через мост добраться до арбатских переулков, где наверняка найдется таксофон. Но Андрей не желал покидать площадь Киевского вокзала, тем самым как бы оставаясь *дома*.

Засланцы от цветочников, караулившие у Европейского, принялись наперебой зазывать его пойти с ними и купить розы.

«Неужто я похож на ухажера?» - подумал Андрей, протискиваясь сквозь толпу.

Выбравшись на Брянскую улицу, он свернул в первый попавшийся переулок и тут же наткнулся на таксофон, укрытый от

дождя стеклянным козырьком. В переулке не было ни души, лишь воробьи скакали на обочине тротуара.

Андрей вставил карту в щель.

«Карта повреждена либо заблокирована. Выньте карту» - высветилось на узком сером экране.

-Черт! – выругался Островцев и хлопнул по аппарату ладонью. Ну почему ему всегда так везет? Раз в жизни купил карту – и та бракованная!

Взгляд уперся в крошечный рисунок прямо под щелью на таксофоне – перевернутая кверху чипом карта. Андрей выругался, обозвав себя идиотом.

Вставил карту как положено.

«Приветствуем вас! У вас 50 единиц».

Островцев замер на мгновение, не решаясь набрать номер из записной книжки. Вспомнил лицо Ираклия Водянникова, известного российского ученого, эмигрировавшего в США в нулевые.

-Если прижмет, Андрюша, - сказал Водянников перед расставанием.- То…

И сунул в руку своему лучшему ученику Островцеву, боготворившему Ираклия Львовича, вот эту записную книжицу с единственной записью – 7707070 – Mr. Nick Zvonsky, Moscow.

Ну, вот и прижало.

Андрей набрал необычный номер, где счастливые семерки уравновешивались равнодушными пустотами нулей. Чего он боялся больше: того, что номера не существует – времени-то утекло столько; или того, что ему ответят?

Ему ответили:

-Хеллоу?

-Гуд монин, мистер Звоньский. Ай эм, - Островцев мучительно подыскивал слова, во рту пересохло. – Ай эм рашен скайнс… сайенс жобер… джоуббер… Май нэймс Островцев.

На другом конце провода засмеялись и Андрей, к своему облегчению, услышал русскую речь с едва заметным акцентом:

-Говорите по-русски, мистер Островцев.

Ответивший снова засмеялся, но Андрей не обратил внимания на это и горячо заговорил, прикрывая трубку ладонью:

-Вам нужно встретиться со мной, мистер Звоньский.

-С чего вы взяли?

-Нужно. Это очень важно.

Звоньский замолчал, раздумывая. Андрей с тревогой смотрел на экран, равнодушно отсчитывающий в обратном порядке единицы на его карте – осталось всего 30.

-Откуда у вас этот номер?

-Мне дал его Ираклий Водянников.

Дыхание Звоньского на мгновение зачастило. Андрей понял: имя эмигранта мистеру кое о чем говорит.

-Что вы можете мне предложить?

Островцев понизил голос до шепота.

-То, что мой учитель Ираклий Львович называл «гуд бай, Америка».

-Завтра в десять, ресторан «Крабби» у Никитских ворот, - сказал американец.

-Завтра не могу.

Голос Звоньского стал капризным:

– Хорошо. Когда?

-Сегодня, сейчас. И не в ресторане, а в вашей машине. У вас ведь есть машина?

-Хорошая шутка, мистер Островцев, - отозвался Звоньский. – Куда подъехать?

Андрей задумался, бросил взгляд на экран таксофона: «10 единиц, 9 единиц…»

-Брянская улица, напротив «Тайской утки».

-Людное место, - раздумчиво проговорил Звоньский. – Как мы вас узнаем?

«Мы? – мелькнуло в голове Островцева. – А, черт с ним! Мы так мы».

-Белый плащ, в руках черный портфель.

Трубка пискнула, на экран выскочила надпись: «0 единиц. Выньте карту. Карта непригодна».

Андрей последовал совету.

Через стеклянные стены «Тайской утки» виден основной зал с сидящими за столиками немногочисленными посетителями и официантками в пестрых туниках; часть кухни, где желтолицый повар кромсал что-то на разделочной доске.

Жарко…

Андрей приглядывался к паркующимся машинам, в первую очередь, обращая внимание на крутые авто.

Однако кратким сигналом к нему обратился не «мерс» с мигалкой, а неприглядного вида «черри».

В машине сидели двое.

Сделав удивленное лицо, Островцев указал пальцем себе на грудь: «Вы мне?».

«Черри» повторно просигналила.

Осмотревшись, Андрей приблизился к машине. Задняя дверца открылась, он сел в пропахший сигаретами салон.

За рулем – плешивый мужик с бакенбардами. Кожа в синеватых прожилках, глаза прищурены; одет в белую рубашку, тщательно выглаженную. Второй – молодой, скорее всего, иностранец.

-Здравствуйте, - сказал Андрей. – Мне нужен Звоньский.

-Это я.

-А он? – Андрей кивнул на молодого.

-Кирк Салливан, ваш коллега из института штата Мэн, – представил Звоньский,вытирая платком лысину.

Услышав свое имя, Салливан встрепенулся, уставился на Звоньского. Тот что-то сказал по-английски.

Островцев расстегнул портфель, протянул Звоньскому три первых листка из бумаг Невзорова. Звоньский, даже не взглянув, переадресовал Салливану. Американец с ленцой взял листки.

Через мгновение стало ясно: удар нанесен в не прикрытую метафизической броней область. Лоб Салливана покрыла испарина. Ученый что-то сказал Звоньскому, но тот будто бы не услышал, лишь процедил сквозь зубы фразу, оказавшуюся знакомой Островцеву: «Не паникуйте».

Звоньский повернулся к Андрею.

-У вас, я полагаю, и образец есть?

-Есть.

Глаза у этого человека вдруг стали жесткими.

-Покажите.

Андрей пожал плечами и вынул из портфеля танталовый конверт. Салон машинынаполнился зеленоватым сиянием. У Салливана вырвалось:

-Fuck.

Островцев спрятал конверт.

-Сколько вы хотите?- небрежно осведомился Звоньский.

«Кто он по национальности – русский или еврей? – подумал Островцев. - А может, поляк?»

Вслух, неторопливо:

-Миллион.

Звоньский посмотрел на Андрея, как на паучка, спускающегося в турку с кипящим кофе.

-Вы ввязались в опасную игру, мистер Островцев, - процедил он, едва заметно шевеля тонкими губами. – Гораздо опаснее круга первого. Солженицына ведь читали?

-К черту Солженицына. Миллион.

Салливан шуршал листками, что-то бормотал и, когда Звоньский рассмеялся, не поднял головы.

«Привыкли тандемом скупать чужие секреты, - со злостью подумал Островцев. - Торгаши!»

-Не стоит играть, ох, не стоит, мистер Островцев, – выдавил Звоньский. – Вы не хотите встретиться с Невзоровым? Можем организовать.

Если бы он с ходу, без предупреждения, ударил Андрея, тот не изумился бы так.

-Вы знакомы с Невзоровым?

-И очень близко, – лицо Звоньского окаменело, глаза по-волчьи вспыхнули. Он сунул руку между кресел и выудил увесистый черный пакет.

–Здесь сто тысяч. Берите и считайте, что повезло. Времена, мистер Островцев, повернули, и повернули круто. Вы молоды, и этого, видимо, не заметили...

-Заметил, - тихо сказал Андрей, взял пакет и опустил на дно портфеля.

Досье Невзорова и конверт из фольги он положил на сиденье рядом с собой: Звоньский следил в зеркало заднего видения. Не произнеся ни слова, старший научный сотрудник выбрался из машины и, не оглядываясь, направился к переулку. Купил в кассе билет, не желая бегать по электричке от контролеров, когда в портфеле сто тысяч долларов.

«Сто тысяч долларов» - три слова перекатывались во рту, как леденцы.

Вспомнив волчьи глазки Звоньского, Андрей встревожился. Раскрыл портфель, надорвал черный пакет. Зелень бросилась в глаза. Островцев никогда прежде не видел доллары, но сразу догадался: они.

За окном перелистывались подмосковные пейзажи.

Эйфория прошла. Андрей начал подозревать, что стал пешкой в чьей-то игре: пешку побили ферзем и щелчком убрали с доски.

Вспомнились дрожащие пальцы Салливана: что же тот обнаружил в бумагах Невзорова?

Невзоров! Островцев побледнел: а вдруг директор ЯДИ *нарочно* оставил кабинет открытым?

«А может, Невзоров и избил меня нарочно? Спровоцировал?»

Рубашка прилипла к спине.

Бред. Невозможно так все подстроить.

А вдруг – возможно? Если знать, за какие ниточки дергать… Неужели его, Островцева Андрея Сергеевича, столь подробно изучили? Безапелляционно, грубо, как препарированного лягушонка?

Андрею стало страшно. Захотелось швырнуть портфель с валютой в окно.

11

ЕШЬ АНАНАСЫ

Стук босых ног по деревянному полу.

-Ты чего?

-Холодно, хочу камин затопить. Погреемся напоследок.

-Ну, еще бы не холодно, ты же голая.

Марина засмеялась, перенося огонек зажигалки на березовую кору.

Я смотрел, как лучи утра, проникая в окно, обшивают силуэт сидящей девушки светящейся нитью. Вдруг острая зависть к бывшим пронзила меня: как жаль, что в жизни моей никогда не повторится это утро!

Шаги босых ног, солнечный луч, тепло постели, ненавязчивый шорох леса, обступившего дом. Чаша радости выпита бывшими до дна. Мне же, игроку, убийце, досталась случайная капля. Но в этой капле не радость, в ней – счастье. Спасибо, Джунгли.

Огонь заплясал в камине.

Марина поднялась, увидев, что я смотрю на нее, потянулась, поднявшись на цыпочки, отбросила с лица волосы.

-Красивая?

Я засмеялся, протягивая к ней руки. Она на цыпочках вошла в мои объятия. Наши губы встретились, и опять все случилось, как и накануне ночью, – трепетно, радостно.

Солнце слепило глаза. С деревьев падали сосульки. Зима вернется, но пока – весна.

-Марина.

Она обернулась, подождала, пока я догоню ее. Пошли рядом.

-Смотри, какое солнце.

-Да, - она зажмурилась.

Я поправил ремешок автомата.

-Слушай, а почему на Поляне ты выбрала меня?

Выстрел зеленых глаз.

-Ты не похож на других.

Марина взяла мою руку.

-Посмотри, какие тонкие у тебя пальцы - они совсем не загрубели от жизни в Джунглях.

Я невольно усмехнулся.

-Ты чего?

-Знала бы ты, сколько этими руками я пригвоздил игроков… А единственный игрок, одолевший меня, был похож на обтянутый кожей скелет…

-Расскажи, – загорелась она.

Пришлось рассказать, как мне оставили Теплую Птицу у Восточной балки.

-Наверное, игрок решил, что твари доделают начатое им, - вспоминая желтолицего, проговорил я.

-Нет, - Марина покачала головой.- Он просто пожалел тебя.

Я пожал плечами.

Весна, и правда, оказалась короткой. Небо заволокло тучами, пошел снег.

Железная дорога снова извивалась перед нами.

Почему мы не остались в доме с камином? Почему собрались и ушли?

Я сплюнул на снег: что осталось за спиной, того не существует – это и естьЗакон Джунглей.

Вынырнув из лесу, к железной дороге прикорнула испещренная колдобинами автодорога, посреди которой замер фургон - черная развалюха, напоминающая оскалившую зубы тварь.

Марина свернула с насыпи.

-Ты чего?

Она не ответила, коротко махнула рукой.

На фургоне – едва заметная картинка: румяная женщина подает такому же румяному мальчику тарелку с чем-то желтым.

-Андрей, помоги.

Я обошел грузовик. Марина боролась с металлической створчатой дверью – ржавые чешуйки летели на снег из-под ладоней.

-Зачем тебе это?

-Помоги.

Я вцепился в створку.

-Погоди, Марина. Пальцы оттяпает на хрен. Отпускай!

Едва приоткрытая дверь снова захлопнулась, снег вокруг нас порыжел.

Я отлучился в лес, вернулся с толстой палкой. Марина сидела на корточках, чертя пальцем по снегу.

-Как думаешь, что там? – она кивнула на дверцу.

-Посмотрим.

Вставив рычаг в щель, надавил что было силы. Поначалу не чувствовалось ничего, кроме равнодушного сопротивления металла, но затем – щелчок, и дверь распахнулась, да так резко, что я едва успел отскочить в сторону.

Марина охнула.

Фургон был доверху набит продолговатыми ящиками, целыми и невредимыми.

Я залез внутрь и выкинул наружу один ящик. Ударившись, он распался.

-Ананасы, – воскликнула Марина.

Это слово породило всполох в моей голове: празднично накрытый стол, елка, украшенная гирляндой, включенный телевизор. Андрюшка хмуро ковыряет вилкой в тарелке, рядом с ним – Марина Львовна. Входит Галя – в руках у нее зеленая банка.

-А посмотрите, что я припасла! Ну-ка, Андрюшка, открывай!

-Открывай скорее, Андрей, - взмолилась Марина.

Достав заточку, я срезал крышку на зеленой банке: желтые кубики, залитые белесым соком.

-Какой запах!

-Держи, - я протянул банку Марине. Она отпила сока.

-Вкусно.

Взяла пальцами желтый кубик, стала есть.

Я открыл банку для себя.

Правда, вкусно. Но мясо лучше… Оно дает силы.

-Неплохо, - сказал я, отшвырнув пустую банку. – Бывшие, наверное, по праздникам это ели?

Марина наморщила лоб:

-Не знаю… Кажется, на праздник они ели свежие ананасы… Ну, то есть… Богатые ели свежие каждый день, а бедные – на праздник.

-А это тогда для кого? – я кивнул на коробки.

-А это, наверное, для бедных – на каждый день. Или, может, для путешественников - таких, как мы. Не знаю. А почему ты спрашиваешь?

-Всполох, - я замялся. – Похоже, Андрюшка открывал эти банки по праздникам.

Пару секунд Марина смотрела на меня, потом рассмеялась.

-Выходит, у тебя сегодня большой праздник.

Для нее Андрюшка и я – это одно и то же…

Тишину нарушал лишь скрип снега под ногами. Автодорога свернула в лес. Все чаще попадались КТСМ, разрушенные или уцелевшие. В чащобе замелькали остовы каких-то зданий.

Но вот тишина разрушилась, отступила перед настойчивым гулом.

Между тем мы добрели до моста. Река неторопливо гнала куда-то темную воду.

За мостом рельсы поворачивали и вдруг обрывались. Впереди, все еще на значительном расстоянии, застилая солнце, - высиласьржавая стена, оттеснившая Джунгли, уходящая за горизонт.

-Московская резервация, - прошептала всезнайка-Марина, положив руку мне на плечо.

12

НЕВИДИМЫЕ СТРЕЛЫ

В Малоярославце палило солнце, плавился асфальт на платформе. Молодая пара, дожидаясь электрички на Москву, кормила хлебом голубей, слетающихся отовсюду. Хлопанье крыльев, воркование.

У синего, похожего на терем, вокзала старушка продавала пирожки, но немногочисленные пассажиры, мучимые зноем, не хотели пирожков, а хотели пить.

Островцев купил в ларьке небольшую бутылку газировки и тут же выпил, наслаждаясь. Помнится, в детстве он любил лимонад и, когда мать возила его в Обнинск, просил: «Мама, купи «чебурашку». Мать сердилась:

-Потом по туалетам тебя таскай!

Но все-таки покупала.

Опустив бутылку в урну, Андрей двинулся через привокзальную площадь. Таксисты, поджидающие пассажиров у потрепанных «жигулей» и «волг», окинули ленивыми взглядами: «Нет, не поедет»; лишь один – порядку ради – окликнул: «Парень, в Медынь?».

Островцев проследовал мимо таксистов, мимо автобусной остановки, гудящей народом.

Улицы Малоярославца широки и пустынны.

Многоэтажек здесь немного и почти все – новые.

Сразу за памятником героям 1812 года – частный сектор, полукольцом огибающий центр города.

Идя по пустынной улице, где низенькие скромные домики перемежались с огороженными высокими заборами коттеджами, Островцев задумался о стремлении людей даже здесь, в ста тридцати километрах от Москвы, жить по - столичному.

За его спиной раздался рев моторов. Мимо, подняв пыль, пронеслись два тяжелых мотоцикла. Татуированные бородачи, закованные в кожаные безрукавки, за спинами – длинноногие девицы, волосы трепещут, будто флаги.

Островцев вспомнил: летом в Малоярославце проходит байкерский слет. Любители мотоциклов, природы, пива и девочек съезжаются сюда отовсюду, преимущественно из Москвы.

«Отдыхают люди», - позавидовал Андрей.

У одного из коттеджей его напугала собака, молча высунувшая из-под забора безухую морду. Залаяла, обнажая клыки.

«У, зверюга, – подумал Островцев. – Понавыводили, сволочи».

Дом Анюты прилепился у дороги к глубокой чаше оврага, дно которого - луг, изрезанный рекой. Там-то и тусуются байкеры. Неподалеку от дома церквушка – маковки сверкают на солнце.

Увидев человека, млеющая от жары дворняжка вскочила, хрипло залаяла, загремела цепью.

Андрей вошел в калитку. По тропинке - мимо кустов смородины и крыжовника - к дому, сложенному из добротных осмоленных бревен.

Надавил кнопку звонка.

За дверью раздался треск, затем - голос:

-Сейчас!

Дверь открыла женщина лет шестидесяти. Лицо широкое, глаза слегка раскосые, домашний халат открывает сильные руки в разноцветной сетке кровеносных сосудов.

-Вам кого? – спросила женщина, без любопытства рассматривая Островцева.

-Я к Анне Владимировне.

-А ее нет.

Андрейглядел на женщину, ничего не говоря и не торопясь уходить.

-Ну, пройдите, - вздохнула та. - Подождёте… Вы, наверно, с ее работы?

-Да, - соврал Андрей, переступая порог.

-Так может – передать что? Оставляйте смело – я мама ее.

-Нет, - Островцев замялся. – Мне бы лично…

Здесь было царство запахов – приятных и не очень. Андрей уловил запах шалфея,свежего огурца, петрушки, а еще кошки и картофеля в мундире.

Он опустился на лавку в углу – грубую, деревенскую. На окнах занавески с бахромой, на столе – букет полевых цветов.

Мать Анюты присела к столу. Жужжала, билась в стекло муха. Пришла кошка, растянулась на полу посреди комнаты; ходики на стене лениво тикали. Молчать стало неудобно, и Островцев собрался заговорить о погоде, но женщина опередила.

-Чаю не хотите?

-Нет, спасибо.

-Да, в такую жару лучше квас… Да вот нету квасу. Хоть бы уж дождик, что ли, пошел.

Андрей кивнул.

-Земля как камень… Огурцы завяли совсем. А вы сами откуда?

Островцев наклонился, погладил кошку, подошедшую к его ногам.

- Я на станции Родинка живу.

-О, так вам еще дальше ездить, чем Анюте, - на лице женщины мелькнулосочувствие и вместе с тем незлобивое ехидство. – Рано, наверно, встаете?

-В пять.

-Ах-ах, - всплеснула руками женщина.

Кошка метнулась под лавку, выскочила с мышью и скрылась в чулане.

-А вы бы сняли комнату поближе.

-Дорого.

Андрею стало скучно.

-Да, дороговизна.

Залаяла собака. Женщина посмотрела в окно.

«Идет», - мелькнуло в голове Островцева, и ему стало не по себе: придется ломать комедию перед матерью Анюты.

-Идет Анна Владимировна? – спросил он.

-Не, соседка в магазин.

Андрей поднялся с лавки.

-Тогда я, пожалуй, пойду. Завтра на работе переговорим.

-А может, спуститесь на поле? Она ведь с жильцом нашим пошла этих самых байкеров смотреть.

Андрей встрепенулся.

-С жильцом?

-С жильцом. Мы ведь уже три года как сдаем комнату.

За извивами грунтовой дороги, слегка присыпанной гравием, ревели мотоциклы и слышались крики.

Вроде бы совсем рядом, но на деле Андрей уже пару раз останавливался передохнуть: идти под уклон тяжело, приходилось сдерживать ноги, невольно стремящиеся к бегу.

Даже здесь, вблизи реки, где земля постоянно подмывается разливом, некоторые умельцы умудрились построить коттеджи. Так и казалось: сейчас дом съедет с фундамента и поползет вниз.

У колонки Андрей напился холодной, ломящей зубы воды. Пожалел, что выбросил бутылку из-под лимонада, - можно было бы

наполнить.

«С жильцом? С жильцом! И ведь - ни гу-гу! «Живу с мамой»!».

Ручка чемодана жгла кисть. Островцев подумал о ребенке, зародившемся в этой Анюте и тем самым привязавшим его к ней. Он ужаснулся, поняв, что почти ненавидит и Анюту, и ее ребенка.

Моторы ревели, девицы хохотали. Бородачи в черных банданах, скинув косухи, выписывали на «харлеях» круги по черной поляне.

Кто-то пытался пересечь речку на «Запорожце».

В небе парил треугольник параплана с едва заметным человечком, а на пригорке сгрудился палаточный лагерь.

Андрей понаблюдал за лихими трюками бородачей и, не обнаружив в толпе Анюты, направился к реке.

И тут же увидел ее, - розовую, сисястую, хохочущую.

Она не замечала никого, кроме черноволосого мужика, - мощный торс, горбатый нос, белозубая улыбка от уха до уха.

Свернув в заросли ивняка, Островцев наблюдал за купающимися, стиснув зубы. Когда Анюта и черный начали целоваться, Андрей повернулся и через кусты побрел вдоль реки в сторону дороги, задевая портфелем росистую траву.

«Шлюха ебаная! Потаскуха! С чуркой спуталась!»

Островцев и не подозревал, что способен на такую злость, тем более из-за Анюты. Эта злость была сильнее его и искала выхода.

Андрей остановился.

Убить Анюту, утопить, чтоб захлебнулась грязной водой, проклятая тварь!

Но не сделав и десятка шагов в обратном направлении, Островцев понял: возможная история, с убийством, со скандалом, не для него, потому что он - трус. Просто трус.

Безжалостный в своей простоте вывод ошеломил Андрея. Он покачнулся, и если бы не подвернувшийся ствол дерева, полетел бы с обрыва в реку. Сухие рыдания сотрясли его грудь. Прислонившись к плакучей иве, Островцев плакал из-за женщины, которую никогда не любил.

Неподалеку ревели мотоциклы, визжали купающиеся девицы, пьяно горланили байкеры.

Бомбила остановил «волгу» у железнодорожной платформы в Обнинске. Повернул к Андрею загорелое лицо.

Островцев полез в карман плаща. Так. Банка пива. Денег нет.

Бомбила нахмурился.

-Секунду, - сказал Андрей.

Поставил на колени портфель, расстегнул. Повернулся спиной к водителю.

-Держи.

Бомбила вытаращился на протянутую купюру.

-Сдачи нет.

-Не надо сдачи.

Островцев вылез из машины. Горят фонари, вокруг маршруток и автобусов – вечерняя суета. Свистя, проследовал экспресс на Калугу.

Андрей открыл пиво, хлебнул. Третья банка за вечер… Он постоял, глядя, как мечутся у фонаря мотыльки, и вернулся к припаркованной «волге», в которой шумело радио.

-Слушай.

Бомбила крутанул регулятор звука.

-Да?

-Есть тут ночной клуб?

-Есть.

-Вези.

Островцев уселся рядом с водителем, пиво из банки выплеснулось на пол.

CRAZY HORSE - точно великан накарябал красными чернилами. Перед входом – искусственные пальмы, освещенные зелеными фонарями.

Андрей открыл массивную дверь и вошел.

В холле, задрапированном синим бархатом, стоял секьюрити. Приглушенно звучала музыка.

-Сегодня по приглашениям, - неприветливо сообщил охранник.

Островцев протянул заранее заготовленную купюру. Секьюрити спрятал ее в нагрудный карман, пожал плечами:

-Проходите.

Музыка оглушила. Казалось, она доносится отовсюду, даже из-под пола, на котором танцевали в полутьме какие-то люди. Помещение пронизывали мечущиеся лучи изумрудного, красного и желтого цвета. По обе стороны танцпола – прозрачные шары, подсвеченные прожекторами, в которых извивались под музыку голые девушки.

Пахло сигаретным дымом и духами. Андрею стало не по себе: он раньше не бывал в подобных заведениях. Заметив бар, направился к нему, сжимая в запотевшей ладони ручку портфеля.

-Что будешь? – крикнул бармен.

-А что … посоветуешь.

-Это зависит от того, есть ли у тебя бабки.

«Бабки? А, деньги…»

-Есть бабки.

-Тогда – мохито.

-Давай.

Бармен занялся приготовлением коктейля. Андрей повернулся к танцполу.

-Скажите, горячо? - закричал кто-то. Толпа ответила мужскими и женскими возгласами.

-Ледиз энд джентльмэнз, дамы и господа, разрешите представить вам. Ди-джей Соляррррррис!

Танцпол зашелся в экстазе.

-А ю рейд?

Музыка - громче и быстрее.

Андрей уловил запах мяты, повернулся к бармену.

-Твой мохито.

Принял холодный бокал, взял в губы трубочку. Отпил. Ого! Приятно.

-Еще.

Бармен ухмыльнулся.

-Слушай, я вижу, ты здесь впервые, - бармен, перегнувшись через стойку, смотрел на Андрея. – А бабло у тебя водится.

Островцев кивнул.

-Водится, да. Эта сука с жильцом спуталась. Шлюха.

Андрей сбивчиво рассказал бармену про Анюту; тот слушал вполуха.

-Слышь, братан, тебе надо расслабиться, - крикнул он, когда Андрей умолк. – Возьми вот это.

Протянул Островцеву белый кружочек. Таблетка.

-Что это?

-Это – кайф. Проглоти, узнаешь.

«Наркота», - мелькнуло где-то на окраине сознания. Андрей поднес таблетку ко рту, замер на мгновение и проглотил.

Ему казалось, что он чувствует себя ясно, не ощущая ничего, кроме эйфории. Но главное, в нем появилась внутренняя сила. Волшебное ощущение. Оставив портфель у бара, Андрей шагнул на танцпол.

Лучи музыки пронизывали его насквозь.

Островцеву стало жарко, он сбросил плащ, оставшись в рубашке. Чьи-то руки обнимали его, и он обнимал кого-то.

Люди, что танцевали вместе с ним, были в эту минуту самыми близкими для Андрея, самыми родными. Ему хотелось сделать что-то для них. Достать с неба луну, повернуть время вспять, остановить память…

Он, пошатываясь, сошел с электрички на темной платформе. Родинка, его полустанок. Мрачно и тихо: окна не светятся, не слышно густого шума лесопилки.

Посмотрев, как гаснет вдали желтое пятно поезда, Андрей побрел по знакомой улочке – серой, как шкурка мыши.

«Уходи – и дверь закрой,

У меня теперь друго-ой

Мне не нужен больше

Твой…»!

Прогорланил хрипло:

-Номер в книжке записной... - и умолк, почувствовав напряжение, повисшее над спящими домами.

Больше не порываясь петь, Островцев добрался до своей двери, сильно и резко постучал.

Окна разом засветились, дом зашелестел голосами, зашуршал шагами.

-Андрюша, почему так поздно?

С распущенными седоватыми волосами Галя походила на ведьму. Андрей вошел в круг света, Галя осеклась, потом заговорила – быстро-быстро, со слезой в голосе.

-Андрюшка, да что это? Да кто это? Где твой плащ? Что с лицом? Ну, говори! Что с тобой? Где ты пропадал?

Она зарыдала, некрасиво искривив рот, ухватилась тонкими руками за Андрея, несильно встряхнула.

-Отойди, пустоцветная, - сказал Островцев и, отстранив ее, прошел в дом. Наткнулся на испуганные глаза матери.

-Ты что, пьян? – проговорила она.

Андрей и сам не знал - пьян он или трезв. Пил? Кажется да, пил. А может, и не пил…

Пробурчав что-то сквозь зубы, он завалился на диван и тут же захрапел, не слыша рыданий Гали и болезненно-убедительного голоса матери:

-Ну что ты, детка? Ну, какая ты пустоцветная? Он просто пьяный! Пьяный дурак!

Портфель Островцев из руки не выпустил, точно боясь, что отнимут.

Вот только застежка на портфеле была расстегнута, крышка раскрылась, обнажив пустоту.

К счастью, ни Галя, ни Марина Львовна не донимали Андрея расспросами о том, почему он перестал ездить на работу.

С неделю Островцев ждал визита гостей - Невзорова или кого посерьезней; поднялся на чердак, отыскал охотничье ружье, почистил, смазал, зарядил.

Тишина.

Анюта, сто тысяч, жадный блеск глаз торгаша Звоньского, Crazy Horse мало-помалу стали казаться Островцеву сном – гадким, унизительным сном. А реальность… Реальность – это испарина на лбу Кирка Салливана, изучавшего секретные документы Невзорова.

Островцев жадно просматривал выпуски новостей.

Дикторы наперебой рассказывали про перезагрузку в американо-российских отношениях.

Вскоре караул у телевизора наскучил Андрею.

Конверт из танталовой бумаги, 23767t… Будь что будет…

А вдруг и вправду, времена поменялись, (кажется, так сказал Звоньский).

Островцев стал помогать Гале по огороду: окучивал картошку, собирал в банку колорадских жуков, срезал пасынки с помидорных кустов.

Однажды ранним утром Андрей вышел из дому.

Зябкий воздух щекотал лицо, влажно шевелился в низинах, скучиваясь в белые подушки.Высокая трава хлестала по сапогам с

длинными голенищами, делала их блестящими и чистыми. Сапоги Андрей нашел на чердаке – оказались впору. Там же был и прорезиненный зеленый плащ с крупными золотистыми пуговицами.

Островцев не помнил, когда последний раз был в поле: для него оказалось в новинку и легкое головокружение от предрассветного воздуха, и краски восхода, с каждым мигом все более многообразные, и резкий вскрик какой-то птицы, и журчание спрятавшегося в траве ручья…

Андрей засмеялся от переполнившей его радости.

Бегом спустился с заросшей луговыми цветами кручи, вброд преодолелзвонкую речушку и очутился в лесу.

Вдохнул полной грудью. О, Боже!

Как жалко, как обидно ему стало за то время, что он провел в подземном мешке под названием Подлинный ЯДИ!

Вот паучок, повисший на тонкой ветке.

-Ты умнее меня, - прошептал Андрей пауку, но тот не понял и спрятался в листве.

Деревья замахали ветками, словно приветствуя нового берендея. В прохладном сумраке таилась земляника. Где-то стучал дятел.

Лес понемногу спустился в низину, земля стала влажной, но не вязкой; все чаще попадались сгорбленные низкорослые березы и замшелые пни.

Андрей, почувствовав усталость, присел на пень.

И вдруг...

Солнце будто взорвалось перед изумленными глазами Островцева, покрыв небо ровным оранжевым налетом, тут же покрасневшим. Налетел ветер – колючий, знойный, швырнул в лицо несколько осенних листьев с красными жилками.

Миллионы невидимых стрел со всех сторон летели к Андрею, безжалостно втыкаясь в тело, проникая в легкие, причиняя нестерпимую боль. Островцев встал было с пня, но тут же упал на колени: носом хлынула кровь. Он захрипел, схватился руками за горло, тщетно пытаясь избавиться от стрел, рухнул лицом в пожухлую траву. Листья равнодушно сыпались на него.

13

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Я глядел на бесконечную стену, не в силах произнести ни слова. В Джунглях я слышал россказни о резервациях, но не верил в них. И вот резервация передо мной.

-Что это? – повернулся к Марине.

-Я же сказала, Москва - самая большая резервация в Джунглях.

Ветер поднял с земли снег, заслонивший от наших взоров Москву. Когда вихрь угомонился, Марина уже направлялась к резервации.

-Марина, - я догнал, преградил ей путь. – Нам не стоит туда соваться.

-Почему, Андрей?

-Вспомни, что было в Калуге.

-Это не Калуга.

Марина рукой отстранила меня.

Я посмотрел, как удаляется ее фигура, сплюнул на снег и побежал следом.

-Подумала было, что ты не пойдешь, - улыбнувшись, сказала Марина, когда я поравнялся с ней. - Хотела поворачивать обратно.

Я хмыкнул – что тут скажешь?

Небо скукожилось.

Вблизи стало понятно, что стена сооружена из кубов, плотно подогнанных друг к другу. Каждый куб – несколько спрессованных автомобилей.

-Пойдем, я знаю, где лазейка.

-Ты что, уже была здесь? – удивился я.

-Я родилась в Москве.

Вот оно что!

-А как же тебя занесло в Джунгли?

-По глупости.

Я умолк, пораженный простотой ответа.

Марина нетерпеливо махнула рукой, мы двинулись вдоль стены.

Когда началась метель, я заволновался: скоро ночь и здесь, на открытом пространстве, нам придется худо.

-Что ты ищешь, Марина?

Она повернула ко мне щеку, облепленную снегом. В глазах растерянность.

-Белого оленя.

-Чего?

Отмахнулась и побежала вдоль стены, задрав голову.

Черт возьми, она что, свихнулась?

-Надо искать убежище – скоро стемнеет!

Метель скомкала мои слова, пригвоздила к земле крупными снежинками. И тут я увидел белого оленя: в один из кубов попался белый автомобиль, причудливо изогнувшийся под прессом.

-Вон он, твой олень! – закричал я.

Марина вынырнула из метели.

-Отлично, Андрей.

Под оленем, став спиной к стене, она отсчитала девять шагов вперед. Руками расчистила снег.

-Что стоишь? Помоги!

Ржавая крышка с надписью «Мосводоканал», прихваченная кое-где льдом, поддалась не сразу.

Облако пара поднялось из черной дыры. Запах плесени, болота. Узкая лестница ползет вниз, цепляясь за стену бетонного колодца, дна которого не видать.

Этот колодец ведет в резервацию… Резервация! Оживший бред игрока. Неужели я попаду в нее?

Марина ступила на лестницу, стала спускаться. Совсем исчезла из виду…

-Андрей?

Голос нетерпеливый, недовольный.

Иду.

Я полез в колодец.

-Марина.

-Тс!

Тонкий палец прижался к моим губам. Колодец привел нас в широкий тоннель.

-Здесь лучше тихонько. Пошли!

Держа меня за руку, Марина двинулась вперед. Под ногами хлюпала вода.

Мало-помалу мои глаза стали кое-что различать в темноте.

Тоннель со щербатыми сводами, ржавыми балками. С потолка – вечный дождь.

Из тоннеля вышли в просторный зал с колоннами.

-Метро, - глухо сообщила Марина. – Осторожно, лестница.

Мы взобрались на каменную платформу. Из-под поддерживаемого колоннами купола шел дождь, звонко стуча по граниту. Напротив нас остановился поезд.

Марина подошла к одному из вагонов, встав на цыпочки, сняла что-то с крыши. Щелчок – и у нее в руках возник сноп света.

-Мой тайник, – сообщила Марина, направив фонарь мне в лицо.

-Прекрати, - сказал я, заслоняясь рукой.

Она повернула луч в сторону: я увидел в вагоне поезда пассажиров. Время сделало фотографию на память: перегруженный вагон метро, кто-то из пассажиров смотрит на часы, кто-то читает, кто-то спит.

-Пойдем, Андрей.

Луч переметнулся на залитый водой пол. Светлые пятна запрыгали на стенах и потолке. Я увидел люстры, рисунки.

Мы спустились на пути перед носом поезда.

Марина пошла впереди, я следом, радуясь, что под ногами тянутся рельсы.

Скоро я перестал обращать внимание на выныривающие из темноты станции – ноги налились свинцом, в голове гудело от капели, крысиного писка, глухого шлепанья наших ног по лужам.

Хотелось наружу - к холодному сухому воздуху и звездам.

Очередной зал распахнулся перед нами. Нащупав фонарем лестницу, Марина направилась кней.

У красноватых колонн застыли бронзовые фигуры.

Луч фонаря заметался по гранитному полу, залитому водой. Нашел люк.

-Андрей, открывай.

Я напрягся, откинул крышку в сторону. Вода устремилась в отверстие гулким водопадом.

-Лезь!

Невозможно было не заметить появившуюся в Марине резкость. С чего бы это?

Однако ни спорить, ни возмущаться я не стал.

Бетонная кишка вела в короткий темный тоннель, в конце которого – сердце радостно забилось – серпик луны.

Марина отключила фонарь.

Ночное небо подалось навстречу.

Мы оказались посреди темной улицы - очертания полуразваленных домовнеясно рисовались в ночном свете.

Я с наслаждением вдохнул.

Не успел выдохнуть, как пронзительный стрекот разорвал тишину, и над нашими головами пронеслась вертушка.

-Стрелки! – я повернулся к Марине, но она не выразила ни страха, ни удивления. В руке у нее что-то белело.

-Прости.

Это произошло мгновенно, а мне показалось - длилось целую вечность. Острие шприца с месяцем на самом кончике, приблизилось к моей шее и вонзилось в нее, сразу же разлив по телу слабость, не позволившую устоять на ногах. Марина подхватила меня, уложив на снег лицом к небу.

[1] Александр Блок

[2] «Откровение святого Иоанна Богослова» (6; 12-14).

[3] Чистая доска – лат.

[4] Вольная цитата из «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Часть вторая. Конунг

1

КОКАИН

-Конунг Ахмат, здесь Шрам.

Обмотав руку липковатой тряпкой, я снял вскипевший чайник, поставил на стол, изрезанный ножом.

Стрелок по имени Николай терпеливо ждал: серое равнодушное лицо, тусклые глаза.

-Зови.

Николай отодвинул заскрежетавшую дверь – из вагона устремился густой пар. Спрыгнул на скрипнувший снег.

Поезд остановился на ночь посреди Джунглей. Я требовал от машиниста продолжать путь, но тот не поддался ни уговорам, ни угрозам.

-Как хочешь, конунг, - сказал он, глядя мне в глаза. – Ночью не могу – не ровен час, угодим в яму.

Пришлось отступиться, чтоб не терять время.

-Конунг?

Я обернулся.

-Присядь, Шрам.

Он, конечно, остался стоять, здоровенный игрок, продавшийся стрелкам за то единственное, что так необходимо ему, и что невозможно достать в Джунглях, – за кокаин.

-Хочешь чайку? – спросил я.

Шрам что-то промычал, мотнув башкой. Широкое лицо делил надвое шрам, отчего казалось, что у игрока два носа и четыре губы.

Я отпил из алюминиевой кружки.

-Что имеешь сказать?

Шрам взмок: непривычно находиться в помещении, тем более - в жарко натопленном.

-Неподалеку поляна, конунг. Там игроки, - сообщил он, косясь на потолок.-

Кажется, они думают, что твой поезд – Последний.

-Это всё?

-Все.

Я откинулся на спинку стула, несильно ударившись затылком о стенку вагона, и засмеялся.

-За такой пустяк ты надеешься получить дурь?

Прищуренные глаза Шрама вспыхнули. Почему я в одиночку принимаю это чудовище? Рано или поздно он бросится на меня, чтобы задушить, - и я могу не успеть выхватить пистолет…

-Ну?

Шрам потоптался на месте, нехотя промычал:

-Там, куда ты направляешься, - питеры.

Я локтем задел кружку, которая тут же опрокинулась. Кипяток пролился на стол, закапал на пол.

-Что?

-Питеры, конунг, - Шрам сыто ухмыльнулся. – Похоже, они собираются

организовать в Твери базу.

Я встал со стула, прошел в угол к ведру. Помочился. Шрам терпеливо ждал.

-Сколько их?

-Больше тебя, конунг.

-Насколько?

-Самое малое - вдвое, - Шрам, прищурившись, смотрел на меня. Нет, этот игрок только с виду – громадный дурак...

-Техника?

-Три вертушки и поезд.

Я подошел к сейфу, набрал код замка.

За железной дверцей - горка белых пакетиков. Мое плечо обожгло горячим дыханьем, я обернулся – глаза склонившегося Шрама жадно засверкали.

-Неплохой у тебя запасец, конунг.

-Убери рыло.

Он отстранился. Я запер сейф, протянул игроку пакетик.

Шрам схватил дурь дрожащими руками, тут же надорвал целлофан, всыпал порошок в огромные ноздри. Шумно втянул воздух.

-Убирайся, - поморщился я.

-Прости, конунг, - пробормотал Шрам, облизывая пустой пакетик синим языком.

Как только он притворил за собой дверь вагона, я прилег на накрытую шкурой твари кровать.

Информация Шрама была неожиданной.

Мой отряд направлялся в Тверь для проведения зачистки, а не для битвы с питерами. Да и не слышал я, чтобы когда-нибудь стрелки - москвиты нос к носу сталкивались с питерами… Кажется, Христо упоминал, что когда-то к Отцу Никодиму приезжал из Питера Отец Афанасий. Но откуда Христо мог знать наверняка? Он возрожденец, а не стрелок.

Операция в Ярославле основательно пощипала отряд: тамошние игроки здорово метали заточки. Я не готов к столкновению с питерами. И УАМР ничего не говорит на этот счет…

Так что, поворачивать обратно?

«Шанс обязательно выпадет – главное, не упустить его», - женский голос. На мгновение я будто наяву увидел ее, вспомнил запах волос, наивные, неосуществимые мечты, которые я начертал на флаге своей души и тайно понес через Русские Джунгли. Серебристая Рыбка, плыви…

-Значит, шанс, - прошептал я, глядя, как в печи мечется огонь.

Решение было принято. Чтобы не терзаться понапрасну новыми сомнениями, я поднялся с постели, снял с гвоздя зеленую куртку с нашивкой на рукаве в виде серпика луны.

Серпик луны сверкал и на холодном небе, но смотрел он в другую сторону. Джунгли шумели, где-то выла тварь. Там же бродит Шрам, а может, забрался на дерево и уснул, - улетел в лживо-прекрасный сон. Интересно, что он видит под дурью? Что прекрасно для Шрама? Зеленая долина, пересеченная голубой речушкой, вытекающей, кажется, из самого неба? Едва ли. Красивая женщина? Это уж точно – нет. Скорее всего, он видит себя не Шрамом, а кем-то другим. Может быть, конунгом.

Я пошел вдоль поезда. За приоткрытыми дверями вагонов храпели, стонали, ругались вполголоса; из печных труб летели искры – некоторые поднимались выше деревьев и только там, в вышине, гасли.

В хвосте поезда, на платформе, – вертолет, лопасти свисают чуть не до земли. Единственная вертушка, доверенная моему отряду. Да я особо и не настаивал на большем, полагаясь на пехоту и мощь станкового пулемета.

Посмотрев на блестящий под луной снег, повернул обратно.

Из продвагона доносились приглушенные стоны, звуки ударов: эта сволочь, Машенька, опять избивал Николая. Я остановился у двери, едва сдерживаясь, чтоб не вмешаться.

-Гад, - тонким голосом крикнул Николай и тут же захрипел: должно быть, Машенька схватил его за горло.

Быстрым шагом я направился к своему вагону: помочь Николаю я не в силах, даром что конунг. В отряде, как и в Джунглях, – каждый сам за себя.

Отворив дверь, я замер: в мое краткое отсутствие кто-то побывал в вагоне.

Сердце гадко заныло: на месте сейфа раскуроченные доски с хищно торчащими гвоздями – похоже, сейф отодрали от пола одним рывком.

-Шрам! Е…ть его душу, это Шрам!

Поднимать общую тревогу я не решился, хотя соблазн был.

Переоценить потерю невозможно: без кокаина отряд неуправляем. Каждое удачное действие, каждое попадание в цель должно оплачиваться дозой – таков неписаный закон. Кокаин – бог и демон отряда, мерило всего и вся…

Несколько темных фигур маячили передо мной в поднимаемой ветром снежной свистопляске. Стрелки, вырванные приказом из жарко натопленных вагонов, свирепо матерились, то и дело посылая в «молоко» очереди из автоматов.

-Хер мы его найдем, – грубый голос справа от меня, кажется, Осама. – Вспорхнул, гнида, на дерево.

-Смотри, а то сядет на шею - простужено отозвался кто-то.

-Прекратить трёп, - крикнул я, отгораживаясь от слепящего снега воротником куртки.

Черт подери, какой ветрище, даже здесь, в лесу, продувает. Шрам, будь он неладен. Впрочем, и сам молодец - угораздило же не запереть вагон с кокаином…

-Конунг!

Я побежал на голос, придерживая автомат у бедра. Ноги утопали в снегу, деревья, баюкая, раскачивали черноту ночи.

-Сюда, конунг, - облепленный снегом силуэт возник передо мной.

-Ты, Николай?- я узнал слабосильного, нерасторопного работника продвагона. Узнав, удивился: на зов положено явиться Машеньке.

-Конунг?

-Да?

-Посмотри.

В голосе Николая звенело торжество. И было отчего.

На дне кустистой ложбинки, распластав руки и ноги, навзничь лежал Шрам. Неподалеку от его головы чернел сейф.

Я бросился со склона по сугробам, проваливаясь по колено.

На сейфе вмятины от яростных ударов, но дверца цела. Этому ублюдку не удалось добраться до моего кокаина.

Я выругался, пнув лохматую голову Шрама. Кожица на виске лопнула, закапала кровь. Игрок застонал, но не очнулся, и глаза его остались все такими же застывшими.

-Молодчага, Николай. Дурь заработал.

Я вытер лоб комком снега.

-Где запропастились эти долб..бы? Ну-ка, свистни.

Николай не торопился снять с шеи алюминиевый свисток и созвать группу.

-Слышишь ты?

Он вдруг заговорил – прерывающимся зябким голосом.

-Конунг, мне не нужна дурь. Я, это самое, хотел бы… Ну… уволиться из продвагона.

Я посмотрел в лицо Николая – ни синяка, ни кровоподтека. Машенька умеет бить так, что следы побоев видны лишь жертве.

-Хорошо, я подумаю, - выдавил я. – Свисти!

Николай поднес к губам свисток.

Спустя какое-то время шесть облепленных снегом фигур – Осама, Надим, Джон, Киряк, Сергей, Якши - спустились с разных сторон в ложбинку.

-Где вы шляетесь, мать вашу?

-Заплутали, конунг, - равнодушным голосом ответил за всех Киряк, растирая снегом красную рожу и с интересом косясь на Шрама.

-Пока вы плутали, Николай заработал дурь.

-Кастрат?- недоверчиво хмыкнул Осама. – Охуеть.

Стрелки, включая и Николая, заржали.

Горло Шрама выплеснуло сдавленный крик, игрок засучил вдруг руками-ногами, словно младенец.

-Возвращается, конунг, - доложил Якши.

-Вижу.

Шрам возвращался, поскуливая и клацая зубами, - за мгновения неземного блаженства расплачивался мучением.

Мало-помалу глаза игрока обрели подобие мысли. Шрам сел.

-Мудак, – не выдержал Осама.

Приклад врезался Шраму в подбородок - тот словно не почувствовал, и вдруг рассмеялся, вызвав ярость у Осамы. Приклад замелькал в морозном воздухе, описывая равные полукружья. Шрам и не думал защищаться.

Осама утомился и отступил, кивнув Джону: «Теперь ты».

Шрам смотрел на меня.

Стрелки по очереди избивали его, соревнуясь в силе, а Шрам все смотрел на меня.

Удар Осамы опрокинул игрока навзничь.

-Ну-ка, - Осама ленивым жестом уткнул дуло автомата в шею Шрама.

-Стой!

Осама уставился на меня.

-Он вор.

-Сказано - стой, - отчеканил я, ленивым жестом сбивая наледь с серпика луны на рукаве. – Убери автомат и бери сейф. Вы все, помогите ему!

Стрелки поволокли сейф к заносимому снегом поезду. Чувствуя себя разбитым, я побрел следом.

Шрам остался лежать на дне ложбинки.

Над поездом клубился пар. Стрелки, переругиваясь и кряхтя, покидали натопленные вагоны.

-Ну и морозище, - проговорил Белка, стрелок-альбинос, которого командование навязало мне в адъютанты. Отбежав в сторону, он стал мочиться, выжигая в сугробе желтую пещеру.

-Белка, хрен не отморозь, - крикнули из толпы, тут же грохнувшейсмехом.

-А ты че так за мой хрен беспокоишься, Джон?- Белка, лыбясь, натянул штаны.

-Довольно ржать,- морщась от гуда в висках, сказал я.- Белка, давай построение.

-Слушаюсь, конунг. Стро-о-йсь!

Луженая глотка. Лесное эхо многократно повторило приказ. Стрелки вытянулись в неровный ряд. Двадцать девять человек, двадцать девять комплектов хаки, двадцать девять АКМ, двадцать девять пар глаз, горящих предвкушением бойни. Нет, только двадцать восемь горящих пар глаз. Я остановился напротив Николая, глаза которого просто смотрели на меня, в них таилась тусклая мольба.

-Два шага вперед.

Николай повиновался.

-Конунг?

-Ты переводишься из продвагона в первый.

-Так точно,- голос Николая едва заметно дрогнул. Он вернулся в строй, в котором зашумело: «Кастрата – в первый».

Опасаясь, что шум увеличится, я кивнул Белке:

«Раздавай!».

Жестяная коробка заставила отряд на время позабыть обо всем. Драгоценные пакетики с белоснежным порошком замелькали в заскорузлых пальцах.

-Слава конунгу!- громыхнуло над лесом.

Я повернулся и побрел к локомотиву, обходя желтые ледники, выросшие за одну ночевку поезда. Слава конунгу. Чтобы бы вы орали, если б ночью Николай не нашел в Джунглях Шрама?

-Спасибо, конунг.

За моей спиной - дыхание сбивчивое. Тебе спасибо, Николай.

Я вскочил на ступеньку локомотива.

В кабине машиниста - запах концентрата, тварки, поджаренных при сушке валенок.

-Олегыч?

-Кого там?- заспанный, недовольный голос. Щелкнув, включился генератор, под потолком вспыхнула красная спираль лампочки.

Машинист лежал на кровати, втиснутой в узкую щель между двигателем и печкой. Увидев меня, он откинул в сторону рваную телогрейку, обнажив ноги с желтыми ступнями и грязными толстыми ногтями.

-Конунг? Чтой-то рано.

-Где там рано, Олегыч, - уже построение прошло.

Охнув, Олегыч сел, суетливо натянул валенки и бросился к печке. Погремев заслонкой, достал закопченный котелок.

-Олегыч, время!

-Минуту, конунг,- стуча ложкой, отозвался машинист, - на пустой желудок жизнь не мила. Счас, поем, тронемся.

Я сделал строгое лицо и покинул кабину.

Поезд протяжно взвыл. В форточку под самым потолком ворвался снежный вихрь.

Печка загудела, выплюнув на пол несколько угольков. Сгорбленная спина сидящего у печки человека пришла в движение, рука потянулась к щипцам.

Жарковато - я привык к прохладе, но одергивать Николая не хотелось. Пусть старается.

Я отхлебнул кипятка, надкусил сухарь.

Николай заскрежетал заслонкой.

-Протопил?

-Да, конунг.

-Не угорим?

-Обижаешь, конунг,- лицо Николая порозовело.

Чудно встретить в Джунглях человека, способного смутиться от пустяка.

-Присядь, - я кивнул на стоящее у стола полено.

-Конунг?

-Садись.

Николай неловко примостился за столом.

-Держи тварки, Николай.

Стрелок отшатнулся от протянутой руки.

-Слушай, - поморщился я. – Ты сам просил перевести тебя из продвагона, разве нет? Или желаешь обратно к Машеньке?

Николай взял тварку тонкой рукой.

-Спасибо, конунг.

Ну, то-то же.

Что сверкает в головах игроков, которых холод и ожидание терзают на Поляне сильнее стаи свирепых тварей, когда, завидев в снежном мареве набыченную голову локомотива,вдруг понимают, что это не спасительный Последний Поезд, а транспорт стрелков?

Скорее всего, ими просто завладевает страх. Страх за Теплую Птицу.

Ни голод, ни холод, ни ядовитая вода, ни твари не отняли у игроков любви к Теплой Птице; и страх за то, что отличает живую тварь от камня, заставляет их метаться по Поляне. Продираться через хищный кустарник в Джунгли – прочь! Вы-жить!

Олегыч, как и положено, начал сбрасывать скорость заблаговременно, так, чтобы поезд остановился как можно ближе к Поляне.

Командир зачгруппы Самир, крупный стрелок с клокастой бородой и блестящими злыми глазами, поприветствовал меня кивком головы.

Я закрыл за собой дверь, связывающую первый вагон с вагоном группы зачистки. Здесь удушливо воняло портянками (вон, развешены у печки); на стене - большая перепачканная фотография голой девки, в углу - бак для мочи.

Бойцы - Осама, Богдан, Сергей, Джон - нестройно протянули:

-Слава конунгу.

Никто не удивился моему приходу, совсем не обязательному. Зачгруппа – стрелки матерые, не нуждающиеся в напутствии конунга.

Самир сел на кровать и принялся зашнуровывать ботинок.

Сергей вертел в руках автомат, Джон подкреплялся тваркой. Богдан, белобрысый стрелок с оторванным ухом, сжимал и разжимал кулаки.

-Что, Ухо, не терпится диким глотки порвать? - обнажив черные зубы, спросил Осама.

-Не терпится, - хохотнул Богдан.

-Знаю я, отчего ему не терпится, - вставил Сергей, отрываясь от оружия. –

Надеется, что на Поляне найдется что-нибудь получше этого.

Он кивнул на фотографию голой самки на стене.

-А то тебе не надоело дрочить,- ухмыльнулся Богдан.

Стрелки засмеялись, кто громче, кто тише.

-Заткнитесь.

Самир поднялся. Мощный торс закован в куртку цвета хаки, взгляд из-под шлема цепок и суров, автомат висит так, что ясно: когда надо, мгновенно соскользнет с плеча.

-Зачгруппа готова, конунг.

Сейчас я скажу *это*. Иначе, зачем я пришел сюда?

Самир смотрел на меня. Скрежет колес вызвал неприятный холодок в деснах.

Если я отдам приказ не убивать диких на Поляне, в отряде начнется брожение, которое не вытравить кокаином… Убийство для стрелков – тот же кокаин.

-Поезд стоит, конунг, - сообщил Самир.

-На выход.

Я смотрел, как стрелки выпрыгивают на рыхлый снег, как мечутся в лесу смутные тени: прочь! Жить!

Когда послышались первые автоматные очереди, я повернулся к двери.

Скоро должен придти с докладом Самир…

2

КОСТЕР

В вагон постучались.

Николай, даром что храпел на соломенном тюфяке в углу, мигом вскочил, откинул задвижку.

Самир. Лицо красное от мороза, на плечах – снег; дышит тяжело, в глазах – огоньки непрошедшего возбуждения. Того особого возбуждения, что испытывает лишь охотник за человеком.

-Конунг, зачистка прошла успешно.

Кто бы сомневался?

-Сколько, Самир?

-Двенадцать диких.

Двенадцать! Многовато...

-Спасибо, Самир, - я отвернулся, давая понять, что доклад окончен.

Но стрелок не торопился покинуть вагон.

-Конунг, бойцы …

-Самир? – я взглянул на стрелка.

-Конунг, бойцы просят...

-Что? – подчиняясь неведомому порыву, я вскочил, глядя в темные, с желтыми точками глаза. – Что просят бойцы?

Самир отвел взгляд, проговорил:

-Удвоить дозу.

Злость овладела мной.

-Удвоить дозу, ядри твою душу? За что? За то, что ты выполнил свою работу?

-Но конунг…

-Вон!

Пятясь, Самир покинул вагон. Я опустился на стул. Рука нащупала нож и с силой вогнала в столешницу.

-Сволочь.

Я тщетно пытался вытащить нож, застрявший в плотной доске. Подняв глаза, увидел окаменевшее от страха лицо Николая.

-Привыкай жить с конунгом.

Истопник вздрогнул, теребя в руках кусок бересты.

Свечерело.

Поглазеть на костер собралось немного бойцов, большинство предпочло теплые вагоны и горячий концентрат. Поезд замер у Поляны, бледная луна посеребрила кроны деревьев.

Я подумал о той, что осталась далеко позади, но вместе с тем, будет со мной до конца. Шум Джунглей зазвучал приглушенно. Стало дико и жутко: рядом со мной темнела горка убитых.

«Трупы во избежание увеличения популяции тварей, надлежит сжигать вместе с одеждой».

Приказ за номером 12 инструктивного приложения «Конунг» к Уставу Армии Московской Резервации (УАМР) строго обязателен для исполнения.

-Старуха пыталась на дерево взлезть, - неторопливая речь Богдана, рассказывающего стрелкам о зачистке, оттеняла мои мысли. – Только тощими крюками за кору хер удержишься. Я ее пригвоздил к дереву, целую обойму в спину всадил. А она, прикиньте, лежит на снегу и на меня так смотрит, и шевелит, б…дь, руками. Сука! Я ей – в башку…

-Осама или кто там, - крикнул я.- Начинайте.

Темная фигура с канистрой направилась к горке.

Выплеснулась жидкость, запахло бензином. Потом кто-то чиркнул спичкой.

Взметнувшееся к небу пламя озарило Поляну, стрелков, поезд. Стрелки торжествующе завопили.

Огонь плясал на трупах; отчетливо виднелись головы, ноги, руки, туловища, трещали волосы, плавился снег.

Точно завороженный, я внезапно шагнул вперед, к костру. Из огненного чрева на меня глядело лицо старухи, оно показалось мне знакомым. Черные от копоти губы изгибаются и зовут: «Иди ко мне, и мне станет легче, раздели со мной мою боль». И я сделал еще один шаг.

Сильные руки сжали мои плечи; рывок назад.

Я увидел перед собой перекошенное лицо командира зачгруппы.

-Что ты, ядри твою мать, делаешь, конунг? Поджариться захотел?

В вагоне я прилег на кровать. В груди - пустота. В ноздрях – запах костра. Меня вырвало.

Мало-помалу боль в голове отступила. Я увидел старательную спину Николая, вытирающего с пола блевотину.

-Я сам.

-Это моя работа, конунг, – во взгляде Николая любопытство вперемешку с тревогой: не ожидал, что конунг может проявить слабость?

Преодолевая ломоту в теле, я поднялся.

-Зачем ты, конунг?

-К черту.

Я подошел к сейфу.

Скрипнув, металлическая дверца явила горку белых пакетиков. Я просунул руку в щель между горкой и крышкой сейфа и выудил зеленую бутылку с удлиненным горлом, заткнутую огрызком свечи.

Присел к столу.

Я знал, что по крышам вагонов, перебегая с одного на другой, змеятся снежные вихри, что многие стрелки спят, а те, кто не спит, играют в потрепанные грязные карты либо дерутся за место у печки. Кто-то грызет тварку, кто-то в сотый раз перебирает и смазывает АКМ, кто-то дрочит, кто-то скрипит зубами;кого-то мучает болезнь, кого-то ломка. Мне нет до них дела, даром, что я несу за отряд ответственность перед Лорд-мэром...

-Николай! Брось тряпку и садись.

Не говоря ни слова, Николай подошел и опустился на полено напротив меня.

Я наполнил две жестяные кружки зеленкой. Одну протянул Николаю, из другой, не поднимая головы, отхлебнул.

В носу сразу засвербело, и чтобы не закашляться раньше времени, я закинул подбородок и вылил в рот пойло. Глаза едва не выпрыгнули из глазниц прямо на стол; я нащупал дрожащей рукой кусок тварки, и принялся работать челюстями. Убийственная горечь зеленки сменилось теплотой, разливающейся по телу, точно река по весне.

-Хорошо, - крякнул я, с удовольствием отметив пустую кружку в руке Николая, его покрасневшее лицо и заблестевшие глаза. Не давая рассеяться теплу, я наполнил кружки по новой. Зеленка уже не так жгла горло, в животе и груди становилось все теплее.

-Вещь, - слегка заикаясь, проговорил Николай, кивнув на опустевшую бутылку. – Где достал, конунг?

-Украл, - я засмеялся.

Размахнулся и метнул бутылку, метя в приоткрытое окно. Ударившись о стену, бутылка разбилась, забрызгав пол мелкими зелеными осколками.

-П-подберу, к-конунг, - Николай потянулся к тряпке, но я успел перехватить его руку.

-Оставь, Коля. И называй меня Ахматом.

-Хорошо, Ахмат.

-Так-то лучше. Ну, рассказывай.

-Что рассказывать, конунг … э, Ахмат?

- Как тебе у меня? … Хотя нет, п-погоди. Давай, что ли, песню…

Николай неловко улыбнулся.

-Что, не знаешь песен?

-Не знаю, конунг.

-А эту… Что-то бье –о-тся живое и в ка-амне…

-Не знаю.

Николай смутился так, словно петь песни должен каждый стрелок.

-Ну лады, слушай…

Что-то бьется живое и в камне,

Перестаньте его дробить!

Может быть, это чье-то сердце,

И оно умеет любить.

*Может быть, непорочная де*ва,

Здесь, рыдая, упала в жнивье,
От предательства окаменело,
Но не умерло сердце ее.

Я с сожалением перевернул кружку вверх дном, несколько прозрачных капель упали на стол. Что за дела? С каких пор зеленка стала прозрачной? Подняв голову, я понял, что это вовсе не зеленка. По впалым, сероватым щекам Николая бежали слезы, задерживаясь в складках кожи, срываясь с подбородка.

-Ты чего, Николай?

Он пробормотал что-то. Отвернулся.

-Николай?

-Это все твоя песня, конунг, - бесцветным голосом откликнулся истопник и тут его, как недавно в лесу, над телом Шрама, понесло.

Он говорил, задыхаясь, коверкая слова, говорил сбивчиво, стремясь скорее, как можно скорее вытеснить из груди ту муку, что терзала его. Я слушал, плохо соображая поначалу, о чем говорит этот тонкошеий стрелок. Медленно, но верно, через хмель и толстокожесть, - смысл его слов дошел до меня, заставив содрогнуться. В отряде, под самым моим носом *Машенька пользовался Николаем, как женщиной.*

Метель. В воздухе - удушливый запах горелого мяса; на месте костра - куча пепла, в центре которой время от времени возникают красноватые язычки.

Поезд притих, из печных труб не сыплются искры, а поднимается ровными столбиками сизый дымок.

-Что ты задумал, конунг? – голос Николая послышался из-за спины.

-Заткнись.

Этот сопляк уже, похоже, наложил в штаны. Если бы не зеленка, я, возможно, так и не узнал бы о происходящем в моем отряде. Мне захотелось повернуться и разбить Николаю нос, но я лишь ускорил шаг.

Продвагон темен и тих, как преисподняя. Я стукнул по дощатой двери кулаком.

-Кто? – голос Машеньки сонный и злой.

Не отвечая, я постучал снова.

-Я сейчас тебе по башке постучу.

Начальник продвагона появился в дверном проеме, тускло освещенный огнем печки. Я ударил по заспанной роже кулаком, вложив в удар всю силу, на которую способен. Машенька спиной упал в вагон, что-то загремело, должно быть, опрокинулись коробки с пайками. Я вошел, пропустил Николая, закрыл дверь.

-Конунг? - прохрипел Машенька, держась за разбитый рот. Между пальцами показались темные струйки. Он осоловело таращился, еще не понимая, что происходит.

Мало-помалу его взгляд очистился, изумление сменила звериная настороженность.

-Ты ох.ел, конунг?

-Мразь.

Ярость прорвала плотину. Не видя ничего вокруг, я сшиб Машеньку с ног и принялся избивать, не давая отчета, куда именно попадают носы кованых ботинок.

-Конунг, прекрати, – крик Николая донесся до меня из-за границы моей ярости.

Машенька лежал на полу лицом в потолок, в окружении коробок с пайками, рот его пузырился красным. На черепе кожа рассечена, показалась кость, спутанные черные волосы запеклись кровью.

-Возьми, - я достал из-за пояса и протянул Николаю нож.

Он отшатнулся.

-Чего же ты, Николай? Прикончи его, ведь он мучил тебя.

-Спрячь нож, конунг, - пробормотал Николай.

-Уверен?

-Спрячь.

Я сунул нож за пояс.

-Тогда пойдем отсюда.

Однако прежде чем мы покинули вагон, Николай задержался над своим мучителем, плюнул ему в лицо.

-Сволочь, - процедил сквозь зубы.

3

КАСТРАТ

До Твери остался один перегон, и я приказал Олегычу слишком не усердствовать: питеры могли взорвать мост, либо раскурочить железнодорожное полотно.

Стрелки, уже предупрежденные, что в Твери нас ждет отнюдь не зачистка, сидели по вагонам нахохленные, злые, полные нехороших предчувствий. Мои слова о том, что у каждого есть возможность стать героем, первым москвитом, схлестнувшимся с питерами, не возымели действия. Самир буркнул в моем присутствии: «Конунгу известен рецепт нашей смерти». Я предпочел сделать вид, что ничего не услышал.

Я не могни в чем винить бойцов, так как ощущение, что мой поезд идет в никуда, не покидало меня, и это несмотря на то, что план внезапной блокировки противника на развалинах города, уничтожения техники, сформировался в моей голове и нельзя сказать, чтобы он был плохим. Но одно дело, – план, другое – его воплощение. Уж очень густыми красками описывал Шрам силу питеров. Да, Шрам. Что же с ним сталось? Неужели его сожрали твари? Удастся ли найти другого осведомителя?

-Николай, ты помнишь Шрама?

Истопник возился у печки, пытаясь всунуть в узкое отверстие толстое полено. Мы с ним, даром, что жили в одной теплушке, разговаривали мало, и каждый раз Николай вздрагивал от звука моего голоса. Вздрогнул он и сейчас, как мне показалось, несколько резче, чем обычно.

-Помню, Ахмат.

Николай, наконец, управился с поленом.

-А почему ты спросил, конунг?

-Почему? Даже не знаю…

Просто не было бы Шрама, и отряд на полных, вовсю раздуваемых Олегычем, парах несся бы к верной гибели. А так… Поборемся. Пожалуй, я погорячился, натравив на следопыта зачгруппу, но сделанного не воротишь, как небу не вернуть летящий к земле снег.

После зачистки в Ярославле и срочного направления в Тверь прошло семь дней. Всего неделя, а как много вместила она в себя – и черепаший ход поезда, и бесконечные, выматывающие душу остановки, и потасовки томящихся без дела бойцов, и выходку Шрама, и стычки с Самиром и Машенькой, и костер… Нет, не неделя прошла, а вечность - глубокая, серая, беспокойная. Я, конечно, не сдюжил бы, если б во сне не слышал твой тихий голос и, - Серебристой Рыбкой -

не плавал в зеленых глазах. Милая! Когда я вновь увижу тебя? И увижу ли?

Олегыч остановил состав неподалеку от моста, под которым, лениво обтекая белые островки, разлеглась река.

Саперы плелись по мосту, проверяя металлоискателями каждую шпалу. Тверь-зверь близко, уже обдает ледяным дыханьем.

Надеюсь, питеры не ждут нас, вернее, я почти уверен в этом. Проведя успешную зачистку, они, скорее всего, до сих пор празднуют, отмечая ее, и не думаю, что кокаина у них меньше, чем у москвитов. Неожиданность – наш главный, и, пожалуй, единственный козырь.

Стрелки отпиливали посеребренные лапы елей и укрепляли их на крышах и стенках вагонов. Затем – накидывали снег. Поезд уже походил на гигантский, продолговатый сугроб.

Ко мне подошел начальник саперной бригады.

-Путь чист, конунг.

Я кивнул, отошел в сторону, помочился на желтый снег и коротко бросил:

-По вагонам.

Кто-то рядом подхватил.

-По ва-го-на-аам!

Стрелки принялись по очереди сдавать пилы начальнику хозвагона. Каждый стремился поскорее шмыгнуть в теплушку, отчего возникали толкотня и ругань. В толпе я мельком увидел лицо Машеньки, – все в сиреневых кровоподтеках и ссадинах. Черные глаза стреляли злобой.

Я отвернулся и зашагал к своему вагону.

Поезд вполз в город.

Я сидел с Олегычем в кабине машиниста. Мертвые здания, точно гнилые зубы, торчали из темной пасти ночи. Кое-где вспыхивали огни - последние прости далеких пожаров. Тверь казалась еще более уродливой и мрачной, чем другие, уже виденные мной мертвые города. У развалин вокзала замерли составы, грузовые и пассажирские. В пассажирских - я не сомневался - на нижних, верхних полках, за столиками у окон, - скелеты бывших: женщин, мужчин, детей.

На карте это место обозначено как «нулевой район».

Скрежеща, поезд остановился. Олегыч повернулся ко мне, вытирая засаленным рукавом вспотевшее лицо.

-Приехали, конунг.

Вокруг - ночь. Привыкшее к реву мотора ухо отказывалось воспринимать тишину. Казалось, кто-то идет по шпалам к носу локомотива и вот-вот постучится в лобовое стекло.

-Конунг, есть будешь?

-А?

-Не желаешь, спрашиваю, пожрать со мной?

-Нет, Олегыч.

Машинист пожал плечами, выбрался из продавленного кресла, и, слегка пошатываясь, побрел по узкому проходу машинного отсека в свою каморку. Там загорелся свет и послышался стук кастрюльной крышки. Странный человек, он еще может думать о еде… Впрочем, его работа на данном этапе завершена, Олегыч может расслабиться. Моя же только начинается и, откровенно сказать, я предпочел бы достать с неба луну, нежели заниматься этой работой.

Отряд продвигался по Нулевому району.

Замаскированный поезд остался позади под надзором Олегыча и пулеметчика. При дневном свете Нулевой район производил не такое гнетущее впечатление, как ночью.

Снег блестел на солнце, поросшие кустарником здания порождали мысль о том, *как здесь было раньше*. Дома невысокие, двух либо трехэтажные, значит, их жители хорошо знали друг друга, может быть, даже ходили в гости по-соседски. Под развешенным бельем, белоснежными простынями и наволочками, стучали костяшки домино. Дети с криками гоняли мяч по пыльной площадке между качелями и стиркой. Дядя Семен кричал из окна «Вот я вам!», когда мяч громко ударял по стоящему во дворе «жигуленку». На лавочке у подъезда, как седые мойры, сидели старушки…

-*Аа*!

Прямо на меня из дверного проема выскочил игрок. Я успел разглядеть всклокоченные седые волосы. Заточка со свистом пролетела в считанных сантиметрах от моей щеки. Позади кто-то вскрикнул.

Я не успел вскинуть автомат. Зато успел кто-то за моей спиной.

Свинец взрезал лохмотья на теле игрока; он завалился на спину и замер.

-Конунг, ты не ранен? – испуганный крик. Кажется, Белка.

Я обернулся. На лице Белки - страх.

Он держал автомат наизготовку; еще несколько бойцов целились в распластанное на снегу тело.

-Опустите.

Стрелки подчинились.

-Ты в порядке, конунг?

Я кивнул, вспоминая просвистевшую у щеки заточку и короткий, почти болезненный вскрик.

-Кого зацепило?

-Кастрата.

Николай лежал на спине, раскинув руки. Заточка вошла чуть пониже шеи, в ключичную впадину прямо над правым плечом. Автомат Николая валялся у его головы, надавливая прикладом на висок. Я отбросил оружие в сторону, в сугроб.

-Николай.

Глаза истопника приоткрылись. Губы дрогнули.

-Ахмат.

Я наклонился.

-Он… здесь…

-Что?

Розовая пена, поднимающаяся ко рту по горлу Николая, не позволила ему договорить.Судорога сотрясла хлипкое тело, он затих.

Незаметным движением я закрыл стекленеющие глаза истопника и поднялся.

4

ЧП

Параграф восемь инструктивного приложения к УАМР имеет название *«Лагерь стрелков»*. Здесь четко описано, как надлежит организовывать дислокацию отряда в условиях враждебной территории, какой глубины вырыть окопы, сколько мешков песка необходимо водрузить перед пулеметной командой и какой формы предпочтительнее делать бойницы. Я не в первый раз убеждаюсь, что человек, сочинивший инструкцию, звезд с неба не хватал. Даже львиная доза кокаина не заставит уставших стрелков взяться за лопаты и колупать промерзлую землю; а где автор инструкции видел в мертвых городах мешки с песком, известно ему одному. Скорее всего, он просто не бывал в мертвых городах.

На серой стене одноэтажного здания сохранилась ржавая табличка с едва различимыми буквами: «Ул. Пролетарская, д. 13». На одну ночь - это адрес моего отряда.

Бойцы укладывались вповалку на трухлявый пол барака. Без возни, без ругани - это место не располагало к шуму. Кое-кто, достав паек, жевал тварку, но большинство стрелков уснуло, едва их головы коснулись пахнущего плесенью дерева.

Мне не спалось. Я сидел, прислонившись спиной к холодной стене. Вездесущая луна высвечивала лежащих на полу людей. На стенах сохранились рисунки и надписи бывших, значит, барак был оставлен еще до Джунглей.

Одна надпись неожиданно привлекла мое внимание. «Николай, я тебя люблю. Лариса», - накарябано чем-то красным. Конечно, я знал, что девушки, оставившей эту надпись, давно нет, и Николай, это вовсе не тот Николай, чье тело осталось на снегу Нулевого района; но словно кто-то подмигнул, и узел в душе ослаб, - быть может, жизнь моего истопника и не была столь беспросветна, как казалась. Может быть, кто-то любил его.

Далекий стрекот заставил меня вскочить. Точно мошка, по лицу луны промелькнул вертолет и скрылся в рванине облаков. Питеры. Шрам не соврал.

Стараясь не отдавить руки спящим бойцам, я опустился на свое место. Нужен отдых. Возможно, завтра будет бой.

«Спать, немедленно спать».

Голова, не смея ослушаться приказа, упала на грудь.

К построению я вышел позже других, чувствуя себя бодро. Стрелки, переругиваясь, составили неровную цепочку. Впоследствии я часто мысленно возвращался в тот миг, пытаясь вспомнить, было ли накануне тревожное предчувствие, и всегда вынужден был признаться – нет, не было.

Стрелки повернулись ко мне. У кого-то в глазах страх, у кого-то настороженность, у некоторых - злорадство. Но настоящий укол беспокойства я ощутил, увидев испуганное, покрытое испариной лицо адъютанта, спешившего ко мне.

-Конунг, - выкрикнул Белка.- Самир и Машенька пропали.

-Что значит пропали?

-Ну, не вышли на построение. Их вообще нигде нет, конунг.

«К ЧП относятся случаи ненадлежащего исполнения своих обязанностей, игнорирования указаний начальника отряда, употребления оружия и продовольствия не по назначению, прямого неповиновения. Эти случаи караются на усмотрение конунга, но не ниже средней категории наказаний (арест, увечье и прочее). Случаи дезертирства, саботажа и перехода на сторону противника: за подобные нарушения Устава – немедленная ликвидация».

Сохранение каменного выражения лица стоило мне немалого усилия.

Похоже, это Череп, Чрезвычайное Происшествие, – последний пункт инструктивного приложения к УАМР, пункт, которого страшатся все конунги.

Белка испуганно заглядывал мне в лицо.

-Может быть, - я кашлянул, - они от страху срут где-то под кустом?

Утопающий цепляется за соломинку.

-Мы все обыскали, конунг, – подал голос начальник саперной бригады.

Обломилась соломинка.

Самир и Машенька…. Первый считает, что я никчемный конунг и что куртка с серпиком луны на рукаве по праву принадлежит ему. Второй ненавидит меня за Николая. Итак, что же это? Ненадлежащее исполнение обязанностей, прямое неповиновение, дезертирство, саботаж, переход на сторону противника? А ну, как все сразу?

Подул ветер, покрытые быльем бараки негромко завыли.

-Это проклятый город, - прошептал Киряк.

Ну вот, уже и паникер объявился.

Шагнув к Киряку, я с размаху влепил кулаком по красной перепуганной роже. Киряк не отшатнулся, не вытирая показавшуюся на губах кровь, пробасил:

-Спасибо, конунг.

Стряхнув с кулака красные сопли, я повернулся к Белке.

-Прочесать местность повторно. - (« *Кара за нарушение Устава – немедленная ликвидация»),* - И еще: при обнаружении нарушителей – стрелять на поражение.

Цепочка бойцов покачнулась, по лицам скользнули тени.

-Всем ясен приказ? – крикнул Белка. – За дело.

Стрелки разбрелись. Я остался с адъютантом.

«Если приказать отряду спешно оставить привал и следовать за дезертирами по неразведанному периметру, это может вызвать брожение среди стрелков, а возможно, и бунт. Не исключено, что Самир на это и рассчитывает».

Проглотив подступивший к горлу комок, я сказал Белке:

-Давай отбой.

Подняв автомат, адъютант выпустил в морозный воздух короткую очередь.

Из-за поросших бурьяном разрушенных домов, перевернутых кверху брюхом ржавых автомобилей, разросшихся деревьев стали появляться группы стрелков. Они приближались, держа наперевес автоматы; пять групп, двадцать пять человек - клочковатые бороды, шрамы и ожоги на лицах, свирепые глаза… Мне стало тревожно. Смогу ли я и дальше управлять этими угрюмыми бородачами?

-Никого, конунг, - сообщил Богдан.

-Они уж далеко, - мрачно заметил Якши. – Небось, к резервации подбираются.

Кое-кто несмело засмеялся: меньше всего можно было ожидать, что дезертиры попытаются вернуться к своим, в резервацию, прямо в лапы ОСОБи. Нет, такие поступки не совершаются с бухты-барахты; Череп – это чаще всего обдуманное, выстраданное действо, с ясной целью и тщательной подготовкой. Вот только как я умудрился проморгать его?

-Молодцы, парни, - кашлянув, сказал я. – Отбой.

-Слава конунгу, - нестройно протянули стрелки и разбрелись.

Со мной, как и положено, остался Белка.

Мы молчали, глядя, как бойцы рассаживаются на обледенелых камнях и кочках, достают из мешков тварку.

Небо потяжелело, стряхивая на землю крупные хлопья. Кромка Джунглей, видная отсюда, исчезла за снегопадом. Нужно спешить. Погода благоприятствовала нам: укрывшись за стеной пурги, мы сумеем незаметно приблизиться к питерам. Если только…

-Конунг, - подал голос Белка. – Как думаешь, Самир и Машенька переметнулись к питерам?

Он что, прочел мои мысли?

-Я разве говорил это?

-Я думал…

-Думать – не твоя забота.

Белка умолк, ковыряя носком ботинка желтый снег.

-Как бы то ни было, нужно спешить, - посмотрев на адъютанта, проговорил я. – Завтра с утра, если метель не прекратится, мы выступаем. Оповести бойцов, пусть почистят и смажут оружие. Перед походом все получат дурь.

5

ЗАПАДНЯ

Метель не прекратилась, напротив, над городом нависла сплошная пелена; на месте зданий возникли снежные курганы, кое-где из-под сугробов торчали изломанные черные деревья. Тишина и неподвижность подавляли у стрелков всякое желание переговариваться друг с другом. Двигались плотной цепью по заглохшей дороге вдоль остовов домов, напоминающих рассыпавшиеся от древности гробы; впереди, извиваясь, скользила поземка. Нулевой район остался за спиной.

Я сжимал левой рукой цевье автомата, вдавив приклад в плечо. Указательный палец правой руки в черной перчатке замер на спусковом крючке. Ствол до поры до времени глядит вниз, но в любую секунду взметнется и выплюнет в воздух свинец. Выстрелят двадцать шесть бойцов, идущих со мной бок о бок.

-Конунг, - подал голос Белка. – Посмотри-ка.

О, старый знакомый! Огромная каменная фигура, свернутая на бок исполинской силой, со снежными шапками на голове и плечах, указывала обрубком руки в небо. Я где-то уже видел такой же памятник. Живое божество древнего погибшего мира, гневливое и карающее могучей дланью, точно муравьев со стола, смахнувшее с родной земли людей. Ленин.

Этот район на карте был обозначен как «Мертвый» и, правда, даже по сравнению с Нулевым производил гнетущее впечатление. Здесь больше ржавых машин и троллейбусов, бетонных столбов, переломленных, как соломинки; ям, наполненных незамерзающей желтоватой жидкостью. Дома в Мертвом районе гораздо выше своих собратьев в Нулевом: шести, семи и даже десятиэтажные коробки с пустыми глазницами окон, выщерблинами и трещинами на громадных, серых и коричневых, телах. Этот мир не порождал видений, не давал

возможности и желания представить, как тут было до Дня Гнева; казалось, - здесь испокон веку ветер волнует поросшие бурьяном развалины и таращится на перевернутые кверху брюхом машины мутный зрак солнца.

Автоматная очередь разорвала тишину. Я обернулся.

-Кто?

Мог бы и не спрашивать: Киряк, идущий третьим в левом крыле цепи, еще не успел опустить дымящийся ствол.

-Какого хера?

-Конунг, - правая часть лица Киряка нервно подергивалась, глаза расширились; он тяжело дышал, - Там…

Я повернул голову, куда указывала рука Киряка в грязно-белой перчатке. В одном из верхних окон трехэтажного здания, явно выбивающегося из общей громадности строений Мертвого района, что-то виднелось. Это могло быть что угодно, - треплемый ветром обрывок красных обоев, какая-нибудь тряпка; возможно, уцелевший после зачистки дикий.

-Киряк, в конец цепи.

Стрелок, опустив голову, повиновался.

-Еще раз пальнешь без приказа - ответишь по Уставу.

Метель усилилась, не давая рассмотреть маячащую в окне находку Киряка. Сердце моё учащенно забилось, во рту появился неприятный привкус.

Это здание только казалось трехэтажным, на самом деле, трехэтажной была небольшая пристройка, а большая часть строения - в два этажа. Желтая штукатурка осыпалась, обнажив серый потрескавшийся кирпич. К черной пасти входа вела бетонная лестница. Я ступил на нижнюю ступеньку и стал подниматься, зная, что бойцы следуют за мной так же медленно и настороженно. Возможно, как и я, они считают каждую ступеньку. Одна, вторая, третья … Восемь ступеней.

Позеленевшая табличка: «Средняя общеобразовательная школа №...». Дальше стерто, но и так ясно. То место, где бывшие учили своих детей.

«Сашка, ты в Devil Port играл? Да? Как на третьем уровне главаря убить? Ну, этого, как его, Вельзевула? Я пробовал, не получается… Слушай, приди ко мне в субботу, а? Вместе пройдем…».

Широкая зала с высокими окнами полна маленьких человеческих скелетов: пустые глазницы, обугленные разноцветные волосы, обрывки одежды на белоснежных костях.Они лежали на полу, сидели, прислонившись к стенам. У высокой кадки с черным деревом, положив друг другу на плечи руки, стояли двое. Именно стояли, и бог весть, что поддерживало их.

«Так ты придешь, Саш? – Конечно, приду. – Здоровско! Я попрошу маму, чтоб купила пиццу!».

В конце залы виднелась узкая лестница с зелеными металлическими перилами.

-К лестнице, - приказал я и двинулся первым, старательно обходя останки учеников.

Треск ломаемой под суровой подошвой кости сух и неприятен. Не иначе, неуклюжий олух Киряк. До боли сжав челюсти, я не обернулся, и, достигнув лестницы, стал подниматься по истертым детскими ногами ступенькам. Сердце нещадно билось, неизвестность и нехорошее предчувствие томили, заставляя ускорять шаги. На третий этаж я вбежал, громко стуча по ступеням подметками.

Это был недлинный узкий коридор с несколькими дверными проемами; стена до середины покрыта облупившейся темно – зеленой краской, оставшаяся часть стены, вместе с потолком, – в обросшей плесенью побелке. Надо полагать, здесь находились классы, например, кабинет биологии… Но, дьявол с ним, с кабинетом. Где здесь окно, смотрящее на улицу?

Не давая себе передышки, я вбежал в дверной проем ближайшего кабинета и замер, точно натолкнувшись на невидимую стену.

-Е… мою душу, - послышалось за спиной.

Бойцы друг за другом входили в кабинет, и здесь становилось тесновато.

-Что это конунг? – шепнул Белка.

А то ты не видишь: у окна, так, чтобы было видно с улицы, подвешены за руки к потолку два освежеванных человеческих тела. Именно *освежеванных*, - я никогда не видел, чтобы с человека так аккуратно была снята кожа.

Перламутровые узлы мышц и сухожилий утопают в багровом, сочащемся кровью, мясе. Кровь капля за каплей стекает на пол, срываясь с кончиков пальцев на посинелых ступнях.

Я посмотрел на свои ботинки - на полу лужа крови.

-Ни х… себе питеры работают, - нервно проговорил Якши, целясь из автомата в одно из тел. – Никогда не видел, чтоб так диких зачищали.

Диких?

Я приблизился к трупам, и дулом автомата ткнул пониже ягодицы ближайшее тело – твердое, точно камень. Оно покачнулось; веревка, стягивающая руки, скрипнула. Я ткнул сильнее, и тело, нелепо махнув безжизненными ногами, повернулось так, что стало видно лицо убитого. Кто-то у меня за спиной вскрикнул. Я поскользнулся на скользком полу и стал валиться назад, но сильные руки поддержали меня.

Изуродованное - срезанный начисто нос, разорванные щеки - лицо Машеньки смотрело на нас багровой беспомощностью пустых глазниц. Живот бывшего начальника продвагона вспорот, все внутренности куда-то исчезли, на месте гениталий - две белые веревочки.

Богдан разразился длинным ругательством. У кого-то из стрелков началась рвота.

Осторожно ступая по залитому кровью полу, Белка подошел ко второму трупу, приглушенным голосом сообщил:

-Это Самир, конунг, - помолчав, добавил. – Кажется.

Итак, дезертиры найдены. Череп устранен. Недалеко эти двое ушли… Я мог бы радоваться, если б не пустота в груди. И эту пустоту быстро заполняло другое чувство.

Зверское убийство стрелков моего отряда, доверенных Лорд – мэром мне, их конунгу, в подчинение, не могло вызвать ничего, кроме ярости по отношению к тому, кто это сделал. Я несу ответственность за моих людей, хотя бы перед своей совестью,и только мне решать, когда и какое они понесут наказание. Вернее, мне, вооруженному Уставом Наказаний Армии Московской резервации.

-Гнида!

Надрывный крик, отразившись от стен, вылетел из кабинета и, угасая, помчался по коридорам школы. Прямо передо мной возник Джон, - на виднеющемся из – под шлема лбу – испарина, безумные глаза с расширившимися до предела зрачками и красными белками, точно когтями впились мне в лицо:

- Куда ты привел нас, гнида?

-Джон! – крикнул Белка.

Но стрелок уже размахнулся и его кулак, описав дугу, угодил мне в висок. В голове точно взорвалась граната; я поскользнулся и, стукнувшись обо что-то твердое, упал на спину, прямо в кровавое месиво на полу. Труп Самира, покачнувшись, сорвался с веревки и придавил мне ноги.

-Что ты делаешь, ублюдок?! – в чудовищном реве трудно было распознать всегда ровный голос Белки.

Он и еще несколько стрелков скрутили Джона, кто-то вдавил в его лоб дуло автомата.

-Стреляй, гад, - бабьим голосом завизжал Джон.- Все равно всех тут перемочат!

-Отставить, - превозмогая боль, крикнул я.

Оттолкнув кинувшегося на помощь Киряка, выкарабкался из-под мертвеца.

-Отпустите Джона, - приказал я, левой рукой потирая висок.

-Но конунг, по Уставу…,- начал было Белка.

-Отпустить!

Хватит с меня уставов, инструкций и советов, - пусть ими пользуются те, кто их придумал.

-Заберите у него оружие и патроны, - бросил я, подобрав слетевший с плеча автомат. Дьявол! Приклад весь в крови.

-Киряк, Сергей, сожгите это, - я кивнул на трупы, - Через двадцать минут выступаем.

Но двадцати минут у нас не было.

Поначалу мне показалось, что автоматные очереди раздались в отдалении, в Нулевом районе или еще дальше; но посыпавшаяся с потолка штукатурка подсказала: стреляют снизу, прямо со школьного двора.

-Питеры, - охнул Киряк, отступая в коридор. За ним последовали еще несколько стрелков.

«Западня», - вспыхнуло у меня в мозгу и тут же погасло.

Нужно действовать.

Я метнулся к окну, за подвешенное тело. Звук пуль, врезавшихся в одеревенелое мясо, напомнил частый дождь.

За снежным маревом, на другой стороне улицы, промелькнули тени; выпустив автоматную очередь, я с наслаждением услышал резкий вскрик.

-Конунг, надо сваливать! - крикнул Белка. Он подполз к окну по-пластунски, и, упираясь головой в радиатор, смотрел на меня из-под шлема.

Белка прав.

Расстреляв остатки обоймы, я опустился на липкий от крови пол, на четвереньках отполз от окна.

Отряд ждал в коридоре. Я не увидел лиц своих людей, стрелки точно превратились в безликие фигуры, которые я обязан сохранить. Потные тела, оружие в руках, горячее дыхание, но лиц нет.

-Конунг, что нам делать? – выдохнул Киряк.

Я увидел лицо бойца - обыкновенно красное, а в это мгновение – белее снега. Стрелки моего отряда настороженно смотрели на меня. Снаружи доносилась пальба.

Внезапно все стихло, неотвязная, липкая тишина спеленала нас, точно муху паук. Мне показалось, что я слышу биение собственного сердца и неровный хор двадцати шести сердец доверенных мне бойцов. Когда тишина стала непереносимой, когда пот, струящийся вдоль позвоночника, стал ледяным, с улицы донеслось:

-Эй, конунг, или кто там у вас главный?

Голос тонкий нетерпеливый, какой может быть лишь у нервного, упивающегося властью человека.

Я молчал. Стрелки смотрели на меня настороженными глазами.

-Ты оглох, б… , обосрался от страху, москвитская падаль?

Хохот нескольких десятков глоток.

-Конунг, не отвечай, - шепнул Белка.

Я махнул рукой: оставайтесь на месте – и шагнул обратно в кабинет. Присев неподалеку от распластанного на полу тела Самира, крикнул, стараясь перекрыть хохот снаружи:

-С кем я говорю?

За окном стихло. Через мгновение – тот же голос.

-Не тебе вопросы задавать, москвит!

Злость и отчаяние душили меня.

-Тогда пошел на хер, питерская мразь.

Мой собеседник вдруг засмеялся - противный, скользкий смех, как козявка, вынутая из носа.

-Не кипятись, воробушек, - крикнул он, – гнездо уже разворошили. Я – конунг отряда Питерской Резервации Кляйнберг. Назови себя.

-Ахмат, конунг отряда москвитов.

Молчание.

-Какого дьявола тебе надо, Кляйнберг? – в моей душе, непонятно почему, разгоралась надежда. – Мой отряд здесь со стандартной миссией.

Тишина.

-Зачем ты прикончил моих людей? Ваш отец Афанасий…

-Срал я на отца Афанасия, - заорал Кляйнберг. – Ты мне зубы не заговаривай, гнида!

Он умолк. Я тоже.

-Твои люди сами притащились ко мне, - первым не выдержал питер: возможно, мне почудилось, что после упоминания отца Афанасия голос Кляйнберга стал не таким уверенным, - Они готовы были рассказать почти все; мы просто слегка помогли им снять одервенение языка. Они рассказали нам все.

Снова хохот питерских глоток.

-Я не хочу крови, конунг, - уже совсем миролюбиво продолжал Кляйнберг. – Сложи оружие по-хорошему, и, клянусь, никто не пострадает.

Я засмеялся:

-Ты за дурака меня принимаешь, конунг?

-Знал, что так ответишь, Ахмат, - крикнул Кляйнберг. – Ты, похоже, веселый парень. Мы могли бы с тобой стать корешами, не будь ты вонючим москвитом.

-Тамбовский волк тебе кореш!

-Какой волк? – удивился питер.

Этот вопрос я оставил без ответа. За моей спиной затаился мой отряд, я слышал напряженное дыхание бойцов: никого не обманул миролюбивый тон Кляйнберга. Ветер врывался в комнату и покачивал тело Машеньки; веревки скрипели.

-Так что будешь делать, Ахмат? Пожалей своих людей!

-Так же и ты, Кляйнберг!

Наждачный смех питера был уже не столь неприятен, - привычка.

-Ты мне нравишься, Ахмат. На твоем месте я пустил бы пулю в лоб… Интересно, как ты выглядишь? Жирный, небось, боров, мускулы, мускус, - все дела! Вы, москвиты, любите обжираться…

-Поднимись сюда и посмотри.

-Повременю, - отозвался Кляйнберг. – Скоро вы сдохнете с голоду, и мы придем полюбоваться на вас. Как, конунг, много у тебя в запасе тварки?

-Хватает, - соврал я. Подумав, добавил. – Сними блокаду, конунг, и ступай с миром. Мы не враги.

-Я рад этому, - голос Кляйнберга был вполне искренен. – Но вокруг Джунгли, а значит, мы не друзья.

-В таком случае, закончим пустой треп.

Я повернулся к дверному проему.

-Постой, конунг, - крикнул Кляйнберг. – Ты кое-что запамятовал.

-И что же?

-Право на поединок! Или в Уставе москвитов оно не прописано?

6

ПОЕДИНОК С ПАШЕЙ

Кляйнберг был прав. УАМР, параграф шестьдесят шесть:

«*Конунг по договоренности с главой вражеского отряда имеет право выставить на поединок одного бойца по собственному усмотрению. В зависимости от результата поединка определяется расклад сил. Результат поединка – непререкаем; нарушивший параграф 66 подлежит всеобщему осуждению и, по возможности, скорейшей ликвидации».*

-Я не знал, что питеры практикуют поединки.

-Ты многого о нас не знаешь, конунг, - отозвался Кляйнберг. – Вы, москвиты, заносчивый народ.

-Послушай, - крикнул я. – Я хочу, чтоб ты прочел мне выдержку из твоего Устава, то место, где сказано о поединках. Ты должен знать *это* наизусть…

-Зачем тебе?

Я не ответил.

-Черт с тобой, слушай - донесся сквозь завывание метели голос Кляйнберга. - Конунг отряда выставляет на поединок одного солдата по своему усмотрению, – он умолк на мгновение, припоминая. –

Результат поединка непререкаем и определяет окончательный расклад сил. Нарушивший условия поединка умерщвляется.

Ну, надо же, почти дословно совпадает с Уставом москвитов. Видать, не даром отец Афанасий посещал в Московской резервации отца Никодима.

-Эй, Ахмат. Так что ты надумал? Учти, я не из терпеливых.

-Если мой боец победит, - заорал я. – Ты уводишь свой отряд. Я верно понял?

Молчание.

-Я верно понял?

-Верно, - откликнулся Кляйнберг. – Если твой боец просрет, вы все сложите оружие, и отдадите нам запас кокаина. Лады, конунг?

За этим странным и длинным диалогом я забылся, сделал шаг к окну. Несколько пуль врезались в подвешенное тело и в потолок. Посыпалась известка. Я отпрянул.

-Лады, конунг? - как ни в чем ни бывало повторил Кляйнберг.

-Я должен посоветоваться со своими стрелками.

-Надо же, - вполне искренне, если судить по голосу, восхитился питер.- Да ты, конунг, демократ, – он грязно выругался. – Хорошо, покудахчи со своими цыплятами… Недолго, у меня дел полон рот.

На этот раз Кляйнберг ошибся: я вовсе не демократ и советоваться со стрелками мне никогда не приходилось. Но в западне мой мозг перестроился на новую волну, словно перегорел датчик, отвечающий за субординацию между мною, конунгом Армии Московской Резервации, и моими подчиненными. Теперь я готов был не только выслушать мнение обреченных на смерть бойцов, но и прислушаться к нему.

Лица стрелков темны и нахмурены. Коридор полон страха - густого, непролазного, как Джунгли, из которых мы явились сюда.

-Я не верю ему, конунг, - горячо зашептал Белка, сверкая глазами. – Он лжет. Он не отпустит нас.

-Что ты предлагаешь?

-Прорыв…

-Какой, нахер, прорыв? – процедил сквозь зубы Джон. – Они перемочат нас, как щенков.

-Так может, вызовешься на поединок? – прошипел Белка.

-Пошел ты, - сплюнул Джон.

Бойцы зашумели.

Новый датчик включился у меня в голове.

-Заткнитесь все, - приказал я. – Мы воспользуемся правом на поединок.

В коридоре повисла тишина, а снаружи донесся крик Кляйнберга, призывающий нас поторопиться.

-Зубов.

Самый сильный боец моего отряда уставился на меня.У Зубова худое и морщинистое лицо, а тело - крупное и мускулистое. Обычно он молчалив, но под кокаином становится буйным: в такие минуты необходимо не меньше четырех бойцов, чтобы утихомирить его.

-Зубов, ты примешь участие в поединке.

-Так точно, конунг.

Лицо Зубова не выразило ни страха, ни удивления.

-Твою мать! Ты испытываешь мое терпение, конунг.

-Не ори, Кляйнберг! Мой боец готов.

-Прекрасно! Выходи, Ахмат. И не ссы, питеры свято чтут Устав.

Ой ли?

Ни времени, ни возможности для сомнений не было. Махнув рукой, я повел отряд в короткий и, вероятно, последний поход.

Я и со мной два бойца - больше не позволял узкий дверной проем - вышли из школы первыми. Нас встретили наглые ухмылки и матерные окрики питеров, выстроившихся полукругом так, чтобы дула их автоматов глядели аккурат на выходящих (то есть на нас). Это было очень похоже на западню и мне стоило немалого усилия воли, чтоб не повернуть обратно, под защиту стен. Питеры внешне ничем не отличались от нас: такие же рожи, такие же шлемы и обмундирование.

Тот, с кем я перекрикивался едва ли не полчаса, стоял в центре полукруга и целился из АКМ мне в лоб. Не оставаясь в долгу, я взял Кляйнберга на мушку. Конунг питеров оказался невысок ростом, тщедушен, узкое лицо обрамляла козлиная бородка, маленькие глазки прятались за толстыми стеклами очков. Одно стеклышко треснуто. На нем было укороченное пальто из серой кожи с поясом. На поясе – блестящая белая пряжка в виде черепа с черной дыркой во лбу.

Кляйнберг опустил автомат.

-Я же сказал - питеры чтут Устав.

Вслед за своим конунгом оружие опустили все питеры.

-Рад этому.

Я повесил автомат на плечо: канат из нервов, до предела натянутый где-то внутри меня, немного ослаб.

Мой отряд уже покинул здание. Бойцы столпились на пороге, я слышал их дыхание.

Метель усилилась, снежная крошка скребла лицо.

-Не будем тянуть волынку, Ахмат. Кого ты выставил на поединок?

Зубов отделился от отряда и встал рядом со мной.

-Крепыш, - восхитился Кляйнберг, измерив его взглядом.

-Где твой боец?

Кляйнберг коротко свистнул. Питеры подались в стороны, пропуская кого-то приземистого и широкого. Человек приблизился, и теперь можно было разглядеть его лицо. Но лица не было. Вместо него - нечто ярко-розовое, гладкое, вытянутое, как лошадиная морда, - два неодинаковых красных глаза, полная пасть острых зубов. Руки существа напоминали толстые бревна, широченная грудная клетка, несмотря на холод, обнажена, и на ней - шесть коричневых сосков.

Я почувствовал, как напрягся Зубов, точно его напряжение передалось мне по воздуху.

-Что это за х…ня, Кляйнберг?

-Это Паша, - Кляйнберг протянул руку в черной перчатке и погладил мутанта по щеке (если это была щека). Паша издал звук, похожий на урчание кошки.

-Условия нарушены, - начал я.

-Что? – заорал Кляйнберг, вдруг подскочив ко мне. В маленьких глазках питера запылал огонь.

-Условия нарушены.

-Каким образом?

-Боец должен сражаться с бойцом, а не с … этим.

-Паша – полноправный член моего отряда, - скрипнул зубами Кляйнберг.

Питеры заржали.

-Назад, парни, - повернулся я к своим.

Тут же забряцало оружие, стволы взметнулись в руках тех и других, целясь в головы и грудные клетки, пальцы нервно легли на спусковые крючки.

-Конунг.

На мое плечо легла тяжелая рука. Я обернулся: Зубов.

-Я готов к поединку.

Боец смотрел на меня прямо и открыто, в его глазах не было и намека на страх.

-Ахмат, тебе есть чему поучиться у своих стрелков, - сказал Кляйнберг.

-Но, Зубов, ты не обязан, - не слушая Кляйнберга, воскликнул я. – Правила нарушены.

-Я готов к поединку, – повторил Зубов. Этот спокойный голос заставил меня отступиться.

…Стрелки двух отрядов образовали живой круг по половине периметра. Внутри круга стояли Зубов и Паша. Мутант озирался по сторонам, точно не понимая, где он. Зубов разминал узловатые сильные руки; он скинул куртку и остался в грязно-белой сорочке. На плече – дыра, сквозь которую просматривается татуировка: В , Д… «ВДВ, Псков, 1999».

Паша, до того кажущийся медленным и неуклюжим, молнией метнулся к Зубову. Тот успел уклониться, и лапа пронеслась рядом с его виском. Зубов отскочил в сторону, застыл в оборонительной стойке. Паша ринулся снова. Зубов встретил его двумя ударами в то место, где у нормального человека солнечное сплетение. Мутант, точно удивившись, замер, и Зубов обрушил на него всю мощь своих кулаков. Под градом ударов Паша издавал звук, похожий на плач и даже не думал сопротивляться.

Я понял, что ору: «Давай, Зубов!».

Дальше все произошло быстро. Цепкая ладонь мутанта выхватила из воздуха работающую, точно кузнечный молот, руку человека. Чудовищная сила вывернула эту руку назад. Зубов закричал от боли. Паша очутился за его спиной. Свободной рукой схватив человека за волосы, он оттянул его голову так, что до предела задрался подбородок.

-Стой, - заорал я.

Паша на мгновение склонился над своей жертвой. На горле Зубова появилась багровая неровная дыра, из которой тут же хлынула кровь. Мертвое, но еще теплое, тело завалилось на бок. Паша отскочил в сторону и выплюнул на снег окровавленный кусок гортани.

Я ожидал, что питеры взревут от восторга, но над утоптанным подметками кругом, посреди которого лежал Зубов и стоял его убийца, повисла тишина. Должно быть, всех без исключения поразила та скорость, с которой это существо разделалось с человеком. Человеком не самым слабосильным…

-Умница, Паша.

В голосе Кляйнберга я не расслышал искренности.

-Ну что ж, Ахмат, - подошел он ко мне. – Ты проиграл.

Я, не говоря ни слова, снял с плеча АКМ и бросил его на снег, полагая: то же самое сделают и мои стрелки. Поединок проигран, отряд погиб.

-*Ублюдок!*

Джон! Мою руку ожгла пуля, а стоявший прямо передо мной Кляйнберг упал на спину; куртку на его груди изрешетила автоматная очередь. Подчиняясь животному инстинкту, я нырнул в сторону, кувыркнулся в сугробе, пополз. Беспорядочная пальба и крики подгоняли меня. Очутившись у приземистых металлических будок, я вскочил на ноги и, не оглядываясь, побежал. В эту секунду меня не заботило ничто на свете, кроме одного, - я хотел жить. Там, за моей согнутой от быстрого бега спиной, погибал мой отряд, люди, доверившие мне свои жизни. Но я не мог думать о них; страх, - дикий, сжигающий душу дотла, гнал меня.

Вот и памятник Ленину. Обрубок бронзовой руки все так же указывает прямо в небо.

Жить!

За моей спиной – то ли рычанье, то ли плач. Что там?

ПАША!

Тупой звериной рысью по моему следу. Я невольно вскрикнул: мой страх догонял меня.

Свернув в подворотню, я побежал вдоль стены, разрисованной и исписанной бывшими. Я не заметил подробностей, лишь одна надпись отпечаталась в мозгу: «*Зачем*?». Метель швыряла снег в рот и глаза, в завывании ее я, кажется, слышал: «Остановись, умри».

Пространство между стенами все меньше, небо надо головой все выше.

Тупик! Боже, это тупик!

Ощупав стену, я обернулся. Паша приближался медленно, с полным осознанием беспомощности своей жертвы.

Я не мог пошевелить ни рукой ни ногой. Я смотрел на мутанта, точно кролик на удава. *Конунг!* Неужели, несколько минут назад я был конунгом?

Теперь я просто человек, я просто хочу жить!

-Паша, голубчик, - с трудом разлепляя спекшиеся губы, прошептал я. *– Не убивай.*

Мутант был уже совсем рядом.

В моей голове - это было всего лишь мгновение - промелькнул сон, увиденный мной когда-то. Вернее, не сам сон, а ощущение, оставшееся после того, как я проснулся.

…Большой дом, кроме меня в нем - ни души. Зима. Приходится по два раза в день топить печь. Темнеет рано. Часто идет снег. Ночью деревянный дом скрипит и кажется, что по половицам на втором этаже кто-то ходит. Одиночество. Ожидание чего-то…

В потемневшем окне я вижу лицо незнакомца. Одиночество разрушено, но это не радует меня. Кто это, какого дьявола ему надо? Как он проник на мой участок?

Я хватаю топор и выскакиваю из дома. Незнакомец убегает, я преследую его. Мы бежим по лесу, кажется, этому лесу не будет конца. Вдруг незнакомец останавливается, поворачивается ко мне. Он смеется. Я собираюсь напасть на него, иначе он нападет первым. Но вдруг осознаю, что я обессилел, а мой противник крепок, как зверь. Ощущение беспомощности нестерпимо, я просыпаюсь и потом весь день не могу избавиться от него…

Паша навис надо мной. Нельзя сказать наверняка, но мне показалось, что на морде его отпечаталась ухмылка. Отвратительный запах - запах смерти - проник вглубь меня. Правую руку жгла дикая боль, я не мог пошевелить ею. Зажмурившись, я закричал и попытался левой рукой оттолкнуть от себя мутанта. Почему так долго? Почему он не сделает со мной то же, что с Зубовым? Зачем тянет? Проклятая тварь, он играет со мной!

Покачивающиеся на веревках освежеванные трупы Машеньки и Самира… Ветер дует… Скрип – скрип…

Так вот кто освежевал их! Значит, такая же участь уготована и мне?

-Конунг.

Распахнув глаза, я увидел лежащего навзничь Пашу, под головой мутанта медленно растекалась багровая лужа. Над ним возвышался игрок с окровавленной заточкой в руках.

-Шрам, - прохрипел я и, кажется, потерял сознание.

7

ШРАМ

Он нес меня на руках, как ребенка.

Слева тело занемело; справа, от подмышки до бедра, горел огонь. Каждый шаг отзывался ломотой в висках. Но я был жив, энергия заново обретенной жизни возвращалась ко мне.

Я жив!

Я живу!!

Я живой!!!

Все дальше, там, за широкими слепыми зданиями, за сугробами и перевернутыми троллейбусами, оставался мой отряд, - застывшие в смертном оскале маски лиц, неподвижно вопрошающие о чем-то беспощадное небо, либо уткнувшиеся в кровавое снежное месиво, лишенные даже возможности заявить небу свой последний протест. Почти три десятка человек, те, кто был со мной весь этот тяжелый, грязный месяц…

Я не думал о них. Я также не думал о Паше, о Кляйнберге, о проваленной миссии. Я думал о Теплой Птице в моей грудной клетке, о Птице, что чудом осталась жива.

Я видел спокойное лицо моего спасителя, и оно теперь не казалось мне уродливым, как и глубокий, впечатанный в лоб, нос и губы, шрам. Я видел частичку неба, того самого неба, что распростерлось над лежащим навзничь Белкой (часть черепной коробки снесена пулей, перламутрово-серую кашицу уже припорошило снежком). Свинцово-бледное, оно не давило меня.

Кто-то из питеров вполне мог остаться в живых, и, возможно, преследует меня.

Эта мысль лишила душевного равновесия.

Птица, Теплая Птица! Я жаждал сохранить ее, и меньше всего на свете меня беспокоило то, как жалок я сейчас.

-Скорее.

-Не волнуйся, конунг, - отозвался Шрам.

Конунг? Для кого-то я еще был конунгом…

Но откуда взялся Шрам? И почему он спас меня? Мы оставили его, избитого до полусмерти, подыхать в Джунглях… Николай! Умирающий истопник силился мне что-то сказать:

-*Он… здесь…*

Быть может, Николай имел в виду именно Шрама?

Впрочем, неважно. Важно то, что я жив. Жив благодаря игроку, которого по моему приказу зверски избили, - но это тоже неважно. Приказ отдавал не я, а конунг Московской резервации Ахмат.

-*Марина*, - прошептал я.

Образ рыжеволосой девушки понемногу заполнял мое сознание, и он занял бы его полностью, если бы впереди не возник поезд. Мой поезд.

Он стоял, черный от копоти, маскировка содрана, лишь красная звезда на лбу тепловоза блестела в сгустившихся сумерках. Из трубы от буржуйки, выведенной прямо в стену, струился сизый дымок. Хороший дымок, такой бывает от березовых жарких дров.

Шрам достиг кабины.

-Прости, конунг.

Он аккуратно опустил меня на снег и, впрыгнув на ступеньку, несколько раз постучал в дверцу. Глухие удары исчезли внутри тепловоза, отозвавшись мертвой тишиной.

Но вот послышалось, будто в глубине норы заворочалась потревоженная лисица.

-Кто?

-Это я, Олегыч, - отозвался Шрам.

Дверца кабины со скрипом распахнулась. Машинист высунулся наружу. Он был черен, как и его тепловоз, лишь глаза (красные звезды?) блестели холодным огнем. В руках Олегыча был автомат.

-Шрам? – глухо сказал он. – Кто с тобой?

-Конунг. Он ранен.

-Скорее, - одними губами прошелестел Олегыч.

Шрам поднял меня и внес по ступенькам в кабину. Дверь захлопнулась.

Здесь все было по-прежнему.

Обняло тепло от печки, теплые невидимые пальцы приятно защекотали в носу. Я чихнул.

Пахло распаренной тваркой и концентратом. Во рту тут же собралась слюна, и я вспомнил, что чертову прорву времени ничего не ел.

-Клади его на мою постель, - распорядился Олегыч.

Он суетился: сунул автомат в переплетенье каких-то проводов, где его, пожалуй, потом и не найдешь, подкинул в печку большое березовое полено, хотя и без того жарко. Чувствовалось: машинист рад.

Шрам опустил меня на постель.

-Олегыч, есть, – попросил я.

-Один момент.

Я поглощал горячий концентрат, как растения в жаркий полдень редкий дождь, и чувствовал, что тело мое наполняется живительной силой.

Олегыч между тем приволок какие-то тряпки и перевязывал мне плечо.

Ранение было пустяковым, - состояние оцепенения вызвал во мне пережитый страх, сильнее страха смерти. Страх с уродливой ухмылкой мутанта, страх-мутант, который теперь, под воздействием тепла, покоя, и осторожных рук Олегыча, медленно уходил, испарялся, как капелька влаги на щеке.

-Спасибо, Олегыч.

Я отдал машинисту пустую миску и приподнялся.

-Лежи! – испугался он.

Я послушно опустил голову на твердую подушку.

Огонь мерцал, скованный железом печки, гудел в тщетном стремлении вырваться на свободу. Шрам сидел за столом, подперев голову кулаком. В красноватом свете буржуйки его изуродованное лицо выглядело печальным. Перед ним стояли три закопченные кособокие кружки.

Олегыч, порывшись в проводах, выудил бутыль с зеленой жидкостью.

-Последняя, - слегка смущаясь, сообщил он.

Темная зеленка, блестя, потекла в кружки, приятно запахло спиртом. Полную до краев кружку, Олегыч протянул мне.

-За что выпьем? – кашлянув, спросил он.

«За отряд», - хотел предложить я, но Шрам меня опередил.

-За Николая, - мрачно сказал он и одним глотком осушил кружку. Не моргнув и глазом, закусил тваркой.

-За Николая, - вздохнул Олегыч.

-За Николая.

Перед моими глазами возникло лицо моего истопника, но не мертвое, а живое, когда мы с ним выпивали в вагоне конунга. Точно так же потрескивала буржуйка, а за стенкой вагона повизгивал ветер.

-Еще, конунг?

-Не хочу, Олегыч. И не называйте меня больше конунгом, хорошо? Какой я теперь, к черту, конунг?

-И как нам тебя называть?

-Называйте… Островцевым… Нет, лучше просто Андреем.

-Андреем, так Андреем, - пожал плечами Олегыч.

Мы замолчали. Каждый думал про свое, но, надо полагать, во многом это «свое» совпадало.

-Олегыч, - вспомнил я. – Где пулеметчик, как его, Горенко?

-Мертв, конунг … то есть Андрей, - пережевывая тварку, отозвался машинист. – Как ты с отрядом ушел, так почти сразу нагрянули питеры. Горенко убили, я в двигательном отсеке схоронился, а Шрам… Шрама разве поймаешь.

Нечто похожее на улыбку мелькнуло на изуродованных губах.

-Кстати, Шрам, как ты здесь очутился?

Игрок молчал, и когда показалось, что он не ответит, вдруг заговорил.

-Николай меня сюда привел. Я слаб был, шатался. Он плечо мне подставил. Слабое плечо. Дрожит, но ведет. Вы*х*одил меня. С Олегычем. Кормили. От себя отрывали. Только дури не давали. И прошла дурь.

-Прошла дурь?

-Он больше не наркоманит, - пояснил Олегыч, закуривая папиросу.

-Да, - Шрам тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от нехороших мыслей. – Ты, конунг, меня пощадил. Не дал убить. Я запомнил. Я помню хорошо. Я пошел за отрядом. Николай погиб…

Плечи игрока затряслись. Замерев, мы с Олегычем наблюдали, как рыдает этот сильный, но искромсанный Джунглями человек.

ОЛЕГЫЧ

Я никому не приказывал, - не мог приказывать. Я просто сказал: «Мне нужно в Московскую резервацию». Шрам кивнул, а Олегыч и вовсе обрадовался.

-Наконец – то.

Я не удивился радости машиниста. Москва - его дом.

Рассвет был красен. Марина рассказывала, что слово «красный» означало у бывших «красивый». Красная площадь. Но рассвет не был красив. Он был красен, - багровое, жгуче-холодное солнце залило мертвый город соком ядовитых ягод. Из моей памяти, - памяти Андрея Островцева, а не конунга Ахмата, выплыли строки:

Этот вечер был чудно тяжел и таинственно душен,

Отступая, заря оставляла огни в вышине,

И большие цветы, разлагаясь на грядках, как души,

Умирая, светились и тяжко дышали во сне. **[1]**

Строки были о вечере, а перед нами едва брезжил рассвет, но мне казалось, что я вижу на занесенных снегом кучах битого кирпича души, похожие на большие цветы.

– Вот эту стрелку надо б перевести, - заговорил Олегыч. - Заржавела, стерва, но Шрам должен справиться. Ну – ка, Шрам!

Рычаг стрелки сплошь покрыт рыжими чешуйками, рельсы, казалось, вросли друг в друга.

Шрам плюнул на руки, - желтая тугая слюна на миг зависла в воздухе. Вцепился в рычаг. Надавил.

-Не поддается, сучка.

-Давай, - крикнул Олегыч и заскрипел зубами так, точно это он, а не Шрам, переводил стрелку.

Игрок побагровел от напряжения.

Визг железа, наверно, был слышен на километр вокруг.

-Есть, - не удержавшись, закричал я.

-Отлично, - спокойно сказал Олегыч. – Теперь отцепим вагоны, и пойдем налегке. Дасть Бог, прорвемся.

Олегыч колдовал над приборами, время от времени отдавая Шраму короткие приказы. Здесь, в машинном отделении, Олегыч был не то конунг, но Бог. Я любовался им.

Тепловоз прогревался долго, тонко подрагивая. Я опасался, что он не сдвинется ни на йоту. Но, когда Олегыч занял свое привычное место

в кабине, в продавленном кресле, - тепловоз тронулся, с места в карьер взяв высокую ноту луженой механической глоткой.

На стрелке сильно тряхнуло.

-Не боись, - весело крикнул Олегыч.

Тепловоз вырулил на запасный путь, проследовал мимо оставленных вагонов, - пустые кричащие пасти, все разграблено и сожжено. Даже вертолет с платформы сняли, проклятые питеры!

Еще одна стрелка, и тепловоз на том же пути, которым он прибыл в негостеприимную Тверь. Только теперь следовал обратно, домой, в Московскую резервацию.

Летящий в лоб снег, мелькающие пустоглазые здания, деревья в белых шапках веселили меня. И не только меня.

-Наш паровоз вперед летит, - надтреснутым дискантом запел Олегыч. – В коммуне остановка!

Тверь-зверь становился все реже, все меньше куч кирпича, остовов домов, труб и столбов, - и. наконец, растворился в Джунглях. Лапы деревьев щупали бока поезда, как хозяйка – курицу.

Вот и мост. Вот и река. Зеленый ядовитый поток, поверженный великан, Джунгли едва нашли место для его тела, стремящегося выйти за пределы берегов.

Стрекот - далекий, но стремительно приближающийся.

Тверь не отпускала: едва мы въехали на мост, как в небе перед тепловозом промелькнул вертолет. Пули зацокали по крыше. Одна пробила лобовое стекло и врезалась в пол рядом с креслом Олегыча.

-Андрей, к сбивалке! – крикнул машинист.

Сбивалкой он называл дыру в потолке и крупнокалиберный пулемет. Я кинулся вглубь тепловоза. Откинув тряпье, которым было прикрыто оружие, я с радостью убедился, что оно в порядке.

Пули снова зацокали по крыше.

Впрыгнув в высокое кресло, я дернул рукоять пулемета. Он плавно повернулся на хорошо смазанных шарнирах. Молодец Олегыч, за всем успевает следить!

-Шрам, открывай!

Задвижка, скрывающая бойницу, отодвинулась, постанывая. Небо хлынуло навстречу, воздух, бесстрастно – холодный, ринулся в легкие; я задохнулся на мгновение, испытывая подобие восторга. Кресло поднялось ровно настолько, чтобы моя макушка не высовывалась, но

обзор был достаточен. Я сразу увидел вертолет. Желто – свинцовая стрекоза, сверкающая на солнце.

Поймав стрекозу в перекрестье прицела, я надавил на гашетку. Лента, извиваясь, исчезла внутри пулемета.

На мгновение мне показалось, что я промазал, - вертолет продолжал двигаться с той же скоростью в том же направлении. Но вот черная полоска дыма прорисовалась у хвоста машины, стала четче и гуще, вертолет накренился и исчез из поля зрения. Упал ли он в реку, либо взорвался в воздухе, мы не могли узнать при всем желании: поезд преодолел мост и снова, изрыгая из трубы черный дым, пошел через Джунгли.

В Тверь состав двигался тяжело, часто останавливался, бойцы проверяли пути, искали мины, ремонтировали взорванные рельсы; на Полянах проводились зачистки, разводились костры. Теперь же, «налегке», как выразился Олегыч, мы неслись по уже хоженым «тропам». Но на душе у меня вовсе не было покоя. Еще бы! Отряд погиб, миссия провалена. Куда я еду? Зачем? С головой – прямо в пасть дракона?

Созвездия выстроились на почерневшем небе. Показалась луна, выщербленная и растрескавшаяся древняя монета.

Джунгли кончились. Кончилась и железная дорога, вдруг уткнувшись в темную стену, безнадежно плотную: ни двери, ни калитки. Но я-то знал: поезд приблизится, и перед ним распахнутся ворота. Так всегда бывает.

Московская резервация… Что ждет меня там? ОСОБЬ, сырой подвал, допросы, выворачивающие душу наизнанку, пытки и, апофеоз, - позорная казнь? А еще там меня ждет Марина. И потому я пойду туда, а, если придется, поползу, по снежной корке, сдирая колени до костей. Марина!

[1] Б. Поплавский

Часть третья. Возрожденцы

Часть третья

ВОЗРОЖДЕНЦЫ

1

КРЕМЛЬ - 2

Кажется, это произошло со мной, когда я учился в школе. В обычной школе на станции Родинка.

Пожалуй, произошло - это сильно сказано для подростковой чепухи, но тогда я, наверное, не знал об этом.

Меня предала любимая учительница.

Ее звали Алиса Аркадьевна, она преподавала химию. Помимо сказочного имени у учительницы был слегка вздернутый нос в задорных веснушках и голубые глаза, придававшие ее лицу милое, как будто удивленное выражение.

Предательство Алисы Аркадьевны уложилось в краткий временной промежуток между весной и летом - между цветением сирени и сбором огурцов с грядок.

Началось оно в мае, когда состоялась олимпиада по химии. Я оказался единственным участником от нашей школы. На гербовых бланках я решил несколько задач, не показавшихся мне сложными.

«Сказали, что результат пришлют летом. По почте, – сообщила мне Алиса Аркадьевна. – Надеюсь, ты победишь».

Она красива даже в свитере и похожей на колокол юбке: в мае изредка бывали еще холодные ветры.

Летом, со второго июля по третье августа, в школе - практика. Нужно было работать на пришкольном участке, поливать кабачки, собирать личинки с капусты, полоть морковь. Иногда возникали ссоры и драки разморенных на жаре школяров.

Овощи, ягоды и фрукты, выращенные своими руками, поступали в школьную столовку, и краснолицый Юрка-поваренок весь год варил сливовый компот и щи из квашеной капусты.

Я не ходил в столовку не потому, что мне не нравилась Юркина стряпня.

В столовке заправляла банда Сани – «монаха», второгодника из многодетной неблагополучной семьи, и легче легкого там схлопотать ложкой по лбу, а то и получить стакан компота за шиворот.

Я не ходил в столовку и потому считал, что я вправе не ходить и на практику.

Тем более что посещение практики было не обязательным, - достаточно не придти в первый день, второго июля, не отметиться в журнале, и все лето - свободно.

Второго июля я был дома. На чердаке нашел стопку журналов, перевязанную бечевой, и, спустившись, рассматривал их на полу. В журнале «Работница» на обложке – Высоцкий с гитарой, в журнале «Юность», - роман Берджеса «Заводной апельсин»…

В дверь позвонили.

Это была Света Коршунова, моя одноклассница.

-Андрей, - сказала она. – Тебя Алиса Аркадьевна в школу вызывает.

-Зачем?

-Она сказала, пришло письмо с результатами олимпиады.

Всю дорогу до школы я бежал, и перед дверью учительской остановился, запыхавшись. Постучал.

-Войдите, - голос Алисы Аркадьевны.

Учительница была одна. Она окинула меня насмешливым взглядом, подметив, как тяжело вздымается моя грудная клетка.

-Островцев, - сказала она. – Почему ты не посещаешь практику?

Я молчал, пытаясь унять биение сердца.

-Это нехорошо, Андрей. Твои товарищи работают, а ты отдыхаешь. В столовую – то ходишь.

Она смотрела на меня своими добрыми глазами. Я опустил голову.

-Распишись.

Алиса Аркадьевна протянула мне журнал практики. Я поставил закорючку напротив своей фамилии, одним росчерком отняв у себя лето.

Но мне не лета было жалко.

Выйдя из учительской, я побрел по школе, ничего не замечая вокруг себя. Конь, осаженный на всем скаку.

Алиса Аркадьевна могла бы просто вызвать меня - я пришел бы, никуда не делся. Почему она предпочла ложь?

«Почему она предпочла ложь?»

Я застонал, а быть может, мне показалось, что застонал. В висках словно засели две пчелки, по одной в правом и левом. Они жужжали, настойчиво и звонко, пытаясь вырваться наружу.

Вырваться наружу…

Но они находятся в моей голове, и если вырвутся наружу, то в моем черепе образуются две дырки, и я сдохну к чертовой матери.

Схватившись за голову, я сел. Перед моими глазами на мгновение возникла черная дыра, но мало – помалу боль в висках стихла.

Низкий сырой свод подземелья. Кап! – сорвалась и расплющилась на земляном полу капля. Тусклая лампочка освещала пространство, перегороженное металлической решеткой. По ту сторону решетки – двое. Баба с фонарем и мужик.

-Марина?

-Я не Марина, – отозвался женский голос. Хриплый, простуженный.

-МАРИНА!

Арина! Рина! Ина! А!

Проклятое эхо!

-Настоящий дикий, - пробормотал мужик. – Но не нужно кричать. Мы пришли, чтоб отвести тебя к ней.

Я встал. Оказывается, когда на лоб мне упала холодная капля, я лежал на постели - на соломенном сыром тюфяке. Что это значит?

Почему я не в Джунглях? Где моя заточка?

И тут, наконец, включилась память. Я дотронулся рукой до шеи, нащупал крошечный бугорок. След шприца. Шприца, который мне в шею вонзила Марина. Где она, что с ней? Я должен знать, - мне жизненно необходимо посмотреть ей в глаза.

Я кинулся к решетке, ухватился за прутья, покрытые чешуйками ржавчины, что есть силы, затряс решетку.

-Не трать силы, Андрей, - миролюбиво сказал мужик. – Мы пришли, чтоб освободить тебя. Решетка - это ерунда, мера предосторожности.

Баба кивнула.

Она была невысокая; вытянутое по лошадиному лицо покрыто густой сетью морщин, глаза печальные, глубоко запавшие, как у

старухи, либо как у трупа; жидкие светлые волосы некрасиво висят вдоль шеи. Как я мог спутать ее с Мариной?

Мужик рослый - в низком пространстве помещения вынужден пригибаться, чтоб голова не упиралась в потолок. Седые длинные волосы обрамляют одутловатое лицо, на правом глазу, переходя на щеку, багровый нарост. Левый глаз цвета вороньего крыла смотрит с любопытством. На мужике черный кожаный плащ до пят, на поясе – кобура. На груди – блестящий значок «Работник парковки №56».

-Кто вы такие?

-Марина расскажет тебе, - пообещала женщина. – А меня зовут Букашка.

-Я Киркоров, - глухо отозвался одноглазый.

«Зайка моя, я твой зайчик!», - возникло в памяти. К чему это?

-Выпустите меня.

-Хорошо, Андрей, - мягко сказал Киркоров. – Но, чтобы выпустить тебя, мы обязаны сковать тебе руки вот этим.

Он потряс в воздухе наручниками.

Кто эти люди и что может связывать их с Мариной? Запах сырости стал запахом опасности.

-Попробуй только приблизиться, - пригрозил я. – Шею сверну.

-Ну вот, - искренне огорчился Киркоров. – Букашка, прочти ему.

Женщина откашлялась.

- Предчувствую тебя. Года проходят мимо-

Все в облике одном предчувствую тебя.

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,

И молча жду, - тоскуя и любя.

-Стой! – крикнул я. – Я согласен.

-Вот и ладушки, - усмехнулся Киркоров. – Тогда повернись и сложи руки за спиной запястье к запястью.

Я выполнил указание. Передо мной встали Джунгли, железнодорожная будка, костер, и Марина - ее задумчивые глаза и ровный голос, читающий стихотворение бывших.

Прикосновение металла неприятно. Наручники защелкнулись. Я повернулся лицом к решетке. Киркоров откинул полу плаща. На поясе у него помимо кобуры висела связка ключей.

-Бука, светани.

Киркоров зазвенел ключами. С потолка капала вода.

Я скоро увижу Марину. Щенячья радость в душе сменилась холодом, таким же, как холод наручников на запястьях. Что она сделала со мной? Я был игроком, возможно, лучшим в Джунглях, я оберегал Теплую Птицу, и вдруг… Я здесь, за решеткой, с этими странными людьми, и виновата во всем Она. Скорее увидеть ее - я должен знать, что истинно: то, что происходит со мной сейчас, либо то, что случилось в доме, затерянном в Джунглях.

-Наконец – то.

Киркоров нашел ключ, вставил в замок. Ржавый скрип был сигналом свободы. Как только решетка распахнулась, я бросился вперед, точно бык, - отчаянно и обреченно. Длинная нога Киркорова преградила мне путь, я потерял равновесие и полетел на пол, носом - в щербатый камень.

-Ты, ублюдок, - зашипел Киркоров, склоняясь надо мной. – Еще одна такая выходка, и я вышибу тебе мозги к е…ной матери.

Единственный глаз этого человека полыхал такой яростью, что сомнений не было, - да, вышибет.

-Поднимайся.

Букашка помогла мне встать на ноги.

-Эх, Андрей, - голос Киркорова снова стал миролюбивым. – На твоем месте я радовался бы: в этих застенках томились цари и генсеки.

Букашка рассмеялась:

-Брешешь, Киркоров.

Ее смех мне понравился. Хороший смех.

-Почему вру? - возмутился одноглазый. – Я слыхал, что здесь сгноили Ленина.

-Ленин помер на даче с золотыми перилами. И не от того, что его сгноили, а потому, что впал в младенчество.

-Он из младенчества и не выходил. Тем более - на даче мог быть двойник Ленина.

-Ты бы это ленинцам сказал….

Я слушал странный диалог, мало что понимая, и думал: не рвануть ли вверх по коридору, пока на меня никто не смотрит.

-Ладно, хватит, - точно прочтя мои мысли, жестко сказал Киркоров. – Ты вечно споришь, Букашка. Иди вперед, освещай дорогу. Андрей - за ней.

Женщина пожала плечами и, бросая перед собой луч фонаря, пошла по коридору. Я двинулся вслед. Тяжелые ботинки Киркорова застучали по каменному полу за моей спиной.

Коридор был узкий, извилистый. Никаких ответвлений, либо дверей, - кишка, оканчивающаяся камерой, какую я только что покинул. Точно нора кролика, только не теплая и сухая, а сырая и мертвая, типичная человеческая нора…

На другой стороне кишки - противоположность камере - светлая зала. Как это по-человечески! Из света – во тьму за какое-то мгновение…

От электрического света я ослеп на мгновение.

Длинный стол из красного дерева, окруженный черными креслами. На дальней стене – герб: золотой двуглавый орел. Посреди стола на листе металла полыхает костер.

-Снегирь, гаси свет. Генератор посадишь, – крикнул кто – то.

Во главе стола, прямо под двуглавым орлом, в кресле с высокой спинкой сидел подросток. Мальчик лет четырнадцати. Я никогда не видел в Джунглях детей и с изумлением уставился на него.

Но тут погасло электричество. Пока мои глаза привыкали к тусклому свету костра, Киркоров сообщил:

-Учитель, мы привели дикого.

- Я же просил не называть меня учителем, Киркоров, - голос мальчика был не по-детски хриплым. – И, тем более, не нужно называть диким нашего гостя. Присаживайся, Андрей.

Он показал рукой на ближайшее ко мне кресло. Я уже не удивлялся: здесь, похоже, все знали мое имя.

-Снимите с меня наручники, – сказал я, глядя в глаза мальчика, в которых отражался огонь костра. Он спокойно выдержал мой взгляд и кивнул Киркорову.

-Сними.

Киркоров заколебался.

Мальчик повторил приказание. Вздохнув, одноглазый подчинился. Потирая запястья, я примостился у стола.

-Меня зовут Христо, - представился мальчик.

В свете костра у меня появилась возможность как следует его рассмотреть. Теперь Христо не казался мне мальчиком. Эти глаза:

усталые, равнодушные, холодно-мудрые... Передо мной сидел пожилой мужчина, неведомой силой вставленный в тело мальчика.

-Что это за место? – спросил я.

Христо широко, по-мальчишески, улыбнулся. У него не было ни единого зуба – плоские изжеванные десны.

- Этот подземный бункер называется Кремль – 2. Отсюда власти бывших намеревались управлять страной в случае Дня Гнева. Но … не успели спрятаться. Вышел немец из тумана, вынул ножик из кармана, кто не спрятался, я не виноват.

Христо засмеялся. За моей спиной захохотал Киркоров, которому вторила Букашка.

-Ясно. Но я – то здесь причем? И … где Марина?

-Ты прав, Андрей, – сказал Христо.- Без Марины мы не должны ничего обсуждать с тобой. Букашка, позови всех.

Букашка подошла к темному пролому в стене. Я догадался, что раньше это была шахта лифта, курсирующего от первого Кремля ко второму, подземному. Что скажешь, вымысла бывшим не занимать…

-Все к учителю. Учитель зовет!

Глухое эхо потащило слова сквозь землю наверх.

-Букашка, - поморщился Христо. – Я же просил…

Марина села напротив меня. Улыбнулась. На ней - серый комбинезон, на лоб надвинута белая шапочка, из - под которой торчат пряди рыжих волос. Зеленые глаза светятся теплом. Тихая радость стала расти в моем сердце, но снаружи это никак не проявилось, во всяком случае, я так полагал. Сцепив пальцы, я исподлобья смотрел на Марину.

-Все в сборе, - удовлетворенно сказал Христо. – Познакомься, Андрей. Это Снегирь.

Над столом приподнялся широкоплечий краснолицый детина с окладистой бородой.

-Кисть потерял по пьяной лавочке.

-Спасибо за пояснение, Христо, - пробасил Снегирь и салютовал мне обрубком правой руки.

-Вовочка.

Мне улыбнулся щербатым ртом старичок с подвижными глазами. Морщинистое личико его обрамляли седые, похожие на паутину, волоски, каким-то чудом держащиеся на висках. Макушка Вовочки

была блестящая и ровная, как яйцо, окунутое в масло, и в ней отражалось пламя костра.

-С Киркоровым и Букашкой ты уже знаком. Ну и с Мариной, конечно.

-Кто вы такие? – спросил я, обращаясь к Христо.

-В первую очередь, мы просто люди, - ответил тот, задумчиво глядя на огонь. – Во вторую, - мы возрожденцы.

-Возрожденцы?

-Да.

-Что это значит?

-Андрей, это трудно, почти невозможно объяснить тому, кто не знает всполохов.

-Он знает, - произнесла Марина.

-Да, - кивнул Христо. – И потому ты здесь, Андрей. Марина, кажется, уже говорила с тобой на эту тему?

-Нет, - соврал я, с удовольствием увидев, как лицо девушки краснеет.

-Ну что ж, - спокойно продолжил Христо. – Тогда я скажу тебе. Мы все видим всполохи, тот, кто утверждает, что не видит их, – лжет. Это проблески истины, отголоски прошедшей грозы. День Гнева одолел человека, однако ему не удалось до конца истребить память. Память бессмертна, как бы кому-то не хотелось обратного.

-Мне хотелось бы.

-Понимаю, Андрей. Я сам поначалу боялся всполохов, и не желал быть тем, чей образ предлагала мне память. Христо Ивайловым, сыном советника болгарского посольства, избалованным мальчиком, больше всего в жизни любящим ночные клубы, девочек и таблетки экстази. Или вот, Вовочка… Всполохи больше всех донимают его. В мире бывших он был важной шишкой, настолько важной, что мог бы предотвратить День Гнева. Во всяком случае, ему так кажется. Я прав, Вовочка?

-Прав, - отозвался старик. – Страх помешал мне…

-Ну, не расстраивайся, - мягко сказал Христо.

-А я не хотел быть Олегом Снегиревым, - произнес Снегирь. – Коррумпированным полицейским, за взятку пропустившим на футбольный матч террористку.

-Вот именно, - кивнул Христо. – А Киркоров не хотел петь глупые песни и носить блестящие одежды.

-Упаси Бог, - ужаснулся Киркоров.

-Букашка не желала быть Ольгой Букашиной, секретарем приемной комиссии, а Марина…

-Нет, Христо.

Марина резко выпрямилась, глядя на учителя вспыхнувшими глазами.

-Хорошо, - спохватился Христо. – Так вот…

-Если вы так страшитесь прошлого, - перебил я, посмотрев на Марину, – то какого же дьявола вы намерены возрождать?

Лицо Христо засияло:

-Ты не ошиблась, Марина. Похоже, он как раз тот, кто нам нужен.

Можно подумать, что вы нужны мне.

-Мы намерены возродить человека, Андрей. Не мир, в котором он жил, ибо тот мир был ужасен. Мир похоти и злобы, мир тела, бесконечной погони за комфортом и совершенного забвения души. День Гнева был неизбежен и необходим, как дождь в снедаемом зноем городе. Но человек не заслужил столь глубокого падения. Человек, при наличии воды, умывается так же легко, как пачкается. Мы хотим дать человеку воду и построить новый мир с умытым человеком.

Тихий голос Христо сливался с шумом костра. Мне казалось, что со мной говорит ожившее пламя.

-Новый чистый человек построит мир света. Мир без политики, денег, религии, без всего того, что повлекло либо могло повлечь День Гнева.

Я расскажу тебе небольшую историю, Андрей.

В мире бывших была война - одна из бесконечной вереницы. Осажденный город медленно умирал, но в нем боролась за жизнь хрупкая девушка. Ее соседи по лестничной клетке погибли от бомбежек, холода и голода, и ей казалось, что она совершенно одна в огромном доме. Пережить один день – это была цель, сопоставимая с полетом на Марс.

У девушки осталось всего одно полено, прочное и красивое с виду: кора ровная, жесткая, древесина янтарная, обещающая тепло. Но когда, собрав остатки сил, девушка ударила по нему топором, полено

разлетелось на мягкие ошметки, так как было оно совершенно трухлявое.

Девушка легла в холодную постель и стала ждать смерть, как вдруг до нее донесся детский плач. Ей показалось, что она ослышалась. Но плач повторился. Где-то наверху плакал ребенок.

И она встала и пошла, несмотря на боль и отчаяние.

В квартире на верхней площадке была настежь открыта дверь и на пороге, вытянувшись, лежала мертвая женщина. Почувствовав приближение смерти, она пыталась позвать кого-то, но ей не хватило сил.

Перешагнув через мертвую, девушка вошла в квартиру и увидела стоящую на кровати девочку.

-Мама? – спросила та, дрожа от холода.

-Мама, - согласилась девушка. – Но зачем ты стоишь? Чтобы согреться, нужно лечь, накрыться с головой одеялом…

Но девочка продолжала стоять. Тогда девушка подошла к ней, обняла, стала согревать собственным дыханием. Накрывшись одеялом и старой шинелью, крепко прижавшись друг к другу, они смогли пережить ту страшную ночь.

Христо умолк, глядя на костер. Языки пламени бросали на стены причудливые тени. Я вдруг вспомнил стопку журналов, найденную на чердаке школьником Островцевым. Среди прочих там был журнал «Огонек», а в нем, - репродукции картин. И в память школьнику Островцеву, а значит и в мою, больше других запала «Тайная вечеря». Сын Божий - в окружении учеников, уже знающий о собственной судьбе, и о том, кто предаст его.

-Христо, но что с ними случилось потом?

-Я не знаю, Букашка.

-В чем смысл этой истории? – спросил я.

-Тоже не знаю, - засмеялся Христо. – Вернее, каждый понимает по-своему, и совершенно ни к чему навязывать кому-либо собственное понимание. Однако мы не в праве окончательно хоронить то, что заставляло эту девушку, услышавшую плач ребенка, подниматься по ледяным ступенькам, на грани обморока, и цепляться за обмороженные перила. И в этом нам можешь помочь только ты, Андрей.

-Я?

-Да. Впрочем, довольно. Полагаю, мы все, - Христо окинул собравшихся взглядом, - должны оставить Марину и Андрея наедине. Им есть, что сказать друг другу…

2

ДВОЕ

Христо ошибся. Оставшись наедине, мы молчали. Я смотрел на двуглавого орла, в котором переливались желтые и красные отсветы костра. С потолка в огонь упала капля; зашипев, превратилась в пар.

Отчего-то мне стало грустно: то ли подземелье угнетало, то ли так подействовал рассказ Христо.

-Андрей, - тихо сказала Марина.

Я оторвал взгляд от орла и посмотрел на нее.

-Прости меня.

Она просит прощения!

Язвительно улыбнувшись, я сказал ей, что не могу доверять человеку, исподтишка вколовшему мне в шею шприц.

-Это был не мой план, - горячо заговорила Марина. – Это был план Христо. Он послал меня в Джунгли за диким…

-За диким? – ухмыльнулся я. – И диче меня, конечно, не нашла?

-Андрей, прошу тебя, не надо.

-Что не надо?

-Не надо язвить и кричать. Когда я впервые увидела тебя на Поляне, я сразу поняла…

-Что ты поняла?

Марина дышала тяжело, как затравленная лисица.

- Я поняла, что остановлю свой выбор на тебе, и пройду с тобой через Джунгли, не ради Христо и возрожденцев… а ради себя. Ты мое возрождение, Андрей…

Я молчал.

Марина поднялась; обойдя стол, приблизилась ко мне.

-Ну, посмотри на меня, Андрей, – попросила она. – Не притворяйся жестоким, я ведь знаю, ты не такой.

Каждое слово Марины понемногу вымывало из моей души остатки Джунглей.

Я посмотрел на нее.

Марина обняла меня. Рука девушки заскользила по моей шее, тонкие пальцы нащупали бугорок, оставшийся от укола.

-Прости, Андрей.

Ее губы коснулись бугорка.

-Ты простишь?

Снова поцелуй.

-Марина.

Мои руки сомкнулись на ее талии.

Я поцеловал Марину, сквозь ткань комбинезона чувствуя биение ее сердца. Белая шапочка упала на пол, освободив водопад рыжих волос. Моя рука сама собой нащупала молнию на комбинезоне, потянула вниз. Марина повела плечами, и комбинезон упал к ее ногам. В свете костра тело Марины казалось бронзовым.

Левая рука Марины покоилась у меня на груди, правая – обвила шею. Костер догорал, в воздухе плавало уменьшающееся тепло.

Мы лежали на столе, за которым кто-то собирался решать судьбы мира, совершенно голые, беззащитные. Беззащитные… Я огляделся: тишина, темнота.

Высвободившись из объятий Марины, я соскочил на пол и, нащупав штаны, стал одеваться. Девушка зашевелилась.

-Андрей.

-Тише.

В шахте лифта на мгновение вспыхнул огонек, точно блеснула в лунном свете бутылка, и я отчетливо различил звук торопливых, но осторожных шагов по перекладинам металлической лестницы.

-Что такое?

-Ничего, - я пожал плечами. – Просто кто-то из твоих друзей все это время наблюдал за нами.

-Не может быть.

-Ты так доверяешь им?

-Я доверяю Христо.

Марина соскользнула со стола - волосы внизу живота вспыхнули красноватым огнем.

-И тебе.

Ее губы нашли мои, но я отстранил девушку.

-Одевайся.

Подал ей комбинезон. Мне хотелось, чтобы тело моей женщины поскорее скрыла ткань. Кругом глаза, жадные, ищущие.

Марина застегнула молнию на комбинезоне.

Она молча смотрела на меня, будто ждала чего-то.

-Христо считает: нам есть, что сказать друг другу, - сказал я, опускаясь на стул.

-Я не знаю, о чем он, - пожала плечами Марина, присаживаясь ко мне на колени. Она запустила руку в мои волосы и принялась играть с ними, как ребенок. – Но ты, наверное, думал: почему я не позволила Христо рассказать о моих всполохах?

-Я не думал. Но, если ты начала…

-Думал, не ври!

Марина засмеялась и щелкнула меня по носу. Веселое выражение на ее лице сменила задумчивость, в глазах появилась тревога.

-Я хотела рассказать тебе все сама, – проговорила она, накручивая на палец рыжую прядь, – потому что в мире бывших я была плохим человеком.

Плохим человеком? В моей голове возникло лицо Ника Звоньского, из – под шляпы течет пот; я, кажется, услышал его голос: «Сто тысяч долларов, мистер Островцев». Затем промелькнула Анюта, Галя, листопад среди лета.

Марина вздохнула.

-Я приехала в Москву утренним поездом. На перроне клубился туман…

3

ПАПИК

Я приехала в Москву утренним поездом. На перроне клубился туман, кричали носильщики, летали под крышей голуби, потревоженные гудком тепловоза. Приехавшие в одном поезде со мной пассажиры поразили меня своей целеустремленностью: они знали, куда и зачем им надо идти, некоторых встречали родственники либо знакомые. Меня никто не встречал. За спиной остались четыреста километров и крошечный городок, где я родилась, провела детство, часть юности, и возвращаться туда я не собиралась.

-Посторонысь, дэвушка.

Переполненная тележка с едва заметным из-за баулов носильщиком, гремя по мощеной платформе, проследовала мимо.

Прикосновение тумана было холодным, зубы начали выбивать дробь. Я вскинула на плечо небольшую сумку, в которой - все мое

имущество, и быстро пошла вверх по платформе, туда, где маячила толпа пассажиров.

Увлекаемая толпой, спустилась по гранитной лестнице в подземный переход, освещенный желтыми плафонами. Отстояв длинную очередь, купила билет на метро. Красный, с черной полоской и надписью «Московский метрополитен». Мой первый билет на метро!

У турникета я замешкалась.

-Проходите, - торопили сзади.

-Прислоните к желтому кругу, - посоветовал кто-то.

Я послушалась. Загорелся зеленый кружок. Я сжала билет в руке, как какую-то драгоценность: ведь это был мой первый билет на метро.

Створки разошлись в стороны, пропуская меня на эскалатор, а вместе с тем – на новую дорогу, как я надеялась, дорогу к счастью.

Но в тот момент я вовсе не думала о счастье, так как уже была счастлива. Многолюдье просторного, залитого светом зала поразило меня. В детстве, гуляя по лугу, я расковыряла муравейник и заворожено смотрела на суету потревоженных муравьев. Они, совсем как люди в этом зале, спешили на работу, тащили свой груз, сталкиваясь друг с другом.

-Слышь, дай на пиво.

Муравей-вырожденец, муравей-трутень. Глаза мутные, щеки залило красным, от грязных лохмотьев вонь; все шарахаются от него, опасаясь даже краешком одежды коснуться бомжа.

Я отшатнулась, и – спешно – туда, в арку, за которой синеет бок подошедшего поезда. Не оглядываясь, нырнула в вагон.

«Следующая станция – Смоленская».

Пока поезд, погромыхивая, полз по темному тоннелю, я во все глаза рассматривала москвичей. Красиво одетые, с задумчивыми или улыбчивыми лицами, они завораживали меня. Моск – вичи! Удивительное слово. Точно наименование восточной сладости. Сколько раз в родном городке я слышала разговоры о Москве и ее жителях. Почти все они были сдобрены неприязнью, за которой, как за ширмой, скрывалась остро отточенная зависть: «Вот бы туда!». Кое-кто, такой же отчаянный, как я, однажды покупал билет в один конец и – ни слуху ни духу.

«Слышь, дай на пиво».

Я вздрогнула: так отчетливо и объемно прозвучал в голове голос бомжа из людского муравейника. А вдруг и он когда-то сошел на перроне, одержимый смутными надеждами, молодой и наивный, с одной лишь твердой убежденностью: не возвращаться обратно? Да, так оно и было. Так было с ним и может быть со мной. На мгновение перед моими глазами возникла женщина в обносках, с лохмотьями волос на голове, с распухшим синеватым лицом. Узнав в этой женщине себя, я вскрикнула.

Старушка в розовом пальто испуганно посмотрела на меня.

-Извините, - пробормотала я.

Глядя на бегущую за окнами поезда черноту, я поклялась, что пойду на все, чтобы не стать той женщиной в обносках.

Поезд замер, стукнули отворившиеся двери, я вышла на перрон. Оглядевшись, шагнула к близстоящей женщине и произнесла, как заклинание, как молитву:

-Подскажите, пожалуйста, как мне выйти к МГУ.

Это было желтое приземистое здание, показавшееся мне невзрачным не в последнюю очередь потому, что напротив него виднелась башенка и зубчатая линия Кремля. Я была в самом сердце страны. Всего сутки назад я стояла рядом с обшарпанным одноэтажным строением, серым до тоски, под крышей – деревянная табличка, вещающая всем и каждому: «Вокзал. Город Изюминск». Немного в Изюминске я видела изюму. И вот теперь в каких-то сотнях метров от меня лысеющий, но все еще привлекательный мужчина решает судьбу страны и ее граждан, в том числе и мою. Пожалуйста, будь добр ко мне, господин Президент!

Замечтавшись, я едва не наткнулась носом на постамент памятника, стоящего во дворе Университета. Михаил Васильевич Ломоносов.

«Что может собственных Платонов, и быстрых разумом Тевтонов российская земля рождать». Строчки запомнились со школы, а еще рассказ нашей учительницы о юноше Михайло, не захотевшем рыбалить с отцом в студеном море и отправившемся с попутными подводами в Москву.

«Почти как я», - я невольно засмеялась. Было приятно осознавать, что путь мой – не Голгофа, а протоптанная миллионами подошв дорога, идти по которой уже не так одиноко и страшно.

В приподнятом настроении я вошла во вращающуюся дверь.

Боже мой! На мгновение мне показалось, что я вновь очутилась в метро. Площадка перед турникетом, загораживающим вход на мраморную лестницу, была полна людьми. Здесь толпились юноши и девушки приблизительно одного возраста со мной, у некоторых были сумки, почти такие же, как у меня. Кое-кто был с мамой или папой.

Сидящий перед монитором охранник красен, как отварной рак, и время от времени утирал платком выступающий на лбу пот.

-Не толпитесь, - крикнул он. – По одному.

Невысокий парень с зародышем бороды на подбородке протянул охраннику паспорт. Тот взял документ, словно рыбу-пиранью. Этот человек был явно чем-то раздражен. Через мгновение стало понятно, чем именно. Откуда-то сбоку к нему подошел мужчина в такой же форме, с надписью «Security» на груди, бледный, как стена больницы.

-Где ты бродишь? - недовольно пробурчал краснолицый. – Погляди, какой наплыв, до ночи не успеем.

-Успеем, - беззаботно отмахнулся его напарник, опускаясь в кресло неподалеку.

Теперь дело пошло быстрее: толпа редела, пропуская на мраморную лестницу все новых счастливчиков. Наконец, очередь дошла и до меня.

-Ваш паспорт. А сумку оставьте здесь, - сказал бледнолицый, окинув меня мгновенным взглядом. – Деньги и ценные вещи возьмите с собой.

Деньги – две синие бумажки - и аттестат я взяла с собой, с легким сердцем присоединила свою сумку к ее собратьям, горкой возвышающимся на широкой скамье.

Охранник вернул мне паспорт, в который была вложена белая бумажка: «Факультет журналистики МГУ. Пропуск». Может быть, я сохраню эту бумажку, как и первый билет на метро.

Пройдя через турникет, я ступила на мраморную лестницу, несколько шагов вверх – и перед моим взором возник цветной портрет Михайло Ломоносова.

-Девушка, проходите сюда, - окликнул меня молодой человек в очках с бейджиком на груди: «Сергей».

Я еще не привыкла к обращению на «вы», к слову «девушка» по отношению к себе, и слегка растерялась. В родном городе меня

называли по имени, а в школе и вовсе по фамилии: «Эй, Книппер, дай списать домашку!».

-Проходите, - улыбнулся Сергей, пропуская меня в ярко освещенный зал, где за длинными столами сидели два юноши и девушка. У всех к одежде приколоты бейджики – «Аркадий», «Елена», «Нектарий».

«Нектарий? Вот так имя!».

-Ко мне присаживайтесь, – крикнул Нектарий.

Аркадий засмеялся:

-Самых красивых – себе, так, Ник?

Нектарий не ответил, только улыбнулся. Я присела на стул напротив него.

-Ваш паспорт и аттестат, пожалуйста.

Нектарий был толст и некрасив, волосы на его голове топорщились, словно к ним никогда не притрагивалась расческа. Рыжеватая борода топорщилась на подбородке, точно приклеенная пакля.

-Марина Александровна Книппер.

Прочел Нектарий и поднял глаза от паспорта.

-Родственница?

-Что?

- Ольга Книппер, жена Чехова, вы, случайно, не ее потомок?

Не знаю, как и почему это произошло, но мой язык, точно обладая собственной волей, повернулся и произнес:

-Да, ее.

Впоследствии я не раз размышляла об этом случае, случае первой лжи и не могла найти причин, заставивших меня солгать.

Коллеги Нектария посмотрели на меня с интересом.

-Я читал письма Книппер к Чехову, - сообщил Аркадий. – Очень занимательно.

-Возьми паспорт, - переходя на «ты», сказал Нектарий.

-А аттестат?

-Аттестат останется у нас до окончания экзаменов. В случае, если не поступишь, мы тебе его вернем.

-Поступит, - уверенно сказал Аркадий.

-Вот твой экзаменационный лист. На каждый экзамен приходи с ним и с паспортом.

-И со шпорами, - вставила Елена.

-И со шпорами, - усмехнулся Нектарий. – Да, чуть самое главное не забыл, - ты нуждаешься в общаге?

Я ожидала этого вопроса и, если бы его не последовало, мне пришлось бы самой узнавать у них, где мне жить на период экзаменов. Эти трое сидели передо мной, как жрецы древнего культа, они – я почему-то не сомневалась, - все были москвичами, и, закончив принимать абитуриентов, разойдутся по своим уютным квартирам.

Мне хотелось сказать «не нуждаюсь», но, представив холодную ночную улицу города либо зал ожидания на вокзале, где кругом – менты и бомжи, я проговорила:

-Да, нуждаюсь.

Небо не рухнуло на землю и не случилось всемирного потопа.

-Хорошо, - сказал Нектарий. – Адрес общаги знаешь? Вот с этой бумажкой – к коменданту…

Между двумя утрами: тем, когда я впервые увидела памятник Михайло Васильевичу, и еще одним июльским утром, когда я стояла у этого же памятника со следами слез на лице, не знающая, куда пойти и что делать, - прошло пятнадцать дней. Мне казалось, что первые дни в Москве я жила по своему собственному, изюминскому, времени. Времени – октябрьской мушке, привезенной мною из родного городка в сумке и застрявшей в моих волосах. Но московское время – паук, одним броском умерщвляло октябрьскую муху и вступало в свои права, заставляя дни лететь подобно оперённой стреле.

В суетливой дымке экзаменов я не замечала ничего вокруг; приходила в общагу, валилась на продавленную, нечистую кровать, едва успевая перемолвиться парой фраз с соседками по комнате: Татьяной и Дарьей. Татьяна приехала покорять Москву с Кубани, со станицы с веселым названием Задорные Дворики. Дарья - из Новосибирска, города, судя по ее рассказам, многолюдного и перспективного, в котором есть метро, пусть не такое, как в столице, но все-таки…

-Новосиб – столица науки, - говорила Дарья, поглядывая на меня и Татьяну, - По количеству живущих в нем кандидатов намбер ван в России.

Она бахвалилась своим городом так часто, что Татьяна, наконец, не выдержала:

-Если твой Новосиб такой намбер ван, то чего ты сюда приехала?

Дарья не нашла, что ответить.

« ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ ЛИСТ

Книппер Марина Александровна

Сочинение – хорошо.

История – удовл.

Английский язык – неуд».

Последняя строчка, как приговор. Я разжала кулак – ветер подхватил клочок бумаги и, кружа, понес в сторону Кремля. Быть может, ветер бросит листок под ноги седеющему, но все еще привлекательному президенту, тот поднимет его и, прочтя, с досадой покачает головой: «Эх, не поступила Марина. Не могла английский сдюжить».

Воспоминание об экзамене по английскому было мучительно: My name is Marina. I was born in Izuminsk. My mother is a teacher. My father is a fireman и т. п. В Изюминске мне этого хватало, а здесь…

«Прощай», - шепнула я юноше Михайло и, выйдя за ворота, пошла вверх по улице, носящей мягкое, совсем не подходящее ей название: Моховая.

Поезд на Изюминск каждый день подходил к утреннему перрону, забирал пассажиров, ждал меня, и отправлялся, так и не дождавшись.

В журнале, обнадеживающе-толстом, с простым, всем понятным названием «Работа и зарплата», я нашла вакансию: «Продавец-консультант. Зарплата 30 тысяч рублей. Жилье предоставляется».

Жилье – это однокомнатная квартира в Свиблово, заставленная кроватями, завешенная тряпками. Здесь уже жили три девушки, и я должна была стать четвертой.

-Хозяйка просит двадцать восемь,- сообщила Ирина Мухамедовна, представившаяся директором компании. - Двадцать восемь на четыре – семь тысяч. С первой зарплаты рассчитаешься.

-Хорошо, Ирина Мухамедовна, - сказала я.

-Ну, устраивайся. Девочки помогут. А я побежала.

Хлопнула металлическая дверь.

Девочки смотрели на меня настороженно. Одна – высокая, стройная, с открытым красивым лицом, обрамленным русыми волосами, вторая – полнокровная толстушка, в моем городке ее бы назвали бой-бабой.

Из кухни вышла третья, с виду несколько старше своих товарок, худая и плоская.

-Проходи, чего стоишь, - сказала она. – Не бойся, мы не проститутки.

Ее подруги захихикали, я растерянно молчала.

-Меня Илана зовут, - представилась самая старшая.

- Это, - кивнула на русоволосую красавицу, - Ольга. А это, - Жанна.

Толстушка кивнула.

-Тебя, рыжая, как звать?

-Марина.

-Откуда ты такая?

-Из Изюминска.

Девчонки снова захихикали.

-Ой-ой, как смешно, - одернула их Илана. – Сами-то откуда? Ты, Марина, как я погляжу, совсем еще ребенок.

-Почему?

-По кочану и кочерыжке. Тебе очень повезло, что здесь не бордель, а Ирина Мухамедовна – не мамочка - сутенерша.

-Иланка, да она, похоже, и слов-то таких не знает, - сказала Ольга. У нее был несколько тонковатый, но приятный голос.

-Каких слов?

-Ну, бордель, сутенерша…

-Не знаешь?

Илана посмотрела на меня.

-Нет, - призналась я.

Три товарки уставились на меня, как на розового слоника.

-И вправду, сущее дитя, - проговорила толстушка, у которой голос, как и положено, был низкий и грудной.

-Сколько тебе лет? – спросила Ольга.

-Восемнадцать, - соврала я: на деле тогда мне едва исполнилось семнадцать.

Жить в Свиблове было легко и беззаботно. Девочки опекали меня, особенно Илана, у которой (мне по секрету сообщила Ольга) в забытой Богом липецкой деревне осталась дочка одного возраста со мной. Вообще, все три мои соседки приехали из медвежьих углов широкой нашей страны.

По вечерам мы усаживались каждая на свою кровать, и, хрустя чипсами либо попкорном, смотрели по DVD фильм или мультик, что попадалось под руку. Шевелились занавески, ползала по ним кудрявая тень, и почему-то приятно было знать, что тень эта от могучего тополя за окном, в ветвях которого застрял ветер.

Когда фильм заканчивался, Илана выключала компьютер:

-Спать.

Но слово за слово - начинался разговор, интересный и привлекательный для меня. Я никогда не вступала в него, просто слушала.

Говорили девочки о мужиках. О том, как эти мужики - Олеги, Сережи, Эдики, Стасы, даже какой-то Гоги, с которым Жанна познакомилась в Сочи, любили их, обманывали, женились на них, разводились… Иногда Ольга или Жанна допускали в своих рассказах такие подробности, от которых у меня загорались уши, и мне казалось, что они светятся в темноте, как фонарики.

-Полегче, здесь ребенок, - прерывала Илана.

Ребенком она называла меня.

И неизменно к концу разговора, когда у подружек начинали слипаться глаза, а язычки – прилипать к нёбу, они приходили к выводу – мужики–козлы, но следующим вечером вновь говорили об Олегах, Стасах, Эдиках…

А что же работа? Работа была не сложная, хоть и довольно нудная. Когда я, по выражению Ирины Мухамедовны, втянулась, дни, недели и месяцы полетели быстро. Так первоклассник торопится проглотить поскорее нелюбимую манную кашу: раз – и тарелка пуста.

По-настоящему – во всех подробностях ощущений и чувств - мне запомнился первый день моей работы, когда ранним утром я приехала в офис, желтый двухэтажный дом, расположенный в одном из переулков на Чистых Прудах.

Рядом с массивной металлической дверью – блестящая табличка: «Компания «Чистая Жизнь», а под табличкой - небольшой прибор с кнопкой. Я уже знала, для чего он предназначен, и надавила кнопку.

-Кто? – заспанный голос охранника.

-Марина Книппер. Я здесь работаю.

-Секунду.

Секунда тянулась медленно; мне начинало казаться, что дверь никогда не распахнется, и я так и буду стоять перед ней так долго, пока не превращусь в истукана. Но истукан на пороге, похоже, никому не был нужен: щелчок! - дверь отворилась. Я вошла.

Недлинный широкий коридор, желтый цвет линолеума, желтый свет плафонов… Почему здесь все такое желтое? Несколько дверей, настежь открытых. Юноши, одетые в костюмы-двойки, при галстуках, девушки в красивых платьях – туда-сюда по коридору, из одной двери в другую. Суета, как в улье.

-Молодой человек, - остановила я белобрысого юношу, с удовольствием покатав на языке это московское обращение «молодой человек».

-Вы по поводу работы? – бросил он, смерив меня, как мне показалось, неодобрительным взглядом.

-Я уже здесь работаю. Мне надо к Ирине Мухамедовне.

На лице парня промелькнула заинтересованность.

-Ирина Мухамедовна в седьмом кабинете. Там.

Он махнул рукой в конец коридора.

-Спасибо.

Я двинулась к двери с золотистой табличкой: «Чистая Жизнь. Администрация».

-Удачи, - крикнул мне вслед парень.

Я не обернулась и не ответила. Белобрысый мне не понравился. Нет, внешне он был очень даже ничего: подтянутый, аккуратный, но с лица его сквозило желание всем понравиться, всем угодить.

-Проходи, Марина.

Ирина Мухамедовна сразу узнала меня.

-Здравствуйте.

-Проходи. Присаживайся.

Я опустилась в мягкое кресло, обитое черной матовой кожей.

-Выучила?

Я кивнула.

-Давай сюда листок.

Я протянула Ирине Мухамедовне тетрадный листок, исписанный ровным подчерком. Этот листок мне дала Илана.

«Заучи эту дребедень, - сказала она. – В нашей работе – это самое главное».

-Хорошо, - толстые пальцы Ирины Мухамедовны сомкнулись над бумажкой, и та исчезла, как у фокусника в цирке.

Ирина Мухамедовна пару мгновений рассматривала меня, улыбаясь, потом сказала:

-Марина, ты умная девочка, и понимаешь, что написанное в этой бумажке, - лишь, так сказать, основа. Просто краткое описание нашего товара. Его нужно продать, а здесь все средства хороши, так что ты можешь говорить клиенту, что хочешь. Хоть о том, какого волшебного цвета у него глазки. Главное, всегда помни о цели. Цель – уломать человека купить товар.

«Уломать», - резануло слух.

-Я понимаю, Ирина Мухамедовна.

-Вот и прекрасно. И не бойся ошибиться. Мы все так начинали – с проб и ошибок.

Ирина Мухамедовна говорила, а я смотрела на ее верхнюю губу. На ней росли едва заметные черные усики.

-Возьми, - Ирина Мухамедовна протянула мне какую-то тряпку.

-Что это?

-Это твоя униформа. Пойди и переоденься.

Она указала мне на ширму в углу кабинета. Я покорно проследовала туда. За ширмой стояли зеркало и вешалка.

Я развернула данную Ириной Мухамедовной тряпку: зеленое, довольно короткое платье с глубоким декольте. Да я ни за что такое не надену! Что мне подсунула эта усатая тетка? Зачем я здесь вообще?

Поезд на Изюминск разводит пары на вокзале… Спешат по перрону опаздывающие пассажиры – с детьми, с баулами…

Быстро стянув свитер и джинсы - ой, холодно! - я напялила платье. Посмотрелась в зеркало. Удивительно, но оно подошло мне по размеру, и выглядела я в нем совсем неплохо.

-Мариночка, - голос Ирины Мухамедовны доносился глуховато, как с того света. – Не задерживай, пожалуйста, ты у меня не одна!

Я вышла из-за ширмы. Солнечный луч, проникший в окно, осветил меня. Я знала, что мои волосы вспыхнули красным огнем.

-Какая красотка, - воскликнула Ирина Мухамедовна. – Тебе всегда надо платье носить.

-Спасибо, - смутилась я.

-Вот только, - Ирина Мухамедовна показала рукой на свою огромную, скованную блузкой грудь. – Оттяни ткань немножко вот здесь, чтобы грудь твоя была более заметна.

-Зачем?

-Делай, что говорят.

Поезд на Изюминск медленно отвалил от дебаркадера и пополз прочь от вокзала…

Я дернула платье на груди, так, что оно чуть не порвалось.

-Ну-у, - засмеялась Ирина Мухамедовна. – Это чересчур. Немножко… Вот так.

-Можно идти, Ирина Мухамедовна?

-Иди. В третий кабинет. Там сегодня Илана. Она тебе поможет.

Илана и вправду была в третьем кабинете. Одетая в строгий деловой костюм, с аккуратно зачесанными назад волосами, она выглядела солидно.

Кроме Иланы в кабинете находились две девушки в похожих на мое платьях. Они сидели за столами, а перед ними, на стульях – пожилой мужчина со слуховым аппаратом в правом ухе и толстая женщина. Девушки что-то говорили этим людям, постоянно улыбаясь, и совали им под нос золотистые бутылочки.

«Чистая Жизнь» - бальзам долголетия, - вспомнила я строки с листочка, что так ловко спрятала Ирина Мухамедовна. – Уникальное изобретение американских ученых. Продлевает молодость, разглаживает морщины, в разы увеличивает сексуальную тягу».

Илана кивнула мне, ничего не сказав. Стало даже немного досадно, что она не отметила мою красоту.

-Илана Олеговна, - обратилась к моей подруге одна из девушек. – Можно вас на секунду.

Илана подошла к столу, где уламывали мужчину со слуховым аппаратом. Вместе с девушкой она принялась что-то втолковывать мужику, как будто жонглируя золотистыми бутылочками.

-Можно?

Я обернулась: парень, на вид лет двадцать, неухоженный, с темными кругами под глазами.

-Я по объявлению, - сообщил он смущенным голосом. – Здесь на работу принимают?

-Здесь, - сказала я. – Проходите. Присаживайтесь.

Человек, которому суждено было стать моим первым клиентом, смущенно поглядывая на вырез моего платья, протиснулся в кабинет и опустился на стул за свободным столом. Я села напротив него, еще больше смутив парня оголившейся при наклоне грудью.

-Меня зовут Марина. Я менеджер компании «Чистая Жизнь».

Казалось, даже моему языку было приятно произносить это слово «менеджер». Клиент молча смотрел на меня.

-Представьтесь, пожалуйста, – попросила я. – Как зовут, откуда приехали?

Почему-то я и в мыслях не допускала, что к нам может прийти устраиваться москвич: и не ошиблась.

-Меня зовут Кирилл, - проговорил парень, не зная, куда девать глаза: они так и норовили обследовать мою грудь. – Я два года назад приехал из Пензенской области поступать в МГУ. Сейчас на втором курсе.

Стрела зависти кольнула мое сердце: приехал, поступил, уже на втором курсе.

-Хорошо, Кирилл. Где-нибудь раньше работали?

-Подрабатывал курьером, но недолго, около полугода. А еще, - парень покраснел, - раздатчиком салатов в «Тайской утке».

«Зачем тогда говорить, если так стыдишься, - с неприязнью подумала я. – Честный какой».

Кирилл мне не понравился: лох - сказала бы Ольга, моя соседка по квартире в Свиблово. Было неприятно, что он украдкой поглядывает на мою грудь: хотелось одернуть платье, чтоб не чувствовать себя обезьянкой в зоопарке.

-Кирилл, вы прошли предварительное испытание. Теперь вы главный претендент на должность старшего менеджера с зарплатой сорок тысяч рублей.

Его лицо не выразило ровным счетом ничего. Болван какой-то.

-Но прежде чем быть допущенным к собеседованию с начальством, вы должны приобрести …

Я достала из-под стола пластиковую желтую упаковку, и поставила перед собой.

-Что это?

-Это продукция нашей компании. «Чистая Жизнь», бальзам долголетия. Очищает кожу, избавляет от кругов под глазами.

-Но…

-Так же им можно пользоваться, как шампунем. Волосы становятся шелковистыми, блестящими.

-Но мне нужна работа, а не шампунь.

-Кирилл, - с выражением страдальческого терпения сказала я. – В нашей компании все сотрудники покупали бальзам перед собеседованием с начальством. И я покупала, и вот Илана Олеговна. Все.

-Хорошо, - он неожиданно решился. – Сколько это стоит?

-Три тысячи рублей. В этой упаковке десять бутылочек.

Кирилл достал кошелек: мое сердце сжалось. Это был точь-в-точь кошелек моей матери. Кожаный, потрепанный, с вдавленным гербом: серп и молот. Изнутри, - я это точно знала, - маленькая этикетка: «Фабрика кожевенных изделий «Марксист». Сделано в СССР».

«Что же я делаю?! – молния, всполох. – Кого же я обманываю?»

Но совесть – это всего лишь мгновенье.

Легли на стол три синие бумажки.

-Через три дня мы позвоним вам, - сказала я, накрывая деньги ладошкой.

-Я могу идти? – спросил Кирилл, пряча кошелек.

-Да, конечно.

Он поднялся.

Уже у самой двери Кирилл обернулся:

-До свиданья, Марина.

Улыбнувшись ему, я кивнула. Кирилл скрылся за дверью. Теперь - в студенческое общежитие или к своей тете-москвичке, попрекающей за каждый прожитый у нее день, с пустым кошельком, с упаковкой «Чистой Жизни», с надеждой – через три дня позвонят и все изменится.

-Однако, у тебя талант, - сказала Илана, принимая у меня деньги. – Почти без подготовки, с листа, «уломать»… Немногим это удавалось.

Илана хвалила меня, но глаза ее были грустны.

Я проработала в «Чистой Жизни» ровно год, - до того августовского дня, когда в моей жизни появился Он. К тому времени я стала одним из лучших «менеджеров» компании, Ирина Мухамедовна хвалила меня, ставя в пример другим «гербалайфщикам»; лица «клиентов» слились в единый поток, я улыбалась, поправляла платье

на груди, принимала деньги за бальзам, - все автоматически, бездумно. Я стала профессионалом.

Почему-то Илана отдалилась от меня (не иначе, она позавидовала моему успеху), но я недолго горевала. В квартирке в Свиблово я сблизилась с Ольгой, бесшабашной и веселой девицей, мы ходили с ней в кино, даже пару раз были в ресторане.

У Ольги была мания – подцепить богатенького папика.

-Гербалайф не вечен, Марина, - говорила она, когда мы под руку шагали по вечерней Тверской. – В конце концов, нашу шарашкину контору прикроют. Сколько веревочке не виться… Ну, ты понимаешь. И тогда придется убираться из Свиблово, а найти новую работу, новую квартиру? Большой вопрос… Я, например, скорее брошусь в реку, чем вернусь обратно в Мухосранск. Жить среди быдла, когда ты видела все это…

Ольга окидывала взглядом красиво подведенных глаз улицу, сверкающую огнями.

-Оль, ну почему сразу «быдла»? - слабо протестовала я.

-А что, в твоем Урюпинске не одно пьяное быдло?

За пределами МКАД для Ольги, кажется, существовали лишь два города – Мухосранск и Урюпинск, оттого с ней совершенно невозможно было спорить.

-Марин, нужно во что бы то ни стало зацепиться в Москве. Понимаешь, во-что-бы-то-ни-ста-ло! И самый лучший способ это …

-Подцепить богатого папика.

-Умничка, уразумела.

Как именно Ольга пыталась подцепить папика, я видеть не могла. Охота, по выражению моей подруги, это дело сугубо индивидуальное, свидетели и сочувствующие здесь ни к чему.

Вечером каждой пятницы Ольга надевала длинное бордовое платье («цвета страсти» - по ироничному выражению Иланы), небрежно накидывала на плечи короткую норковую шубку (пять лет экономии) и выпархивала из квартиры в ждущее у парадного такси. Она возвращалась в два, а то и три часа ночи, всегда навеселе. Не снимая шубы, гремела крышками сковородок в поисках завалявшейся котлетки и, не раздеваясь, валилась на свою кровать, не обращая ни малейшего вниманья на ворчанье потревоженных Иланы и Жанны.

Наутро Жанна непременно спрашивала:

-Олька, подцепила папика?

В ответ звучало крепкое словцо, смысл которого сводился к следующему: «Если б подцепила, в эту дыру, к вам не вернулась бы».

Я с юмором относилась к Ольгиным поискам, но так получилось, что папика нашла себе именно я. Вернее, Он сам меня нашел.

Это был один из тех дней, что случаются лишь в конце августа: еще зелено и пыльно, но солнечный ветер уже пахнет осенью. Впрочем, здесь почувствовать запах осени было сложно: на громадной площадке (кажется, раньше это был аэродром) расположились сотни, тысячи автомобилей. БМВ, Мерседесы, Линкольны, Феррари, Доджи… Все, какие только существуют на свете, марки и модели; новенькие и потрепанные, с аэрографией и без, всех возможных расцветок. Рев моторов, взрывы петард, восторженные крики людей сливались для меня в бензиновую какофонию. Я жалела, что согласилась поработать на ежегодной выставке «АвтоЛэнд» и мысленно ругала Жанку, по чьей рекомендации я здесь и очутилась. Работа заключалась в том, что, одетая в бикини, я должна была привлекать внимание посетителей выставки к синему «Мустангу» 62 года выпуска. Однако, как я успела заметить, посетителей выставки больше занимали мои «буфера», нежели рифленый буфер раритетного автомобиля. Парни и взрослые мужики дружно снимали меня на любительские фотоаппараты и камеры мобильников - я злилась, но ничего поделать не могла.

С запахом бензина и назойливыми «папарацци» меня мирило солнце: кожу прямо на глазах покрывал бронзовеющий загар. Я никогда не бывала на море: бикини в новинку для меня, так же как и использование лосьона для загара, который мне дала Жанна. Время от времени я заскакивала в палатку, установленную за «Мустангом» и натирала руки, ноги, грудь прозрачным молочком, приятно холодящим кожу.

В один из таких «заскоков», я услыхала:

-Эй, на палубе! Кто хозяин «Мустанга»?

Отставив в сторону бутылочку с лосьоном, я вылезла из палатки и увидела Его.

Аккуратный ежик седых волос зрительно увеличивал и без того высокий лоб, умные, другого слова не подберешь, слегка голубоватые глаза, смотрели на меня внимательно и чуть-чуть насмешливо. На вид

ему было не меньше пятидесяти лет, но своей лощеностью он был красив. Крепкое, - с едва заметным намеком на брюшко, - тело, плотно облегала короткая байкерская куртка с ярко-красной надписью на груди «the night’s wolf»; узкие джинсы небрежно заправлены в голенища дорогих ковбойских сапог. За спиной «волка ночи», как и положено, стоял Harley&Davidson.

-Ау, девушка. Так кто хозяин «Мустанга»?

Он засмеялся бархатным смехом уверенного в завтрашнем дне человека. Ровные зубы белее снега, почему-то заставили меня вспомнить мамин фарфоровый сервиз, который она берегла как зеницу ока.

-Хозяина здесь нет, - сказала я, краснея (перед этим человеком мне было стыдно стоять в бикини). – Но у меня есть его телефон, вы можете позвонить…

-Позвонить? Пожалуй, не стоит. Я куплю себе другой «Мустанг».

«Еще бы – чтобы он сам стал кому-то звонить!»

Он не уходил. Просто стоял и смотрел на меня, заставляя мое лицо пылать. «Папарацци» с мобильными телефонами – сущие ангелы по сравнению с этим рентгеновским взглядом. Мне показалось, что этот человек видит меня насквозь, знает все обо мне. Тоскливое изюминское детство, школу, где только и разговоров – «вот закончу, и уеду отсюда». Робкий - первый и последний - поцелуй с одноклассником Вовкой на выпускном вечере, истерику матери, не желавшей отпускать единственного ребенка в «порочную Москву», проваленные экзамены, мошенническая работа в «Чистой Жизни».

Он спросил, как меня зовут. Я ответила.

-Игорь Матвеич, - представился он.

Игорь Матвеич… «Папик» - пришло на ум часто употребляемое Ольгой словечко. Интересно, а Игорь Матвеич знает, что он – папик?

Он задал вопрос, нравится ли мне работать на «АвтоЛэнде», - я честно ответила, что нет.

Игорь Матвеич помолчал, а потом вдруг сказал:

-Марина, ты не хочешь прокатиться со мной?

Внешне это выглядело легко и непринужденно, в полном соответствии с имиджем волка ночи, но все же я уловила в его голосе едва ощутимое, - нет, не дрожь, - колыханье.

Мгновение раздумья… Чего в нем было больше: страха (молодым девушкам не следует куда-то ехать с незнакомым мужчиной), брезгливости (несмотря на лоск богатства, Игорь Матвеич был стариком, и зубы у него были фарфоровые), совестливости (все-таки, я была на работе)? Не знаю…

-Но мне нужно одеться… - проговорила я.

-Конечно, - засмеялся он. – Я подожду.

«Харлей» несся по вечернему шоссе, обгоняя автомобили. Сама скорость, воплотившаяся в ветре, неслась навстречу мне, волосы развевались, хлестали по щекам. Я вцепилась в спину Игоря Матвеича – от его куртки струился едва уловимый аромат кожи, очень приятный. Радость, неуемное веселье переполняло грудь так, что хотелось кричать. И я кричала.

-Йехууу!

Это была свобода, это был кайф, это была жизнь!

Впереди показался красный хвост пробки. Машины стояли намертво, их водители проклинали на чем свет стоит черта, бога и мэра города. Но скоро их внимание переключилось на «Харлея», ловко вальсирующего между стоящими автомобилями, - мощный двигатель, низко сидящий байкер, девушка с развевающимися волосами. И мне хотелось думать, вернее, я была уверена, что это так, - вся пробка забыла о черте и мэре, и дружно принялась завидовать волку ночи.

Затем, свернув по указателю «Рублево-Успенское шоссе», мы ели гамбургеры в придорожном кафе, запивая их «натурино» - дорогущим газированным напитком с натуральным соком и кусочками винограда и персика.

Заскочить в кафешку - эта идея пришла в голову мне - Игорь Матвеич поддержал ее, но без энтузиазма. И гамбургер он ел осторожно, словно опасаясь проглотить таракана.

Мы вышли из кафе, когда на небе зажглись первые звезды.

-Обожаю ездить по ночам, - крикнул Игорь Матвеич, повернув голову. – Жаль только, что мы уже приехали.

«Харлей» замер у ворот высоченного забора из красного кирпича, напоминающего кремлевскую стену. Игорь Матвеич посигналил, и ворота отворились. Мы въехали во двор.

Замок с зубчатыми башнями темнел на фоне вечернего неба. Свет горел лишь в одном из многочисленных окон. Мощеные дорожки

бежали туда-сюда вдоль клумб и статуй, теряясь в саду, светящемся китайскими фонариками. В квадратном бассейне шевелилась темная вода, тени от нескольких лежаков были длинны и изогнуты.

-Как прокатализь, Игой Матвеись?

Желтолицый пожилой мужчина с узкими щелочками глаз приблизился к нам.

-Хорошо, Кейзуке. Лови!

Игорь Матвеич бросил ключи от «Харлея». Слуга их ловко поймал и захихикал: «Кхи-кхи-кхи».

-Пойдем, Марина.

Мы двинулись по дорожке к дому.

-Кейзуке – японец? – шепнула я.

-Самый настоящий.

Вдруг Игорь Матвеич приостановился и … хлопнул в ладоши. Фонари – по цепочке, один за другим, - стали вспыхивать перед нами, освещая ту или иную часть двора. Черно-белый мир окрасился во все цвета радуги, приобрел плоть и кровь! Голубая вода бассейна, зелень коротко постриженного газона, красные и белые розы на клумбах, белизна и элегантные изгибы статуй, четкие линейки дорожек, трогательная косолапость декоративных карликовых деревьев - все это бросилось мне в глаза, через них просочилось в мозг, материализовало душу.

Мы вошли в дом, и то же самое: душа обрастает плотью, жажда остаться здесь, среди золоченых статуй, огромных картин, мягкой мебели, стеллажей со старинными книгами, кактусов и пальм в изумительных кадушках, плазменных панелей и стерео колонок, искусно маскирующихся «под старину», столь сильна, что дрожит сердце.

Навстречу спешила чернокожая женщина, - плотная, как ствол баобаба.

«Жена Кейзуке, - шепнул мне на ухо хозяин дома. – Она эфиопка».

-Мамаду, ужин подашь в гостиную.

-Хорошо, Игорь Матвеич.

Эфиопка говорила по-русски гораздо лучше своего мужа; голос у нее был грудной и какой-то … уютный, заставляющий думать о горячих пирожках со сливовым повидлом, о теплой постели. Глядя на Мамаду, я вспомнила свою мать, любившую бразильские сериалы -

почти в каждом из них есть вот такая же толстуха-негритянка, - Сильвинья, Лусинда либо Бебетта, верно и безропотно служащая своим хозяевам. Никогда не думала, что встречу бебетту в Москве!

Мы сидели в темной гостиной. За окном виднелась автодорога, испещренная желтыми и красными огоньками, кусочек леса, а еще дальше сверкали многоэтажки.

На круглом столике стоял канделябр – бронзовые ангелочки держат в руках свечи. Воск падал на шелковую скатерть. Игорь Матвеич, сменивший байкерскую куртку на просторный свитер с вышитыми на груди снежинками, задумчиво смотрел на меня, смущенно ковыряющую ложечкой пирожное - тирамису. Ни о чем не спрашивал, точно и вправду все знал обо мне, либо я ему нисколько не была интересна.

В приглушенном свете Игорь Матвеич показался мне совсем старым … Быть может, виноват этот удобный свитер, дурацкие снежинки.

-Игорь Матвеич, сколько вам лет?

Я вовсе не собиралась задавать ему этот вопрос, сорвавшийся с языка сам по себе. Игорь Матвеич ответил сразу, без кокетства и шуток.

-Шестьдесят три.

Шестьдесят три!

По двору к одному из гаражей прошествовал Кейзуке. Я следила за ним взглядом: что он собирается делать? Японец открыл гараж и скрылся в нем. Через пару секунд оттуда выехал матово-черный автомобиль, заблестевший в свете фонарей. Lamborghini Diablo! – точь-в-точь как в фильме «Ослепленный желаниями» с Бренданом Фрейзером… Кейзуке вылез из машины и принялся драить тряпочкой противотуманные фары.

В гостиной зазвучала музыка, какой-то старый вальс. Интересно: это Мамаду включила стереосистему или антикварный граммофон?

-Потанцуем?

-Я не умею, Игорь Матвеич.

-Я научу.

Мы закружились посреди гостиной. Я казалась себе слоном в посудной лавке, но Игорь Матвеич словно не замечал моей неуклюжести, только улыбался.

Вдруг его рука очутилась на моей ягодице. Крепко прижав меня, Игорь Матвеич стал целовать мои губы, щеки, шею.

Не могу сказать, чтобы я не ожидала подобного течения событий, - я ведь не дурочка, - однако, в голове моей что-то щелкнуло. Только впоследствии я догадалась – это во мне включилась женщина. Женщина, которая сообразила, - если сейчас между мной и этим мужчиной будет секс, то, скорее всего, я больше никогда не увижу ни этого прекрасного дома, ни чернокожей Мамаду, ни Ламборжини Диабло.

Подняв руки ему на грудь, я, что было сил, отпихнула от себя Игоря Матвеича. Он чуть не упал на спину, и смотрел на меня с нескрываемым удивлением.

-Что случилось, Марина?

-Отвезите меня домой.

-Но, я думал…

-Вы неправильно думали.

Мне казалось, что в какой-то голливудской мелодраме я видела подобную сцену: он, она, «Вы не за ту меня приняли». Приятно чувствовать себя актрисой.

Но Игорь Матвеич, похоже, не смотрел голливудских мелодрам. С лица его не сходило выражение крайнего удивления: точно на глазах его грязная дворняжка превратилась в чистокровного пуделя.

-Отвезите меня домой, - повторила я.

Свечи догорели, и стало совсем темно.

К многоэтажке в Свиблово меня доставил шофер. Открывая заднюю дверь черного «Мерседеса», я жалела, что ночь, и никто не видит, из какой я выхожу машины.

-Ты где была? – накинулась на меня Илана. Встрепанная, с темными полукружьями под глазами, она явно еще не ложилась в постель.

Ничего не отвечая, я проследовала к своей кровати и, как была, в туфлях, джинсах, - упала на нее.

Наутро Илана устроила скандал. Она кричала, что я – распутная девка, что меня надо вышвырнуть из квартиры, что она пожалуется Ирине Мухамедовне и даже напишет моей матери.

Лишь когда я рассказала, как и с кем я провела вчерашнюю ночь, Илана немного успокоилась. В отличие от нее, Ольга и Жанна были в

полном восторге от моего рассказа. Ольгу особенно впечатлило, что Игорю Матвеичу прислуживает японец.

-Надо же, - задумчиво сказала она. – Видать, твой папик…

-Он не мой папик.

-Ну, твой будущий папик, - настоящая шишка. Обычно на Рублевке работают таджики, ну, максимум, китайцы… А тут – японец.

-Ты правильно сделала, что его отбрила, - вставила Жанна.- Скоро он тебе позвонит.

-Не позвонит.

-Почему ты так думаешь, Иланка?

-Такие не звонят.

Он и вправду не позвонил – он пришёл сам. Ровно через неделю появился на пороге, в блестящем новизной костюме («От Бриони», - восхищенно шепнула Ольга), с букетом белых роз. Лицо бледное, осунувшееся – куда только подевалась всемогущая уверенность в завтрашнем дне?

Словно не замечая вылупившихся на него из-за моей спины девчонок, с трудом подбирая слова, и будто бы удивляясь самому себе:

-Марина, я долго думал… Это что-то невероятное, необъяснимое… Марина…

-Что вы хотите, Игорь Матвеич?

-О, - поморщился он. – Прошу тебя, не надо этого «Матвеича»! Называй меня Игорь.

Он помолчал, переминаясь с ноги на ногу, – новые туфли поскрипывали. Наконец, вспомнил, что держит в руках букет.

-Это тебе.

-Спасибо, - я взяла розы.

-Чего ж вы стоите на пороге, заходите, - подала голос Ольга.

Игорь Матвеич вздрогнул, бросил на нее диковатый взгляд – он и вправду, кроме меня, никого кругом не замечал.

-Нет, благодарю, - пробормотал сквозь зубы. – Марина, я хотел бы … пригласить тебя в ресторан. Я заеду завтра вечером. Можно?

-Заезжайте … Игорь.

Игорь Матвеич расцвел! Он словно и вправду стал Игорем, сбросив с плеч пару десятков лет.

-Спасибо, Мариночка.

Дотронувшись губами до моей руки, Игорь Матвеич побежал вниз по ступенькам, стуча подошвами туфель. Не верилось, что еще недавно он был волком ночи…

Как только дверь квартиры закрылась, Илана объявила, что я гублю свою жизнь.

-Тебе восемнадцать лет, ты еще девочка, - с искренней горечью сказала она.- Ради домов с японцами и дурацких машин ты совершаешь насилие над собой. Марина, ты встретишь свою любовь, поверь мне. Не делай ошибку. Всю жизнь потом жалеть будешь!

-Я буду всю жизнь жалеть, если не сойдусь с ним.

Это грубое слово «сойдусь» покоробило Илану и, пожав плечами, она ушла в кухню.

Больше, чем нравоучения Иланы, меня потрясло смятение Ольги. Похоже, она представляла своего папика как-то по-другому: более молодым или более красивым. Как бы то ни было, поколебать мою решимость ничто не могло, и вечером следующего дня я сидела с Игорем Матвеичем в той самой Ламборжини Диабло.

От посещения ресторана я, к величайшему огорчению своего ухажера, отказалась.

-Лучше в кино, на «Аватар», Жанка говорит - супер!

-Кино так кино, - Игорь Матвеич покорно склонил голову. – В «Пушкинский»?

-Только не «Пушкинский», – взмолилась я. – Жанка говорит, старье, там даже очков не дают.

-Очков?

-Ну да, 3D-очков.

-Ах, 3D. Так куда?

-В «Каро-фильм», что в «Европейском». Ну, знаешь, у Киевского вокзала.

-Знаю,- он улыбнулся, умиляясь моей горделивой точности: «смотрите, как хорошо я знакома с городом!».

Набитый битком зал восторженно охнул, когда хвостатый аватар спрыгнул со скалы прямо на спину необычайно красивого крылатого существа. Мир планеты Пандора, придуманный Джеймсом Кэмероном, прямо с экрана перелился в зал. Волшебные очки! Мне казалось, что я – непосредственный свидетель этой красивой любовной истории, а может быть, даже ее участник. Еще мгновение, и

я бы поверила: я – инопланетянка с сиреневой кожей и хвостом, но фильм закончился и по экрану пошли титры. В зале включился свет. Сняв очки, - голова слегка гудела, не до конца еще вернувшись с Пандоры, - я повернулась к своему спутнику и … обомлела. Игорь Матвеич спал! Спал, спрятав глаза за разноцветными стеклами очков, и, кажется, даже тихонько похрапывал.

-Игорь Матвеич, - я тронула его за плечо.

Он встрепенулся.

-А? Марина! Я же просил - просто Игорь.

-Игорь, ты заснул.

-Не может быть!

-Ты даже храпел.

-Храпел? – Игорь Матвеич засмеялся. – Ну, тогда возможно. Прости, Марина, но мне кино не понравилось – какой-то мультик.

Похоже, во всем огромном зале так считал лишь он один. Зрители расходились возбужденные и раскрасневшиеся, вовсю делясь впечатлениями от просмотра. Я пожала плечами и пошла к выходу. Игорь Матвеич семенил сзади.

После «Аватара» мы поколесили по городу, и, наконец, заехали в ресторанчик японской кухни, расположенный в пришвартованной к набережной посудине, отдаленно напоминающей джонку. Здесь было немного народу, звучала уютная музыка, под потолком вращались бумажные бабочки.

Официантка – «гейша», (красное кимоно, пучок волос, проткнутый двумя спицами, традиционные деревянные туфли) принесла меню. Игорь Матвеич без раздумий сделал заказ:

-Стейк кобе с шиитаке. Разумеется, приготовленный шеф-поваром.

Я краем глаза заглянула в меню и обомлела: «Десять тысяч рублей за порцию»!

«Гейша» поклонилась, сложив руки на груди; ушла, семеня ножками.

-Игорь, что такое «кобе с шиитаке»? – спросила я.

-Не пробовала? – усмехнулся мой спутник. – «Кобе» в Японии называют премиальную породу мраморных коров, их держат на специальной диете из саке (это японская водка) и пива. Каждый день им массаж делают, чтоб не уплотнялись мышцы, и мясо было нежным.

Я смотрела на него, выпучив глаза: шутит? Но Игорь Матвеич, похоже, и не думал шутить. Я представила несчастных спаиваемых буренок, (ко всем своим бедам еще и мраморным), которым и массаж-то делают с одной-единственной целью: повкусней скушать их. У меня пропал аппетит.

-Ну, а шиитаке? – спросила я не без боязни.

-Это просто грибы.

Подошла официантка.

-Прошу вас следовать за мной.

-Чего она хочет? – удивилась я.

-Так надо, - Игорь Матвеич встал и подал мне руку. – Пошли.

«Гейша» привела нас в пышущую жаром кухню. Здесь пахло специями и рыбой; узкоглазые повара, ловко орудуя широкими ножами, шинковали, резали, потрошили.

-Прошу.

«Гейша» указала на огромную, пышущую жаром плиту, рядом с которой стоял моложавый с виду японец. Он поклонился.

-Миня совут Хикиро Наасато, я есть шеф-повар. Я готовить вам стейк кобе.

И началось действо, напоминающее камлание шамана. Японец отрезал мясо, что есть силы лупил по кроваво-красной мякоти деревянным молоточком; насыпал специи: перед ним клубилось желтоватое облачко, сладковато-пряный запах которого проникал в ноздри. Я сглотнула слюнки.

Наконец, шеф-повар швырнул (иначе не назвать этот энергичный жест) мясо на раскаленную плиту. Раздалось змеиное шипение. Откуда ни возьмись, в его руках возникла большая сковородка, в которую Наасато бросил слегка подгоревшее на плите мясо.

- Шиитаке, - сообщил он, показывая нам какие-то прозрачно-бурые кусочки. Грибы отправились на сковородку. Пять минут энергичного помешивания - и вот японец держит в руках красную плоскую бутылочку.

-А теперь – фламбе, - крикнул повар (по всему было видно, что работа доставляет ему наслаждение). – Hennessy!

Плеснув из бутылки на сковородку, он чиркнул невесть откуда взявшейся зажигалкой (и вправду – колдун!). Над сковородой

вспыхнуло синеватое пламя. Удивительный запах, не поддающийся описанию, но чрезвычайно приятный, распространился вокруг.

Пламя погасло.

-Блюдо готов, - сообщил шеф-повар, явно довольный собой. – Просу вас вернусся на место и ждать пясь минут. Я сервировать.

Игорь Матвеич смотрел, как аккуратно я отрезаю кусочек стейка и отправляю в рот.

-Ну, как, Марина?

-Супер, - честно призналась я.

Он расплылся в улыбке:

-Я знал, что тебе понравится.

Мы вышли из ресторана часа в два ночи: на черном небе сверкали редкие звезды, отражаясь в темных водах Москва-реки. Ламборжини-Диабло в одиночестве скучал на парковке. Игорь Матвеич сел за руль.

-Куда едем?

Очевидно, он ждал, что я отвечу: «К тебе», и явно огорчился, когда я сказала:

-Отвези меня в Свиблово, Игорь.

Он пожал плечами.

-Как хочешь.

Мотор «Ламборжини» негромко заворчал.

-Марина, - Игорь Матвеич повернул ко мне разгоряченное лицо, – прошу тебя, поехали ко мне.

Я молчала.

-У тебя будет целый этаж и, клянусь, того, что я позволил себе во время танца, не повторится.

Преодолев биение сердца, я сказала:

-Кто я тебе, Игорь? На чьих правах я буду жить в твоем доме?

-Ты – желанная гостья, - с готовностью ответил он.

-В Свиблово! - я откинулась на спинку кресла и сделала вид, что сплю.

Через две недели я прощалась с девчонками, с квартирой, с уютным свибловским двориком. Ольга и Жанна смахивали слезы с ресниц; глаза Иланы были сухими, но в них читалась такая острая, жгучая боль, которую невозможно выплакать. Она молча обняла меня.

Прощание оказалось не таким тяжелым, как я ожидала. Без движений сердца я вышла за дверь, спустилась вниз и села в

поджидающий меня «Мерседес». Если бы я догадалась посмотреть вверх, то, наверное, увидела бы в окне третьего этажа три печальных женских лица – столь разных в жизни, но в эту секунду так похожих.

-Да вы просто принцесса! – восторгалась работница свадебного шоу-рума. Платье стоило двадцать тысяч долларов, и если бы она солгала, никто не удивился бы, но в данном случае она была вполне искренна.

Невеста, отражающаяся в зеркале, была ослепительна. Осиная талия, зеленые глаза, нежная кожа рук, плеч, кокетливо приоткрытой груди; пышные волосы, - словно рыжий водопад. Не верилось, что это – я.

Игорь Матвеич решил сыграть свадьбу в американском стиле. Я не протестовала: ему виднее, он уже три раза был женат. Роль священника предстояло сыграть работнику ЗАГСа, в роли моего отца (должен же кто-то привести меня к алтарю!) с удовольствием согласился выступить Кейзуке.

Гости начали съезжаться заранее – у дома выстроились десятки «порш кайенов», «астон мартин» и «бентли». Знаменитый певец Киркоров, киноактер Машков, депутат Митрофанов, какие-то незнакомые мне, но очень представительные с виду, мужчины; женщины, разодетые в пух и прах. Я знала, что у Игоря Матвеича есть богатые и влиятельные друзья, но не подозревала, что их настолько много. Вообще, я очень мало знала о своем будущем муже: чем он занимается, кто его бывшие жены, даже - есть ли у него дети. Меня это и не интересовало: мой разум застило одно-единственное желание, - поскорее почувствовать на безымянном пальце кольцо.

-Марина, к тебе, - сообщила Мамаду, заглянув в комнату, где две девушки-стилистки помогали мне наряжаться к алтарю.

Вошла Ксения Собчак. Скандально известная теледива, бессменная ведущая «Дом – 2». Я не поклонница этого реалити-шоу, но Ксения мне всегда нравилась.

-Привет, дорогуша, - сказала она.

-Здравствуйте.

-Давай на «ты», дорогуша. Игорек мне как брат.

Это фамильярное - «Игорек» - резануло слух, но я улыбнулась и кивнула.

-Как тебя зовут?

-Марина.

-Привет, Марина. О, какой стайл! - Ксения дотронулась до моих волос. – А я вот недавно выгнала стилиста. Этот идиот совершено не умеет обращаться с накладными волосами. Ты пользуешься накладными волосами?

-Нет.

-Завидую. Такая шевелюра! Прямо как у Жанны Фриске! Кстати, вчера в Дягилеве услышала анекдот про Жанну Фриске. Рассказать?

-Расскажи.

-Жил-был старик у синего моря. У старика ничего не было, кроме разбитого корыта и старухи. Пошел он к морю ловить рыбу. Закинул сети и поймал золотую рыбку. «Отпусти меня в синее море, - взмолилась золотая рыбка. – За то я исполню любое твое желанье». Старик подумал и говорит: « Хочу, чтобы дома вместо старухи ждала меня Жанна Фриске». Отпустил рыбку и домой вернулся. Смотрит: у разбитого корыта сидит Жанна Фриске. Почесал старик в затылке: «Надула проклятая рыбка! Старуха-то была помоложе…»

Собчак расхохоталась, и, не прощаясь, вышла из комнаты.

-Тьфу, - плюнула Мамаду. – Самашедшая.

Длинную беседку, украшенную цветами и гирляндами, установили прямо во дворе. На возвышении в самом конце беседки стоял Игорь Матвеич в черном костюме-тройке, при бабочке; с ним рядом – работник ЗАГСа, полный лысый мужчина, тщетно пытающийся придать лицу умильное, как у католического священника, выражение лица. За их спинами голубело небо, солнечные лучи насквозь пробивали редкое облачко. Гости рядами сидели на скамьях, переговариваясь и посмеиваясь. Все смолкло, когда на красную ковровую дорожку, ведущую к алтарю, ступила я, держа под руку Кейзуке. Все лица немедленно повернулись ко мне: глаза, глаза, десятки, сотни глаз! И во многих я прочла: «Молодая сучка, охотница за богатыми мужиками». Только сейчас со всей беспощадностью открылась передо мной правда: «Я не люблю этого человека. Я выхожу за него по расчету. Я и вправду сучка, охотница за богатыми».

Мне хотелось убежать, улететь отсюда прочь – далеко-далеко, туда, где нет людских глаз, где нет ничего кроме покоя и … подушки, обняв которую, можно разреветься.

-Игорь Матвеевич Снегирев, согласны ли вы взять в жены Марину Александровну Книппер?

-Да, согласен.

-Марина Александровна Книппер, согласны ли вы стать женой Игоря Матвеевича Снегирева?

Я не успела ответить. Солнце за спиной работника ЗАГСа вдруг стало красным, а потом взорвалось, насытив воздух миллионами невидимых стрел. Стрелы вонзались в кожу, в глаза, проникали в мозг и легкие. У меня носом хлынула кровь. Я попыталась закричать, но не смогла. И Марина Книппер умерла. Умерла, чтобы воскреснуть здесь, в Московской резервации.

4

ОСТАТКИ СЛАДКИ

В бункере темно. Капли воды, срываясь с потолка, глухо ударяются о бетонный пол.

Андрей Островцев предал родину и свою жену, Марина Книппер – предала саму себя… Но с чего мы решили, что всполохи – это наша память? Вдруг – это просто сны, чужие сны?

Руки Марины обвили мою шею.

-О чем ты думаешь, Андрей?

Я кашлянул.

– Думаю: как так вышло, что все погибли, а мы остались живы?

-Мы не остались живы, мы воскресли.

-Но почему именно мы?

-Я не знаю, - Марина задумалась. – И, наверное, никто не знает. Даже Христо.

-Все это странно.

-Странно, да. Но мы – жители этого мира, он наш, и в наших силах сделать его лучше.

Я вздрогнул – на лоб упала холодная капля.

-Пойдем отсюда, - Марина потянула меня за рукав. – Есть хочу – умираю.

Мы стали подниматься по шахте лифта, осторожно ступая на ржавые перекладины металлической лестницы.

-Поговорили?

Наверху нас встречал Киркоров. Он подмигнул мне, скользко улыбаясь. Значок «Работник парковки №56» поблескивал на груди.

Киркоров смутился, прикрыл значок.

-Безделушка. Правда, красиво?

Я не ответил, борясь с желанием двинуть его по роже: теперь я знал, кто подсматривал за нами.

-Киркоров, мы с Андреем жутко проголодались. Как думаешь, Снегирь расщедрится на доппаек?

-Сомневаюсь, - Киркоров почесал рукой изуродованную сторону лица.- Он и так не в восторге, что появился лишний рот.

Я хмыкнул:

-Как будто я навязывался.

-Не слушай его, - засмеялась Марина.- Киркоров мастер пошутить.

-Мастер, да, - я снова кинул взгляд на значок.

-Что ты уставился, дикий? – окрысился вдруг возрожденец.

Я шагнул к нему, схватил за грудки. Марина охнула.

-Держись подальше от меня и моей женщины.

-Твоей женщины? – изо рта Киркорова несло падалью. – С каких это пор?

Я потянулся к ножнам, - черт, нет заточки!

-Андрей, отпусти его.

Я оттолкнул Киркорова, тот ударился спиной о стену, выругался.

Мы пошли прочь по развалинам какого-то здания. Злоба плескалась во мне, заставляя скрежетать зубами.

-Чего ты вызверился на него? – Марина схватила меня за рукав. Я освободился.

-Ничего.

Впереди показалась наполовину обрушившаяся стена из красного кирпича, показавшаяся мне смутно знакомой. На нескольких уцелевших башенках нахлобучены снежные шапки.

-Вообще – то Киркоров предлагал мне стать его самкой, - призналась Марина, поеживаясь от холода.

-А ты?

-Послала его. Ты видел эту рожу?

-У меня рожа не лучше.

-Это не тебе судить.

Марина нашла место в стене, где слом был значителен, проворно вскарабкалась на нее.

-Скорее, Андрей!

За стеной - площадь, еще дальше – многочисленные развалины, поросшие кустарником и невысокими деревцами. Слева от нас – груда кирпича, справа, - руины какого-то храма: сломленные чудовищной силой разноцветные башенки лежат в снегу в каком-то пугающем порядке, точно игрушки, разложенные ребенком-великаном.

Марина спрыгнула со стены. Подметки ботинок глухо ударились о камень. Махнула мне рукой: «Давай!». Я последовал вслед за ней.

-Ты чего?

Я кружился на месте, пытаясь представить, как здесь было до Дня Гнева.

-Знакомое место.

Марина рассмеялась.

-Ты еще не догадался? Мы же на Красной площади. Видишь?

Она указала на приземистое здание, давшее трещину прямо посреди короткого слова «Ленин».

-Мавзолей Ленина. В нем хранилась мумия вождя, до тех пор, пока ее не украли сектанты. А вот там, под снегом, - циферблат часов и гигантская звезда, - все это было водружено на Спасскую башню. Видишь красный пенек? Раньше это была Спасская башня. Вон – развалины Исторического музея, кстати, в них можно нарыть массу прикольных вещиц, а вот это – Храм Василия Блаженного. Сюда-то нам и надо.

Перед Храмом - оплавленная статуя: мужчина с изуродованным лицом призывает к чему-то сидящего безголового мужчину, воздев к небу обрубок руки.

-Минин и Пожарский, – сообщила Марина. - В книжке «История для седьмого класса» написано, что они спасли Россию от интервентов. Интервенты, - это, наверное, враги. Раньше Красная площадь была культовым местом, центром столицы: здесь базировалась власть.

-А что же сейчас?

-Сейчас Красная площадь – это, по сути, окраина Московской резервации, запретная зона, как и весь центр бывшей Москвы. Это место называется Пустошь. Тут мало кто подвизается, - сектанты, мародеры. Стрелки здесь появляются редко, - какой смысл? Одни

развалины… Вся жизнь резервации кипит в Кузьминках, в Выхино, в Бирюлево. Власть же резервации располагается где-то в районе ВВЦ.

-Власть?

-Ну да, Лорд-Мэр. Пойдем скорее. От голода в животе бурчит.

Обогнув занесенную снегом башенку, мы очутились на каменной лестнице. У двух плит, положенных одна на другую, Марина остановилась.

-Здесь проход, - кивнула на широкую щель. – Протиснешься?

-Угу.

-Тогда первый.

Я замешкался: вспомнился шприц, с сидящей на кончике иглы луной, боль, пронзившая шею…

-Ты чего?

-Ничего, - я полез в щель.

Здесь было темно и пахло сыростью. Что-то ударило меня по виску, я охнул от неожиданности, и тут же услышал из темноты рядом с собой недовольный голос Марины:

-Чего ты не отошел? Больно?

Это она, спрыгнув, задела меня носком ботинка. Я потер висок:

-Зачем мы сюда?

-Много веков назад здесь находились кельи, седые старцы молились за царя и отечество и вели летопись эпохи.

Впереди блеснул огонек свечи.

-Букашка, - окликнула Марина. – Это мы.

Букашка приблизилась. В тусклом свете сального огарка она показалась мне одним из тех старцев, которых упомянула моя женщина.

-Снегирь вас ждет, - негромко сказала Букашка. Она достала из-за пазухи вторую свечу, зажгла. – Возьми, Марина.

-Спасибо, Бука.

Мы двинулись вперед. Свод был такой низкий, что мне пришлось нагибаться. Букашка не пошла с нами, а, найдя у стены приставную лестницу, вскарабкалась по ней до светлого пятна на потолке и исчезла в нем. Должно, отправилась искать своего дружка – Киркорова.

-Это здесь, - Марина остановилась у деревянной двери, округлой сверху. Постучала.

-Пришли? Проголодались?

Рыжебородый детина, похоже, не был рад нам. Кроме него, в келье находился Вовочка, а еще - многочисленные ящики, мешки, бочки.

-Проголодались, - жизнерадостно ответила Марина. – И нам положен доппаек.

-Доппаек? – Снегирь скорчил на лице болезненную мину. – Да, кажется, Христо говорил…

-Не кажется, а точно говорил, - вставил Вовочка безразличным тоном. – Дай им что положено, Снегирь, не жмись.

-Не жмись, не жмись. Запасы что - бесконечные?

Ворча, Снегирь извлек из ближайшего ящика два черных пакета. Один протянул мне, другой – Марине.

-Здесь по две банки, - сообщил он, сглатывая слюну.

-Эх, Снегирь. - вздохнул Вовочка. – Ты снова запамятовал, что Христо приказал выделить Андрею экипировку. Не дело ему расхаживать по резервации одетым по-дикарски.

-Ничего я не запамятовал, болтун, - обиделся Снегирь. – Вот, - небрежным жестом он протянул мне тяжелый холщовый мешок. – Полный комплект, включая оружие.

У Марины в распоряжении была собственная келья: кровать, печка-буржуйка, на стене - треснувшее зеркало. Мы примостились на кровати.

Нетерпеливым движением я распаковал пакет: две жестяные банки без этикеток, с десяток ржаных сухарей, а так же нечто сухое, красноватое, похожее на корешки дерева.

-Сушеный кальмар, - пояснила Марина.

Я взял в руки одну из банок.

-Ананасы?

Вспомнились Джунгли, наше, кажущееся бесконечным, путешествие.

-Лучше, - Марина протянула мне нож. – Открой и попробуй.

Я вскрыл крышку. Терпко и пряно пахнуло мясом. Подцепив из банки небольшой кусок, отправил в рот. Марине явно доставляло удовольствие созерцать мою физиономию.

-Что это?

-Это тушенка. Как говорит Снегирь, драгоценная тушенка. – Марина засмеялась. – Возможно, одна из последних банок в

резервации, а остатки - сладки. Даже стрелки уже перешли на тварку и концентрат.

Марина открыла свою банку и, взяв сухарь, стала есть.

-Ешь с хлебом - так быстрее насыщаешься, - жуя, проговорила она. – Учти, паек – на целую неделю.

Свечка горела ровно, бросая на стены кельи световой круг. Как там сказала Марина? Старцы, ведущие летопись эпохи? Я представил, как сгорбившись, один из них сидит у свечи и кропотливо и бережно заносит в толстую, обшитую кожей книгу события и людей. Но вот дверь кельи отворяется и входит Царь (Кремль так близок к Храму!), он тоже старец, но борода у него не седая, а рыжеватая. Царь что-то тихо говорит летописцу, словно просит о чем-то. Летописец скорбно качает головой. Царь начинает кричать, распаляться и вдруг … обрушивает набалдашник своего посоха на голову старика! Страницы недописанной книги заливает кровь…

Марина доела тушенку и положила пустую банку в пакет.

-Андрей, давай посмотрим, что за экипировку тебе выделил Христо?

По голосу было ясно – ей интересно. Я пожал плечами: «Действуй».

За годы скитаний по Джунглям у меня выработалось убеждение: то, что надето на мне, – оптимально для выживания.

-Ух, ты!

Марина вытащила из мешка короткое кожаное пальто с высоким воротником.

-Наверное, Снегирь нарыл в развалинах музея, - сообщила Марина.

Кроме пальто в мешке оказались ботинки на высокой платформе с толстыми носами, усиленными металлической пластиной.

-Настоящие гриндера! – восхитилась Марина. – Христо явно благоволит к тебе.

Свитер, попорченный молью, промасленные джинсы с сохранившимся значком на поясе “D&G”, противогаз, перчатки, и, самое главное, - пистолет, а к нему – патроны.

Скажу честно, содержимое мешка по-хорошему удивило меня. Да к тому же могу ли я, в самом деле, разгуливать по резервации в тряпье игрока?

Я стянул через голову старый свитер, изрезанный заточками и клыками, пропитанный моей кровью и слюной тварей. Увидел: Марина стоит рядом со мной, зеленые глаза слегка поголубели – колдунья!

-Я рада, что ты простил меня, Андрей, - прошептала она, касаясь пальцем застарелого шрама в виде буквы «С» у меня на груди.

Я обнял свою женщину, поцеловал – ее губы пахли тушенкой.

Марина вдруг заплакала.

-Я рада, что ты простил меня, Андрей.

5

ВЗРЫВЧАТКА

Собаки повизгивали, приседая так, что шерсть на груди утопала в снегу. Шесть пар глаз сверкали в сумерках.

Сильные, лоснящиеся от сытости животные. Чем Снегирь их кормит?

-Берегите собак, - увещевал хозяин, застегивая ремень на шее последнего пса. Снегирь ловко орудовал левой рукой, помогая себе обрубком правой. - Других нам не найти.

-Не волнуйся, - беззаботно отозвалась Марина. – Чуть что, мы способны постоять и за себя, и за собак. Разве только шальная пуля…

-Чур тебя. Сплюнь!

Марина сплюнула на снег. Поверх комбинезона она надела пуховик с надписью на спине: «Полиция», на голову водрузила шапку-ушанку. В правой руке - длинная погонщицкая палка.

Я чувствовал себя неуютно в новой одежде: пальто жало под мышками, джинсы терли в области паха. Зато гриндера словно специально пошиты под мою ногу.

Собаки рвались, подергивая ремни. Трудно поверить, что они смогут сдвинуть сани, если мы с Мариной усядемся в них.

-Пшли! – крикнул Снегирь, ударив по загривку вожака упряжки, пегого пса с обвисшими, порванными ушами.

Ветер рванулся навстречу.

Красная площадь осталась позади, упряжка понеслась вдоль поросшего кустарником берега реки. Зеленая вода неподвижна, лишь кое-где плыли по течению снежные островки. Посреди широкой дороги замерли проржавелые машины. Казалось, что скрипение полозьев и ровное дыхание собак разносится на многие километры вокруг.

-Взгляни, Андрей, – окликнула Марина.

Справа от упряжки виднелись белые развалины.

-Храм Христа Спасителя. Здесь проходили церковные службы. В книге сказано: Храм был разрушен, затем всем миром восстановлен.

-Как это – всем миром?

-Значит, каждый дал, сколько смог.

Направляемые Мариной собаки свернули в переулок. От развалин домов рябило в глазах. Джунгли еще не пришли сюда – упрямо и бесповоротно - но кое-где их наступление уже заметно.

Луна скрылась за тучей, стало темно. Я думал, Марина остановит упряжку, но не тут-то было: собаки не сбавили скорости. Мы въехали на мост, полный мертвых автомобилей, - река внизу струилась черной лентой.

-Тпру!

Упряжка замедлила ход.

С моста виден густой лес, выросший вдоль речного берега.

-Парк Горького – одно из самых опасных мест в Пустоши, - сообщила Марина. Голос ее звучал настороженно. – Андрей, держи пистолет наготове.

Мы свернули с моста в тонкую кишку переулка. Снова выглянула луна, снег заблестел. Полуразвалившиеся здания возникали перед упряжкой, как будто вырастая из-под земли. Мне начинало казаться, что собаки сбились с пути.

Вдруг Марина крикнула:

-Стой!

Упряжка замерла. Псы дышали тяжело, роняя на снег слюну.

-Приехали.

Я увидел желтую ленту железной дороги, платформу с покореженной табличкой: «Москва – товарная». До боли захотелось взобраться на невысокую насыпь и по шпалам – прочь из этого города, в Джунгли.

-Андрей, скорее. Кажется, будет метель.

Марина была права – небо заволакивали тучи; усиливался ветер.

-Здесь раньше был рынок, – перекрикивая ветер, сообщила Марина. - Кое-что сохранилось.

-Рынок сохранился?

-Кое-что из барахла.

Я взял вожака за ошейник, дернул. Упряжка последовала за мной, таща сани.

Это было длинное приземистое сооружение из шероховатых, соединенных между собой металлических листов. Крыши не было, ворот тоже. Вместе с собаками мы вошли внутрь. Лучше бы мы этого

не делали… Посреди склада горел костер (и как только мы не заметили, не почуяли дым). У огня, сгорбившись, сидели трое.

-Мародеры, - шепнула Марина.

Я сжал в кармане рукоять пистолета.

Мародеры поднялись нам навстречу. Двое, крупные, с одинаковыми квадратными подбородками, с близко посаженными свиными глазками (близнецы?), с выражением сытой невозмутимости на физиономиях, одетые в одинаковые тулупы и большие валенки. Третий – коротышка, горбоносый, тщедушный, в желтом пальто похожий на цыпленка.

-Кто вы такие? – крикнул «цыпленок». Голос у него оказался неожиданно низким, словно украденным у другого человека. – Уёбывайте отсюда! Это моя территория.

-Что значит твоя территория? – внешне спокойно ответила Марина. – С каких пор Район Второго Кольца поделен?

Коротышка сплюнул на снег.

-С тех пор, как я сюда пришел.

-Ты? – Марина пожала плечами. – Я тебя впервые вижу.

«Цыпленок» умолк, глядя по-волчьи. Его сподручные переминались с ноги на ногу.

-Ну, не будем ссориться, - коротышка вдруг сменил гнев на милость.

Замер, разглядывая меня.

-Кожанка, гриндера… Недурные вещицы… Вы сектанты?

Молчание.

-Можете не отвечать. Вижу: сектанты. Ленинцы, сталинцы, возрожденцы?

-Не твое дело, - оборвала коротышку Марина. – Мы приехали за барахлом, и имеем на него такое же право, как и вы.

-Не мое де-ело, - протянул, словно зевая, мародер. – Кстати, отличная упряжка…

Я и моргнуть не успел - в левой руке коротышки появился пистолет.

-Пожалуй, я заберу ее, если вы не против, - он засмеялся. – А ты, кожанка, - обратился «цыпленок» ко мне, – держи руки по швам. Дернешься достать пушку - начиню свинцом.

Ветер завывал где-то в черной вышине, ему вторила одна из собак в упряжке, словно чуя: хозяева попали в беду.

-Глеб, - коротышка кивнул одному из близнецов. – Обшарь-ка их.

Тупо ухмыляясь, мародер направился ко мне. Сухой снег поскрипывал под его валенками.

Эти трое оставили Марину без внимания. Краем глаза я видел: девушка, держа руки за спиной, что-то делает с ошейником вожака стаи. Что она задумала?

С коротким рыком пес рванулся вперед, взрывая снег широкими когтистыми лапами. Мгновение – и он уже у костра мародеров. Этого времени оказалось достаточно: коротышке, чтобы всадить в собаку пулю, а мне - чтоб выхватить пистолет.

Не давая «цыпленку» повторно прицелиться, я выстрелил в него. Мародер упал в костер, желтое пальто вспыхнуло.

Собака визжала, перекатываясь по снегу, наконец, затихла. Марина подбежала к ней, присела рядом.

-Стоять! – заорал я бросившимся врассыпную близнецам.

Громилы замерли, озираясь и хлопая обледенелыми ресницами.

Я подошел к костру - пахнуло жженым волосом. Поднял со снега выпавший из руки убитого пистолет.

-Как его звать? - спросил, кивнув на труп.

-Шевченко, - отозвался один из близнецов. – Он гад.

-Гад? Зачем тогда вы с ним якшались?

Близнец не ответил.

-Забирайте его и валите отсюда.

Мародеры, кряхтя, подняли товарища. На обгорелой горбоносой роже сверкают белки глаз. Близнецы, волоча труп, исчезли за стеной начавшейся метели. Отойдут шагов на двести и швырнут в сугроб: на что им сдался мертвяк?

Я подошел к Марине, сидящей на корточках перед псом. Она подняла голову:

- Что теперь Снегирь скажет?

Животное, казалось, уснуло; лишь тонкая струйка запекшейся крови, легшая из уголка пасти на снег, говорила о том, что вожак упряжки мертв.

-Пора, Марина. Буря…

Я положил руку ей на плечо. Девушка кивнула и поднялась.

Ревел ветер, стальные стены склада скрежетали. Собаки без вожака повизгивали и жались друг к другу.

Пока я рыскал с фонарем по складу – как бы то ни было, а возвращаться с пустыми руками мы не имели права, - Марина высвободила из упряжки одну из собак и впрягла ее на место вожака. Сильный пес скулил, как щенок.

В дальнем углу склада я обнаружил деревянный ящик. Выходит, банда «цыпленка» не все здесь распотрошила - кое-что осталось. Я взял ящик, подковырнул крышку ножом и открыл. Он был наполнен черными пластиковыми пакетами.

-Что там?

Я оглянулся. Марина заслонилась рукой от фонаря.

-В глаза не свети. Что там, Андрей?

-Не знаю.

Я осторожно надрезал один из пакетов: сероватый мелкий порошок.

-Наркота?

-Вряд ли.

Я взял щепотку порошка, понюхал - полное отсутствие запаха. «А что, если…». Поднялся и направился к костру. Марина последовала за мной, но я махнул рукой: «Оставайся на месте».

Порошок, казалось, еще не коснулся языков огня, как раздался хлопок, достаточно сильный, чтоб назвать его взрывом. Огненный шар, возникший на месте костра, опалил мне брови.

Так я и думал: взрывчатка. И очень мощная: я бросил в огонь всего щепотку… Страшно подумать, что было б, кинь я туда целый пакет. Как очутился здесь смертоносный порошок? Привезли в Москву террористы и, по недосмотру складского начальства, поставили ящик сюда ни о чем не подозревающие рабочие? Бог весть… Не все ли равно, если мир бывших лежит в руинах?

-Что будем делать? – обратился я к Марине, все еще находящейся под воздействием огненного шара, на мгновение превратившего ночь в день.

-Пожалуй, возьмем. А там пусть Христо решает, что с этим делать.

С трудом взвалив на сани тяжеленный ящик, мы замерли над трупом собаки.

-Если хочешь, возьмем, - кивнул я на мертвого пса.

Марина отрицательно покачала головой.

-Собаки устали, их стало на одну меньше, и тащить лишний груз через бурю непосильно для них. Спи спокойно, вожак.

А буря между тем пыталась поднять на свое крыло все, что еще цеплялось за землю. Снежный вихрь несся над развалинами, над полосами железной дороги. Скрипело железо. Казалось, сама Москва скребется когтями в металлическом гробу, тщетно пытаясь приподняться.

Собаки брели, склонив обледенелые холки, едва не касаясь языками снежного наста. Подняв воротник, Марина всматривалась в белую кутерьму, пытаясь разглядеть очертания знакомых развалин. Но, похоже, это ей никак не удавалось, и девушка оборачивалась, бросая на меня тревожные взгляды.

Не было видно и реки, хотя мы ехали не меньше часа. Вместо нее показалось кладбище – покосившиеся кресты, потрескавшиеся памятники. Стало понятно, собаки сбились с дороги. Марина попыталась развернуть упряжку, но усталые псы не послушались; брели, проваливаясь в снег, останавливаясь, оборачиваясь, подвывая, точно приглашая нас: «Впрягитесь и попробуйте!». С их языков капала слюна.

Марина положила палку на дно саней и повернулась ко мне.

-Заблудились, Андрей! Кажется, мы уже за пределами РВК.

Я промолчал: что тут скажешь?

За пределами Района Второго Кольца не было развалин. Вернее, дома с пустыми глазницами окон, с трещинами на каменных телах - это, конечно, тоже развалины, но все же не кучи кирпича, как в Пустоши. Это место напоминало Калугу, только дома здесь были гораздо выше. «Жилые массивы» - пришло на ум. Да, когда-то в этих громадинах кипела жизнь. Каждое окошко светилось в ночи желтым пятном.

Ветер завывал, громыхал железом на крышах, стонал, как раненый путник. Марина прижалась ко мне, я обнял ее, чувствуя под толстой курткой биение сердца, склонил голову, вдыхая запах меховой шапки. Две Теплые Птицы в снежной пустыне… Я смежил веки.

…Сначала это были мельтешащие разноцветные пятна, а потом я увидел зеленую поляну с веселыми вкраплениями синих, желтых,

красных цветов. В теплом воздухе порхали бабочки, с деловитым жужжанием мимо проносились шмели.

-Марина, - позвал я, даже здесь не представляя себя без нее.

Она поднималась ко мне по пригорку, ведя за руку зеленоглазого белобрысого мальчугана с россыпью веснушек на вздернутом носике. Кто это? Мой сын… Неужели это мой сын? Залаяли собаки… Почему лают собаки, откуда здесь собаки?

-Эй!

Лица… Два мужских и женское… Но где бабочки, где мой сын?

Встряхнув головой, я окончательно пришел в себя.

-Эй, вы кто такие? – услышал голос женщины: ее черные глаза настороженно смотрели из-под надвинутой на лоб шапки. Одета в короткую грязную шубу, джинсы и сапоги на высоких каблуках. Как только ходит в таких по сугробам? Лицо серое, осунувшееся, с красным шрамом на лбу, напоминающим букву «Ц». Я бросил взгляд на ее спутников. Первый - толстяк невысокого роста со складками кожи под подбородком, одетый в треснувшее под мышками пальто; второй, - высокий, худющий, зябко кутающийся в кожаный плащ и весь такой … заостренный: острый нос, острый подбородок, остро поблескивающие глаза. И, самое главное, на лбах и у того, и у другого точно такой же, как у женщины, шрам.

Собаки захлебывались лаем. Я посмотрел на Марину – она как будто не была напугана. На всякий случай, я сунул руку в карман, где лежал пистолет.

-Мы из Пустоши, – сказала Марина, вылезая из саней. – Заблудились.

-Из Пустоши? – присвистнул толстяк. – Далеко же вас занесло.

-Где мы?

-В самом центре РТК.

- Центр Третьего кольца? – изумилась Марина. – Не может быть!

Ее возглас остался без внимания.

-Вас повезло, что вы встретили нас, - сказала женщина, переминаясь с ноги на ногу. – В такую бурю немудрено попасть в Черемушки, или, того хуже, в Битцу.

-А что там, в Черемушках и Битце? – подал я голос.

-Когда узнаешь, будет поздно, - сверкнув глазами, произнесла женщина. – Там бесчинствует банда мародеров Шевченко.

Я взглянул на Марину. Та кивнула и сказала:

-Шевченко уже не в Битце, он подвизался в РВК.

-Вот как? – равнодушно сказала Серая. Помолчала.

-Меня зовут Серая. Это – мои братья. Брат...

-Брат Устин, - встрял толстяк и, смутившись, покраснел.

-И брат Ярослав.

Длинный едва заметно склонил голову.

-Что это значит, - братья? – спросил я.

-Мы братья по вере, – взгляд Серой стал жестким. – Мы – цоисты.

Вот значит, почему у них на лбах буква «ц»!

-Цоисты? – удивилась Марина. – Не слыхала…

-Очень жаль. Если бы все стали цоистами, под солнцем воцарился бы Он.

-Кто – он?

-Бог, разумеется.

-Пора, сестра, - кашлянул длинный, поглядывая на небо.

-Да, - кивнула Серая и обратилась к нам. – Я предлагаю переждать бурю у нас. Будьте гостями детей великого Цоя.

-Цой – жив, – отозвались Устин с Ярославом, молитвенно сложив на груди руки.

Марина незаметно дернула меня за рукав. Я посмотрел на нее, ничего не понимая.

-Итак, вы принимаете приглашение?

-Можно мы обсудим это … наедине? – не очень уверенно спросила Марина.

Серая пожала плечами.

-Пожалуйста. Но недолго. Буря.

Цоисты отошли в сторону и принялись что-то горячо обговаривать между собой.

-Андрей, давай не пойдем, - зашептала Марина. Губы у нее припухли от мороза, лицо раскраснелось.

-Почему? Мы замерзли, заблудились, в такую бурю нам не добраться до Пустоши…

-Все это так… Но…

-Что «но»?

-Мне не нравятся эти люди.

-Марина, - я взял ее за руку. – Ничего не бойся. Это просто сумасшедшие, они безобидны. В конце концов, ты со мной!

Девушка слабо улыбнулась.

-Хорошо, Андрей.

-Эй, - окликнул я цоистов. – Мы идем с вами.

6

СПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Дом стоял в уключине переулка, такой же мертвый, как и окружавшие его каменные собратья. Когда Серая вошла под арку и махнула рукой: «Сюда», я, ведущий за ошейник вожака упряжки, подумал: не зря ли не послушал Марину? В конце концов, в Джунглях приходилось переживать и не такие бури, как–либо перекантовались бы… Но, взглянув на свою женщину, едва бредущую по снегу, отогнал от себя эту мысль. Одно дело – Джунгли, где, кажется, от деревьев исходит тепло, и совсем другое – этот город, этот обмороженный каменный гроб.

-Пришли, - произнесла Серая.

Вход в парадное был достаточно широк, чтобы упряжка вместе с санями протиснулась туда. Но усталые псы отказывались подниматься по обледенелым бетонным ступенькам.

-Мы поможем, - с готовностью вызвался толстяк Устин. – Так, Ярослав?

Длинный молча вцепился в задник саней. Я дернул за упряжь, вожак, не привыкший еще к своей новой роли, заскулил, напрягая мускулы.

-Толкайте!

Устин и Ярослав поднапряглись, и сани въехали по ступенькам на площадку.

Стены парадного украшали разноцветные надписи, рисунки. Чаще других встречались кричаще-броское «Цой жив!», а так же портрет длинноволосого юноши с горделиво выпяченной нижней губой. Одна бетонная лестница вела наверх, туда, где слышалось завывание ветра в пустых комнатах, другая – вниз. Вдоль лестницы, ведущей наверх, были установлены металлические перила, к которым я и привязал собак. Впрочем, псы и не помышляли о побеге. Оказавшись под защитой от бури, они дружно улеглись на пол и поглядывали на нас, высунув розовые языки.

-Следуйте за мной, - пригласила Серая.

Логово цоистов находилось в подвале. Серая отворила металлическую дверь. Терпкий дух человеческого жилья заструился вверх по лестнице. Я вошел, следом – Марина, и уже за нами – Устин с Ярославом.

Это было большое помещение с черными стенами и закопченным потолком; у дальней стены возвышалась статуя человека с гитарой, украшенная бусами из человеческих черепов; в углах – груды тряпья, должно быть, служащие цоистам постелью. Посреди помещения горел костер, у которого грелись двое. Еще трое сидели на коленях рядом со статуей, но, как только мы вошли, они вскочили на ноги и все как один уставились на нас.

-Братья и сестры, - обратилась к ним Серая. – Это…

-Андрей.

-Марина.

-Андрей и Марина едва не погибли, и мы решили привести их сюда.

-Лучше бы пожрать принесли!

-А тебе бы, Антон, только жрать да жрать, - заметила Серая, строго глядя на длинноволосого парня со сломанным носом. – Лучше бы ты чаще молился!

-Он молится, - словно оправдываясь, сказала пожилая женщина, стоящая рядом с Антоном. – Он молится, госпожа!

Госпожа! Так вот, значит, кто здесь главный. Впрочем, это можно было понять и раньше по горделиво-холодному тону, с которым Серая разговаривала с Устином и Ярославом.

-Располагайтесь, - кивнула мне Серая. – Вы теперь под защитой стен Храма великого Цоя.

-Цой – жив! – эхом отозвались сектанты.

-Апрель, помоги мне раздеться.

Апрель, невысокая белокурая девушка, бросилась к госпоже. Она приняла у Серой короткую шубу, - та осталась в свитере, четко очерчивающем небольшую грудь. Сняла с нее шапку. Череп Серой был голым, как яйцо; на макушке, плавно переходя в затылок, расположилось вытатуированное изображение все того же длинноволосого гитариста.

-Вы, должно быть, голодны?

-Да, - поспешно признался я.

-Рудольф!

-Моя госпожа?

Из светового круга выступил коренастый мужик. Он, набычившись, посмотрел на меня. В плотоядном блеске этих желтоватых глаз я узнал собрата – игрока. Возможно, этот Рудольф никогда не был в Джунглях, но ему явно знакома борьба за Теплую Птицу, в которой он, похоже, преуспел, не останавливаясь ни перед чем.

-У нас есть что-нибудь съестное, Рудольф?

-Сухари, госпожа, да и тех немного.

-Дай им по одному.

По тому, как изменился, - смягчился, потеплел – взгляд Рудольфа, когда он посмотрел на свою госпожу, я понял: эти двое любовники. И тогда мне стало ясно, как именно устроена эта секта. В основе ее – страх, а вовсе не вера. Все эти Ярославы, Устины, Антоны смертельно боятся Рудольфа, который в своем изодранном тулупе, надетом мехом наружу, похож на зверя, только что покинувшего Джунгли.

-Приглашаем вас принять участие в еженощной молитве, - произнес Рудольф, глядя, с какой жадностью мы с Мариной грызем сухари. Сказано это было таким тоном, что мне стало ясно: отказаться мы не можем.

-Таким образом, вы проявите уважение к Храму, приютившему вас, - вставила Серая, усаживаясь на принесенной двумя цоистами драное кресло.

Сектанты расселись в кружок у костра, оставляя достаточно места для двоих, тем самым как бы приглашая нас присоединиться к себе.

Ну что ж, молиться – это не в кипятке вариться. И все-таки: скорее бы рассвет! Я посмотрел на Марину. На ее лице отражалось похожее желание.

Мы присели на колени у костра. Хотелось протянуть к огню руки, но я не решился: напротив сидел Рудольф.

-Братья мои, сестры мои, - изменив голос до неузнаваемости, заговорила Серая. – Мы были – одинокие путники, мы брели во мраке сквозь ночь, не видя огней, не чувствуя рядом присутствия друга. Мы мучились, мы погибали порознь, до тех пор, пока в нашу жизнь не вошла вера. Вера в единственного бога - Цоя.

-Цой – жив! – нараспев протянули сектанты.

-По преданию, Цой страдал и умер за нас, недостойных. Теперь мы в вечном неоплатном долгу перед Господом. Мы должны посвятить свою жизнь жреческому служению ему, смирить свое тело, открыв душу. Тот, кто будет верным сыном Цоя, получит награду – вечную жизнь в раю, среди своих братьев и сестер. Но – горе тому, кто предаст господа нашего, Цоя!

Последнюю фразу Серая произнесла срывающимся, и потому – страшным голосом.

-Цой – жив! – как ни в чем ни бывало, отозвались сектанты.

-Во славу Господа, споем молитву!

Неровными голосами цоисты запели:

-В небо смотри – видишь там пастуха?

То небесный пастух пасет облака,

Город стреляет в ночь дробью греха,

Но Цой сильней, его власть велика.

Тем, кто ложится спать - Спокойного сна.

Спокойная ночь.

Я ждал это время, и вот это время пришло,

Те, кто молчал, перестали молчать.

Те, кому нечего ждать, садятся в седло,

Их не догнать, уже не догнать.

Тем, кто ложится спать - Спокойного сна.

Спокойная ночь.

Люди так часто навечно ложатся спать, Их Цой принимает, тревожа их сон.

Он дарит им новую жизнь и возможность стать,

Тем, кто спасен, тем, кто спасен.

Тем, кто ложится спать - Спокойного сна.

Спокойная ночь.

Сектанты кончили молитву дружным возгласом: «Цой – жив!».

-Спасибо, братья и сестры, - сказала госпожа. – Спокойная ночь вам всем.

Люди начали разбредаться по углам, укладываться на тряпье. Наконец, у костра остались только я, Марина и Рудольф. Серая все так же сидела в своем кресле, в свете костра ее неподвижное лицо походило на маску.

-Андрей, Марина, - нарушила молчание госпожа. – Нет ли у вас каких – либо вопросов ко мне?

-Никаких, - не задумываясь, ответил я.

Ну вот, начинается – ни одна секта не упустит шанс привлечь новых членов.

-У меня есть к тебе вопрос, - сказала вдруг Марина.

Что-то в ее голосе мне не понравилось…

-Я слушаю.

- Эта молитва, что вы все только что пели, - ведь это не молитва, верно? Ведь это песня, а не молитва?

Чувствуя холодок под сердцем, я увидел, как, ловя каждое слово, привстали со своих постелей цоисты, как напряглось лицо Рудольфа, как вспыхнули его звериные глаза.

-Я не понимаю тебя, женщина, - ледяным тоном отозвалась госпожа.

-Это песня, а не молитва, - упрямо повторила Марина. – Я точно знаю.

Рудольф медленно приподнялся. Я до боли сжал рукоять пистолета.

-Рудольф, оставь! - прикрикнула госпожа, сверкая глазами. – Ты что-то еще хочешь сказать, женщина?

-Мне кажется, что в изначальной песне нет ни слова про Цоя, там идет речь только о ночи…

Серая вдруг рассмеялась: гадко, наигранно, сквозь зубы.

-Ты оскорбляешь Храм, приютивший тебя, - по-змеиному прошипела она. – Кощунствуя, ты выносишь приговор своей душе.

Откровенно сказать, я готов был согласиться с ней.

-Виктор Цой – не бог, - звенящим голосом сказала Марина. – Он – певец, бывший.

Серая вскрикнула, словно ее ударили хлыстом. Рудольф вскочил на ноги, в руке у него блеснула заточка.

-Убей ее! – в вопле госпожи было столько злобы, что хватило бы на целую стаю тварей в Джунглях.

Рудольф перешагнул через костер. Я встал между ним и Мариной, дрожащей, как осиновый лист. Что тебе стоило держать язык за зубами?

-Назад, Рудольф. Знаешь, что это такое?

Цоист бросил взгляд на пистолет и остановился.

-Убей эту суку! – скрежеща зубами, требовала Серая.

-Заткнись, – прикрикнул я. – А не то, я заткну тебе пасть пулей. Слушайте все! Мы уходим, сейчас, сию минуту. Если кто-то последует за нами, - умрет. Ясно?

Сектанты молча смотрели на меня.

-Рудольф, кинь мне свою заточку… Вот так. Мы уходим.

Я подтолкнул Марину к выходу.

-Спасибо за гостеприимство.

Последняя фраза – совершенно искренняя. Я испытывал нечто вроде стыда за Марину. Люди впустили в свой Храм, чем смогли – накормили, а ты?

Рассвело. Снежная муть уже не мешала отдохнувшим собакам чуять дом, и они бежали рысцой. Я молчал, разглядывая развалины. Оказалось, что они совсем не такие мертвые, как я себе представлял: нет-нет и мелькнет в окне чье-то настороженное лицо. В одном из переулков нам навстречу шли двое, по самые лица закутанные в тряпье. Завидев издали упряжку, бросились бежать и исчезли в одном из домов.

За поворотом показалась река.

-Андрей?

-Да?

-Прости меня.

Марина нервно повела плечами:

-Я повела себя, как дура.

Вот и Пустошь. Упряжка въехала на мост. Река разлеглась внизу - широко и вольно.

-Я рад, что ты это поняла, - сказал я. – Я был бы вынужден убить этого Рудольфа, что мне совсем не улыбается…

Марина засмеялась.

-Ты чего?

-Ничего. Просто вспомнила, каким ты был до встречи со мной.

В ее глазах засверкали веселые огоньки. Я не выдержал и тоже засмеялся.

-И все-таки эта Серая – сумасшедшая, - сквозь смех проговорила девушка.

-Да, но в одном она права – быть одиноким путником мучительно…

Марина коснулась холодными губами моего лба:

-Я рада, что ты это понял.

7

ХРИСТО

-Где Вислоух?

Марина сообщила, что пса застрелил мародер. Лицо Снегиря из багрово-красного перекрасилось в белый цвет. Тяжело и больно было смотреть на этого, пышущего здоровьем человека, вдруг ставшего меньше ростом.

-Где это произошло?

Голос его звучал глухо, как со дна колодца.

-В Районе Второго Кольца, - сказал я. – На Москве-товарной.

И смутился: не время было демонстрировать, насколько я продвинулся в изучении местности.

-Вислоух спас нас, Снегирь, - тихо произнесла Марина. - От верной смерти спас.

Я подошел к Снегирю, дружески хлопнул по плечу. Он не взглянул на меня, делая вид, что внимательно рассматривает руины кремлевской стены.

-Что привезли-то?

-Взрывчатку.

Похоже, он был удивлен.

-Взрывчатку?

-Ну, да, целый ящик.

-Надо сообщить Христо, думаю, он будет доволен.

То, что «Христо будет доволен», похоже, примирило Снегиря с гибелью Вислоуха. Он усмехнулся, посмотрев на меня:

-Как одёжа-то, солдат?

-Одежда что надо, особенно гриндера.

-Да, таких гриндеров во всей резервации хорошо, если пять пар найдешь, - похвастался Снегирь. – Христо сказал: «Выдай ему», ну я и выдал.

-Спасибо, Снегирь.

-Пошли, Андрей, - Марина засмеялась. – А то Снегирь может часами о барахле болтать.

-Вот как не выдам тебе «барахло», посмотрим, что запоешь, - пригрозил Снегирь и принялся распрягать собак.

«Кабинет» Христо представлял собой такую же келью, как у Марины, с той лишь разницей, что здесь было не так пусто. Широкий стол с зеленой лампой, аккуратная постель, полка с книгами, статуэтка в виде ангела на полу, - соединяясь воедино, все эти вещи создавали некое подобие уюта.

Христо был один. Надев на нос очки с треснувшим стеклышком, он читал.

-Ах, это вы. Входите.

Он захлопнул книгу: я краем глаза заметил название «Николо Макиавелли. Государь». Бережно обернув книгу тряпицей, Христо поднялся из-за стола и поставил ее на полку.

-Как съездили?

Марина кратко описала наше небольшое путешествие. Он выслушал внимательно, не перебивая, лишь изредка кивая своей мальчишеской головой.

-Взрывчатка – это прекрасно, - сказал Христо, когда Марина умолкла. – Взрывчатка – это просто великолепно, она необходима нам, как воздух. Но еще более меня порадовал ты, Андрей.

-Я?

-Ну, да. Ты прошел испытание.

-Испытание?

Я посмотрел на Марину. Она не опустила глаз.

-Ну, испытание, - это я, пожалуй, слишком сильно выразился, - Христо улыбнулся. – Скажем так, это была небольшая проверка.

-И зачем вы меня проверяли? – во мне стало нарастать недовольство.

Христо снял очки, протер стекла рукавом свитера, снова надел.

-Мы должны быть уверены, что ты не уйдешь обратно в Джунгли, не попытаешься сманить туда Марину.

Вот оно что! А ведь такая мысль и вправду однажды пришла мне в голову, там, на Москве-товарной.

-Христо, - я наклонился, глядя ему в глаза. – Ты никогда не бывал в Джунглях? Только сумасшедший по доброй воле может мечтать уйти в Джунгли.

Марина засмеялась.

- А вот это мне нравится, Андрей, - воскликнул Христо. – Ей-богу, нравится! «Только сумасшедший по доброй воле мечтает уйти в Джунгли», - это прямо девиз возрожденчества.

Озорной огонек вспыхнул в глазах Христо - мальчик, шутки ради надевший на нос дедушкины очки, но тут же погас.

-Марина, оставь нас наедине.

-Конечно, Христо, - я уловил в голосе девушки обиду.

Христо дождался, пока скрипнула закрываемая дверь, и поднял глаза. С минуту он просто смотрел на меня, поглаживая узкий подбородок, потом сказал:

-Не знаю, кем ты был до Дня Гнева, но Джунгли явно пошли тебе на пользу. Они изменили тебя в лучшую сторону. Ты – хороший человек, Андрей.

Я не кинулся его разубеждать.

-Да, ты хороший человек и прекрасный боец. Бойцом тебя сделали Джунгли, а человеком тебя сделала Марина. О, не спорь, ведь это очевидно!

-Я и не собирался, Христо.

-Но не всем так повезло, ты знаешь сам. Игроки – в Джунглях, мародеры – в резервациях живут по звериным законам и медленно, но верно, превращаются в зверей.

-К чему ты клонишь?

Христо негромко засмеялся.

-С тобой приятно разговаривать, Андрей, ты во всем стараешься вычленить суть. Это похвально.

Он помолчал, постукивая пальцами по столу.

-Андрей, ты знаешь, кто такой Лорд-Мэр?

-Марина, кажется, упоминала. Правитель резервации?

-Верно, - кивнул Христо, и, наклонившись над столом, сказал, глядя мне в глаза. – Андрей, я привел тебя сюда для того, чтобы ты убил Лорд-Мэра.

Что угодно я ожидал услышать, но только не это.

-Точнее, не я привел тебя, а Марина, - поспешил поправиться Христо.

-Какая разница, кто привел, главное – зачем? С чего вы взяли, что я буду кого-то убивать?

-Андрей, Лорд-мэр – не человек. То есть, он, разумеется, из плоти и крови, но, по сути, Лорд-мэр, - Христо кашлянул, - Лорд – мэр, - это должность, кровавое средоточие драконовских понятий о власти, основание пирамиды под названием «Армия Московской резервации». Ему подчиняются стрелки, по его приказу проводятся зачистки в Джунглях, как скот, истребляются люди. Мне ли тебе рассказывать о зверствах стрелков? Но я могу рассказать тебе о другом. ОСОБЬ – это Особый Отряд Безопасности при Лорд-мэре, занимающийся так называемой «борьбой с инакомыслием». То есть с теми, кто не желает быть частью этой системы. Так вот, однажды в лапы особистов угодила Марина…

-Говори! - невольно закричал я.

-Андрей, я понимаю, как тяжело тебе это слышать, поверь, мне еще тяжелее это говорить, но … трое ублюдков из ОСОБи изнасиловали ее…

Что-то оборвалось внутри меня, словно отключился датчик с надписью «добро», ярость – жесткая, холодная, как лезвие заточки, заполнила сердце, побежала по жилам. Мне хотелось переломать все в этом кабинете, убить Христо. Это неправда, ты лжешь! Но я лишь бессильно откинулся на спинку стула, чувствуя себя совершенно разбитым.

-Да, изнасиловали, - повторил Христо. – Однако, Марине повезло. Те, кто попадают к ОСОБи, редко остаются в живых. Бойся ОСОБи, Андрей. Ее щупальца повсюду, она не знает пощады.

-Где мне найти Лорд-мэра?

Христо улыбнулся, глаза за стеклами очков заблестели.

-Я рад, что ты решился, Андрей. Но проблема в том, что просто взять и придти к Лорд-мэру невозможно. Его никто никогда не видел, кроме самых верных соратников и особо отличившихся стрелков… И еще: чтобы изменить этот мир, нам мало убить Лорд-мэра, нам нужно на законных основаниях занять его место…

-Я не понимаю тебя, Христо, - нетерпеливо перебил я. – Я не желаю менять мир, я хочу просто убить Лорд-мэра.

-Ты хочешь отомстить, - вздохнул Христо. – Тогда все напрасно.

-Что напрасно?

-Напрасны все те жертвы и муки, что принесли возрожденцы на алтарь нового мира. В том числе, напрасны муки Марины…

-Не пытайся накрутить меня еще больше, Христо! – крикнул я. – Что значит: занять место Лорд-мэра? Кто займет его место?

-Ты, Андрей.

-Я? Да ты сумасшедший, Христо.

-Отнюдь нет. Я реалист и вижу, что именно скрывается под этой кожаной курткой.

Я недоуменно посмотрел себе на грудь.

-Там скрывается сердце льва, - просто сказал Христо. – Сердце льва, но нежное и податливое, как сердце ягненка.

-Прекрати, Христо, я не мальчик. Что ты, в конце концов, хочешь от меня?

Возрожденец сцепил руки перед собой.

-Каждый год, на рождество, Лорд-мэр пополняет новобранцами свою армию. На ВДНХ собирается самое гнусное отребье со всей резервации в надежде стать частью той силы, что дает кров, постоянный паек и право на безнаказанное истребление себе подобных. После ряда испытаний самые ублюдочные из этих людей получают право называться стрелками…

Ну вот, теперь все на своих местах.

-Ты хочешь, чтобы я стал стрелком, Христо?

-Не я, а мы, Андрей. Мы хотим, чтобы ты сыграл в стрелка.

Христо взял в руки карандаш, завертел в тонких пальцах.

-Но почему ты не пошлешь Киркорова или Снегиря?

-Они уже были, - вздохнул возрожденец. – Но – не прошли испытания. Андрей, я не намерен скрывать от тебя правду. Помнишь, я сказал, что Снегирь потерял руку по пьянке?

Я кивнул.

-Это была шутка. Просто, как я уже сказал, он не прошел испытания. Как и Киркоров.

Мне вспомнилась одноглазая рожа Киркорова, блестящий значок на его груди. Там, в Кремле -2 , этот значок сверкнул в свете костра, когда его обладатель подглядывал за мной и Мариной, истекая похотливой слюной. Гнида! Я совсем не удивлен, что этот слабак облажался на испытании.

-Что такое рождество? – спросил я.

Христо бросил карандаш на стол и откинулся на спинку кресла. Мне из-за стола стала видна только вихрастая макушка.

-О, рождество! – в его голосе явно проскальзывало облегчение, как после тяжелой работы, - Рождество - это религиозный праздник бывших, связанный с появлением на свет некоего Спасителя. Со Спасителем связана сложная и противоречивая история, о которой тебе больше рассказали бы иссуиты. Мы, возрожденцы, относимся к ней с недоверием.

-Ближе к делу. Когда это?

Христо распрямился, и, глядя мне прямо в глаза, отчеканил:

-Через неделю, Андрей.

8

ДИНАМО

В келье Марины было темно.

-Андрей, ты?

-Я.

-Постой, свечу зажгу.

Чиркнула зажигалка. Лицо Марины было тревожным. Отчего-то сейчас, в сумерках, ее до мельчайших подробностей знакомое лицо показалось мне … нет, не некрасивым, а просто усталым. Круги под глазами, уголки губ опущены, волосы растрепаны. Марина выглядела беззащитной и слабой, как запуганный зверек.

«Трое ублюдков из ОСОБи изнасиловали ее…» - чугунными буквами легли на меня слова Христо. Я скрипнул зубами.

-Ты чего, Андрей?

-Ничего.

Я обнял Марину, поцеловал холодноватые губы.

-Что тебе сказал Христо? – спросила она.

-Он хочет, чтоб я стал стрелком.

-И ты?

-Согласился.

Я думал: Марина обрадуется, но в ее глазах не отразилось ничего, кроме страха. Снегирь без руки, Киркоров без глаза… Она боится за меня…

-Марина, я пройду испытание.

Девушка высвободилась из объятий.

-Андрей, я поняла, - ее голос сорвался. – Поняла, что это все – не мое.

-Что не твое?

-Возрожденцы, Москва, вообще – этот мир. Это не мой мир, Андрей! Мой мир – это ты. Я уже ничего не хочу, просто – быть с тобой, любить тебя.

Ее голос дрожал, пламя свечи колыхалось.

-Давай уйдем, Андрей. Уйдем в Джунгли.

У меня в голове все смешалось. Я не мог понять эту женщину. Она привела меня сюда, познакомила с Христо, по сути дела – сделала возрожденцем, а теперь … Быть может, еще совсем недавно такой поворот событий обрадовал бы меня, но теперь я не мог уйти из резервации. Я должен убить Лорд-мэра, и убью во что бы то ни стало.

-Что ты такое говоришь? – схватил я Марину за руку.

-Ты прав, прав, Андрей, – она тихо плакала. – Я – предательница, но ничего не могу с собой поделать.

-Ты не предательница, - я поцеловал рыжую макушку. – Я пройду испытания, Марина. Пройду, какими бы они ни были.

Неделя началась с ледяного дождя. С неба лила вода, и прямо на глазах превращалась в лед. Обледенели щербатые развалины кремлевской стены, Василия Блаженного, ГУМа, Исторического музея, сугробы сковала корка, которую трудно пробить даже подошвой «гриндера». Возрожденцы сидели по кельям, как мыши, лишь изредка выходя наружу. За весь день мы с Мариной хорошо если перекинулись парой ничего не значащих фраз. Девушка была задумчива и немного грустна, я не лез к ней с разговорами. О чем говорить, когда все решено?

Вечером к нам в келью заглянул Снегирь. Я перехватил взгляд Марины, брошенный на обрубок его правой руки.

-Что, скучаете?

Он негромко засмеялся, протягивая Марине наполненный чем-то мешок.

-Христо приказал удвоить вам пайки, - вздохнул он. – Неэкономный человек наш учитель…

Я с удовольствием отметил, как в глазах Марины загорелась веселая искорка.

-Да, и еще. Христо хочет, чтобы мы, Андрей, отправились завтра на барахолку.

-На барахолку?

-Ну да. Выходим утром. Чтоб – как штык.

Он вышел, плотно затворив за собой дверь. Колыхнувшись, потухло пламя свечи.

-И Киркоров с нами? – удивился я, с неудовольствием разглядывая стоящую поодаль неуклюжую, закутанную в плащ фигуру со значком на груди.

-С нами, - отозвался Снегирь, протягивая мне рюкзак.

Я поскользнулся на ледяной корке.

-Осторожнее, олух! - побелел Снегирь.

-Что там?

-Взрывчатка.

Я осторожно просунул руку в лямку рюкзака и набросил его на плечо.

-Ну, с богом, - сказал Снегирь. – Пошагали, Киркоров!

Мы двинулись через площадь в сторону развалин Исторического музея. Я и Снегирь шли рядом, Киркоров держался на расстоянии. Идти по ледяной корке было тяжело. Я знал, что на плече висит взрывчатка.

Свернув налево, мы недолго проследовали вдоль кремлевской стены с робко торчащими красными пеньками.

-Стоять, братва!

Снегирь замер, осмотрелся по сторонам.

-Сюда!

В обледенелом сугробе темнела дыра. Киркоров первым скользнул в нее. Где-то внизу ударились о камень подошвы ботинок.

Я собрался было прыгнуть следом, но Снегирь схватил меня за руку.

-Нельзя! С этим, - он кивнул на рюкзак.

Снегирь вынул из-за пазухи веревку, протянул мне. Я привязал один конец к лямке рюкзака, другой намотал на руку.

-Киркоров, готов?

-Спускай.

Рюкзак медленно поехал вниз.

-Есть, - глухо, как из могилы.

Снегирь, зачем-то перекрестившись, спрыгнул в дыру. Что за жизнь у меня пошла: вылез из одной дыры, вот уже другая! Я последовал следом за ним.

Луч света ударил в глаза.

-Цел, Андрей?

Снегирь отвел фонарь в сторону.

-Порядок.

Киркоров, в темноте похожий на вставшую на задние лапы ящерицу, протянул мне рюкзак.

Я едва не выпалил: «Вот сам его и тащи». Рюкзак снова оттянул мое плечо.

Следуя за лучом фонаря, мы преодолели каменные ступени.

-Андрей, в метро когда-нибудь бывал? – спросил, сверкнув зубами, Снегирь.

-Приходилось, - отозвался я.

«И не думал, что придется вернуться сюда».

-А вот я люблю метро.

Я невольно вздрогнул: Киркоров словно бы прочел мои мысли. А я уже решил, что он всю дорогу намерен молчать.

-Да, люблю, - повторил Киркоров. – Возможность вдруг вынырнуть из-под земли где угодно, застать врага врасплох, она окрыляет.

Ящерица! Настоящая ящерица.

-А еще лучше – затаиться и подсматривать, – сказал я. – Еще сильнее окрыляет.

Киркоров сверкнул на меня единственным глазом. Снегирь, не будучи в курсе наших с Киркоровым взаимоотношений, понял по-своему.

-Все верно, надо всегда быть начеку, - понизив голос, сказал он. – ОСОБЬ не дремлет.

Темные стены, капающая с потолка вода, темнота оказались замечательной декорацией к разговору об ОСОБи. Мы пошли молча.

Луч света уткнулся в желтоватую стену. Под ногами захлюпала вода. Этот зал казался не таким огромным, как тот, где мы были с Мариной.

-Сюда!

Вслед за Снегирем я спустился с платформы на рельсы. Они, как и раньше, как и всегда, струятся двумя желтоватыми змейками, приглашая в путь. Куда? Неважно, куда. Все предопределено, все продумано и решено за тебя. Вот потому-то игроков так завораживает железная дорога…

Шли долго, лямка рюкзака немилосердно впилась в плечо. Киркоров раздражающе сопел за спиной, шумно втягивал в рот сопли, харкал. Идет налегке, гнида! Взвалить бы ему на хребет пятьдесят кило взрывчатки...

-Перекур, Снегирь, - окликнул я, остановившись.

«Пошли вы нахер, я не намерен подрываться!»

Сняв с плеча рюкзак, я присел на рельс. Снегирь с готовностью пристроился рядом.

Киркоров кашлянул, вынул из-за пазухи портсигар. Взял сигарету, чиркнул зажигалкой. Запах дыма был горьковат и защекотал ноздри.

Киркоров протянул портсигар Снегирю, затем – мне.

«Не курю», - хотел было сказать я, но, решив, что это будет выглядеть как-то … по-бабьи, взял сигарету.

-Музейные, - вдогонку похвастался Киркоров. – Редчайший табачок. Такие сам Сталин курил.

-Ну, уж прям – Сталин, - усомнился Снегирь, выпуская дым через ноздри.

-Не веришь? Смотри!

Киркоров сунул под нос Снегирю портсигар. На серебристой крышке – выпукло – усатый во френче, в зубах – трубка; под портретом шесть букв – «СТАЛИН».

Снегирь не обратил внимания на трубку в зубах вождя и, пожав плечами, сплюнул.

-Ну, лады. Сталин так Сталин, какая хер разница? Странный ты, Киркоров.

Я поднялся, бросил окурок, - тот зашипел, как видно, угодил в лужу. Расправил спину, вскинул рюкзак на плечо.

-Пошли! Нет времени на трындеж…

Метров через триста показался новый зал. Снегирь подал знак: нужно вскарабкаться на платформу. Дальше – переплетение многочисленных лестниц и переходов, я диву давался, как он ориентируется здесь. Наконец, когда мы свернули налево, находясь перед двухпутной развилкой, я не выдержал.

-А ты, Снегирь, похоже, часто ходишь этими тропами?

-Раз в год, - отозвался Снегирь.

-Тогда я не понимаю…

-Что тут понимать? Смотри!

Он навел фонарь на стену прямо перед поворотом. Я пригляделся. Тонкая зеленая стрелка указывала направо.

-Зеленая стрелка – путь на барахолку, красная – в Сокольническую глухомань, синяя – к измайловским мародерам, желтая – на ВДНХ. Все просто.

-Все так просто, все так сложно, мы ушли в открытый космос, - пропел под нос Киркоров.

-Кончай ты со своей пидорасней, - окрысился на него Снегирь.

Киркоров сплюнул и заткнулся.

-Стоп! – Снегирь замер. – Кажись, пришли. Где-то здесь должен быть люк…

Шум голосов оглушил меня. Я никогда не видел столько людей сразу - они двигались поодиночке и группами в сторону каменной рогатой чаши. Одетые в тряпье и добротные кожанки; с оружием или без; увечные, здоровяки, старые, молодые; почти все тащили на закорках огромные баулы, кое-кто даже вез санки, доверху груженные тряпьем и железками. На нас, как-никак, только что вылезших из-под земли, никто и не посмотрел.

-Добро пожаловать на барахолку, - сказал Снегирь, прикрывая крышку канализации.

-Да, - Киркоров с явным наслаждением втянул в легкие воздух. – Обожаю этот запах.

Пахло и вправду приятно – жареным мясом, сеном, дымком.

-Будьте начеку, - предупредил Снегирь. – Здесь кишат особисты.

При этих словах меня задел плечом закованный в кожу длинноволосый мужик и, процедив что-то сквозь зубы, проследовал мимо.

-Вот видите, - качнул головой Снегирь. – Не исключено, что этот орангутанг и есть… Пошли скорей – не до запахов.

Снегирь явно нервничал, оглядывался по сторонам, словно кролик, выскочивший из норки.

Над входом в каменную чашу красовалась надпись: «Стадион Динамо», перед чугунными воротами стояли двое с автоматами.

Приблизившись к воротам, Снегирь перестал быть похожим на испуганного кролика, теперь, скорее, он был похож на расслабленную обезьяну.

-Здорово, братаны, - бросил автоматчикам.

-Вонючий дикарь тебе братан, - в общем, миролюбиво, отозвался один из охранников. – Кто такие?

Его товарищ подозрительно зыркнул на рюкзак у меня за плечом.

-Мародеры с Района Третьего Кольца. Бескудниково знаешь?

-Не знаю, но ясно, что из жопы.

Автоматчики заржали. Снегирь заржал вместе с ними.

-Ну и нахер вы приперлись из своего Бескудникова? – автоматчик сплюнул на рыжий от мочи снег зеленоватый комок.

-Мы как все, братан, - осклабился Снегирь. – Толкнуть кое-что, дашь на дашь.

-Толкнуть, значит?

Охранник долгим взглядом окинул меня. Стало неуютно, совсем неуютно.

-А что именно вы собрались здесь толкнуть?

Капля холодного пота побежала по спине. Я сдвинул лопатки. За нами образовалась очередь из навьюченных баулами людей. Толпа надавливала:

-Вы че там, блядь, застряли?

-Пропускай этих пидаров, либо расстреливай, долго мы тут будем спины ломать?

Один из охранников явно занервничал, но его напарник упрямо стоял на своем.

-Счас я тебя пропущу, - крикнул он в толпу. – Счас я тебя, сука, на тот свет пропущу.

Он обратил к Снегирю перекошенное лицо:

– Что в рюкзаке?

-Братан, - Киркоров приблизился к автоматчику. – Зачем ты так?

-Назад, пидор.

Ствол автомата уперся в живот Киркорову. Но, кажется, кроме меня этого никто не заметил, серебряный портсигар со Сталиным на крышке перекочевал из руки Киркорова в карман охранника.

-Проходите.

Обливаясь потом, я проследовал в ворота. Черт подери, надо же!

-Я думал, взрывчатка не запрещена на барахолке, - шепнул я Снегирю.

-Не запрещена, - он ухмыльнулся как ни в чем ни бывало. – Если ты не хочешь ее толкнуть, то не запрещена…

-Киркоров.

-Чего тебе?

Я пожал одноглазому руку. Он кивнул, поведя плечами.

-Жалко портсигар.

-Новый найдешь, - убежденно сказал Снегирь.

Зрелище, распахнувшееся перед нашими глазами, было грандиозным. Чаша стадиона напоминала муравейник со срезанной макушкой. Люди копошились на дне и на трибунах, в воздухе висел ни на минуту не умолкающий гул. И, ступив в тесные ряды, мы стали частью этого гула.

-Меняю книгу на жратву!

-Братан, постой, взгляни, какой покрой!

-Ушанка, кому ушанка!

-Валенки уперли! Валенки!

Снегирь уверенно шагал по рядам, отнекиваясь от назойливых торгашей, отталкивая проституток, буквально вешающихся на шею.

-Какой значок!

Тощий оборванный юнец вцепился в грудь Киркорова, пытаясь сорвать значок. Тот, не долго думая, размахнулся и двинул кулаком по распухшей от голодухи физиономии. Юнец отлетел в сторону, на разложенный торгашами металлолом.

-Сука! – по-собачьи заскулил он. – Сука е…ная!

Мне же на руку повисла женщина с разорванным ртом – черные, кривые зубы выглядывают, как зверьки из норки.

-Красавец, хочешь – отсосу?

Я молчал, и она не отставала.

-Недорого возьму, красавец. Сухарик дашь. Доволен будешь…

-Кышь отсюда, падаль, - крикнул на нее Киркоров. – Или, может…? – он выразительно посмотрел на меня.

-Пошел ты, - зло бросил я, догадавшись, что он имеет в виду.

Шлюха осталась позади, матерясь и сыпля в наш адрес проклятья.

Снегирь остановился перед грудой вонючего тряпья, из-за которой едва виднелся хозяин.

-Карлуша!

Пузатый человечек с миндалевидными глазами и большим, крылатым носом засеменил к нам.

-Снегирь, какими судьбами?

-Все теми же. Как торг, Карлуша?

-Какой, к дьяволу, торг? - пожаловался Карлуша. – За все утро обменял бушлат на два ржавых топора. Разве это торг? – он посмотрел на нас с Киркоровым. – И Киркоров с тобой? Здравствуй!

-Здорово, Карл, - отозвался Киркоров.

-А это кто?

Карлуша посмотрел на меня. Мне не понравился его взгляд – цепкий, оценивающий, особо остановившийся на рюкзаке, давший мне понять: этот Карлуша, при внешней безобидности, не так уж прост.

-Это Андрей, наш новый товарищ.

-Вот как, - Карлуша улыбнулся. – Карл Брандао.

Я пожал его мягкую ручонку.

К нам приблизился здоровенный детина с тупым выражением на лице, напомнивший мне близнецов, встреченных мной и Мариной на Москве-товарной.

-Где ты шляешься, остолоп? – накинулся на него Карлуша.

-Мясца выменял, хозяин.

-Мясца выменял! За то время, что ты мясцо менял, меня три раза могли пришить или обчистить до нитки. До нитки!

-Прости, хозяин.

-Давай сюда, остолоп.

Детина протянул Карлуше дымящийся кулек. От запаха слегка закружилась голова. Торгаш распаковал кулек и набросился на еду, не заботясь о наших ощущениях.

-Итак, Снегирь, - сказал он, едва ворочая языком. – Я полагаю, вам нужно обмундирование вот на этого молодца.

Он дернул подбородок в мою сторону.

-Ты, как всегда, проницателен, Карлуша.

Торгаш протянул обглоданную косточку своему сподручному. Тот схватил ее и принялся грызть. Меня едва не стошнило.

-Люблю стрелков, - не совсем к месту заговорил Карлуша, поглядывая на меня. – Они подчиняются правилам, например, тому правилу, что каждый участник состязания на право вступить в Армию обязан иметь обмундирование стрелка. Где он его возьмет – вопрос открытый. Обязан - и баста! Замечательное правило.

-Еще бы, - ухмыльнулся Снегирь. – Тебе – то оно как нельзя на руку.

Он выразительно потер большим пальцем указательный.

-О, ну что ты, Снегирь, - воскликнул Карлуша, - Навар с этого дела - гулькин нос. Я на валенках больше зашибаю.

Снегирь покачал головой.

-Тут дело в другом… - Карлуша передал здоровяку остатки жратвы и приблизился к нам, ковыряя длинным ногтем в зубах. – Скажите мне, легко ли достать в резервации обмундирование стрелка?

Мы молчали.

-Так вот, я вам отвечу – нелегко. Вернее, почти невозможно. Сечете фишку? – Карлуша засмеялся. – Состязание началось до начала состязания…

-К чему ты клонишь? – спросил Снегирь, хотя всем уже было ясно: торгаш набивает цену.

-Вам повезло, друзья мои, - ангельским голоском отозвался Карлуша. – У меня как раз есть стрелковая форма аккурат на этого парня. Но…

-Что «но»?

-Боюсь, она будет стоить несколько дороже, чем в прошлом году.

Киркоров потер рукой то место, где раньше был его второй глаз.

-Это почему? – возмутился Снегирь (как мне показалось, притворно).

-Предрождественский ажиотаж, – развел ручками Карлуша. – Мне старатели уже предлагали за форму такие вещи, что сам Лорд-мэр не отказался бы, но я посылаю всех к чертям, жду вас.

-Спасибо, Карлуша.

-Итак.

Торгаш уставился на мой рюкзак.

Снегирь приблизился к Карлуше, наклонился и что-то прошептал ему на ухо. На физиономии торгаша мелькнуло изумление.

-Покажи.

Я развязал рюкзак. Карлуша взглянул на туго набитые черные пакеты, облизнул пересохшие губы.

-Интересно, - пробормотал торгаш.

-Покажи нам форму, Карлуша, - вставил Киркоров.

-Герасим, покажь им.

Детина покопался в бауле и вынул желто-зеленую куртку и брюки. В точно такую же форму были одеты стрелки, проводившие зачистку в

Калуге, пускавшие под откос Последний Поезд… Да и мы с Мариной, помнится, шли через Джунгли в куртках, снятых с убитых стрелков.

Кстати, об убитых стрелках: на куртке, что показал Герасим, чернела дырка, вокруг которой красным пятном запеклась кровь. Я хотел было обратить на нее внимание Снегиря, но промолчал. В конце концов, вероятно, так и заведено – убив слабого стрелка, ты занимаешь его место… Это разумно и даже … правильно.

-Мы дадим тебе три пакета, - сказал Снегирь.

-Пять.

-Три пакета, Карлуша. Ты прекрасно знаешь, что эта тряпка не стоит и одного.

-Снегирь, пять пакетов, – ласково пропел Карлуша. – И то лишь по большой личной симпатии.

-Хорошо, Карл, - вставил Киркоров. – Как говорится - ни нам, ни вам. Четыре пакета.

-Пять пакетов, - стоял на своем Карлуша.

-Пошли отсюда, - резко сказал Снегирь. – Он, похоже, совсем нюх потерял.

Мы сделали всего пять шагов в сторону от торговой точки Карлуши, как он закричал вдогонку:

-Эй, вернитесь!

Торгаш воровато спрятал в баул четыре пакета взрывчатки. Герасим протянул мне форму, я положил ее в рюкзак, ставший заметно легче.

-Ну – с, - Карлуша потер руки. – Тебе повезло, Снегирь, что ты имеешь дело с порядочным человеком. Другой, знаешь ли, мог и охране стукнуть. Проносить взрывчатку на барахолку запрещено…

-Так же, как и форму с убитого стрелка.

Снегирь сплюнул на снег. Карлуша засмеялся:

- Теперь, как я понимаю, вы к Цыгану?

-К Цыгану, - кивнул Снегирь. – Ты не в курсе, где он нынче подвизается?

К точке приблизилась баба в рваной душегрейке.

-На что валенки меняешь? – обратилась она к Киркорову.

-Я здесь хозяин! - выкрикнул Карлуша. – Цыган на барахолку не пробрался. Здесь только его кореш.

-Ну и где он?

-Вроде бы у ворот терся, - нетерпеливо отозвался Карлуша, рассматривая принесенные бабой железки. – Идите же. Работать мешаете.

За чугунными прутьями ворот виднелись крутые затылки автоматчиков. Автоматчики курили, надо полагать, содержимое портсигара Киркорова. Красноватое солнце уже коснулось кромки каменной чаши. Гул толпы стал заметно тише, многие торгаши закруглялись, упаковывая вещи в баулы.

-Цыгана ищете?

Он подошел тихо, как кошка: молодой, стройный и … смазливый. Не помню, когда последний раз я употреблял это слово, думая о каком-либо человеке. Кореш Цыгана был похож на женщину: чистая кожа, припухлые красные губы, длинные светлые волосы. Одет в узкие джинсы, вызывающе подчеркивающие выпуклость паха; короткую кожаную куртку с изображением ангела на груди.

-Цыгана ищем, - ответил Снегирь.

-Я отведу вас к нему, - юноша протянул мне руку. – Вадим.

-Андрей, - глуховато отозвался я, но руку пожал. Она была твердой и холодной.

Вадим представился и моим спутникам – значит, они видят его впервые.

Автоматчики отворили ворота.

-На выход.

Вереница торгашей и менял потянулась со стадиона. Мы, к счастью, оказались в первых рядах, иначе нам не покинуть барахолку до утра.

Началась метель: природе как будто не терпелось скрыть следы муравьиного копошения людей, как и в те времена, когда люди были здесь хозяевами.

Вадим пружинисто шел впереди.

За молчаливым леском открылась пустая улица – два ряда покалеченных многоэтажек.

-Эй, - окликнул провожатого Снегирь, беспокойно озираясь. – Далеко топать-то?

-Уже близко.

Через пару сотен метров перед нами улеглось шоссе, горбящееся ржавыми автомобилями. Вадим двинулся наперерез к виднеющимся за

снежною пеленой зданиям, отдаленно напоминающим паруса. В Пустоши я не видел ничего подобного…

Дома соединяла каменная кишка, на крыше которой, - пеньки-буквы – «АЭРОВОКЗАЛ».

Вадим – и мы следом - нырнули в черную пасть входа. Дальше – турникеты, вроде тех, что в метро.

Сначала я увидел три красноватых мигающих глаза: три костра пылали неподалеку от расположенных широким полукругом конусовидных шатров. Затем - широкое ровное поле, самолеты, нюхающие пропеллерами воздух. И уже напоследок – темные фигуры, сидящие у костров.

-Ходынка, - прошептал Снегирь. Что-то в его голосе мне не понравилось...

Мы подходили к ближайшему шатру и навстречу нам поднимались люди. Вспомнилась Москва-товарная, мародеры: этот, как его, Шевченко, со своими сподручными. Те тоже сидели, сгорбившись, у костра, ловя тепло, грея жратву. Время костров, эра костров…

Явственно послышался звон передергиваемых затворов.

-Кто, б…дь?

Голос! - сразу и не понять, человек сказал или прорычал зверь. Шесть либо семь стволов уставились на нас, вызывая холодок под сердцем.

-Вадим, – кто-то у костра узнал провожатого.

Стволы опустились.

Лица, сверкают белки глаз.

-У себя? – спросил Вадим бородача с серьгой в ухе. Тот кивнул, исподлобья поглядывая на нас. В руках у бородача – ружье с красивым деревянным прикладом.

-Сюда.

Вадим, наклонившись, проник в шатер.

-Цыган, - окликнул он темноту. Что-то щелкнуло, запахло бензином. Под потолком вспыхнула тусклая лампочка, провода от которой змеились к клеммам урчащего генератора.

С соломенного тюфяка поднялся мужик, слегка похожий на Вадима. Такая же кукольность, лощеный блеск кожи, глаза навыкате. Вот только он был лыс, и во взгляде читалась усталость.

-Снегирь, здравствуй, - Цыган, похоже, ни на йоту не удивился нашему появлению, а на меня и Киркорова он и вовсе не обратил никакого внимания. – Я знал, что ты явишься.

Вадим приблизился к нему, ластясь, словно кошка. Я никогда в жизни не видел целующихся мужиков: поцелуй Вадима с Цыганом был долгий, глубокий. Я отвернулся, опасаясь, что меня может вырвать.

-Теперь иди, крошка, - Цыган шлепнул юношу по жопе. – Нам с этими людьми надо переговорить.

Вадим, виляя бедрами, покинул шатер.

Цыган повернулся к нам. На его башке, как в зеркале, отражалась лампочка.

-Рад видеть старого партнера… - начал Снегирь.

-Без прелюдий! Сразу к делу.

-Ты, Цыган, знаешь, что нам нужно.

-Знаю. Но не знаю, что есть у вас.

Снегирь кашлянул.

-Тридцать килограммов пластида.

На лице Цыгана не отразилось ничего.

-Пластид? Недурно…

Он подошел к параше. Желая струя загрохотала, как маленький водопад. Помочившись, Цыган повернулся к нам, неторопливо упаковывая сизую мотню.

-Так что? – в голосе Снегиря слышалось нетерпение.

Цыган отворил дверцу железного шкафа, стоящего в головах его постели, достал холщовый мешочек.

-Здесь, как и в прошлый раз, ровно тысяча доз.

Снегирь взял мешочек.

-Андрей.

Я скинул рюкзак с плеча и выгрузил на пол шесть черных пакетов.

Крадучись, вошел Вадим, наверное, почувствовал: сделка завершена. Цыган кивнул нам, прощаясь. Мы покидали шатер, слыша за спиной звук поцелуя.

-Пидоры, - пробормотал сквозь зубы Киркоров.

Мы, стараясь держаться у стен домов, двигались в сторону барахолки. Рюкзак стал легким, как пушинка, и усталое плечо только что не пело от радости.

-Жоподеры, б..дь!

-Чего ты, Киркоров, так взъелся на них? – ухмыляясь, спросил Снегирь.

-Ненавижу говнотолкателей, - Киркоров со злобой ковырнул носком ботинка ледяной нарост на земле. – Перестрелял бы всех.

-Какая тебе-то разница?

Киркоров взглянул на меня, на Снегиря и, не найдя что ответить, махнул рукой.

Лунный сок заливал окрестность, ночь была ненамного темнее дня. Чаша стадиона напоминала череп быка. Не больше чем в сотне метрах отсюда – люк.

-Эй, вы, постойте!

Окрик зазвенел в морозном воздухе. Я оглянулся. Двое в форме стрелков приближались к нам.

-Патруль, - выдохнул Снегирь. – Вот дьявол!

Киркоров выхватил из-за пояса пистолет. Громыхнул выстрел.

-Бежим, б…дь!

Я помчался по сугробам вслед за Киркоровым, неуклюже вскидывающим на бегу голенастые ноги. Где-то за моей спиной сопел Снегирь и хлопали выстрелы – один за другим.

Киркоров отбросил в сторону люк и прыгнул в черную кишку.

-Скорее, - крикнул я Снегирю, и увидел, как тот упал лицом в снег. Пистолет! У меня же в руках пистолет! Выстрел – шаг, шаг – выстрел.

-Вставай!

Снегирь хрипел, но все-таки поднялся на ноги. Расстреливая обойму, я довел его до люка. Снегирь перегнулся через край и мешком полетел вниз.

Я оглядывался, поминутно оглядывался. Мне все чудилось хлюпанье подошв по лужам.

-Да не погонятся они, - раздраженно проговорил Киркоров. – Редко сюда суются.

Единственная рука Снегиря давила на меня. Он стонал, вскрикивал, едва передвигая ноги.

С канализационного свода капала ржавая вода, раненый все норовил ухватить каплю сухими губами.

Приходилось часто останавливаться, чтобы перевести дух. Снегирь то лихорадочно бормотал, то терял сознание. Справа его куртка, от под мышки до пояса, была липкой от крови.

Во время одной из остановок, уже на железнодорожном полотне, в метро, Киркоров сказал, глядя на Снегиря, в очередной раз впавшего в забытье:

-Не жилец.

-Заткнись, - его равнодушно-спокойный тон взбесил меня.

Киркоров пожал плечами и сплюнул в лужу – по воде пошли радужные круги.

-Ты чудак, Андрей. Ну, стрелки подстрелили Снегиря… А завтра завалят меня, послезавтра – тебя. Это резервация, привыкай.

-Заткнись, - повторил я, уже не чувствуя злобы, - только усталость. Я понимал, к чему он завел весь это треп: намекает, что безнадежного Снегиря можно бросить здесь.

Раненый застонал.

-Пить!

Я зачерпнул ладонью из лужи. Снегирь ухватился за мою руку со всхлипом и долго не отпускал. Его губы были шершавые и горячие.

-Поднимайся, Снегирь, - я ухватился за отворот куртки. – Киркоров, помоги.

Тот вздохнул и подставил плечо.

Мы выволокли Снегиря наружу и рухнули на снег. Я дышал полной грудью, втягивая внутрь себя холодный ночной воздух, - дышал и не мог надышаться. Мне казалось, что там, во мраке подземелья, я был мертв, и вот теперь ожил, вернее, родился заново. Я не дышал сейчас – я ел воздух, вместе с дымком далеких пожаров, вместе с лунным светом, вместе с ледяными иголками звезд, вместе с крупными снежинками.

Застонал Снегирь.

Я поднялся.

Над обломками кремлевской стены колыхалась поземка.

-Киркоров, покарауль здесь, я за подмогой. Вдвоем мы не одолеем и сотни метров…

9

СЕРЕБРИСТАЯ РЫБКА

Теплая Птица покинула Снегиря к вечеру следующего дня. Перед тем, как умолкнуть навсегда, он повернул ко мне искаженное мукой лицо и прошептал - не знаю, услышал ли кто-нибудь, кроме меня: «Андрей, не напрасно. Не напрасно…».

Марина и Букашка плакали. Христо, склонив на бок голову, задумчиво смотрел на горящую свечу. Вовочка и Киркоров перешептывались, поглядывая на умершего.

«Не напрасно…» Несложно понять, что силился сказать Снегирь, и почему он обращался именно ко мне.

До последней своей секунды он верил в возрождение. Верил, покидая этот мир, становясь прахом, проваливаясь в ничто, - он верил! Кто бы мог подумать, что в этом мягкосердечном любителе собак живет вера такой силы, неподвластная даже тлену. Глядя на желтеющее лицо мертвеца, я вдруг увидел за что именно Снегирь отдал свою Теплую Птицу.

За мир без насилия, светлый и радостный, мир покоя и справедливости. Красивая женщина спускается к чистой речке с кувшином, зачерпывает лазоревую струю воды.

-Андрей, Илюша, - кричит женщина. В ее голосе – удивление счастью.

Мужчина и мальчик, смеясь, спускаются к ней по круче. Ветерок колышет их светлые волосы.

-Посмотрите, мальчики.

В кувшине, разрезая воду трепещущими плавничками, плавает Серебристая Рыбка.

Свеча, замигав, погасла.

-Что ж, пора, - поднялся Христо, дождавшись, пока Букашка зажжет новую.

Я и Киркоров обернули Снегиря холщовой материей. Он был холодный, как лед. Подняв, понесли вслед за Букашкой.

На улице завывала метель, и к ее завыванью примешивалось нечто постороннее, живое.

-Воют, - проговорил Вовочка, зябко кутаясь в бушлат. – Почуяли, звери, что хозяин ушел.

Это и вправду выли псы Снегиря.

Река несла куда-то зеленоватые воды. Мутная луна смотрела на шестерых людей, провожающих в последний путь седьмого.

Неподвижность и тишина, тишина и неподвижность…

-Друзья мои, - негромко сказал Христо, - Братья мои, сестры мои. Где-то там, на небе, есть кто-то, я знаю, - трудно в это поверить, - я и сам, кажется, не верю, но кто-то есть. Этот кто-то, плохой он либо хороший, ждет всех нас. Ждет – и это значит, мы не одиноки. Нет с нами Снегиря, - его голос сорвался. – Он отправился к тому, кто ждет его. И к тому, что его ждет. Надеюсь, нашего Снегиря ждет только хорошее…

Букашка заплакала. Киркоров, сопя, привязал к ногам покойника тяжелый камень.

Удар тела о воду резко, словно выстрел, разорвал тишину. Туча брызг окутала Снегиря и медленно утянула на дно. Наконец, все успокоилось, лишь расходящиеся к противоположному берегу круги напоминали, где исчез человек. Скоро пропали и они.

-Покойся с миром, Снегирь, - произнесла Марина.

Некоторое время мы все стояли, глядя на реку. Каждый думал о своем.

-Идемте, - сказал Христо. – Нужно поесть и ложиться спать. Мы живы, а живым это необходимо.

-Андрей.

Непрочный сон покинул меня. Лицо Марины белело в темноте.

-Да?

-Обними меня.

-Марина, нужно спать.

-Мне холодно.

Сущий ребенок! Я повернулся на постели и крепко обнял ее. Лицо Марины влажное, губы соленые.

-Плачешь?

-Жалко Снегиря.

-Да, - я вздохнул. – Он был настоящий.

-Настоящий кто?

-Ну, друг настоящий. Человек настоящий.

-А.

Она высвободилась из объятий и села, обхватив руками колени.

Из коридора донеслись неторопливые шаги. Букашка совершала ночной обход.

-Андрей, ты когда-нибудь представлял себе возрожденный мир?

Серебристая Рыбка заскользила перед моими глазами.

-Нет, не представлял, - соврал я.

-А вот я часто представляю, - задумчиво сказала Марина. – Знаешь, Андрей, как бывает: насмотришься на все эти зверства, и на душе усталость, неверие ни во что, просто … хочется умереть. Я тогда закрою глаза, и вот он, мир Христо.

-Христо?

- Не только Христо, но и мой, и твой, и всех хороших людей. Я вижу дома - не те бетонные коробки, что служили бывшим, а деревянные – непременно деревянные – красивые дома. Люди, живущие в них, приветливы и внимательны друг к другу, они вместе трудятся, вместе едят, вместе растят своих детей. Андрей, ты когда-нибудь видел в Джунглях детей?

-Нет, никогда.

-И я тоже. Но они появятся, дети, если мы построим новый, прекрасный мир, то дети непременно придут в него.

Снова вспомнилась Серебристая Рыбка. Там, в моем видении, был мальчик, мой сын. Кажется, Марина называла его Илюшей…

-Обязательно придут, - со всей уверенностью, на какую был способен, сказал я. – Обязательно.

Она негромко засмеялась и, прикорнув к моему плечу, уснула.

Я лежал, таращась в темноту. Сон остался где-то на дне этого короткого, как воробьиный нос, разговора. Моя жизнь в Джунглях плыла перед глазами. Существование игрока, встреча с Мариной, путешествие по железной дороге, Московская резервация… Со мной ли все это происходило? Если со мной – то я счастливчик. Да, я настоящий баловень судьбы…

Обязанности завхоза Христо возложил на Марину. Я обрадовался, полагая, что теперь удвоенные пайки посыплются на меня, как из рога изобилия. Однако, я заблуждался. Скупость и расчетливость Марины поражала. Она дала от ворот поворот Вовочке, требовавшему дополнительную банку тушенки ежесуточно. А также - Киркорову, вдруг пожелавшему сменить обувь. Я догадывался, что эта строгость – в память о старом завхозе, о Снегире.

-Андрей, - Букашка заглянула в нашу с Мариной келью. – Христо зовет.

Я, вытянувшись во весь рост, лежал на постели.

-Да, Бука, уже иду.

Она закрыла дверь. Странная женщина… Хотел бы я знать, о чем она думает!

Как только я вошел в «кабинет», Христо отставил в сторону банку с тушенкой, и поднялся. Он явно был взволнован.

-Андрей, есть будешь?

Я отрицательно качнул головой.

Христо заходил туда-сюда по келье, время от времени останавливаясь у полки с книгами и рассеянно проводя пальцем по корешкам.

-Христо, ты звал меня? – напомнил я.

Он встрепенулся.

-Да-да. Андрей, ты ведь помнишь, что завтра Рождество?

-Конечно, помню.

Чудак человек! Похоже, он принимает меня за холоднокровную жабу, которой все равно – посадят ее в кувшин с молоком или бросят в прорубь.

-Конечно, помнишь, - повторил Христо. – Конечно. Я лишь хотел сказать тебе, Андрей, что, после гибели Снегиря, ты - наш последний шанс. Если твоя вылазка окончится безуспешно, возрожденчество погибнет.

-Христо, ты опять пытаешься накрутить меня, - недовольно сказал я. – Это ни к чему. Я сделаю ровно то, на что способен, - ни больше, ни меньше. А дальше все решит судьба.

-Ты веришь в судьбу - это хорошо. Но помни: у нас больше нет ни сил, ни ресурсов, чтобы начать все заново. ОСОБЬ кружит вокруг, я чувствую ее дыхание, она гораздо ближе, чем кажется. Гораздо.

Эти слова задели меня, по спине пробежал холодок.

-Что ты имеешь в виду, Христо?

-Ничего, - поспешно отмахнулся он. – Просто призываю тебя к осторожности.

Христо присел к столу и взялся за ложку.

-Осторожность – вот главное, - Христо отправил в рот кусок мяса, принялся жевать, двигая беззубыми челюстями. - Завтра, за два часа до рассвета, ты пойдешь на ВДНХ, в логовище стрелков. Мы проводим тебя до Второго Кольца.

-Это ни к чему…

-Не спорь. Считай это нашей традицией.

Воздух был жгуч от мороза. Два часа до рассвета, но, почему-то, казалось, что рассвет никогда не наступит. Снежные шапки на развалинах Кремля серебрились под холодными звездами.

На мне – форма стрелка (по настоянию Марины, я поддел под куртку толстый свитер, а также исподние штаны), за плечами – рюкзак.

Рядом со мной пять человек – не верится, что пару недель назад я четверых из них не знал.

-В путь, - приказал Христо, закутанный в тряпье по самые глаза.

Мы вереницей потянулись через площадь в сторону кучи битого кирпича, когда-то бывшей Историческим Музеем. Передо мной шагала Букашка, одетая в куртку, оставшуюся после Снегиря. Все верно – мертвые должны помогать живым. Кажется, так считает Христо.

Повернув направо, мы некоторое время шли вдоль унылых развалин. Впереди показалась треугольная площадь.

-Лубянка, - сообщил (для меня, конечно) Христо. – Где-то здесь раньше располагалась ОСОБЬ бывших.

-У бывших тоже была ОСОБЬ? – удивился я.

-Везде, где есть человек, возникает ОСОБЬ, - отозвался Христо.

Надо же! Тогда зачем возрождать человека?

-А вон там можно нарыть хороших книг, - Марина неопределенно махнула рукой.

Наш небольшой отряд сделал шагов двести по широкой улице, мимо трупов автомобилей, затем, подчиняясь Христо, свернул в переулок.

Как же мне надоел этот однообразный пейзаж! В Джунглях, при всех их явных минусах, – не так тоскливо.

От плутания между развалинами гудело в голове. Однообразье, не за что глазу зацепиться. Недаром это место назвали Пустошью.

Первый гонец рассвета пробежал по небу, оставив за собой красноватый след.

По мере того, как мы удалялись от дома, здания все смелее поднимались из сугробов.

Мы снова вышли на шоссе, вдоль которого высились покореженные каменные громады.

-Проспект Мира, - тяжело дыша, сказал Христо. По всему было видно, какой ценой дались маленькому человеку преодоленные отрядом километры. Мне стало жаль его.

-Дальше, Андрей, пойдешь один. Не сворачивай, только прямо. Ну, прощай.

Христо протянул мне холодную руку.

-Удачи, - Киркоров хлопнул меня по плечу. Вовочка улыбнулся мне, Букашка кивнула.

-До скорой встречи, Марина.

Она подставила щеку для поцелуя, задумчивая и безразличная.

Я махнул рукой и, повернувшись, пошагал навстречу разворачивающемуся рассвету.

-Андрей!

Марина повисла у меня на шее. Губы ее впились в мои, словно она хотела выпить меня до дна.

Я мягко отстранил ее.

-Марина, я скоро вернусь. Жди. Очень скоро.

Я зашагал прочь, боясь оглянуться. Впрочем, мне и не нужно было оглядываться, потому что я знал: Марина смотрит мне вслед, а немного поодаль ее ждут четыре согбенные от холода фигуры.

Часть четвертая. Прольется вино

Часть четвертая
ПРОЛЬЕТСЯ ВИНО
1
ПРЕТЕНДЕНТЫ

Рассвет застал меня у стены, подобной той, что ограждает Московскую резервацию от Джунглей. Резервация в резервации… Цитадель стрелков.

Когда-то этой стены не было. Под высоким голубым небом шумело московское лето. Андрей Островцев с женой Галиной гуляли по тропинкам ВВЦ мимо сидящих на скамейках парочек и мамаш с детьми, ели мороженое и сладкую вату, фотографировались у барельефа на памятнике космонавтам. Островцев вскарабкался на блестящее колено бронзовой женщины и Галина сфоткала его на память. Впоследствии выяснилось, что китайская «мыльница», к огорчению Галины, засветила пленку.

Я остановился перед глухими воротами. Видимо, нужно постучаться…

Отколупнув ногой кусок обледенелого снега, я с размаху швырнул его в ворота. Лед разлетелся на куски, словно разбилась хрустальная ваза. А ворота оказались не такими уж и глухими. Скрипнув, отворилось окошко; заспанные глаза уставились на меня.

-Че надо?

-На рождественские испытания.

Караульный простужено засмеялся.

-А еще раньше ты не мог придти?

-Не понял?

-А тут и понимать не х… Приказа запускать мясо пока не было.

Окошко захлопнулось. Под мясом стрелок, надо полагать, разумел таких, как я. Ну что ж, мясо так мясо.

Я присел на корточки напротив ворот: жаль, не из чего развести костер. Достав из-за пазухи сухарь и сушеного кальмара, принялся жевать без особого удовольствия, просто чтобы убить время.

-Не пускают, братан?

Рыжеволосый мужик в форме стрелка остановился напротив меня. Надо же, как тихо ходит, - даже снег не скрипнул! Я поднялся на ноги.

-Как видишь.

-Вот козлы, блин, - рыжий смачно харкнул в сторону ворот.

Этот мужик был сшит природой весьма добротно. Стрелковая одежка, коей следовало бы быть на пару размеров больше, выразительно подчеркивала его мускулатуру.

-Борис, - он протянул широкую руку.

Не знаю: то ли язык мой как-то не так повернулся, то ли само естество, носящее имя «Андрей», отказалось становиться стрелком.

-Ахмат, - представился я.

И мне стало легче. Пусть будет так: этот незнакомец - Ахмат участвует в испытании, возможно – становится стрелком, а Андрей вроде как ни при чем.

-Смотри-ка, еще трое, - сказал Борис. – Ну, теперь потянутся…

Он оказался прав: у ворот собралось человек тридцать. И – молчание, волчьи взгляды: скоро мы будем рвать друг другу глотки… Знать имя того, кто рвет тебе глотку, либо того, кому рвешь глотку ты – непозволительная роскошь. Похоже, из всех нас так не считал лишь Борис.

Он заговаривал с каждым новоприбывшим, но в ответ получал презрительное молчание.

-Во, народ, - поняв, что с этим народом словесной каши не сваришь, Борис снова подошел ко мне. – Суровые, б…дь.

Я усмехнулся: а ты чего ждал?

-Такое впечатление, что их только из Джунглей пригнали. Дикари.

-В Джунглях не дикари, - не выдержал я. – В Джунглях – игроки, которым Теплая Птица так же дорога, как и мародерам.

-Правда? – он явно обрадовался моей отзывчивости. – А я думал – там одно зверье, вроде тварей.

Кстати, о зверье. В толпе перед воротами началось движение.

-Запускают? – вытянул шею Борис.

Толпа выплюнула хрипящий клубок. Перекатившись несколько раз по снегу, он распался на две части – узкоглазого скуластого мужика, прячущего за пазуху нож, и бородача с залитой кровью

грудью. Ошмонав карманы убитого, победитель спокойно занял свое место в толпе.

Похоже, этот инцидент послужил для кого-то знаком. Ворота отворились. Толпа хлынула было внутрь, но тут же подалась назад под ударами прикладов. Нас встречал отряд стрелков в полной боевой готовности. Невысокий седой командир что-то кричал караульному. Наконец, он вспомнил о нас:

-Не толпиться. Запускать по одному! Куда ты прешь?

Командир вскинул пистолет и выстелил в голову особо нетерпеливому претенденту.

Разом все успокоилось. Толпа растянулась в длинную цепочку, в самом конце которой очутились мы с Борисом.

-Несправедливо, - недовольно пробурчал Борис. – Пришли первыми, зайдем последними.

Как раз в это время стрелки за руки за ноги выносили убитого командиром претендента. Тело с хрустом упало в сугроб.

-И умрем последними, - добавил Борис.

Я засмеялся.

-Кому весело? – крикнул командир. Он даже привстал на цыпочки, осматривая цепочку.

Я поспешил проглотить смех, совершенно здесь неуместный.

-Прости, братан, - Борис положил мне руку на плечо. Я сердито скинул ее. Этот болтун доведет до могилы.

Цепочка стремительно уменьшалась. Один за другим претенденты исчезали за воротами. Наконец, очередь дошла до Бориса. Он кивнул мне:

-Удачи, Ахмат.

-И тебе удачи.

Борис скрылся за спинами стрелков. Хороший малый, - Христо был бы рад видеть его среди возрожденцев…

-Последний, что ли? – командир окинул меня нехорошим взглядом.

-Похоже, да.

-Входи.

За воротами были только стрелки, ни одного претендента.

Командир откашлялся и, запинаясь, прочел с желтого листа следующее:

-Согласно приказу 45в, подписанному лично Лорд-мэром, лицу, явившемуся на Рожественские испытания, присваивается порядковый номер, в полном соответствии с очередностью. Лицо, получившее номер, подпадает под юрисдикцию Устава Армии Московской Резервации и обязано бережно хранить номер, в случае утраты претендент подвергается каре по пункту 2 седьмого параграфа Устава Наказаний.

Покончив с официозом, командир с видимым облегчением сунул бумагу в карман.

-Тебе все понятно?

-Да.

-Отвечать «Так точно, офицер».

-Так точно, офицер.

-Ну, тогда, держи.

Офицер протянул мне металлический кружок с выбитой цифрой «32».

-Эй, - он обратился к стоящим навытяжку стрелкам. – Фомин и Сосо – проводите его к особистам.

В интонации, с которой седой офицер произнес слово «особисты», я уловил презрение, смешанное со страхом.

Два стрелка выскочили из строя.

-Ну, ты, шагом арш! – крикнул один из них – черноусый мордоворот, и несильно ударил меня между лопатками прикладом АКМ.

Я послушно зашагал по плацу, а на душе скребли кошки – до чего же погано по доброй воле соваться в пасть льва.

Из труб на крышах многочисленных деревянных бараков, поднимался рыжеватый дым. За шаткими стенами слышались разговоры, ругань, крики.

Когда мы проходили мимо очередного барака, хлипкая дверь отворилась, и в облаке пара на пороге возник обнаженный до пояса стрелок. Не спускаясь вниз, прямо с крыльца, он принялся мочиться и, когда я приблизился, задел меня желтой теплой струей. Конвоиры захохотали, я же усилием воли заставил себя продолжить путь, стряхнув со щеки вонючие капли.

За бараками показалась гигантская статуя, смутно мне знакомая. Вернее, не мне, а Андрею Островцеву. Два могучих тела, воздевшие в

едином порыве руки, с накрепко стиснутыми в кулаках рукоятками серпа и молота - не вырвешь, не отнимешь - эти двое могли бы держать на руках небесный свод. Рабочий и колхозница. Мужчина и женщина. Прямо как я и Марина.

Перед статуей - широкая площадка, на которой, уныло свесив лопасти, дремали вертолеты.

Далеко впереди виднелся обломок Останкинской башни и щербатые коробки многоэтажек.

Слева от меня расположилась каменная арка с шестью колоннами и статуей. Опять-таки - мужчина и женщина, снова – воздетые к небу руки, но на этот раз в них не серп и молот, а нечто похожее на веник. Прямо перед аркой стояли стрелки, а за ней виднелись увенчанные звездами золотистые шпили.

Я свернул к арке.

-Куда?

Приклад врезался между лопатками.

-Направо топай.

А вот и тот самый барельеф, где фотографировались Островцев и его жена! Бронзовая женщина как ни в чем ни бывало изучает какие-то схемы; космонавт в шлеме и в шнурованных, похожих на мои, ботинках, поднимается по ступеням к гигантской ракете. Вот только ракета никуда не летит – сломленная по каменному шлейфу, она лежит неподалеку от постамента.

По ступенькам мы спустились к узкой решетчатой двери, рядом с которой дежурил стрелок. Он посторонился, не обронив ни слова. Мы вошли. Просторная зала освещена несколькими тусклыми лампочками, на каменном полу – обширные лужи, подернутые ледком. Костюм космонавта, модель спутника, луноход, - похоже на музей.

-Вон туда.

Конвоир подтолкнул меня к двери, сам же, как и его товарищ, остался в холле.

Я замер на пороге небольшой комнаты, где за столом перед красным абажуром сидели мужчина и женщина. Свет от лампы играл на черной коже их плащей, на двух значках, пришпиленных к отворотам плащей, – бронзовых, тяжелых значках: сомкнутая звериная челюсть держит букву «О».

-Проходите, товарищ, - сказал мужчина. У него был ласкающий голос и открытый, добродушный взгляд. За окладистой бородой и усами не видно рта, но казалось, что он улыбается.

-Меня зовут Глеб Пьяных, я капитан ОСОБи первого ранга, это – моя помощница.

Особист… Один из тех, кто … кто изнасиловал мою Марину. Мне захотелось вцепиться в скрываемое бородой горло…

Женщина прятала глаза за стеклами темных очков. Судя по ее выпяченному подбородку и поджатым синеватым губам, она не склонна к болтовне.

Я присел на указанный особистом стул.

-Мы рады приветствовать вас в Цитадели, - бородач улыбнулся, обнажив желтые пеньки зубов, и достал портсигар. – Лорд-мэр, со свойственным ему великодушием, дает вам шанс изменить свою жизнь в полном соответствии с девизом нашего движения «Будущее зависит от тебя».

Особист закурил, с наслаждением втягивая в легкие дым.

- Как вы воспользуетесь этим шансом – это уже ваше дело, но лично я советую не упустить его. Другого не представится.

-Номер жетона? - отрывисто каркнула особистка, шелестя бумажками.

-Тридцать два.

-Ваше имя?

-Ахмат.

-Ахмат? – Глеб Пьяных сверкнул на меня глазами.

-Так точно.

-Пол?

-А что, не видно?

Бородач погрозил мне пальцем:

-Не нужно ерничать, товарищ. Не время, не место.

-Мужчина.

-Возраст?

-Полагаю, тридцать лет.

-Место пробуждения?

-Дж… джонка.

Особисты изумленно уставились на меня.

-Что еще за джонка?

-Джонка – это плавучий ресторан на Москве-реке, я пробудился в его трюме.

-Где именно это произошло?

Бородач буквально ел меня глазами.

-Точно не помню. Джонку прибило к берегу ночью.

Бородач отложил в сторону сигарету, взял со стола какой-то тюбик.

-Не желаешь? – спросил он у напарницы. Та отрицательно качнула головой.

-Обожаю космическую жратву, - особист выдавил из тюбика себе в рот что-то желтоватое.

-Состоите ли в какой-либо секте? – особистка вновь повернулась ко мне.

-Нет.

-Знаете что-нибудь о врагах Лорд-мэра?

-Ничего.

Она отложила в сторону карандаш.

-Ну что же, тридцать второй, полагаю, вы можете быть допущены к испытаниям. Ты не против? – особистка посмотрела на напарника.

Бородач развел руками.

-Я могу идти? – приподнялся я.

-Но! – засмеялся Глеб Пьяных. – Прыткий какой. А взнос?

Так вот, значит, за что погиб Снегирь! За взнос…

Я открыл рюкзак и, вынув холщовый мешочек, выменянный у Цыгана, положил на стол перед особистами.

Бородач развязал зубами бечевку, достал пакетик с белым порошком.

-Кокаин?

Надорвал пакетик, лизнул порошок.

-Весьма недурно, - по физиономии особиста разлилось блаженство. – Можете готовиться к испытаниям. И передайте своим конвоирам вот это.

Он протянул мне клочок бумаги. Выходя из комнаты, я успел мельком глянуть на клочок: на нем крупными печатными буквами было написано: «ЖИЗНЬ». Что это значит?

Конвоиры уставились на меня, как на вернувшегося с того света. Почему стрелки так боятся особистов? Мне черные плащи не

показались страшными. Уж не лгун ли наш великий учитель Христо?

-Давай резолюцию, - пробасил усатый конвоир.

-Что?

-Резолюцию, говорю, давай.

Я протянул бумажку.

-«Жи – знь», - прочел он. – Ну, пошли.

Снаружи стемнело. Кое-где на сером небе заискрились звезды.

Мои конвоиры стали гораздо разговорчивее и даже добрее по отношению ко мне. Того, что с усами, звали Сосо, второго, тощего блондина, – Фомин.

-Уже четверых до тебя в расход пустили, - сообщил мне Сосо. – Повезло тебе.

Вот значит, что такое «Жизнь» - печатными буквами. Интересно, какую резолюцию получил Борис?

Мы двигались по направлению к баракам, окутанным сизой дымкой.

-Счас приду, сожру тварки, – и спать, - мечтательно проговорил Фомин.

-Подрочить не забудь, - осклабился Сосо.

-Заткнись, черножопый.

Блондин толкнул напарника в плечо. Я думал, сейчас начнется свара, но эти двое только посмеялись. Должно быть, пидары, вроде Цыгана с Вадимом… Впрочем, пидары они или нет, - меня совершенно не колышет. У меня своя цель, своя Серебристая Рыбка.

2

УСТАВ СТРЕЛКОВ

Конвоиры привели меня к длинному бараку, стоящему поодаль от казарм стрелков. Его охраняли три дюжих бойца. Их челюсти равномерно, почти синхронно, двигались.

-Последний? – обратился к Сосо один из них, сплевывая на снег какой-то черный комок.

-По ходу, да.

-Заходи, мясо.

На меня пахнуло теплым запахом еды, печки, немытых человеческих тел. Людей здесь было много: они лежали на двухъярусных нарах и … читали. В библиотеку, что ли, я попал?

-Ахмат.

Я увидел Бориса. Что-то вроде радости проклюнулось в душе.

-Иди сюда.

Он указал на свободную койку, расположенную аккурат над его собственной койкой.

-Еле отбил, - похвастался Борис. – Знал, что ты придешь.

-Почему все читают?

-Жить хотят, потому и читают, - Борис нехорошо улыбнулся. – Вот, держи.

Он протянул мне тонкую тетрадку. На обложке крупно: «Устав Армии Московской Резервации».

-Что это за хрень?

-Возможно, это одно из испытаний, Ахмат, - сказал, глядя мне в глаза, Борис.

Я схватил тетрадку и поспешно полез наверх, на свою койку.

УСТАВ АРМИИ МОСКОВСКОЙ РЕЗЕРВАЦИИ

Уровень низший: стрелок

Без дополнений и приложений

Параграф первый

Самоидентификация

Я – стрелок Армии Московской Резервации, машина, свято служу Лорд-мэру, расчищаю мир от мусора для расширения жизненного пространства, безжалостно уничтожаю врага как внешнего, так и внутреннего, беспрекословно выполняю приказы старшего по званию, не участвую в заговорах и саботажах, всегда готов умереть за идею.

Параграф второй

Обязанности и права стрелка

1 Обязанности

Война.

Уничтожение диких.

Несение дежурства.

Карательные экспедиции.

Поддержание правопорядка в Резервации.

Строительство.

2 Права

Права стрелка определяются в частном порядке его непосредственным командиром.

Параграф третий

Вступление и выход из рядов АМР

Вступление

В ряды стрелков зачисляется лицо, сделавшее взнос в кокаиновый банк Армии и прошедшее ряд испытаний. Не прошедший испытания получает статус «непретендент». Непретендент не имеет права повторного участия в испытаниях, подвергается наказанию в соответствии с категорией «средний проступок» Устава Наказаний и выпроваживается за пределы Цитадели.

Выход

Возможность выхода из рядов АМР не предусмотрена.

Параграф четвертый

Карьера

Любой особо отличившийся стрелок может стать конунгом.

Параграф пятый

Сношения с жителями Резервации

Любые сношения с жителями Резервации, кроме должностных, запрещаются.

Параграф шестой

Оружие и обмундирование

Стрелок обязан бережно хранить оружие и обмундирование, в случае повреждения или утраты оружия или обмундирования по вине стрелка, стрелок несет ответственность по Уставу Наказаний.

Параграф седьмой

Кокаин

Кокаин распределяется непосредственным начальником.

Параграф восьмой

Трофеи

Все трофеи, полученные стрелком во время зачисток, войн и карательных акций, считаются собственностью Отряда.

Параграф девятый

Награды

Само участие в АМР является наградой для стрелка. Иные блага – кокаин, женщины, еда, оружие и проч., - распределяются непосредственным начальством стрелка.

Параграф десятый

Наказания

Согласно Уставу Наказаний.

Устав Наказаний относится к категории инструктивных документов высшего и среднего начальства.

Служу Лорд-мэру!

Я закрыл тетрадку. Да, негусто… Думаю, прочитай претенденты Устав заранее, едва ли хоть кто-нибудь пожелал бы вступить в ряды стрелков. Обязанностей много, а права… Права определяет командир! А вдруг командиру твоя рожа не понравится, что тогда?

Как там сказано в параграфе четвертом? «*Любой особо отличившийся стрелок может стать конунгом».* Любой… Вот, значит, в чем расчет! Кто был никем, тот станет всем. Сегодня ты морозишь зад на вахте, а завтра распределяешь между бывшими боевыми товарищами трофеи. Что ж, умно.

Но в данный момент из всего Устава меня должен интересовать параграф…

Я зашелестел тетрадкой.

Параграф три, вернее, его первая часть, где говорится о вступлении в ряды стрелков. Вот: «*В ряды стрелков зачисляется лицо, сделавшее взнос в кокаиновый банк Армии и прошедшее ряд испытаний. Не прошедший испытания получает статус «непретендент». Непретендент не имеет права повторного участия в испытаниях, подвергается наказанию в соответствии с категорией – «средний проступок» Устава Наказаний и выпроваживается за пределы Цитадели».*

«Непретендент» - вот так словечко! Точно лежащее поперек дороги бревно. Непретендент…

Память выстрелила двумя образами – Киркоров и Снегирь. У одного нет глаза, у другого – руки. Выходит, категория «средний проступок» Устава Наказаний подразумевает кару в виде увечья. Если учесть, что четверых претендентов уже пустили в расход, - это не самая худшая перспектива…

3

СЛУЖУ ЛОРД-МЭРУ!

-Подъем!!!

Я подскочил на нарах, ударившись головой о низкий потолок. Посреди помещения стоял тот самый низкорослый офицер, что встречал нас у входа в Цитадель. Рядом с ним – два автоматчика.

Претенденты попадали с коек, как лещина поздней осенью. Я спустился вниз, стараясь не зацепить носком ботинка голову стоящего навытяжку Бориса.

-В шеренгу стройсь, - гаркнул офицер.

Заспанные претенденты кое-как упорядочили свои ряды.

-Тепленькие ото сна, - засмеялся офицер, разглядывая нас.

Он достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги, лениво развернул.

-Первый?

-Здесь! – откликнулся стоящий неподалеку от меня претендент.

-Отвечать – «Я».

-Я!

-Второй?

-Я!

Офицер выкликнул все номера, вплоть до тридцать второго (до моего). Шестой, семнадцатый, двадцать первый и двадцать девятый не откликнулись – видимо, это те, пущенные в расход, о которых упоминал Сосо.

-На выход!

-Офицер, - подал голос кто-то из «номеров». – Мы еще даже не ели…

-Ничего, на пустой желудок умирать легче.

Стрелки засмеялись, бряцая оружием.

Претенденты друг за другом покинули барак и выстроились в неровную шеренгу.

-По двое, по двое, - суетился офицер.

Я встал рядом с Борисом. Он улыбнулся и кивнул мне.

-Итак, - начальственный коротышка дождался, пока ряды более-менее упорядочились. – Сейчас я поведу вас в Золотую Долину, в самое сердце Цитадели. Хочу предупредить, что в Золотой Долине вы, грязное паршивое мясо, должны вести себя тише воды ниже травы. Любого, кто пикнет без приказа, ждет… Сами знаете, что ждет.

Офицер, повернулся, резко взорвав снег каблуками сапог, и двинулся вверх по улочке, стиснутой с двух сторон клещами бараков. Мы - вслед за ним, неумело укорачивая шаг, натыкаясь на впереди идущего. За моей спиной дышал автоматчик, слева и справа от колонны шагали два его товарища.

Мы проследовали мимо памятника рабочему и колхознице и очутились перед той самой шестиколонной аркой, за одну лишь попытку приблизиться к которой я получил прикладом от Сосо.

-Стой, - крикнул офицер.

Колонна замерла.

Дежурившие у арки стрелки ухватились за цепи, приваренные к чугунным воротам. Потянули… Ворота медленно распахнулись. Вслед за офицером, «номера» по двое стали проникать в сердце Цитадели, последними (как всегда) вошли мы с Борисом.

Черт подери, неужели все это – ради нас? По обе стороны широкой площадки, заканчивающейся колончатым дворцом с золотистым шпилем, выстроились стрелки в полном обмундировании. На белом теле дворца – ярко-зеленое пятно; когда мы приблизились, я понял, что это плакат: странного вида юноша держит у щеки мобильный телефон; и надпись: «Будущее зависит от тебя». На длинных флагштоках позади стрелков трепещут на ветру красные тряпки. Посреди площадки – нечто вроде эшафота, только без виселицы и пня. На эшафоте – вроде как кресло с высокой спинкой (пустое).

Коротышка – офицер, кажись, оробел не меньше нас, претендентов. Он, заикаясь, доложил стоящему у эшафота лысому особисту (черный кожаный плащ, значок-пасть) о прибывшем мясе.

-Прекрасно, - кивнул особист.

Похоже, здесь все чего-то (или кого-то) ждали. Напряжением ожидания сгущался воздух. Особист нервно сжимал что-то в кармане. Не иначе, рукоять пистолета.

Со стороны белого дворца раздалось тарахтенье, переходящее в механический кашель. На площадку выехал черный автомобиль, и на высокой скорости помчался на нас. Когда казалось, что сейчас наша колонна будет втоптана в ледяную корку, раздался визг тормозов, и машина замерла прямо у эшафота.Передняя дверца распахнулась. Моложавый особист спрыгнул вниз, и тут же принялся орать лысому коллеге, чтобы тот очистил пространство перед эшафотом.

Лысый, в свою очередь, заорал на приведшего нас коротышку – офицера.

-Подай назад, - бледнея, крикнул офицер.

Мы отодвинулись шагов на двадцать ближе к воротам.

Обе задние дверцы машины отворились. Я смотрел во все глаза. Из темного нутра вылезли два черных особиста. Один из них держал в руках винтовку со снайперским прицелом.

Особисты настороженно осмотрелись. Кругом была тишина. Мне показалось, что я слышу неровное дыхание стоящих в шеренгах стрелков. Особист, который с снайперкой, наклонился к заднему сиденью, и что-то сказал (значит, в машине есть кто-то еще).

Сначала показался остроносый сапог с золотистой пряжкой над каблуком, затем – край красной ткани.

Статный мужик в красном, расшитом золотыми узорами, плаще с явным удовольствием распрямил могучую спину, тряхнул рыжей копной волос (почти такой же, как у Марины). Длинная рыжая борода схвачена у подбородка золотым кольцом и оттого напоминает рыбий хвост; на груди – массивный блестящий медальон в виде креста; на поясе – самурайский меч без ножен.

«Сущий попугай», - мелькнула крамольная мысль.

«Попугай» поднялся по скрипящим деревянным ступеням на эшафот, опустился в кресло. Охранники последовали за ним. Снайпер тут же вскинул винтовку и принялся процеживать через прицел не только наши ряды (претендентов), но и шеренги стрелков.

Возбуждение охватило меня. Кто этот рыжий? Уж не Лорд-мэр ли?

Точно прочтя мои мысли, особист, подойдя к краю эшафота, закричал:

-Приветствуем носителя креста, главу ОСОБи, отца Никодима!

Стрелки загудели – трудно понять - приветственно или неодобрительно.

Так вот значит, кто он, наш красный «попугай». Глава ОСОБи… Не участвовал ли этот ублюдок в допросе Марины? До эшафота шагов двадцать пять, не больше, если вырвать пистолет у коротышки-офицера… Снайпер может и не успеть…

Перед моим внутренним взором возникло грустное лицо Христо, я вспомнил его слова: «Тогда напрасны все те жертвы и муки, что принесли возрожденцы на алтарь нового мира. В том числе, напрасны муки Марины…». Он прав, наш учитель Христо, тысячу раз прав: месть – это утеха слабака; сильный не мстит, сильный – творит новый мир. Я буду, я хочу быть сильным!

Отец Никодим лениво поднялся с кресла, сделал шаг к краю эшафота. Тусклое солнце блеснуло в рыжей гриве.

-Претенденты на славную должность стрелка Армии Московской Резервации, - голос «носителя креста» был хриплый, как у алкаша. – По поручению Лорд-мэра...

-Служу Лорд-мэру! – отозвались стрелки.

-Я прибыл в Цитадель со Второй Военной Базы, чтобы участвовать в ежегодных рождественских испытаниях. Я отвлекся от важных дел не для того, чтобы смотреть на петушиные бои. Надеюсь, вы покажите все, на что способны, и те, кто выстоит, станут стрелками. С рождеством.

Отец Никодим вернулся в свое кресло. Особист дал отмашку офицеру: «Начинайте».

Шеренги стрелков подались в стороны, пропустив на площадку человека в черной маске. Остро отточенный топор поблескивал у него в руках. Палач остановился рядом с офицером. Что-то подсказывало мне, что он будет сегодня отнюдь не второстепенным действующим лицом.

Офицер кивнул палачу и выкрикнул:

-Номер один, номер два.

Претенденты вышли на свободное место и замерли друг напротив друга.

-Ну? Чего встали, как столбы?

-Что мы должны делать?

Пожал плечами «номер один».

В рядах стрелков послышались смешки. «Номер два» соображал быстрее. Разбежавшись, он въехал обеими ногами в живот противника. Тот вскрикнул от неожиданности и, потеряв равновесие, упал на спину. «Номер два» рванулся к нему и принялся бить лежащего, метя тупым носком ботинка в голову. Когда стало ясно, что «номер один» уже не сможет продолжить поединок, офицер крикнул:

-Довольно.

«Номер два» встал обратно в строй, самодовольно ухмыляясь. Офицер подошел к «номеру один», дотронулся рукой до шеи.

-Живехонек, - коротышка повернулся к палачу. - Твой выход.

Палач навис над лежащим претендентом, поднял топор, примерился… Нечеловеческий крик взорвал барабанные перепонки.

Под хохот стрелков, «номер один» вскочил на ноги и побежал по плацу, орошая снег кровью из перерубленной по локоть руки. Он рухнул лицом в сугроб рядом с воротами и остался лежать в таком положении.

-Вам присвоен статус «непретендент», - вызвав новый шквал хохота, сообщил «вдогонку» офицер.

Я бросил взгляд на отца Никодима: тот смеялся, скаля белые зубы.

Это был пир жестокости. Претенденты по двое выходили вперед и, после короткой (или длинной) схватки, победитель, пошатываясь, вставал обратно в строй, а побежденному палач присваивал статус непретендента. Снег дымился от теплой крови. Ее запах щекотал ноздри, вызывая тошноту.

Стрелки в шеренгах скалили зубы, бряцая оружием, орали.

Мне вспомнились Джунгли, дерущиеся твари. Кажется, даже животные не являли такого зверства, как эти люди…

-Номер тридцать один, номер тридцать два.

Я встряхнул головой и шагнул вперед. Напротив меня замер тридцать первый номер.

Лицо Бориса изменилось за то время, что мы провели на этом плацу. В нем появилась угрюмая решимость.

Заорав, Борис кинулся на меня. Сцепившись, мы покатились по снегу. Короткий удар под дых сбил дыхание, но, изловчившись, я заехал коленом в пах противнику. Его хватка ослабла; я вскочил на ноги. Борис, щурясь от боли, занял выжидательную позицию. Я тоже не спешил нападать.

Стрелки загудели.

Борис приблизился, держа кулаки у лица. Я сумел устраниться от направленного в висок удара и, упав на снег, что есть силы, въехал носком ботинка ему по колену.

Борис закричал, боком упал на снег. Попробовал подняться, но левая нога не послушалась. Борис снова закричал, перекатился на спину, скрежеща зубами от боли.

Я встал в строй, стараясь не смотреть на Бориса.

Офицер кивнул палачу.

-Стой! – раздалось со стороны эшафота.

Отец Никодим сбежал вниз по ступеням.

-Отдохни, братец, - сказал он палачу. – Я желаю сам наказать тридцать первого.

Отец Никодим вынул из-за пояса меч и направился к Борису. Я не желал на это смотреть, но и не в силах был отвернуться.

Полоска стали сверкнула в тусклом луче солнца… Что сделал этот ублюдок? Посмотрите, что он сделал! Он не имел права. В Уставе это не прописано.

Ряды стрелков довольно загудели, наблюдая, как покатилась по плацу голова Бориса.

Отец Никодим вытер меч об одежду мертвеца, ленивым движением вставил его в кольцо на поясе. Вблизи он казался великаном.

Притихшие стрелки смотрели на отца Никодима, как на сошедшее с небес божество.

Твердым шагом отец Никодим снова взошел на эшафот, но в кресло не сел.

-Стрелки! – крикнул он, обводя рукой притихшие шеренги. – Сегодня праздничный день – ряды Армии пополнились, Армия стала сильнее. В честь праздника Лорд-мэр удваивает дозы и продовольственные пайки. Поднимите сегодня кружки с зеленкой за здравие Лорд-мэра! Служу Лорд-мэру!

-Служу Лорд-мэру! – радостно подхватили сотни глоток. Те, кто стоял рядом со мной (недавние претенденты, а теперь стрелки) орали громче всех.

Отец Никодим вскинул руку в приветствии и, сопровождаемый охраной, спустился к автомобилю. Машина затарахтела и, описав дугу, понеслась в сторону белого дворца с зеленым плакатом: «Будущее зависит от тебя».

-Добро пожаловать, хлопцы, - сказал офицер. Он расслабленно закурил, вытер со лба испарину.

Двое стрелков тащили по плацу труп Бориса, третий нес его голову.

Начался снегопад. Кровавое пятно посреди площадки становилось все бледнее и меньше. Скоро оно исчезнет под снегом.

Шеренги стрелков потянулись к воротам и, кроме нас (новоиспеченных), коротышки - офицера и троих его вооруженных бойцов, на плацу никого не осталось.

-Сдавайте номера, ребята. Теперь вы стрелки и у вас есть имена.

Металлические кружки с номерами, звеня, один за другим падали в холщовый мешочек, в котором уже лежали номера «непретендентов».

-До следующего года, - офицер встряхнул мешочек и передал его одному из бойцов.

-А теперь, - он повысил голос. – Шагом марш в казарму и празднуйте Рождество! Завтра вас ждет распределение по отрядам!

4

ОТЕЦ НИКОДИМ

-За Лорд-мэра!

Кружки с изумрудной жидкостью врезались друг дружке в алюминиевые бока. Зеленка плеснула через края на заплеванный пол барака.

Отвратительная горечь продрала горло, а в желудке словно бы взорвалась граната.

-Что это за хрень?

Я бросил кружку на пол.

-Э, да Ахмат зеленки никогда не пробовал.

Собутыльники расхохотались.

-Тваркой зажуй, - посоветовал кто-то.

Я, не видя ничего вокруг, запихнул в рот длинное волокно сушеного мяса. Вроде бы полегчало, во всяком случае, горло слегка смягчилось.

Теплота как-то враз разлилась по телу, мне стало весело. Да, весело. Затуманился сегодняшний день: крики, кровь, отрубленная голова Бориса. Осталось только ощущение, что я сделал то, что от меня ждали Марина, Христо и другие возрожденцы: я прошел рождественские испытания, я стал стрелком и теперь, вместе с другими счастливчиками, праздную свой триумф.

-Еще, - я подхватил с пола кружку.

Рассвет едва окрасил снежные шапки на крышах бараков, когда я выскочил из дрожащей от храпа казармы.

Я долго блевал, стоя на четвереньках, покрывая сугроб зеленью. Мне казалось, еще чуть-чуть - и меня вывернет наизнанку. Наконец, судороги в желудке утишились. Я отполз в сторону и упал лицом в

снег. Ну и зеленка! Кажется, никогда мне не было так скверно. Даже когда, мучимый ознобом, я прятался на дереве в Джунглях.

Повернувшись на спину, я окинул взглядом муторное небо. Последняя звезда утонула в наступающем рассвете.

Навеянный зеленкой туман развеялся. Искаженное решимостью лицо Бориса полоснуло мне память. Это я убил его. А скольких еще *людей*вынужден буду убить?

-Эй, товарищ!

Я вскочил на ноги, узнав склонившегося надо мной особиста. Это был снайпер из охраны Отца Никодима, только сейчас при нем не было винтовки.

-В этом бараке подвизается новорожденный стрелок по имени Ахмат?

-Это я.

Особист окинул недоверчивым взглядом зеленый от блевотины сугроб, мое изможденное лицо.

-Мне приказано доставить вас к отцу Никодиму.

Это было неожиданно. Зачем я понадобился отцу Никодиму?

-Меня?

-Вас. Идемте.

Особист провел меня уже знакомой улочкой до ворот, за которыми виднелась Золотая Долина. Караульные, ни слова не говоря, посторонились.

Мы пошли через плац (кровавое пятно скрылось под снегом) к белому дворцу с плакатом «Будущее зависит от тебя». Да уж, от меня… Никак не думал, что так скоро вернусь сюда… Вон там, кажется, лежала отрубленная голова Бориса.

Я едва смог подавить рвотный спазм. Горло драло кислятиной, голова дико болела. Я с ненавистью смотрел в энергичную спину особиста. Неужели так теперь будет всегда: «Вас требуют, идемте», «Срочно явиться», «дан приказ»? Ни охнуть, ни вздохнуть.

За белым дворцом показались золотые статуи: стоящие кружком женщины, что-то держащие в руках, куда-то завлекающие (наверно, из-за них это место и назвали Золотой Долиной). Повернув направо, мы подошли к еще одному белому дворцу, с надписью «армения» под козырьком с причудливыми каменными завитушками. Что такое армения?

-Станьте лицом к колонне, - подал голос особист. – Ноги держите на ширине плеч.

-Зачем это?

-Таков порядок.

Я прислонился к холодному камню. Особист быстрыми четкими движениями обыскал меня.

-Прошу, - он взмахнул рукой, приглашая следовать за собой.

Столько всевозможного барахла я никогда в жизни не видел! Просторный, тускло освещенный зал был завален чуть ли не до потолка: диваны, статуи, книги, компьютерные мониторы, тряпье, плюшевые игрушки, аквариумы, пластиковая посуда. Чего здесь только не было! Все бесполезное, ненужное.

Проследовав за особистом по узкой тропинке, проложенной в джунглях барахла, я вышел на свободное пространство и увидел Отца Никодима (память проворно выдала картину – отточенное лезвие опускается на шею Бориса). Отец Никодим возлежал на диване, закинув длинные ноги в остроносых сапогах на спинку. Рядом, в кресле, сидел Глеб Пьяных – тот самый бородач, что опрашивал меня в первый день в Цитадели.

-Ахмат, стрелок АМР, доставлен, - доложил приведший меня особист.

-Хорошо, можете идти, - кивнул Глеб Пьяных.

Отец Никодим лениво разглядывал меня, глубоко затягиваясь сигаретой.

-Голова болит? – вдруг спросил он.

Я от неожиданности ответил не сразу.

-Болит, Отец Никодим.

-Обращайтесь к Отцу Никодиму - «ваш крест», - вставил Глеб.

-Болит, ваш крест.

-Зеленка?

-Зеленка, ваш крест.

Отец Никодим засмеялся, Глеб Пьяных послушно оскалил зубы.

-Знаешь выражение, Ахмат, – «клин клином вышибают»?

-Не знаю, ваш крест.

-Так вот, держи.

Отец Никодим протянул мне зеленую бутылку. Даже смотреть на нее было противно… Я сделал глоток. Горло вспыхнуло огнем. Я

боялся, что меня снова стошнит, но - отец Никодим оказался прав – мне полегчало.

-Спасибо, ваш крест.

Я возвратил бутылку.

-Полагаю, теперь с тобой можно говорить на равных, - Отец Никодим улыбнулся, - Должен сказать, меня впечатлило, как ты, Ахмат, разобрался с тем претендентом.

Я сразу понял, что он имеет в виду Бориса.

-Без истерики, без всех этих «кийя!» - четко и ровно. Ничего лишнего – удар и … результат.

-Спасибо за высокую оценку, ваш крест, - сказал я.

Глеб Пьяных иронично взглянул на меня.

-Оценка и вправду высокая, - согласился отец Никодим. – Настолько высокая, что я решил назначить тебя в свою личную охрану на место Григоренко. Его ранили во время рейда по Измайловскому гетто. Помнишь, Глеб?

-Да, ваш крест, - отозвался Пьяных. – Та еще была заварушка.

-Временно, конечно, - пока не оклемается Григоренко. Как ты на это смотришь?

Я ответил, что буду рад сложить за него голову.

-Похвально.

Отец Никодим обратился к Глебу:

-Распорядись выдать парню оружие. Вечером я выезжаю на Вторую. Сколько можно тратить время впустую?

5

БОЛЬШАЯ ШИШКА

Я сидел в машине сопровождения вместе со стрелком из охраны и шофером, держа заряженный АКМ на коленях. Следом за нами медленно двигался черный автомобиль Отца Никодима. Мы покинули Цитадель не больше двадцати минут назад, но почему-то казалось, что давным-давно. Быть может, потому, что стрелок, по имени Меир, оказался надоедливым и болтливым парнем. Жиденький, востроносый, со смоляными глазками и чернявой бородкой, он словно имел шило в заднице и вертелся на месте юлой.

-Ты из стрелков? – накинулся он на меня. – Давно принят?

Узнав, что только вчера, Меир посмотрел с уважением:

-А я уже год, как в стрелках корячусь. Дальше охранки не дослужился.

-И не дослужишься, - повернув широкое лицо, вставил шофер.

-Это почему? – вскинулся Меир.

-Потому что ты трепло.

-Что есть, то есть, - согласился стрелок, выглядывая в окно. – О, уже Северянин.

Машина проехала по эстакаде, нависшей над железнодорожной платформой.

Из разговора Меира с шофером, я сделал вывод, что служба в личной охране отца Никодима не так уж почетна.

-Скоро кладбище, - неспокойно сказал шофер. – Здесь часто банды нападают на конвои.

-Прям уж и часто, - беспечно протянул Меир. – Когда последний раз?

Шофер умолк, должно быть, припоминая.

-В октябре на конвой конунга Шавката напали…

-Ну, да ты не дергайся, - перебил Меир. – С нами тебе сам черт не страшен.

Машина свернула в переулок, и почти сразу под передним колесом что-то громыхнуло. Осколки стекла, вместе с черным дымом устремились в кабину; сквозь пелену я увидел шофера, уронившего голову на руль.

-Мародеры!

Меир лихорадочно передернул затвор автомата, однако выстрелить не успел. Разбив стекло, пуля попала ему в голову. Меир навалился на меня, еще теплый, но уже не от мира сего. Я опустился на сиденье. Лязг пуль по металлу повторился.

Дьявол подери! Вот так западня.

Стрельба внезапно прекратилась. Я услышал голоса.

-Есть кто в первой машине?

Прячась за трупом Меира, я увидел появившуюся в окне физиономию – круглая, испитая рожа с жидкой бороденкой.

-Три трупака, - сообщил кому-то мародер. – Шофер и два стрелка.

-Оружие у них забери.

Дверца машины заскрежетала. Мое сердце готовилось выскочить из груди, и только оно жило во всем моем теле. Я превратился в труп.

Рука мародера, снимая автомат, скользнула по моей руке (вызывающе-теплой). К счастью, он не придал этому значения, должно быть, потому, что трупы Меира и шофера, обысканные им раньше, тоже еще не остыли.

-Два автомата и пистолет, Варяг, - сообщил мародер.

Ему ответили:

-Тащи сюда. Больше ничего нет в машине?

-Нет, Варяг.

И тут я услышал голос отца Никодима.

-Эй, Варяг, или как тебя, отпусти меня или пожалеешь.

Звук хлесткого удара.

-Заткни пасть, мразь. Уж за тебя-то, сука, мы получим настоящий куш. Много-много кокаина!

Судя по разразившемуся смеху, мародеров было не меньше десяти.

-Ладно, ребята, трогаем, – я уже узнавал голос Варяга.

Снег поскрипел под подошвами уходящих людей. Наступила тишина, какой я, кажется, никогда не слышал. Мертвая тишина. Я отодвинул Меира и вылез из машины. Ярко светила луна.

У переднего колеса машины сопровождения (в которой ехал я) – черная воронка с ободком оплавленного снега. Машина отца Никодима вся изрешечена пулями…

Ну вот, я, кажется, снова свободен. Устав мне теперь не указ, никто и ничто меня не держит. Что мне теперь делать? Вернуться к Марине – теплая, приятная мысль. Но как грустно посмотрит на меня Христо, как вздохнет он и скажет, что Снегирь погиб напрасно…

Что же мне делать, черт подери?!

Обратно в Цитадель?

Я не читал Устав Наказаний, но догадываюсь, что паек за случившееся мне не удвоят. Ублюдки! Да кто ж так организует охрану важных персон?! Или, может, отец Никодим не важная персона? Или, важная, но - *неудобная*. Черт его знает! - да это и не должно волновать меня. Я получил задание доставить отца Никодима из пункта А в пункт Б, а вместо этого, отлежавшись под трупом, поспособствовал тому, что отца Никодима мародеры тащат в пункт В.

Не зная чему, я засмеялся.

Рядом с машиной отца Никодима лежали два особиста (мародеры почему-то постеснялись прихватить их кожаные плащи) – снайпер и не кто иной, как Глеб Пьяных. У Глеба – неестественно вывернута шея и на лице застыл вопрос. При жизни он задавал людям много вопросов и всегда получал ответы, а вот теперь – молчок.

Я заглянул внутрь машины и присвистнул. Отец Никодим, похоже, большой любитель красоты. Сиденье оторочено розовым мехом, розовый мех на потолке, на стенках. На полу - резиновый ковер с изображением голой женщины, призывно раздвинувшей ноги. Хоть обстановка и не соответствовала, глаза сами собой осмотрели развратницу и остановились… Остановились на каком-то черном предмете, выглядывающем из-под сиденья.

Я опустился на четвереньки, заглянул под сиденье – сердце чуть не выпрыгнуло из груди: мирно поблескивая сталью, там лежала снайперская винтовка.

Рукоятка винтовки удобно легла в ладонь. Тяжелая штука! Я поднес глаз к прицелу. Темная громада дома приблизилась ко мне так неожиданно и так близко, что я вздрогнул. Я поймал в перекрестье одно из окон, представил, что в нем находится человек. Надавил на курок. Винтовка издала негромкий щелчок, приклад ударил в плечо. Если бы в окне и вправду находился человек, то сейчас он полетел бы, кувыркаясь, вниз. Я опустил винтовку.

Сбоку на луну наползало облако. Надо торопиться, пока светло. Мародеры не могли уйти далеко.

Протоптанная в снегу тропинка петляла между зданиями, мертвыми автомобилями, ныряла в переулки. Я бежал, держа винтовку наперевес, стараясь дышать ровно, чтобы не выдохнуться раньше времени. Морозный хруст снега под подошвами гриндеров многократно усиливался тишиной.

Скоро с бега я перешел на шаг: винтовка была тяжелее, чем мне показалось вначале. И еще я опасался уткнуться в спину мародеров, они не могли уйти далеко.

Впереди сверкнул огонек. Что это? Костер, конечно, это костер. Я спрятался за стену дома, под ее прикрытием сделал несколько шагов вперед. На широкой пустой площадке, за которой виднелись кресты кладбища, расположились на ночевку мародеры. Та ли это банда? Жаль, далековато, не разглядишь…

«Дубина, - обругал я себя. – У меня же есть винтовка».

Я посмотрел в прицел, но не увидел ничего, кроме темноты, и сквозь зубы обругал облако, застившее луну. Проходи, проплывай мимо. Облако ползло еле-еле; я нетерпеливо грыз ногти.

Наконец, мне надоело ждать. Если доползти вон до того дерева, затем – до кривобокого одноэтажного здания, я смогу приблизиться к мародерам настолько близко, насколько захочу. Люди, сидящие у костра ночью, не видят ничего вокруг…

Улегшись на снег, я пополз, подтягивая винтовку левой рукой. Стена, служившая мне прикрытием, осталась позади. Я отчетливо увидел полыхающий костер и тени вокруг него. Подул ветерок. Только этого не хватало! Теперь я молил облако не выпускать луну из плена.

Мне удалось доползти до дерева. Со стороны костра послышался шум. Я замер, вдавив голову в снег. Но это была всего-навсего песня:

Врагу не сдается наш гордый Варяг,

Пощады никто не жела-а-ет!

Это они!

Стало легче на душе: все-таки я настиг похитителей. Радость придала мне смелости, и до одноэтажной кирпичной развалины я добрался на четвереньках, почти уверенный в том, что поющие мародеры не заметят меня.

Расположившись у стены, в самой сердцевине снежного наноса, я выглянул наружу и вздрогнул: таким близким мне показался костер мародеров. Я увидел сидящих кружком людей, услышал потрескивание огня, тяжелое дыхание и кашель, поскрипывание снега. Кажется, я даже почувствовал тепло от костра… А где отец Никодим? Я присмотрелся: ага, вон тот куль, брошенный на границе светового пятна от костра и ночи, видимо, и есть глава ОСОБи, Носитель Креста… Неласково же они с ним обошлись…

Куль пошевелился.

-Варяг.

-Падаль заговорила.

Мародеры захохотали.

-Заткнитесь, - раздался недовольный окрик Варяга. – Чего тебе?

-Варяг, послушай меня…

В голосе отца Никодима не было и толики той уверенности, что гремела на плацу в Цитадели, когда он объявлял о начале

рождественских испытаний, а затем рубил голову Борису. Ублюдок!

-Послушай меня, я важная шишка, настолько важная, что ты и представить себе не можешь, - отец Никодим говорил горячо, сбиваясь. – За меня тебе действительно дадут большой выкуп. Но ты рискуешь, потому что потом тебя будут преследовать и, если не догонят и не убьют сразу, то убьют позже.

-Кто тебе сказал, мразь, что я не люблю риск? - отозвался Варяг без особого напора.

-Да-да, - поспешно согласился отец Никодим. – Ты смельчак, Варяг, я много наслышан о тебе. Я могу заплатить вдвое против того, что ты и твои ребята собираетесь затребовать. Вдвое.

-Заманчивое предложение, - Варяг засмеялся. – Развяжите-ка этого пидора.

Двое мародеров разрезали веревки на отце Никодиме, и подвели его, пошатывающегося от слабости, к Варягу.

Я наблюдал за происходящим из своего укрытия, сжимая в заиндевелых руках винтовку. Что затеял Варяг?

Развязный голос главаря банды скользил, как протухший кисель.

-Говоришь, ты большая шишка. У меня тоже большая шишка… В штанах.

Мародеры зашлись в хохоте.

Свет от костра выхватил лицо отца Никодима. На нем читалась полная растерянность.

-Да, у меня в штанах большая шишка, - повторил, цыкая зубом, Варяг. – И я хочу, чтобы большая шишка, то есть ты, отсосал мою большую шишку.

Варяг поднялся, расстегивая ремень. Блеснули его жирные ляжки.

-Ну, чего же ты ждешь. Соси!

Кто-то из мародеров толкнул отца Никодима, тот упал на колени прямо перед Варягом.

-Не буду, - визг отца Никодима напомнил мне визг раненной твари из Джунглей.

-Будешь, пидар, - зарычал Варяг, хватая пленника за волосы.

Вскинув винтовку, я надавил на курок. Голова Варяга словно бы развалилась на две почти равные части, ошметки мозга брызнули в лицо отцу Никодиму. Тут же наведя винтовку на другого мародера, я прикончил и его.

-Стрелки!

В этом крике мог бы поместиться весь страх этого мира. Мародеры бросились врассыпную, - прочь из светового круга, - я послал им вдогонку несколько пуль, сочно вонзившихся в тело ночи.

Я вышел из-за стены (не таясь, в полный рост) и через сугробы направился к костру. Отец Никодим сидел на коленях, дрожа, как новорожденный олененок.

-Все в порядке, ваш крест. Вы спасены.

Он взглянул на меня.

-Ахмат?

Надо же, сразу узнал.

-Да, я. Поднимайтесь, ваш крест. Надо уходить, они могут вернуться.

Я помог ему подняться, и мы поплелись прочь от костра по протоптанной бандой Варяга тропинке. Отец Никодим обхватил мою шею рукой, зубы его выбивали дробь.

-Ахмат, - едва различил я. – Не говори никому.

-Не скажу, ваш крест.

Надо же, как печется о репутации. Впрочем, удивляться тут нечему: едва ли стрелки будут столь же благоговейны перед этим человеком, узнай они, что его чуть было не поимел какой-то мародер. Думаю, грубый окрик «Соси!» будет тревожить отца Никодима по ночам…

Небо посветлело, когда мы добрались до места, где нас атаковали мародеры. Автомобили слегка припорошило снежком; от трупа Глеба Пьяных метнулся в сторону какой-то рыжеватый зверек. Подойдя, я с отвращением увидел, что щека Глеба прогрызена, в неровной дырке белели зубы.

-Стой, Ахмат!

-Да, ваш крест?

Отец Никодим оперся рукой о капот машины. В его бороде застряли клочки сена, под глазом багровел кровоподтек.

- Думаю, нам стоит попробовать завести эту машину.

-Но, ваш крест, я никогда… - начал было я. Отец Никодим сердито взмахнул рукой.

-Не упражняй язык, Ахмат. Садись.

Он открыл передо мной переднюю дверцу. Шофер с аккуратной черной дырочкой во лбу, уронив голову на руль, смотрел на меня, словно спрашивая: «Куда ж ты прешься, дурак?». Мне пришлось взять труп за шиворот и вытащить из машины на снег.

Отец Никодим дождался, пока я занял место за рулем.

-Ну, заводи.

Легко сказать. Перед моими глазами непробиваемой стеной стояли какие-то датчики со стрелками, кнопки и рычажки.

-Поверни ключ.

Ключ? Что за ключ?

-Вон ту хреновину поверни, - раздраженно ткнул пальцем отец Никодим.

Я нащупал ключ, повернул. Машина заурчала.

Отец Никодим обрадованно вскрикнул и, обежав капот, сел в кресло рядом со мной.

-Трогай.

-Ваш крест, - робко проговорил я. – Может быть, вы поведете?

-У меня едва хватает сил, чтоб ворочать языком, - сказал отец Никодим таким голосом, что ему трудно было не поверить. – Вдави в пол левую педаль. Да, так. Теперь медленно отпускай и дави правую. Е… твою мать!

Машина рванула с места, холодный воздух хлынул в разбитое стекло; каким-то чудом я успел повернуть руль, иначе мы врезались бы в машину сопровождения.

-Помедленней, черт тебя дери!

«Помедленней? Что значит - помедленней?»

-Да не дави ты так на газ, на правую педаль, - умолял отец Никодим, подпрыгивая на кресле.

Я ослабил нажим правой ноги - машина сбавила скорость. Оказывается, водить автомобиль не так уж и сложно! Я выпрямился.

Место нападения осталось позади. Развалины многоэтажек окружили нас.

-Здесь поверни.

Я послушно крутанул руль. Отца Никодима бросило на меня, я же ударился головой об дверцу.

-Осторожней!

-Слушаюсь, ваш крест.

Мы выбрались из переулка на трассу, запруженную мертвыми машинами. Выехав на свободное место, я – как-то само по себе получилось – прибавил газу. Врывающийся в разбитое стекло ветер вздыбил волосы.

Какой-то бродяга, похожий на ходячую кучу тряпья, погрозил нам вслед костлявой рукой; поднявшееся солнце искрилось на снегу, сверкало в пустых глазницах домов; мертвый мир замельтешил, запрыгал перед нами и словно бы *ожил*. Йе – хуу! Ветер – в лицо.

По приказу отца Никодима я свернул с шоссе в закоулок, съехал на возникшие перед нами железнодорожные пути. Некоторое время автомобиль, точно заяц, прыгал по железной дороге, пока не достиг стены, подобной той, что окружает Цитадель. Здесь я повернул и повел машину вдоль стены.

Когда впереди показались ворота, я слегка запаниковал – как мне остановиться?

Бросив давить на газ, я добился того, что машина поехала медленно. Отец Никодим задумчиво смотрел перед собой, словно забыв обо мне. А была не была! Прямо перед воротами я до предела вдавил в пол среднюю педаль. Машина остановилась, я стукнулся об руль так, что в носу засвербело.

-Приехали, отец Никодим, - сообщил я.

-Вижу, - буркнул он, потирая лоб и, открыв дверцу, вылез из машины.

Отца Никодима пошатывало; мне пришлось подставить ему плечо, иначе он просто-напросто свалился бы в снег.

Я ударил ногой по воротам, закричал:

-Открывайте!

В отворившемся окошке появилось лицо караульного. Бросив взгляд на отца Никодима, он побледнел и, захлопнув окошко, загремел засовами. Поскрипывая, створки ворот разошлись в стороны.

Караульный вытянулся в струнку, не сводя глаз с отца Никодима, который, кажется, потерял сознание.

-Чего уставился? - прохрипел я под тяжестью навалившегося на меня главы ОСОБи. – Доложи начальству.

6

У ОЧАГА

Отдельная квартира… Ведь в этом что-то есть. Сухо, тепло, уютно. Не воняет парашей и портянками, как в стрелковых бараках; никто не орет посреди ночи, увидев во сне дьявола, не постанывает, теребя член, не играет в карты, не дерется, не блюет на пол зеленкой.

Я потянулся на кровати; мышцы приятно напряглись. В окно была видна частичка Второй Базы, а именно: железнодорожное депо. Пузатый локомотив, выпустив черную тучу, потащил состав, состоящий из четырех вагон-бараков: отряд стрелков отправился на очередную зачистку в Джунгли…

Встав с постели, я подошел к столу, попил воды из бутыли. Есть не хотелось, хотя кроме тварки и сухарей, у меня была банка соленой рыбы.

Посмотрев на себя в треснутое зеркало (клочковатая борода, в глазах – усталая холодность), я вышел из квартиры прямо на улицу. Два стрелка рубили для меня дрова. Я остановился понаблюдать за их работой (топоры сочно вонзаются в дерево, оно трескается, роняя на снег желтые щепки). Лес рубят, щепки летят.

-Будете в тепле, конунг, - заискивающим голосом сказал один из дроворубов.

И он, и я знали, что стрелок Ахмат еще не провозглашен конунгом, хотя уже обеспечен всеми привилегиями. Дроворуб авансом лижет зад старшему по званию...

Я побрел в сторону депо. За спиной – едва слышно:

-Повезло мудаку.

Дроворубы правы: мне повезло, причем не единожды. Варяг и его банда подвернулись как раз вовремя; в машине отца Никодима оказалась винтовка; наконец, меня не пришили, как Меира, и я имел возможность спасти главу ОСОБи. «Спасти главу ОСОБи»! Ну, надо же! Какую причудливую мозаику складывает жизнь… Я спас от насилия человека, чьи подчиненные совершили насилие над моей любимой. Подчиненные? В голове возникла картина: отец Никодим насилует Марину. Содрогнувшись, я встряхнул головой, пытаясь освободиться от миража.

За железнодорожными путями расположились административные здания Второй Военной Базы, среди которых выделялась пузатая пятиэтажная башня с широкой плоской крышей и уже знакомым мне зеленым плакатом над охраняемым автоматчиками входом: «Будущее

зависит от тебя». Справа от депо – плац, за ним виднеются крыши бараков, слева – площадка, уставленная ржавыми танками, уныло опустившими стволы.

На плацу несколько стрелков бросали мяч. Кожаная сфера время от времени взмывала высоко в небо, затмевая солнце. Однажды в Джунглях я наблюдал настоящее солнечное затмение – черная тень понемногу съедала светило, вгоняя в душу страх: а ну, как солнце больше никогда не вернется?

-Эй, солдат!

Похоже, эти парни не узнали спасителя отца Никодима. Досада и облегчение поровну разделили сердце.

-Не желаешь сыграть? Нам как раз одного не хватает.

Несколько пар глаз насмешливо (так мне показалось) уставились на меня. Я молча ступил на плац.

Игра началась. Стрелок, получивший мяч, стремительно понесся к прочерченной на снегу линии.

-Держи его!

Я бросился наперерез, но опоздал. Стрелок занес мяч за линию и победно вскинул руки.

-Попроворней, - крикнул бородач из моей команды. – Бросай мяч.

Я с досадой швырнул ему мяч и побежал вперед. Через двадцать шагов, обернулся. Кожаный снаряд, вращаясь в воздухе, летел ко мне. Подпрыгнув, я схватил его и … тут же исчез под грудой тел. Мяч все еще был у меня в руках, горячий, как готовая взорваться бомба.

-Пытайся передать! – орал кто-то. – Пытайся!

В переплетении рук и ног я увидел просвет и, напрягшись, сунул в него мяч. Куча-мала, накрывшая меня, тут же распалась. Я вскочил на ноги, увидел, как бородач вносит кожаный снаряд за линию противника.

-Есть! – крик вырвался сам по себе.

-Молодец, паря, - возвращаясь в свою зону, бородач хлопнул меня по плечу. – Но не расслабляйся, сейчас решающее очко.

Стрелок, держа мяч под мышкой, несся вперед, и я оказался на его пути. Мы врезались друг в друга, покатились по утрамбованному снегу, вцепившись в мяч. Игроки обеих команд бросились на подмогу. Смрадное дыханье и запах пота резали ноздри, кто-то тянул меня за

ногу, но я не отпускал мяч. От подбадривающих криков звенело в ушах…

Вдруг резкая боль пронзила руку. Держащий мяч стрелок вцепился в нее зубами. Разве это по правилам? Я заорал и, изловчившись, ударил его в пах. Нет правил – значит, нет! Мяч очутился в моих руках! Напрягшись, я выкарабкался из кучи людских тел и понесся к линии. На пути остался только один игрок. Я сделал вид, что побегу вправо, а сам побежал влево, - не разгадав маневра, стрелок сел на пятую точку, матерясь, на чем свет стоит.

-Есть!

Я положил мяч за линию и, не оглядываясь, пошел прочь с площадки. Игра окончена – я выиграл.

-Эй, скажи хоть, как тебя звать? – окликнули сзади.

-Ахмат, - обернувшись, бросил я.

По шушуканью и удивленным возгласам нетрудно было догадаться, что эти ребята поняли – они играли со спасителем отца Никодима.

Потную спину начал щупать мороз. Я собирался обойти Вторую Базу, но теперь мне хотелось домой. До-мой! Как здорово звучит.

В депо прибыл состав. Интересно получилось: выходил из дома, поезд отправлялся, возвращаюсь: прибывает. Из вагон-бараков друг за дружкой выскакивали стрелки и выстраивались в неровную цепочку. Ухо выхватывало:

-Я в него жахнул, подхожу, а он, прикинь, еще шевелится. Во, думаю, живучий. Присмотрелся, а этот дикарь на грудь сковородку приладил.

-Троих ликвидировал, за это мне конунг пайку удвоил.

- Классная соска! Я ее в развалинах нашел и там же поимел.

Показался конунг и все разговоры стихли. Это был невысокий коренастый мужик с неровным лысым черепом; на куртке, чуть повыше локтя, нашивка – серпик луны. Он начал орать на стрелков сорванным голосом.

Спина моя, кажется, обледенела. Пора домой…

Подлезши под вагон, я перебрался на другую сторону. Крики лысого конунга стали тише.

Перед моей квартирой, радуя глаз, высилась дровяная горка. Молодцы, дроворубы, постарались. Приятно пахло деревом. Один из

немногих *приятных* запахов, все еще доступный человеку. Почему-то вспомнился запах Марининых волос: кажется, в нем было что-то древесное. Как она там, в Пустоши?

На душе заскреблась тоска. Один, совсем один. Не с кем перекинуться словом…

Я отворил дверь квартиры и в изумлении замер на пороге. Кого угодно ожидал увидеть у себя в гостях, но только не отца Никодима!

Глава ОСОБи как ни в чем ни бывало возлежал на моей кровати.

-Ну, наконец-то, Ахмат! Где ты бродишь?

Он поднялся.

-Да вот, ваш крест, смотрел Базу,- смущенно проговорил я.

-Ну, и как тебе?

-Впечатляет.

-Правда? – отец Никодим недоверчиво сверкнул глазом. – А я решил проведать тебя. Дай, думаю, проведаю будущего конунга.

-Спасибо, ваш крест. Это незаслуженная честь.

-Ну, не скромничай, - глава ОСОБи присел к столу. – Ты больше, чем другие, заслужил эту должность.

-Спасибо, ваш крест.

Отец Никодим погладил аккуратно расчесанную и вправленную в золотое кольцо бороду.

-Присядь, Ахмат.

Я опустился на стул напротив него.

-Вот, - в руках отца Никодима появилась банка с выцветшей этикеткой. – Из Особого Запаса. Открой.

Вскрыть банку ножом труда не составило; по комнате растекся запах мяса. В животе у меня заурчало.

-Ешь, - кивнул отец Никодим. – Это куриная тушенка.

Черт побери, до чего вкусно! Гораздо вкуснее той тушенки, что выделял в пайке Снегирь. Попадаются косточки, но они почти такие же мягкие и нежные, как само мясо. Рассол острый, приятно согревает гортань. Ничего не скажешь, хорошо питаются те, кто имеет доступ к Особому Запасу!

-По кружке? – в руках отца Никодима блеснула зеленая бутылочка, от одного вида которой мне стало нехорошо. Но разве можно отказать главе ОСОБи?

После второй кружки лицо отца Никодима изменилось. Исчезло выражение *покровительственности*, теперь передо мной сидел обычный человек.

-Спасибо, Ахмат, что ты спас меня…

Я махнул рукой.

-Нет, ты не отмахивайся. Я-то знаю всю эту шушеру, что подвизается в ОСОБи. Половина метит на мое место. Тот же Глеб Пьяных, которого пришлепнули мародеры. Останься он в живых, думаешь, поспешил бы спасать меня? Как бы не так! Первый сплясал бы на костях отца Никодима. Даешь отца Глеба – вот его лозунг. Был его лозунг.

Отец Никодим грязно выругался.

-Эта сволочь и подстроил нападение. Только просчитался, е…ный сын, переоценил честность мародеров. Как дошло до свары, он первым же и схлопотал пулю. Поделом ему.

-Поделом, - кивнул я, вспомнив ртутные глазки Глеба.

-Поделом, – эхом отозвался отец Никодим. – Потому я и благодарен тебе, Ахмат, что доверять стало некому. Система прогнила, - он понизил голос. – Лорд-мэр теряет рычаги управления.

Я насторожился.

-Да, теряет. Центробежные силы готовы порвать Армию на куски. Армия не боится другой Армии - Армия боится самой себя. Все больше сектантов проникает в наши ряды, разлагая боевой дух. Примиренцы, жизнелюбцы, и – особо опасные - возрожденцы. Когда станешь конунгом, Ахмат, безжалостно вырезай сектантов, иначе твой отряд сожрет сам себя. Это мой тебе совет.

-Спасибо, ваш крест.

Отец Никодим поднялся:

-Ну, мне пора.

Пошатываясь, он дошел до двери, обернулся:

-Жаль, Ахмат, что Лорд-мэр определил тебя в конунги. Ты был бы прекрасным особистом и … главой моей охраны. Ну, пока, - он взялся за дверную ручку, обернулся снова, - Кстати, не торопись укладываться спать. Я заготовил для тебя кое-какой сюрприз…

Хлопнула дверь. Мигнула свеча на столе. Я остался один.

Зачем приходил этот человек? Для чего он говорил со мной? Неужели, и правда - глава ОСОБи почти столь же одинок и

беззащитен, как простой игрок из Джунглей? Если так, то этот мир не дает удовлетворения никому – ни сильному, ни слабому. Тогда почему же он еще существует?

Лорд-мэр… Как там сказал Христо? Основание пирамиды под названием «Армия Московской Резервации». Уничтожь я основание, изменится что-то? Возрожденцы считают что – да. А ведь я – возрожденец. Прочь сомнения!

Ледок на спине оттаял, и по ней потекли холодные влажные струйки. Я снял куртку, свитер, оставшись в одних джинсах. Холодно! Нужно затопить печку. Жаль, дроворубы не догадались занести с десяток поленьев в квартиру – придется выскакивать на мороз.

Ледяной ветер вонзил в непокрытые грудь и спину тысячи иголок. Быстро набрав охапку дров (с кончиков озябших пальцев словно бы сходит кожа), я вернулся в квартиру.

Изголодавшаяся печка приняла в нутро деревянный паек. Кора на растопку. Так. Теперь – зажигалка.

В трубе завыло, заскулило; огонь в нерешительности затрепетал над дровами, и, наконец, взмыл желто-красным знаменем. Я поспешил захлопнуть дверцу, чтоб не выпустить огонь наружу.

Треск дров, слабый запах дыма был приятен. Мало-помалу в комнате стало теплеть. Пар изо рта был уже не таким густым.

Когда отблески огня на полу стали бледнее, я открыл дверцу, пошевелил кочергой угли. Можно закрывать заслонку… Вот так. Теперь все тепло от углей хлынет в комнату. Можно ложиться спать…

Стоп! Отец Никодим что-то сказал про сюрприз. Какой еще сюрприз?

Скрипнула дверь. Пламя свечи запрыгало, едва не погаснув.

-Можно? – вкрадчивый женский голос.

Я обернулся.

Высокая и статная. Белокурые волосы обрамляют лицо; на левом глазу – черная повязка, зато правый – синий, как осеннее небо, впитал в себя блестскую силу потерянного собрата. Одета гостья в зеленое, тронутое молью, пальто.

-Молчишь? Значит – можно.

Она вошла, прикрыла дверь, защелкнула задвижку.

-Отец Никодим сообщил мне, что кое-кто очень напряжен и нуждается в помощи.

Теплая рука легла мне на грудь; палец с длинным ноготком обвел сосок, дотронулся до старого шрама. Я вздрогнул (до этого находился в каком-то оцепенении) и оттолкнул шлюху.

-Бедненький, – засмеялась она. – Как ты напряжен.

Гостья присела к столу и, плеснув в кружку зеленки, выпила.

-Не желаешь?

-Слушай, - начал я. – Не знаю, как тебя звать…

-Вика.

-Так вот, Вика, его крест ошибся, когда решил, что мне нужны твои услуги.

В единственном глазу шлюхи сверкнула молния.

-Его крест никогда не ошибается, солдат, - сказала она. – Никогда.

Неуловимым движением Вика скинула пальто, под которым не было ничего, кроме ее тела. Груди топорщатся (кажется, одна немного больше другой); живот поджарый, с шестью кубиками пресса; ноги длинные, ровные и ощутимо сильные.

-Постой, - неуверенно сказал я. – У меня есть женщина.

-Есть женщина? Что это значит?

-Я люблю ее.

Шлюха рассмеялась и, сжав ладонями мои щеки, поцеловала меня. Горячий язык проник в рот, соприкоснулся с моим языком, словно ударила молния. Обняв Вику, я потянул ее к постели.

-Ну вот, так-то лучше.

Вика дотронулась губами до моего лба и поднялась. Блеснув в темноте ягодицами, подобрала с пола пальто.

-Прощай, солдат. Передавай привет своей женщине.

Показав на секунду луну и звезды, хлопнула дверью.

7

ПРОЛЬЕТСЯ ВИНО

Серебристая Рыбка, взрезая плавничками голубоватую гладь, несется вверх по реке. Вот перед ней возникает что-то оранжевое, тонкое, подвижное. Червячок. Рыбка хватает червяка, и … резкая боль пронзает ее. Неодолимая сила выхватывает рыбку из воды. Чешуя блестит на солнце. И рыбка уже в руке у человека; бьется в твердой, как доска, ладони. Человек ухмыляется, встряхивает длинными седыми волосами. Это - Киркоров.

Бледный свет проникал в окно моей квартиры. На столе - пустая бутылка из-под зеленки, напоминающая о вчерашних визитах. Я поморщился: в висках глухая боль. Однако нужно собираться – сегодня важный день.

Подняться с кровати оказалось не так-то легко. Как быстро привыкаешь к теплой постели!

Давно ли я был игроком и проводил ночи на деревьях в Джунглях?

К черту! Я вскочил, несколько раз отжался от пола; подхватил свитер и куртку, оделся. Кровь быстрее побежала по жилам. Так-то лучше.

В банке, принесенной отцом Никодимом, осталось примерно треть тушенки. Вкусно пахнет, зараза! Ухмыльнувшись, я поставил банку на стол, так и не притронувшись к тушенке. Взял тварку, стал жевать, запивая холодной водой.

В дверь постучали.

-Открыто.

Высокий стрелок замер на пороге.

-Приказано явиться в Главк.

Значит, пора. Я поднялся с заскрипевшего стула, окинул взглядом свою квартиру. Увижу ли снова эту печку, стол и кровать? Кажется, недолго здесь прожил, а вот на тебе – взгрустнулось.

Стрелок привел меня к одному из административных зданий Второй Военной.

-Следуйте туда, - указал на массивные двери, охраняемые автоматчиками.

Я двинулся к дверям, но не успел войти в Главк. Мне навстречу, в сопровождении двух особистов, вышел отец Никодим.

-Долго дрыхнешь, Ахмат, - он хлопнул меня по плечу. – Так недолго продрыхнуть собственное провозглашение в конунги.

Особисты и караульные стрелки вежливо засмеялись.

-Сюрприз, ваш крест, был больно горяч, - сказал я. – С такой трудно уснуть.

По лицу отца Никодима разлилось самодовольство.

-Рад, что Вика тебе понравилась. Редкостная шлюха.

-Да, - я кашлянул. – Спасибо, ваш крест.

Блестя на солнце черной краской, к зданию подрулил автомобиль. Тот самый. На пулевые пробоины наложены жестяные заплатки, которые ремонтник, видимо, еще не успел закрасить.

-Ну, что ж, пора, - подал голос отец Никодим и пошел к машине.

Особист распахнул перед ним дверцу, затем несильно толкнул меня в плечо:

-Залезай.

Внутри все было, как раньше. Розовое сиденье, розовый мех на потолке и стенках, баба на коврике все так же раздвигает ноги.

-Садись, Ахмат.

Отец Никодим хлопнул рукой по сиденью, выбив тучу пыли. Я сел рядом с главой ОСОБи. Слева примостился особист со снайперской винтовкой - быстро они находят замену погибшим.

-Трогай, - бросил отец Никодим в спину шоферу (тоже, кстати, новичку).

Машина дернулась и поползла в сторону железнодорожного депо, юля на обледенелой дороге.

-Куда мы едем, ваш крест?

-Как куда? – отец Никодим взглянул на меня, как на полоумного. – На твое провозглашение, разумеется.

-Оно будет на базе?

-На базе.

Глава ОСОБи задумчиво посмотрел в окно, за которым тянулись бараки.

-Я понимаю, тебе хотелось бы стать конунгом в Цитадели. Собственно, там всегда и проходят провозглашения… Но, я решил…

-Не беспокойтесь, ваш крест, - воскликнул я. – Меня все равно, где именно меня провозгласят. Лишь бы поскорее!

В глазу отца Никодима блеснул чертик.

-Молодца, Ахмат. Так и надо.

-Подъезжаем, ваш крест, - подал голос особист.

Из-за широкой спины шофера я увидел выстроившихся в шеренги стрелков, как во время рождественских испытаний. Черт подери, да тут никак не меньше тысячи бойцов! И все они греются на морозе ради меня…

-А Лорд-мэр здесь? – ровным голосом поинтересовался я.

-Лорд-мэр? – приподнял бровь отец Никодим.

-Я думал…

–Не обижайся, Ахмат, но ты не такая большая птица, чтоб ради тебя на плацу появлялся Лорд-мэр…

Ну, конечно. Провозглашение в конунги – это, наверное, такая же обыденность в Армии, как, скажем, зачистка. Лорд-мэру недосуг заниматься подобными пустяками… А что, если бы он все-таки появился на плацу? Просто так, поглазеть. Неужели я убил бы его? И что бы это дало? Христо, зачем ты послал меня сюда? Я уже ничего не понимаю…

-Р – равняйсь! – рявкнул седобородый офицер, как только из машины появился отец Никодим. – Пр-риветствие!

Тысяча глоток послушно:

-Вторая- Военная – База – салютует –тебе – отец!

Офицер протянул отцу Никодиму мегафон.

-Возьмите, ваш крест.

Глава ОСОБи кивнул и, поднеся мегафон к губам, крикнул:

-Слава Лорд-мэру!

-Слава, слава, слава!

-Мы собрались здесь, чтобы почтить заслуженной наградой доблесть нашего брата…

Усиленный динамиком голос отца Никодима разносил по плацу слова о подвиге, о самопожертвовании, о славе. При всем желании я не мог принимать эти слова на свой счет и с нетерпением ждал, когда он закончит свою речь.

-Я желал бы, чтоб каждый стрелок в минуту опасности, грозящей начальству…

Да, опасность действительно была. В виде «шишки» Варяга, жаждавшей проникнуть в святая святых сущности его креста…

-Вел себя так же, как стрелок Ахмат, которого, милостью и волей Лорд-мэра мы провозглашаем сегодня конунгом Армии Московской резервации!

Шеренги встретили заключительную фразу отца Никодима нестройным славословьем Лорд-мэру. Был также и свист, и неодобрительные выкрики: весть о выскочке, пребывающем в Армии без году неделя, а уже дослужившемся до конунга, как червь, сосет сердце и мозг.

-Держи, - отец Никодим вернул мегафон офицеру и обратился ко мне. – Не обращай внимания на свистунов – отребье, говножуи. Знает, падла, что никогда и до младшего офицера не дослужится, вот и свистит. Не обращай.

-Не обращаю, ваш крест.

Глава ОСОБи ухмыльнулся, обнажив ряд неестественно-ровных зубов, и сказал офицеру:

-Начинайте обряд.

Обряд? Что еще за обряд? Я-то думал - провозглашение состоялось…

Стрелки возбужденно загудели, когда два бойца вывели на плац человека. Женщина неопределенного возраста, руки связаны за спиной. В глазах – животный страх. Мне хватило одного не цепкого взгляда, чтобы понять – это житель Джунглей. Дикарь. Игрок. Охотник за Теплой Птицей.

Но для чего ее привели на плац? Смутно различая контуры обряда, я надеялся, что предчувствие обманет меня. Не обмануло.

В руке отца Никодима появился самурайский меч (не тот ли, которым был убит Борис?).

Женщина задергалась в путах, расширенными глазами глядя на приближающегося главу ОСОБи. Она не проронила ни слова – такая стойкая или эти ублюдки заблаговременно вырезали ей язык?

Под одобрительные крики стрелков отец Никодим вонзил меч в грудь жертве.

-Ахмат, подойди.

Я приблизился. Женщина была уже мертва, но правый глаз непостижимым образом жил, и время от времени описывал полукруг во ввалившейся глазнице.

-Видишь мой меч, - громко сказал отец Никодим, обращаясь не столько ко мне, сколько к стрелкам. – Это пробочка. Вынуть пробочку – польется вино.

Вино? Что нужно от меня этому сумасшедшему?

К нам подошел офицер. Ухмыльнувшись, он подмигнул мне, одновременно протягивая отцу Никодиму жестяную кружку.

Глава ОСОБи взял кружку и резко вырвал меч из груди женщины. Кровь хлынула из отверстия тонкой дымящейся струей. Отец Никодим поспешил подставить кружку под струю. Звук – точь-в-точь, как если

наливаешь себе воды. Кровь лилась недолго, но ее хватило, чтобы наполнить кружку.

-Уберите.

Бойцы поволокли труп женщины прочь. Отец Никодим повернулся ко мне.

-Властью Лорд-мэра ты, стрелок Ахмат, наделяешься…

Он окунул палец в кровь и провел им по моему лицу – ото лба до подбородка, сверху – вниз.

-Правами и обязанностями конунга Армии Московской Резервации…

Снова – палец в кровь. Поперек щек, по носу, от уха до уха… У меня не было возможности посмотреть в зеркало, но, судя по всему, на моем лице после манипуляций отца Никодима вспыхнул кровавый крест…

-Верно служи Лорд-мэру, конунг.

-Служу Лорд-мэру! – отозвался я.

-Пей.

Отец Никодим протянул мне кружку. Едва теплая. Пить человеческую кровь? В Джунглях я много раз слышал о каннибалах и всегда содрогался от омерзения… Что делать, черт подери? Выплеснуть содержимое кружки в рожу «попугая» - и бежать.

Я представил: тысяча стволов нацеливается на бегущего человека и начиняет его свинцом. Некрасивое зрелище, но не оно образумило меня. Я, как и прежде, вспомнил Христо, вспомнил Марину, вспомнил Снегиря. Как там выразился отец Никодим – «польется вино»?

Это было отвращение, это была тошнота. Я пил отвращение и тошноту. Вкус крови…

Сдерживая позыв на рвоту, я протянул главе ОСОБи пустую кружку.

-Ну, ты даешь, - удивленно проговорил тот. – Достаточно было сделать небольшой глоток…

Что ж ты раньше не сказал, гнида?

Ни на кого не глядя, я вытер губы рукавом – на рукаве остался широкий черный след. Шеренги стрелков стали редеть: представление закончилось. В воздухе замельтешили крупные снежинки.

-Конунг, - отец Никодим хлопнул меня по плечу. – Теперь – к Рустаму. Надо отпраздновать твое провозглашение. Тушенки пожрем.

Слово «тушенка» прорвало плотину. Перегнувшись в три погибели, я блевал. Блевал долго и мучительно, гораздо мучительнее, чем при отравлении зеленкой. Лишь после того, как во рту у меня не осталась даже слюны, а желудок зазвенел пустотой, я распрямился.

-Полегчало? – заботливо осведомился глава ОСОБи.

-Угу.

-Ну что ж, тогда едем.

На плацу, кроме меня, отца Никодима и двух особистов не было уже ни души. Стрелки разбрелись по теплым баракам – есть тварку, пить зеленку и, конечно, трепаться по поводу сегодняшнего провозглашения. Пусть треплются, говножуи.

В машине было тихо. Отец Никодим достал из кармана янтарные четки и задумчиво перебирал их, глядя на проплывающую за окном Вторую Военную Базу.

Взглянул на меня, щелкнул четками и, подбросив их на ладони, спрятал обратно в карман.

-Ахмат, давно хотел спросить у вашего брата, каково это - быть конунгом?

-Ваш крест, ведь вы знаете, что я лишь двадцать минут, как конунг.

-Да я не об этом, - досадливо отмахнулся отец Никодим. – Что ты чувствуешь? Эйфорию, мандраж?

Что я чувствую? Чувствую, что по уши в дерьме - вот что чувствую.

-Пожалуй, эйфорию. Легкую.

Отец Никодим засмеялся.

-Легкая эйфория – это прекрасно. Это что-то из чувственного арсенала бывших… Ты ведь знаешь о существовании бывших, Ахмат?

Странный, если не глупый, вопрос. Как можно не знать о бывших, если все кругом говорит о них?

-Знаю, ваш крест.

-Так вот, - глава ОСОБи потянулся, достав длинными ногами чуть ли не до спины шофера. – Я в свое время весьма увлекался бывшими, их, так сказать, культурой. Ты не поверишь, но легкой эйфории в этой культуре уделялось значительное место. Впрочем, бывшие предпочитали использовать термин «любовь»… Выходит, ты чувствуешь любовь, Ахмат.

Сидящий, как истукан, особист вдруг прыснул со смеху. Спина шофера пришла в движение. Отец Никодим, скаля зубы, хлопнул меня по плечу:

- Ну и рожа у тебя – камень! Ведь это шутка, Ахмат, всего лишь шутка. Я засмеялся через силу. Шутка?! Мне почудилось, что глава ОСОБи знает про меня и Марину…

-Ты спрашиваешь, куда мы едем? – вспомнил отец Никодим. – А мы уже приехали…

Перед нами - одноэтажное здание из серого кирпича с шиферной крышей и заколоченными окнами.

Внутри пахло табаком и зеленкой. За грубо сколоченными столами – люди. Шум жующих челюстей, стук кружек о дерево, разговоры, крики, смех. На нас – ноль внимания. По бетонным ступенькам мы спустились на заплеванный пол.

Только сейчас нас, наконец, заметили. Крики и смех смолкли. Глаза, глаза, глаза… Как я не плавлюсь под этими взглядами?

-Отец здесь, - словно шелест осенних листьев.

-Рустам! – крикнул особист из свиты отца Никодима.

Откуда-то (словно из-под бетонного пола) вынырнул желтолицый верткий мужичок с голым торсом: невысокий и костлявый. Он благоговейно склонился перед главой ОСОБи.

-Прошю, ваш крест. Столик свободна.

Рустам поспешил стереть со стола расплывшуюся лужу зеленки.

Мы, то есть Отец, шофер, два особиста и я, уселись на стулья. Кажется, стулья прибиты к полу: на случай, если накачанные зеленкой и кокаином стрелки вздумают вышибать друг из друга мозги. Я успел заметить: посетители имеют на рукавах нашивку в виде серпика луны - нашивку конунга АМР. Бар для высшего командования?

-Пожалюста, ваш крест.

Рустам поставил на стол горшок с чем-то дымящимся (запах - можно язык проглотить), бутылку зеленки.

-Рад услюжить… Это большой честь… Вам… И ваши друзья…

Голос Рустама заметно дрожал, и без того узкие щелки глаз превратились в едва заметные ниточки.

-Ладно, - миролюбиво произнес отец Никодим. – Накладывай жратву.

Рустам помешал половником в горшке и выложил на тарелку нечто коричневое, расплывающееся. Отец Никодим взял двумя пальцами тонкое, похожее на червя, волокно и отправил в рот. По лицу его расплылась блаженная улыбка.

-Что это? – проговорил я, когда Рустам опрокинул полный черпак в мою миску.

-Вареные глисты.

Вареные глисты? Это похуже крыс. Я совсем сник.

Отец Никодим засмеялся.

-Ну, я пошутил. Конечно, это тварка, томленая в горшке с сахарином и зеленкой. Фирменное блюдо Рустама.

Какой, однако, шутник глава ОСОБи.

Я с некоторой опаской выудил из миски «червя»… Вкусно.

Отец Никодим, улыбаясь, смотрел на меня.

-Нравится?

-Да, ваш крест, - вполне искренне отозвался я.

-Это хорошо.

Глава ОСОБи принялся задумчиво разглядывать свои ногти. Длинные, желтоватые.

-Это хорошо, - повторил он. – Как думаешь, для чего я привел тебя сюда?

-Вы оказали мне честь, празднуя со мной мое провозглашение, ваш крест.

Он невесело засмеялся.

-Да, разумеется, праздник… Но одновременно, это – поминки.

Поминки? Что он имеет в виду? По спине пробежал холодок…

-Это поминки по нашему знакомству, Ахмат, - сказал отец Никодим, выбивая пальцами дробь по столу. – Так уж вышло… Ты теперь конунг, а конунги редко пересекаются с особистами, и тем более с главой ОСОБи. У них своя жизнь, по большей части протекающая в Джунглях, - зачистки, марш-броски, учения… - он на секунду умолк. – А ведь жаль. Жаль, что Лорд-мэр определил тебя в конунги…

Кажется, я это уже слышал…

-Жаль, ваш крест.

А ведь мне и вправду жалко! Этот человек – ублюдок, он убил Бориса просто потому, что ему так захотелось, но … Но в отношении

меня отец Никодим был добр. Пока… Люди, пожившие в Джунглях, падки на доброту.

Длинное ругательство огласило подвал. Я оглянулся. К нашему столу нетвердой походкой приблизился краснорожий конунг.

-Особисты, мать вашу! Мудаки е…ные!

Отец Никодим растянул губы в улыбке, отправляя в рот очередного «червя». Его адъютантам такая невозмутимость была не под силу.

-Ты чего кукарекаешь, петушок? - сквозь зубы процедил один из особистов. – Иди еще зеленки выпей.

-А ты не указывай, что мне делать, - конунг и вправду едва ворочал языком. – Вы, особисты, горазды указывать, сидя на базе или в Цитадели.

Он сплюнул на пол длинной зеленой лентой и обратился к своим собратьям, сидящим за столами.

– Кто-нибудь видел в Джунглях особиста? А?

Тишина. Настороженные взгляды. Судя по всему, другие посетители заведения еще не настолько упились, чтобы дать волю языкам.

-Вот и я не видел, - согласился с пустотой выпивоха. - Никогда, б…дь, не видел! Но на допрос в ОСОБь меня приводили, и не раз. По какому, спрашивается, праву?!

Конунг размахнулся. Собирался ли он ударить отца Никодима, либо просто стукнуть кулаком по нашему столу – осталось для меня загадкой. Через мгновение дебошир лежал на заплеванном полу. Я сидел у него на спине, локтем прижимая седоватую голову к полу. На столах зазвенели миски.

-Накиньте на него браслеты, - спокойно сказал отец Никодим.

Особист защелкнул наручники на запястьях дебошира.

-Рустам.

Повар приблизился. В глазах – паника.

-Мы уходим, Рустам. Прибери тут все.

Отец Никодим поднялся.

-Хорошего аппетита, - он кивнул посетителям, напрочь позабывшим о еде. –Пошли, ребята.

Особисты подняли с пола и повели к выходу дебошира. Он сразу обмяк и утихомирился – протрезвел, что ли?

У машины, в которую особисты запихнули выпивоху, я повернулся к отцу Никодиму.

-Ваш крест, я, пожалуй, пойду.

Он молча кивнул.

-Мне здесь близко, вы знаете.

-Я ничего не имею против, Ахмат, - глава ОСОБи протянул мне руку. – Ты конунг, а у конунга свои обязанности.

-*О-о, биа-логия, анна-томия, изучи ее!* - проорал из машины другой конунг.

-Да, - сказал отец Никодим. – Мы всегда и во всем согласны с Лорд-мэром… Но кое в чем я с ним категорически не согласен. Ты был бы прекрасным особистом. Ну что ж, прощай, конунг Ахмат. Удачи на новом поприще. Ни пуха.

Глава ОСОБи скрылся в машине. Глядя вслед исчезающему за начавшимся снегопадом автомобилю, я проговорил: «К черту». И побрел домой.

Темно. Но не холодно. Совсем не холодно.

Я дотронулся до пузатого бока печки. Черт! Горячая. Выходит, в мое отсутствие здесь кто-то был… А может быть, и сейчас...

-Вика?

Тишина. Я на ощупь нашел стол. На нем в банке из-под тушенки должна стоять свечка. Вот она.

Зажигалка вспыхнула не сразу – отсырела, что ли? Круг света осветил мой дом. Никого. И ничего. Хотя…

На постели - черный пакет. Что в нем?

Форма конунга – плотные, цвета хаки, штаны, зеленая куртка, и – нечто среднее между гимнастеркой и свитером.

Надеюсь, впору…

Я скинул грязную, рваную форму стрелка. Надел форму конунга…

Да, впору. Как влитая.

Подошел к зеркалу. Свечка освещала левую сторону моего тела, правая – оставалась в темноте. Но – именно на левом рукаве нашит серпик луны…

Я невесело улыбнулся.

Здравствуй, конунг Ахмат!

Часть пятая. Лорд-Мэр

Часть пятая
ЛОРД-МЭР
1
ВОЗВРАЩЕНИЕ

-Олегыч, тормози!

Визг железа, трущегося о железо, был слышен даже в кабине. Я знал, что из-под колес летят искры, плавят снег, нанесенный ветром на пути. Локомотив прошел еще около ста метров и замер, негромко гудя. Позади – Джунгли, впереди – стена, и в ней - ворота. За этой стеной Московская Резервация: Вторая Военная База, Цитадель, Лорд-мэр, отец Никодим, Марина, Христо, Букашка, Киркоров… За стеной – моя Серебристая Рыбка. Я не могу повернуть назад, не могу отказаться от своей жизни. Не могу отказаться от Марины.

А отряд погиб. Погиб по вине конунга Ахмата.По Уставу Наказаний УАМР конунг заслуживает казни. Но… Отец Никодим сильнее Устава, он может помочь.

Я вспомнил, как тепло попрощался с главой ОСОБи убара Рустама. Христо, надежда еще теплится. Возрожденчество не умерло.

-Конунг, то есть – тьфу!- Андрей, - повернулся ко мне Олегыч. – Так что делать-то будем?

Я помолчал, собираясь с мыслями. Машинист и Шрам настороженно глядели на меня. Ждали.

-Вам нельзя идти туда, - сказал я, кивнув на ворота.

-Нельзя? - удивленно протянул Олегыч.

-Нельзя, Олегыч, - упрямо повторил я. – За первыми воротами - сводный отряд стрелков. А если их командир решит обыскать поезд? Его едва ли остановит это.

Я ткнул пальцем в серпик луны, нашитый на левом рукаве моей куртки.

-Олегыч, по Уставу Наказаний, лица, причастные к потерпевшему крах отряду, подлежат казни. Все без исключения. Без исключения, понимаешь? Тебя тоже не пощадят, хоть ты всего-навсего машинист.

Олегыч засопел, должно быть, обидевшись на «всего-навсего машинист».

-Я уж не говорю о Шраме. Для него Резервация – мышеловка.

Шрам склонил голову.

-Всегда мечтал побывать за стеной, - сказал он. Что-то в голосе игрока заставило меня замереть и внимательно посмотреть на своего спасителя: в голосе Шрама исчезла присущая всем жителям Джунглей напускная развязность. Теперь это был голос настоящего Шрама, Шрама-человека. – Мне кажется, когда-то я жил там…

-Ты тоже видишь всполохи, - догадался я.

Шрам кивнул.

-И что они говорят тебе?

-Немного. Только то, что когда-то я жил там, - Шрам кивнул в сторону Резервации, - и у меня была … ну, на которой ездят.

-Машина?

-Да, фургон. В нем я – долго-долго по дорогам.

-Ты был дальнобойщиком, - вставил Олегыч, раскуривая папироску.

-Да… наверно. В фургоне – много-много коробок. Ночью останавливался на дороге, спал, утром снова – долго-долго. Иногда тормозил, она садилась ко мне, белые волосы или черные.

-Ты подбирал проститутку, - ровным голосом произнес Олегыч. Поперхнулся дымом папиросы и вдруг зашелся смешком. Шрам умолк, недоуменно глядя на него.

-Послушайте, - нетерпеливо сказал я. - Вам нельзя туда, - кивнул на ворота. – Но в Резервацию можно проникнуть и другим путем.

-Разве?

-Можно, Олегыч. Когда-то я, придя из Джунглей, сам воспользовался этой возможностью.

Шрам крякнул.

-Когда-то я тоже был игроком, Шрам. Таким же, как ты.

-К делу, Андрей, - перебил Олегыч, с тревогой поглядывая на ворота. – Мемуары потом.

Действительно, надо поторапливаться. Я, похоже, начал забывать, в каком положении мы находимся.

-Так вот, проникнуть в Резервацию можно через люк у восточной стены…

-Стена огромная, как мы найдем этот люк?

-Дай договорить, Олегыч. Это место отмечено белым оленем.

Машинист посмотрел на меня как на сумасшедшего.

-Не делай такие глаза, Олегыч. Пройдите вдоль северной стены, и белый олень сам выскочит вам навстречу.

-Хорошо, - сдался старик. – Предположим, мы войдем в Резервацию. Что дальше?

-Ты знаешь Пустошь?

-Обижаешь.

-Знаешь бывшую Красную Площадь?

Олегыч хмыкнул.

-Идите туда. Там база возрожденцев. Секты возрожденцев. Глава секты – Христо. Хри-сто. Запомни. Скажи ему, что вы от Андрея. Он все поймет и приютит вас.

-А ты?

-Идите, - я пропустил последний вопрос машиниста мимо ушей.

Шрам открыл дверь и выпрыгнул на снег. Олегыч окинул взглядом кабину; пространство между двумя частями двигателя, печку, кровать. Вздохнул. В глазах его читалась боль.

-Пора, Олегыч, - мягко напомнил я.

Он встрепенулся и шагнул к ступенькам.

-Передай там привет Марине.

Негромко - вдогонку. Надеюсь, старик услышал.

Шрам подал Олегычу руку, помогая спуститься со ступенек. Сверху вниз посмотрел на меня. В свете луны широкое лицо Шрама и само напоминало луну.

-Андрей, может, ты с нами? – проговорил он.

-Идите. Не теряйте времени.

Пару минут я смотрел вслед двум удаляющимся фигурам. Одна – маленькая, согбенная, в телогрейке и шапке-ушанке, другая – крупная, но тоже согбенная. Сын и отец… «Ищите друг друга и ждите, несмотря ни на что». Я провел рукой по щеке – она была сухой. Слеза скатилась внутрь меня, прямо к сердцу.

Когда Шрам и Олегыч скрылись из виду, я захлопнул дверцу кабины и опустился в кресло у пульта управления. Дотянулся до рукояти гудка. Ну что? Неужели я сделаю это? Еще не поздно догнать

Шрама и Олегыча, вернуться к Марине. Живым. Побежденным, но живым.

Я потянул рукоять на себя.

Резкий гудок разорвал в клочья предутреннюю тишину. Не жалея ушей, я с каким-то остервенением не отпускал рукоять до тех пор, пока ворота не вздрогнули. Приподнявшись с кресла, смотрел, как створки расходятся в стороны. В ушах звенело. Я встряхнул головой – звон уменьшился.

В воротах появился стрелок. Блеснул в свете луны красный флажок: путь свободен. Путь свободен…

Я начал вспоминать, как колдовал над пультом управления Олегыч. Уж не слишком ли самонадеянно с моей стороны было подумать, что я смогу привести локомотив в Резервацию? Кажется, сначала он выжимал вот эту хреновину…

Поезд ожил; находясь в кабине, я отчетливо ощущал все нарастающую мощь машины.

Несколько стрелков показались в воротах. Они постояли, о чем-то переговариваясь, и внезапно направились в мою сторону. Что им понадобилось?

Я запаниковал. Так и подмывало выжать до предела рычаг, еще помнящий тепло Олегычевой руки и направить локомотив на приближающихся людей. Людей, несущих опасность моей Теплой Птице. Черт возьми, что ты со мной сделал, Паша?!

Сжал зубы. Нет, суки, ваш поганый конунг Ахмат еще не совсем обабился…

-Эй, там, глуши мотор, - раздалось снаружи.

Я не пошевелился.

По металлическим ступенькам тяжело застучали ботинки. Дверца кабины распахнулась. В проеме появился стрелок с нашивкой на груди в виде белого кружка. Эта нашивка обозначает командира небольшого сводного отряда стрелков. Среди конунгов носителей таких нашивок называют кружочками, а еще – неудачниками. Ни один кружочек так и не стал конунгом.

Кружочек, заглянувший ко мне в кабину, был тощий, как жердь, с обвислым носом и глазами навыкате.

-Глуши мотор, гнида, - сказал он простуженным голосом.

Я повернулся так, чтоб он увидел серпик луны. Однако зрелище не произвело на кружочка должного впечатления.

-Ты по ходу, оглох?

Я вернул тумблер на панели управления в первоначальное положение. Гуд стал затихать.

-На выход, - коротко бросил начсводотряда, оглядывая кабину.

Я пожал плечами и протиснулся мимо него к двери.

-Здесь есть кто-нибудь еще?

-Никого.

На секунду наши глаза встретились. Во взгляде кружочка ясно читалось кровожадное злорадство. И почему я не ушел со Шрамом и Олегычем?

Стрелки обступили меня полукругом. Здоровые ребята, не то, что их начальник.

Кружочек спрыгнул на снег. Бросил взгляд на локомотив, на блестящую под луной желтую двойную нить железной дороги. Повернулся ко мне. Я спокойно и прямо глядел на него.

-Похерил отряд, мразь? - процедил кружочек сквозь зубы, и вдруг коротко, но сильно ударил меня кулаком в живот. Я согнулся от боли:

-Ты охуел? Я конунг АМР.

-Конунг, - он засмеялся и резким движением сорвал с моего рукава нашивку.

Злость захлестнула меня. Кинуться на выблядка, опрокинуть на снег, окровавить рожу! Но я не кинулся на него, а только проговорил:

-Не пляши раньше времени, кружочек. Еще не было трибунала.

Его передернуло. Кто-то из стрелков, стоящих позади меня, хрюкнув, подавил смешок. Начсводотряда вплотную приблизился ко мне, и, обдавая смрадным дыханьем, процедил:

-Я убил бы тебя прямо сейчас, конунг. И даже твари в Джунглях не нашли б твоего трупа. Но я не сделаю этого лишь потому, что там, - он кивнул в сторону ворот,- тебя ждет смерть такая лютая, что даже мне не придет в голову. Тащи эту падаль, ребята.

Он зашагал по снегу – штаны болтаются на плоском заду. Откуда в нем столько злобы?

Два стрелка подхватили меня под руки и повели вслед за кружочком. Московская резервация вновь распахнулась перед глазами. Здесь была небольшая возвышенность, и погибший город был

отчетливо виден. Даже за тем, что уцелело и было заметно в свете луны, можно представить все величие и великолепие бывшей Москвы. Москва! Марина! Марина – Москва. Мне грозят пытки, смерть, а я думаю о тебе…

-Не спи.

Удар автоматного приклада в бок был чувствителен. Я ускорил шаг.

Небо светлело. Недалеко до рассвета.

Впереди показалась дремлющая на путях дрезина. Кружочек дошел до нее и замер в нелепо-героической позе – сложив руки на груди.

-Исаак, проверь,- обратился он к одному из стрелков, плотному здоровяку с окладистой бородой со следами седины.

Исаак поковырялся в моторе; дрезина, отрыгнув черный дым, затарахтела.

-Все в порядке, начальник, - низким голосом сообщил стрелок.

-Поедем я, Исаак и, - кружочек неприязненно взглянул на меня, - и этот. -Вы, ребята, - обратился он к остальным стрелкам, - двигайте обратно к воротам. Пожрите тварки, сыграйте покамест в картишки. Да, и вызовите Тарковского, пусть отгонит локомотив в депо.

На дрезине два металлических кресла, на одно из которых уселся кружочек, второе он знаком приказал занять мне.

-Садись, не бойся, жопу не отморозишь, - сказал он, сплюнув на снег густую слюну. – Она у тебя жирная.

Ага, еще один «бзик» начсводотряда – он, похоже, стесняется своей тощей задницы, на которой так нелепо отвисают форменные штаны.

Исаак уселся на металлический пол рядом с мотором.

-Трогай.

Дрезина взревела и поехала, перестукивая колесами, – сначала медленно, затем быстрее. С уклона она разогналась так, что ветер засвистал в ушах, и стало трудно дышать.

-Хорошо! – крикнул кружочек, захлебываясь воздухом. Я до боли в костяшках пальцев вцепился в кресло, наклонил голову к коленям, чтобы свободнее было дышать.

Уклон мало-помалу выровнялся, скорость упала. Я распрямился; мы небыстро ехали мимо обледенелых бетонных коробок, мимо

парков, ставших лесом, мимо автострад, запруженных трупами машин. Знакомая картина… Там, с возвышенности, укутанная предутренней дымкой, мертвая Москва выглядела гораздо привлекательнее, чем здесь, из самого ее нутра. В пустой глазнице окна одного из домов, кажется, блеснули очки на носу какого-то мародера. А ну, жахнет сейчас из винтовки?

Врезать кружочку по роже, спрыгнуть с дрезины, - и туда, в проемы между домами… Попробуй догони, попробуй найди.

-Сигануть хочешь? – проницательно усмехнулся кружочек. – Валяй.

Он показал нацеленный на меня пистолет, который до этого держал в кармане.

-Не доскачешь и вон до того памятника. Уложу, как кролика, - я меткий стрелок.

О каком памятнике говорит? Я присмотрелся: Ленин. Снова Ленин. Да он что, преследует меня?

Задул ветер, швырнул в лицо острый снег. Я вобрал голову в плечи, стал смотреть только вперед, на две железные змейки.

Напрасно кружочек думает, что я только и помышляю о побеге… Серебристая Рыбка, се-ре-бри-ста-я рыб-ка! Новый, справедливый, чудный мир. Как достичь его, как познать, как осуществить? Христо пришла в голову самая простая, легко напрашивающаяся, но, пожалуй, единственно возможная идея – убить Лорд-мэра, занять его место. Я пришел в Резервацию, чтобы сделать это, но потерпел крах и теперь еду за жестокой наградой…

-Ну вот, мы почти дома, - сообщил кружочек, когда из-за поворота показалась стена Второй Военной Базы. Его веселое возбуждение улетучилось; начсводотряда стал угрюм и сжимал зубы, играя желваками на щеках, похожий на большую нахохлившуюся птицу.

-Останови у северных ворот, Исаак.

-Да, начальник.

Дрезина проехала еще метров двести и замерла у ворот. У вторых моих ворот за один день.

2

КАЗНЬ

Кружочек, стоя поодаль, говорил с добродушным с виду пожилым толстяком-конунгом, время от времени бросающим на меня

любопытные взгляды. Исаак стоял рядом со мной, куря папиросу. Еще несколько стрелков, приписанных к охране северных ворот, разглядывали меня, как какого-то диковинного зверя.

У северных ворот, помимо бараков, расположилась вертолетная площадка; вперемешку с вертушками стояли ржавые броневики, которые, конечно, никуда больше не поедут. Вдалеке виднелась пятиэтажная башня, возвышающаяся над административным корпусом, плац с крошечными фигурками марширующих стрелков. Там моя квартира - жаркая печка, мягкая постель, запас тварки… Вернее, не моя, а конунга Ахмата, того самого, что вернулся на Базу без своего отряда.

-Эй, подойди сюда, – толстяк махнул рукой. Даже издали было заметно, какие жирные у него пальцы.

-Я?

-Ты.

Я приблизился. Кружочек отвернулся и сплюнул на снег желтый комок.

-Что, братец, проебал отряд? – ласковым голосом сказал толстяк, с участием глядя на меня.

-Проебал, - с вызовом ответил я. – И доложу обо всем отцу Никодиму, а он решит, виновен ли конунг Ахмат в чем-либо.

-Насколько я знаю, отца Никодима сейчас нет на Второй Военной, - не меняя интонации, сообщил толстяк. - Но, в любом случае, в такие пространства полномочия главы ОСОБи не распространяются. Тебя ждет трибунал. Верно, Лукашенко?

Кружочек кивнул, поддав ногой льдинку. Льдинка раскололась на множество блесток.

-Трибунал, так трибунал.

Мне удалось произнести это ровным голосом, хотя биение сердца участилось: я-то ехал сюда с единственной надеждой. Надеждой на помощь отца Никодима. Но его нет на Базе, и меня ждет трибунал…

-Можно мне чего-нибудь поесть? – попросил я.

Конунг, отвлекшийся на разговор с Лукашенко, повернулся ко мне. В его маленьких, глубоко посаженных глазах сквозило сочувствие.

-Полагаю, можно.

Толстяк взмахнул рукой, приглашая меня следовать за ним.

-Постой-ка! А что же я?

-А ты, Лукашенко, двигай обратно к внешнему кольцу. Я теперь сам им займусь.

Лукашенко выругался и, окликнув Исаака, направился к воротам.

В раскаленной печке потрескивал огонь. Тепло обнимало, лишало последних сил, клонило ко сну. Позвякивая ложкой, я ел из банки тушенку. Конунг Сергей, опустив свое грузное тело в обшарпанное, но еще крепкое кресло, смотрел то на огонь в печи, то на меня.

-Лукашенко – кружочек, оттого в нем столько злобы, - голос конунга Сергея здесь был еще ласковей, чем снаружи, в окружении стрелков. – Ненавидит конунгов за то, что сам никогда не войдет в нашу касту.

-Он сорвал с меня нашивку, - с набитым ртом сказал я.

И тут же пожалел об этом. Конунг Сергей побагровел.

-Что?

-Ну да. И по морде дал. Но – не сильно.

-Сволочь!

Конунг Сергей в возбуждении ударил кулаком по подлокотнику.

-Если ты скажешь об этом на трибунале, Лукашенко конец.

Доев тушенку, я положил ложку на стол. Ничего я не скажу на трибунале. Черт с ним, с Лукашенко.

-Благодарю за тушенку, конунг.

Он кивнул.

-Постой, Ахмат, еще есть время.

Конунг Сергей наклонился вперед и понизил голос.

-Слушай, а ты не расскажешь мне, как это произошло?

-Что это?

-Ну, как ты потерял отряд?

Лицо толстяка светилось любопытством; любопытство сидело в каждой морщине, в каждой складочке кожи, блестело в глазах.

Рассказать ему о Николае, о ЧП, о том, как покачивались на веревках освежеванные тела Самира и Машеньки, о Кляйнберге, о питерах? Рассказать о Паше? Рассказать, как сдавливает сердце животный страх, и Теплая Птица трепещет где-то в горле, готовая покинуть клетку?

-Молчишь? Понимаю,- толстяк вздохнул и поднялся с кресла. – Эта любовь лишь твоя и трибунала. Третий – лишний.

Он засмеялся.

В комнату вошел стрелок.

-Конунг, машина готова.

Я кивнул Сергею и вышел за конвоиром.

Метель плясала над сугробами, былье колыхалось. Черная обледенелая машина никак не желала заводиться; шофер, сражаясь с ней, неистово матерился. Конвоир глядел в одну точку перед собой, держа автомат на коленях.

Наконец, тронулись. За окном поплыла Вторая Военная. Бараки, плац, снова бараки. Снуют стрелки, из труб идет сизый дым. Жизнь, такая, какая она есть. Ни плохая, ни хорошая. Та, что есть. Этой жизни нет дела до меня, до трибунала, который мне грозит смертью, до моей мечты о Серебристой Рыбке, до моей любви к Марине. Кем ты себя возомнил, Христо? Кем меня возомнил? Муравьи, вознамерившиеся перетащить в свой муравейник весь лес – со столетними соснами, кустами жимолости и медведями-шатунами.

Вот и башня. Приехали. Но… *Что это?!*

Я открыл дверцу, выпрыгнул на снег. Конвоир вскрикнул: «Куда?» и – за мной. Но я не собирался бежать (как отсюда убежишь?), а просто замер, глядя на виселицу в форме креста, установленную перед входом в административное здание. Склонив на бок припорошенные снегом головы, на ней покачивались два тела. Веревки – скрип-скрип.

Женщина.

«Горло повешенной бабы, чье тело, как колокол било над площадью голой».

И подросток. Вернее, мужчина, похожий на подростка.

Букашка и Христо.

Рев убиваемого животного вырос в груди, но не вырвался на волю, а лишь заморозил душу. Я оцепенел, превратился в скованный льдом труп.

-А этих три дни, как повесили, - охотно сообщил конвоир. – По личному распоряжению Лорд-мэра. Сектанты, мать их. Отловили в резервации – и в галстуки.

-Двоих? – хрипло спросил я.

-Да. Бабу и мутанта-недоростка. Баба визжала, как свинья, а мутант ничего так держался. Когда ему петлю накинули, стал что-то орать про новый мир и возрождение. Идиот, блядь.

Значит, Марину не поймали. Или - поймали, и она сейчас там, в сырых казематах ОСОБи?

Что мне делать? Куда бежать? Марина!

Я метался в себе, как зверь в клетке. Но снаружи это состояние, видимо, никак не проявлялось, потому что конвоир совершенно спокойно достал из кармана папиросы, закурил, предложил мне. Я выхватил папиросу из желтоватых пальцев.

-Эка ты по табаку изголодался, - посочувствовал конвоир, чиркая зажигалкой.

Я жадно затянулся. Поперхнулся, закашлялся. Снова затянулся. Черт подери, нужно успокоиться. Во что бы то ни стало нужно успокоиться. Марина, возможно, еще жива. Обязана быть живой.

-Пойдем, - потянул меня за рукав конвоир. – Поглазел – и хорош.

-Секунду, браток.

Я шагнул к Христо, посмотрел в искаженное смертью лицо. Заголенные руки трупа в черных пятнах, разрезах. Пытали… ОСОБь всегда пытает. Сказал ли ты им про меня? Верю, что не сказал.

Снова – этот нутряной рев. И как только мое нутро не взрывается?

-Что, трупов никогда не видел? – спросил конвоир и засмеялся.

Еще бы – смешно: в мире зла никогда не видеть трупов.

Я не ответил.

-Идем.

Конвоир зашагал в противоположную от башни сторону.

-Эй, - окликнул я. – Куда тебе приказано меня доставить?

Он посмотрел через плечо, сплюнул на снег.

-На твою квартиру. И запереть. Заседание трибунала, вроде как только завтра.

Ну что ж, хотя бы так. У меня будет время привести в порядок мысли, обмозговать, успокоиться; наконец, просто выспаться.

Я ошибся. Когда конвоир запер дверь, и пространство комнаты обступило меня, стало еще хуже.

Я улегся на пахнущую плесенью кровать. Из темноты соткалось лицо Марины, улыбающейся, счастливой Марины, такой, какой она была, когда мы шли через Джунгли. А у повешенной Букашки изо рта вывалился синий язык… Черт!

Бросился к двери. Ударил ногой по плотно сбитым доскам.

-Эй, там, выпусти меня.

Тишина.

-Выпусти, гад!

Ударил плечом.

Тишина.

Конечно, конвоир ушел восвояси, - в падлу стоять на морозе.

Я обрушил на дверь очередной удар, и заметался по комнате.

Марина!

Я свихнусь здесь.

Упал на кровать, лицом в соломенную подушку. Плесень.

Надо было идти с Олегычем и Шрамом. Что мне теперь делать? Как пережить эту ночь?

Или, может, уже утро, там, снаружи? И только здесь ночь?

Мало-помалу усталость одолела (сказались несколько тревожных дней).

Серая пелена застлала глаза, затем она расцветилась.

«Широкая площадь. Эшафот. На эшафоте – стеклянная банка. В банке – Серебристая Рыбка. Плавает кругами, шевелит плавниками и жабрами. Толпа. Тысячи, нет - миллионы глаз. Ни лиц, ни рук, ни ног - только глаза. И шепоты. Шелест шепотов. «Нам не слышно нового мира, мы хотим жить, как живем». Кроме банки с рыбкой, на эшафоте – виселица в виде креста и два человека. Марина и … И - палач. Вместо маски – противогаз. Вместо топора – сковородка. Совсем не похож на палача. Но я знаю – это он. Сковородка раскалена докрасна, но палач как ни в чем ни бывало, держит ее голой рукой. У Марины собраны в пучок волосы. Лицо усталое и печальное. На ней - куртка Снегиря.

-Казни! – ревет в нетерпении толпа.

-Он ни в чем не виновен, - пытается докричаться до людей Марина, но голос тонет в неистовстве толпы.

-Казни!

Палач смеется. Смех из-под противогаза похож на клокотанье воды в чайнике.

-Доставай его, - бросает палач Марине.

Девушка отрицательно качает головой.

-Давай же!

Она шаг за шагом приближается к банке, достает трепещущую рыбешку.

-Бросай.

Рука Марины разжимается, Серебристая Рыбка летит на сковороду, подскакивает и замирает на красном железе, медленно превращаясь в уголь.

Палач срывает противогаз».

Киркоров!

Я сел на постели.

Совсем забыл про Киркорова!

Я представил: Киркоров и Марина прячутся от особистов в бункере – вдвоем, плечом к плечу, дыханье к дыханию. Рука Киркорова на Мариниой талии… Нет, - этого быть не может, она скорее умрет, чем даст этому ублюдку прикоснуться к себе.

Черт подери, да где же утро?!

У двери раздался шум. Я вскочил.

Свет хлынул в комнату, скомкал ночь и отбросил в угол.

-На выход, - сказал появившийся на пороге конвоир. В руке он держал тяжелый амбарный замок.

Мне захотелось броситься на этого человека, обнять его, а затем – убить, или наоборот, - сначала убить, потом обнять.

Конвоир насмешливо оглядел меня.

-Тяжелая ночка?

-Пошел ты.

Он ухмыльнулся, обнажив ряд желтых мокрых зубов.

-Трибунал ждет.

-Мне надо посрать, - буркнул я.

-Валяй. Только скорее.

Сквозь щели в двери дощатого сортира я видел затылок конвоира, видел двух стрелков, стоящих поодаль. Есть ли хоть малейшая возможность сбежать?

Нет такой возможности.

Ну что заставило меня прийти сюда, рисковать Теплой Птицей? Игрок Андрей никогда не поступил бы так.

-Эй!

Доски скрипнули под ударом кулака.

Я отворил дверь и вышел из сортира.

-Руки за спину, - приказал конвоир.

Я повиновался.

3

ВОСПОМИНАНИЕ О ПАШЕ

Сначала я не видел лиц людей, сидящих передо мной, – только три темные фигуры за длинным столом. Затем под потолком, моргнув, вспыхнула лампочка, осветив неширокое квадратное помещение без окон, большую часть которого занимал стол. Два мужчины и женщина смотрели на меня. Прежде я никого из них не видел.

За спинами членов трибунала – знакомый зеленый плакат «Будущее зависит от тебя». Вот сейчас, - как никогда – не зависит.

-Конунг Ахмат, прошу вас, сделайте шаг вперед, - сказала женщина. Голос у нее был мягкий, лицо широкое, доброе.

Я замешкался. Конвоир подтолкнул меня в спину.

Очутившись посреди комнаты под перекрестным огнем взглядов, я ощутил, как зашевелился в душе холодный страх.

За спиной хлопнула дверь: конвоир удалился.

-Начнем, пожалуй? – обратился к женщине один из мужчин с длинным, как у лошади, лицом и высовывающимися из-под верхней губы черными пеньками зубов.

Женщина кивнула.

Второй мужчина поднялся. Это был широкоплечий бритоголовый бугай. Черная кожанка, заскорузлая и грязная, плотно облегала могучий торс.

-Ты конунг Ахмат? – спросил он.

-Полагаю, что я.

-Отвечай «да» или «нет», - рявкнул лошадиное лицо.

-Да.

-Ты принял на себя команду отрядом?

-Да.

-И вернулся на Базу без него?

-Да.

Бугай удовлетворенно кивнул и опустился на стул. Лошадиное лицо застрочил что-то в блокноте. Женщина участливо смотрела на меня.

-Ну, расскажи нам, как это произошло.

Вспомнилось наивное любопытство конунга Сергея – тогда я ушел от ответа, но едва ли такое возможно сейчас.

-Это произошло в Твери.

Лошадиное лицо прекратил скрипеть ручкой по бумаге и поднял голову.

Я коротко рассказал этим людям о путешествии моего отряда в Тверь, о Поляне, о ЧП. Они слушали не перебивая. На лицах не отражалось ровным счетом ничего. Но когда я упомянул о питерах, брови бугая полезли на лоб, лошадиное лицо крякнул, а женщина переспросила, словно не расслышав:

-Питеры? В Твери?

-Так точно.

-Продолжай! – нетерпеливо перебил бугай.

-Мой отряд столкнулся с одним отрядом питеров - отрядом конунга Кляйнберга, но думаю, в Твери могли находиться и другие. Мы угодили в западню, и Кляйнберг предложил разрешить ситуацию с помощью поединка. От нас вызвался Зубов…

-Хороший выбор, - вставил лошадиное лицо.

-Питеры же выставили мутанта…

-Что?! – бугай вскочил. – Это не по правилам.

-Я сказал Кляйнбергу ровно то же. Но он…

Я развел руками.

Члены трибунала смотрели с явным сочувствием.

-Итак, - женщина кашлянула, отпив из кружки. – Итак, твой боец, разумеется, проиграл – что дальше?

Не знаю, что на меня нашло, но я рассказал им правду. Рассказал, как жутко слышать за спиной ровное дыхание бегущего мутанта, как бьется и трепещет за ребрами Теплая Птица, когда он приближается к тебе в тупике – без единой эмоции на лице, напоминающем выдернутое из груди сердце.

Я умолк, чувствуя, - больше не могу: так свежо еще воспоминанье.

На лицах мужчин отразилось все. Мне не нужно быть ими, чтобы понять – они только что, вместе со мной, находились там, в Твери, в заснеженном тупичке, глядели в красноватые глаза мутанта.

-Впечатляюще, - проговорил лошадиное лицо. – Но как ты спасся от Паши?

Этот вопрос застал меня врасплох. Помедлив, я ответил:

-Паша почему-то развернулся и ушел, словно услышал зов.

-Зов?

-Да, именно.

Члены трибунала некоторое время молча разглядывали меня, затем лошадиное лицо сказал:

-Впрочем, мотивировки мутантов еще не до конца изучены…

-Я, если честно, ни разу эту тварь не видел, - признался бугай.

Женщина бросила на него строгий взгляд.

-Не превращайте трибунал в балаган.

-Не буду.

Бугай прикрыл рот широкой ладонью.

-Ваш рассказ, конунг, - женщина повернулась ко мне, – представляет определенный интерес. Столкновение с питерами, это, безусловно, прецедент.

-Который, - подал голос лошадиное лицо, – безусловно, выходит за рамки нашей компетенции.

-Не думаю.

Лошадиное лицо воззрился на женщину с нескрываемым удивлением. Та и бровью не повела:

-Согласна, в компетенцию трибунала не входитобсуждение столкновения с питерами- здесь решение принимает исключительно Лорд-мэр. Однако, вынести вердикт в соответствии с Уставом Наказаний, исходя из анализа стратегических действий конунга, мы можем. И даже обязаны.

-Но…

-У вас есть возражения?

Лошадиное лицо осекся и покачал головой.

-Конвоир, - крикнула женщина. – Выведите!

Я маялся перед запертой дверью, из-за которой глухо доносились голоса. Что они там обсуждают? Что вообще здесь можно обсуждать? Отряд москвитов столкнулся с отрядом питеров на своей законной территории, был атакован и истреблен. А они упражняются в чесании языков. Как жаль, что отца Никодима нет на Второй Базе!

-Жим-жим?

-Что?

-Спрашиваю - дрожат поджилки? – ухмыльнулся конвоир.

-А, это. Да, дрожат, – признался я. – Жим-жим.

-Впускай! – донеслось из-за двери.

Я вошел в комнату. Что-то в ней изменилось. Лошадиное лицо ковырял длинным желтым ногтем крышку стола; бугай разглядывал кружащихся вокруг лампочки мух. Лишь женщина открыто и прямо смотрела на меня: в ее лице отчетливо читалось сознание исполненного долга.

-Конунг Ахмат, - произнесла она, поднявшись со стула, - трибунал Московской резервации, взвесив все за и против, опираясь на Устав Наказаний, властью, данной ему Лорд-мэром.

-Слава Лорд-мэру, - глухо отозвались лошадиное лицо и бугай.

-Вынес приговор, являющийся безусловным воплощением судебного принципа Московской резервации – «Будущее зависит от тебя». Конунг Ахмат, вы приговорены к казни через повешенье.

-Что?

-Приговор должен быть приведен в исполнение публично в назидание тем, кто недобросовестно исполняет свои обязанности.

-Что ты такое лепечешь? - процедил я. – А вы, - окинул взглядом остальных членов трибунала, – вы чего молчите? Это не суд, а позор!

Лицо женщины, до этого мягкое, сделалось жестким.

-Это не суд и не судилище, бывший конунг, это трибунал Московской резервации. Тебе ясно?

-Заткнись, бл.дь, - заорал я, уже не сдерживая переполнивший меня страх. – Ты была в Твери, сука? Была? Ты видела Пашу?

-Конвоир!

Ударом в челюсть я сшиб с ног вбежавшего в дверь стрелка.

-Мне нужно поговорить с отцом Никодимом, слышите?

Бугай вскочил из-за стола.

-Не надо, конунг.

-Где отец Никодим?

Бугай кинулся на меня, придавив к стене так, что затрещали ребра. В помещение вбежали два стрелка. Один принялся хлопать по щекам лежащего на полу конвоира, другой стал помогать бугаю.

-Когда ты вступал в должность конунга, - перекрывая шум, крикнула женщина, - ты должен был подумать о возможных последствиях.

-Сука, - прохрипел я.

-Заткни пасть.

Бугай коротко боднул меня в висок. Чернота заполнила сознание.

4

РАССВЕТ НЕДАЛЕК

Я очнулся во тьме. И не было желания выяснять, что это за тьма.

По крайней мере, не холодно. Значит, меня не бросили в сырой каземат.

Мозг настойчиво подсовывал картинки только что (а может, уже давно) прошедшего заседания трибунала. Толстые, похожие на червей, губы женщины, зачитывающей: «Вы приговорены к казни через повешенье». Не эти ли самые губы зачитывали приговор Христо и Букашке? Помнится, Марина рассказывала про Бога, про загробный мир, про ад и рай… Неужели и вправду что-то существует там, за гранью? И я смогу снова встретиться с Христо и сказать ему, что он ошибся во мне? Причем, не только во мне, но и в Серебристой Рыбке?

Или есть только этот мир, мир снега, мир жестокости, мир смерти; он реален, он - не иллюзия, и уже поэтому его не хочется покидать.

Я сел.

В окошко под потолком заглянула луна, осветив привычную обстановку: кровать, стол, печка. Я дома, на своей квартире.

Поднявшись с кровати, ступая босиком по холодному полу (куда подевались гриндера?), дошел до двери. Толкнул. Скрипнув, дверь отворилась. Дьявол! Да они что, издеваются?

Я шагнул на крыльцо. Жгучий мороз пронзил пятки. Тропинка извивалась от моей квартиры в сторону бараков, как бы приглашая: иди. Пошел бы, если б был обут…

Но почему я босиком?

Вернувшись в помещение, тщательно обыскал каждый закоулок. Ботинок не было.

Несмотря на странность положения, я не смог сдержать смех. Надо же, какие умники! Оставили дверь открытой, но, чтобы узник не сбежал, изъяли у него ботинки. Верный расчет – босиком по снегу далеко не убежишь.

В животе заурчало. Кажется, у меня оставалась тварка…

Подошел к столу, из подвесного шкафчика достал жестяную коробку.

-Приговоренец собирается ужинать.

Темная фигура заняла весь дверной проем.

-Отец Никодим!

Глава ОСОБи вошел. Как и в прошлое свое посещение, уселся на стул напротив меня.

-Извини, Ахмат, на этот раз без тушенки.

Он достал из серебряного портсигара папиросу, закурил, мне не предлагая. Луна отражалась в золотом кольце, в которое отец Никодим вправил рыжую бороду.

-Вижу, не трусишь, не скулишь, - сказал он, стряхивая пепел на стол. – И правильно.

-Казнь так казнь, - как мне показалось, вполне искренне ответил я.

-Не бойся, казни не будет.

Я взглянул на отца Никодима.

-Но Устав предполагает неукоснительное исполнение решений трибунала…

-Трибунал! – глава ОСОБи поднялся, прошелся по комнате. – Судья Урнова, что вынесла тебе вердикт, - формалистка до мозга костей. Это робот, мыслящий исключительно строчками Устава. Плюнь на нее. Тобой заинтересовался Лорд-мэр.

Мое сердце забилось быстро-быстро.

-Да, Лорд-мэр,- повторил отец Никодим, слегка растягивая «э». – Ахмат, твой отряд погиб не случайно.

-Что?

-Не ори, дурак, - глава ОСОБи оглянулся, переходя на свистящий шепот. – Я здесь неофициально, по старой дружбе. Лорд-мэр давно жаждал военного столкновения с питерами. Его мечта – объединить все резервации под знаменем Московской. Ему нужен был казус белли.

-Что это такое?

-Повод к войне.

Вот значит, как! Кровь на снегу, содранная заживо кожа, животный страх за Теплую Птицу – все это казус белли.

-Думаю, - продолжал отец Никодим, - даже уверен, ты будешь удостоен аудиенции Лорд-мэра. Это огромная честь. Признаюсь, даже я не удостаивался ее.

-Вы не видели Лорд-мэра?

-Тебя это удивляет?

Я не ответил. Пожал плечами. Московской резервацией управляет невидимка…

-Ваш крест…

-Да, Ахмат?

-А вы уверены, что Лорд-мэр существует?

Ни один мускул на лице ночного гостя не дрогнул. Он смотрел на меня прямо, не отрываясь, с минуту, потом засмеялся.

-Хорошая шутка, Ахмат. Но опасная. Не шути так больше.

-Не буду, ваш крест.

Я занялся тваркой.

-Есть еще один момент.

-И какой?

В голосе главы ОСОБи вдруг появились просительные интонации.

-Каждый, удостоенный аудиенции, имеет право взять с собой одного сопровождающего. Так вот…

-Моим сопровождающим будете вы, ваш крест, - опередил я.

Он улыбнулся – широко, вольно.

-Спасибо, Ахмат.

Не за что, ваш крест: убив правителя Резервации, мне придется убить и главу ОСОБи. Так почему бы не совместить?

Добившись своего, отец Никодим переменил тему. Он принялся рассказывать об охоте на возрожденцев.

Я слушал, стараясь не выдать движения боли в сердце. Оказалось, Букашку и Христо схватили спящими, в своих кельях. Вовочку убили сразу. Букашка сопротивлялась; трое особистов избили до полусмерти и изнасиловали ее. Христо, мутант-подросток, не успел и пикнуть, как ему набросили на голову мешок.

-Кстати, - отец Никодим явно смаковал, – именно мутант-подросток и оказался основателем секты. Эти ублюдки вознамеривались перевернуть устройство мира, убить Лорд-мэра, представляешь?

Глава ОСОБи по-детски возмущенно взглянул на меня.

-Новый мир они называли Серебристой Рыбкой.

Отец Никодим грязно выругался.

Попытавшись придать голосу полное равнодушие, я произнес:

-Ваш крест, а несла ли их деятельность реальную угрозу?

Он задумался.

-Угрозу… Знаешь, а ведь, пожалуй, что и нет. Это игра со спичками, с которых заблаговременно удалили серу.

Я вспомнил, как покачивались на ветру обледенелые тела Христо и Букашки. Посмотрел на главу ОСОБи и сжал зубы.

-Странные люди, - пожал плечами отец Никодим. – Откуда такое стремление к суете? Ясно ведь: березу не перерубить кнутом. У этих возрожденцев все было. Неплохая дыра в Пустоши, жратва, - зачем дергаться?

Вопрос был адресован мне.

-Не знаю.

-Вот и я не знаю.

Он замолчал, задумался, теребя бороду.

-Ваш крест.

-Ахмат?

-Ведь вы присутствовали на казни?

-Разумеется.

-Мне хотелось бы знать, что сказал этот … мутант-подросток перед казнью.

Отец Никодим не удивился моему интересу.

-Ничего особенного, сначала он просто кричал о новом мире и Серебристой Рыбке, а за секунду до того, как веревка стянула ему горло, выкрикнул девиз Армии Резервации.

-Ясно.

-Ну что ж, конунг, - отец Никодим поднялся. – Рассвет недалек. Надеюсь, аудиенция состоится скоро.

Шагнул к двери.

-Ваш крест!

Отец Никодим обернулся.

-Нельзя ли мне вернуть мои ботинки, а то ноги окоченели.

Он негромко засмеялся.

-Само собой, Ахмат. Я распоряжусь.

Дверь за ним захлопнулась.

Я сидел за столом, лениво пережевывая тварку. Голос Христо, произносящего девиз своих злейших врагов, шумел в голове. «Будущее зависит от тебя».

5

ВИКИН ПРИГОВОР

Утром - туман: не привиделось ли ночное посещение?

Туман рассеял принесший ботинки стрелок. К сожалению, не мои, выданные сто лет назад Снегирем, прочные и теплые «гриндерсы», а растоптанную вонючую рвань.

-Во сне с кого-то снял, что ли?

-Извини, конунг. Больше на складе ничего не осталось. Недавно новый отряд обмундировывали, так все им пошло.

И мои гриндерсы - тоже.

Я надел ботинок на левую ногу – еще и маловат.

Зашнуровывая, взглянул на стрелка.

-Чего стоишь-то? Интересно?

Он покраснел.

-Конунг, а, правда, что ты с питерами схлестнулся?

Ну вот, уже поползли слухи.

-Правда. Иди, не мешай.

Обувшись, я поднялся. Левый жмет, ну да ничего, разносится, да и не к лицу мне, приговоренцу, привередничать.

Скоро, скоро все решится, Марина. Как там ночью выразился отец Никодим? «Рассвет недалек».

Чертовски приятно слышать скрип снега под подошвами! Судья Урнова, что, съела? Приговоренный тобою свободно идет по Второй Базе, над ним утреннее небо.

Рассвет близок, Марина, очень близок.

Мне хотелось петь. Кажется, никогда еще я не ощущал подобного душевного подъема.

Проходя мимо стоящих у дверей барака стрелков, краем уха услышал:

«-Глянь-ка. Ведь это Ахмат. Тот, что с питерней рубился.

-Гнида. Отряд положил».

Стрелки заспорили, но мне было все равно. Музыка нового мира звучала внутри. Серебристая Рыбка наконец-то обретала голос.

Мысленно я прощался со Второй Базой. Прощался с резервацией. Стена будет разрушена, - люди должны жить в Русских Джунглях, должны обустраивать Русские Джунгли.

Но пока мне нужен нож. Настоящий. Такой, чтобы можно было спрятать за пазуху. И я знаю, где взять его.

В баре было пусто. Рустам, голый по пояс, совсем как в то, памятное для меня, посещение, скучал у стойки. На желтом лице

вспыхнула радость, узкие глаза превратились в едва заметные трещинки. Значит, узнал.

-Зеленки, Рустам.

Он тут же подал полную кружку. Я взял, но пить не спешил.

-Хорош, что пришел, Ахмат. Ты тогда отец Никодим спас. Благодарить тебя.

Я кивнул.

Рустам, судя по всему, истомившийся без посетителей, не прочь был поболтать.

-Ай, нехороший конунг на отца нападать. Отец – он отец. А ты – хорош. Раз!

Бармен на примере бутылки, показал, как я повалил дебошира.

-Нужно подчиняться сильный. Сильный знать, слабый – нет. Слабый должен молчать.

-Рустам, а ты на казни был?

-Чья казнь?

-Женщины и мутанта-подростка.

Желтое лицо отразило страдание.

-Был. Там все был. Слабый стать сильный – нельзя. Но женщина и мальчик жалко.

-Жалко?

Рустам прикрыл ладонью рот, со страхом глядя на меня.

-Не бойся, мне самому жалко.

Он кивнул, улыбнулся, отчего глаза совсем стерлись с лица.

-Зачем пришел, Ахмат? - хитро сказал. - Ведь не пить. Совсем не пить.

-Мне нож нужен, Рустам.

-Нож?

-Ну да. Есть у тебя?

Он замялся.

-Есть, два нож. Но мне нужно. Я работать, Ахмат.

-Но один у тебя все равно останется.

-Один.

Вся фигура Рустама отражала мучительное раздумье.

Наконец, крякнув, он достал из-за стойки короткий узкий нож и протянул мне.

Я повертел оружие в руках, попробовал лезвие ногтем. То, что надо.

-Спасибо, Рустам.

Он махнул рукой.

-Кушай будешь, конунг?

-Твоего фирменного? – засмеялся я. – Тащи.

Рустам исчез в подсобке. Я стоял, опершись на стойку, и не расслышал шагов. Легкая рука легла на плечо. Обернулся - Вика!

Одноглазая шлюха, ночь с которой мне подарил отец Никодим.

-Вернулся, конунг?

Голос женщины зазвенел в помещении бара. Звучал ли он здесь когда-либо?

На Вике было короткое, изъеденное молью пальто, оголяющее сильные бедра. На ногах – коричневые сапоги на высокой платформе, рваные и истоптанные. Синий глаз холодно блестел.

-А, Вика, - пробормотал я. – Как ты?

-Как я?

Она взяла мою кружку с зеленкой, и – залпом.

- Я - прекрасно.

Вика откинула со лба светлую прядь.

-Искала тебя, Ахмат. Вчера заходила в твою конуру, да тебя там не было.

Что-то в голосе женщины мне не понравилось.

-Меня искала?

-Да. Хотела расспросить о Твери.

Далась же им всем эта Тверь!

-Тебе-то зачем?

Она не ответила, глядя на меня.

-Так зачем?

Лицо Вики сделалось злым.

-Ублюдок, это ты убил его.

Я удивленно привстал.

-Что ты несешь, дура?

-Белка был в твоем отряде.

Всполох: мой адъютант падает в снег, сраженный пулями питеров.

-Он погиб, выполняя свой долг, - сказал я. – Моя совесть чиста.

-Твоя совесть чиста… – кивнула Вика.

Я едва успел уклониться от устремленного мне в лицо лезвия, перехватил Викину руку, заломил, забрал нож.

-Сволочь, - Вика заревела.

Из подсобки выбежал Рустам, держа дымящуюся кастрюлю.

-Что ты делать, конунг?

-Ничего, просто у девушки истерика.

Я хотел помочь Вике подняться, но она оттолкнула меня.

-Ладно, пойду. Спасибо, Рустам.

Вика рыдала, сидя на полу у стойки.

-А как же еда?

-В другой раз, Рустам. Или вот ей предложи, когда успокоится.

Я поднял воротник куртки и шагнул к выходу.

Вика разозлила меня. Не потому, что хотела убить: на эту попытку она имела право. Право, данное ее любовью к Белке.

И все-таки – сука! Я вспомнил, как она пришла ко мне той ночью, как смеялась, когда я сказал ей, что у меня есть женщина, которую люблю. Делала вид, что не понимает, о чем речь. Ложь, сплошная ложь. Мы, огрызки человечества, словно договорились лгать, скрывать свои истинные чувства. Я вспомнил себя, Русские Джунгли, каких усилий мне стоило признаться Марине в том, что я – человек. Ведь быть человеком – это слабость, а слабому не удержать Теплую Птицу. Вот только живет ли Теплая Птица в грудных клетках «сильных»?

Вика любила Белку. Я люблю Марину.

Серебристая Рыбка.

6

В ТЕМНОТЕ

-Андрей!

Кто-то зовет, и я просыпаюсь.

Тишина.

-Андрей!

Марина, ты?

Она входит, садится на кровать. Волосы распущены, лицо осунулось, но в глазах – радость.

-Андрюша.

Мягкая рука треплет мой чуб. Я ловлю ее, прижимаюсь щекой.

-Марина, ты пришла.

Она улыбается.

-Да, Андрюша. Но не одна.

-Не одна?

Марина кладет мою руку себе на живот.

-Он - там.

Я смотрю на нее, ничего не понимая.

Марина смеется.

-Это чудо, Андрей. Он – там, наш малыш. Я точно знаю. Он там, - единственный ребенок в Русских Джунглях.

Ребенок… Я видел детей во сне, никогда – наяву. Ребенок… Он такой маленький, такой беспомощный. Ему нужна защита, нужна любовь. Он мой. Мой и Марины. И – Русских Джунглей.

-Андрей…

Марина обнимает меня, проводит прохладной ладонью по щеке. Исчезает.

Тишина.

На площадке перед административным зданием толпятся стрелки. Разговоры, смешки, ругань. На эшафоте – черный крест. На одной стороне креста - тело женщины. Ветер треплет обрывки одежды.

Христо стоит на высокой шаткой скамейке, на шее – петля; слабые ноги заметно дрожат. Он смотрит прямо на меня. Неуютно… Стыдно…

-Кончайте уже с ним! – орет кто-то.

Христо негромко – я уверен, что кроме меня, его никто не слышит:

-Будущее не зависит от тебя.

Скамейка опрокидывается, Христо устремляется к земле, но веревка останавливает его, подкидывает немного вверх. Он подергивается под улюлюканье толпы. Замирает.

Темнота. Тишина.

-Ахмат!

Открываю глаза, вижу склоненного надо мной отца Никодима.

-Пора. Лорд-мэр ждет.

7

ВИДЯТ ЛИ ОВОЩИ СНЫ

До административного комплекса мы дошли молча. Отец Никодим теребил бороду. Автоматчики посторонились, пропуская нас

в длинный коридор, пахнущий пылью и крысиным пометом. Подошвы глухо стучали по доскам.

Коридор закончился широкой лестницей. Отец Никодим стал подниматься по ней, я - следом, догадавшись, что мы из одноэтажной пристройки перешли в пятиэтажную башню.

На первом этаже – площадка со стеклянными дверями, перед которыми дежурил автоматчик. Отца Никодима он словно не заметил, а на меня бросил завистливый взгляд. За дверями виднелись витражи из цветного стекла, бросающие повсюду разноцветные блики. Под витражами - бесконечные ряды деревянных многоярусных нар, на которых – люди. Сотни, а может, тысячи, людей.

То же самое на втором, и на третьем, и на четвертом этажах.

-Теплица номер четыре, - отец Никодим кивнул на стеклянную дверь.

Автоматчик посторонился, дав мне возможность рассмотреть теплицу номер четыре. Люди, лежащие на нарах, неподвижны, кожа бледна, веки сомкнуты. Многие - в неестественных позах.

-Все эти люди, - проговорил я, подавляя тошноту, – они мертвы?

-Они спят,- сказал отец Никодим, - так же, как спал ты, я, вот он, - кивнул на автоматчика. – Лорд-мэр приказал собрать их со всей резервации. Время от времени они просыпаются и пополняют Армию.

-Так долго?

-Что - долго?

-Так долго спят?

-Сон протекает у всех по-разному. Кто-то, как ты или я, очнулся почти сразу, эти вот заспались…

Автоматчик негромко хохотнул.

-Стрелок, - обратился к нему отец Никодим. – Дозволь нам с конунгом осмотреть теплицу.

-Но, ваш крест…

- Туда – назад. Видишь, Ахмат хочет знать, как все устроено.

Глава ОСОБи взглянул на меня.

Автоматчик с явной неохотой пропустил нас за стеклянную дверь.

Едва различимый запах тления витал в воздухе. Значит, не все в теплице – спят…

Отец Никодим повел носом и недовольно обратился к подошедшему работнику в робе, похожему на крысу, вставшую на

задние лапы.

-Плохо работаешь, Епифанцев.

Глазки Епифанцева суетливо забегали.

-В чем же дело, ваш крест?

-Как в чем? Ты что, не чуешь - мертвечиной разит?

Епифанцев втянул воздух: крылья тонкого горбатого носа расширились, показавв ноздрях кустики черных волос.

-Не чую, ваш крест.

-Ну, так я тебе говорю.

-Ваш крест, овощей много, трудно найти дохлого.

Я догадался, что овощами работник теплицы называет спящих людей. Среди них больше мужчин, но встречались и женщины, одна, - рыжеволосая, лежащая на нарах нижнего яруса, привлекла мое внимание. Я приблизился. Чем-то похожа на Марину. Да, волосами. Я взял рыжую прядь: у моей женщины волос мягче, нежнее.

Тяжелая рука легла на плечо. Я обернулся.

-Что, Ахмат, понравилась? – отец Никодим подмигнул.- Пришлю к тебе, если проснется.

-А сны?

-Что?

-Снятся ли им сны?

Отец Никодим задумался.

-Наверное, снятся. Нам всем снятся.

Я представил: бесконечный сон, вроде того, про казнь Серебристой Рыбки. Мурашки побежали по телу.

Овощи!

Темнота и лабиринт, наполненный страхами, радостями и болями. Лабиринт, построенный на обломках памяти, в который не войти, из которого не выбраться.

Овощи не видят снов.

Что-то начало расти внутри меня – вся моя жизнь в Русских Джунглях набухала, как овощ.

-Просыпайся.

Отец Никодим отстранился, Епифанцев захихикал.

-Просыпайся! – заорал я и ударил рыжеволосую женщину по щеке. Даже краткое соприкосновение передало холод ее тела.

Блуждающие в лабиринте. Ау! Сюда! Выход здесь!

-Просыпайтесь.

Я побежал вдоль нижнего яруса.

-Просыпайтесь!

Отец Никодим что-то крикнул.

Стена. Я остановился. У лабиринта нет выхода.

-Ахмат!

Глава ОСОБи улыбался, пока я подходил. Епифанцев вытирал ладонью выступивший пот.

-Посмотри-ка, Ахмат.

Рыжеволосая женщина сидела на нарах, тараща на нас непонимающие глаза. Ее губы пошевелились (синеватые, тонкие), но не издали ни звука.

-Черт подери, - сказал Епифанцев.- Впервые такое вижу.

-Что такое? – обратился к нему отец Никодим, на лице которого еще не угасла улыбка.

-Впервые вижу, чтобы овоща разбудили, ваш крест, - работник теплицы вытер взмокшие ладони о серую ткань робы, - обычно они либо сами просыпаются, либо вообще не просыпаются.

-Не думаю, что ее разбудил Ахмат, - задумался отец Никодим. – Скорее, просто настал ее час. Эй.

Он помахал рукой перед глазами женщины. Та не среагировала.

-Бесполезно, ваш крест, - ухмыльнулся Епифанцев. – После пробуждения овощу надо дней пять, чтоб оклематься. Бывают, конечно, исключения, но эта явно не из них.

-Хорошо, Епифанцев, вызывай людей. Пойдем, Ахмат.

Мы направились к стеклянной двери. Отец Никодим обернулся.

-Да, и еще, - он выразительно кивнул на неподвижно сидящую на нарах женщину. – Держи свой хуй на привязи, а то я тебя знаю.

Епифанцев почтительно закивал головой.

8

ЛОРД-МЭР

На последнем этаже башни дверь с лестничной клетки была металлической, а не стеклянной, и у нее дежурили сразу два автоматчика. Отец Никодим кивнул одному из них и тот, выудив из кармана длинный ключ, отпер дверь. Мы вошли. Дверь с лязгом захлопнулась.

Широкий полукруг стены украшали потускневшие, но все еще яркие рисунки. Дети пускают воздушного змея, играют в мяч, сидят за партами. Похожие рисунки – на высоком потолке.

-Ахмат, - негромко сказал отец Никодим (похоже, здесь он почувствовал себя неуютно). – Постарайся не выкинуть коленец, как в теплице. Я, конечно, все понимаю, но Лорд-мэр - это не овощи, которых нужно будить.

-Обещаю, ваш крест.

Глава ОСОБи подошел к двери с проржавевшей табличкой (черные буквы «ДИРЕКТОР» едва читались), взялся за круглую ручку, взглянул на меня и повернул ручку.

Я вошел следом за ним в полутемный кабинет, заставленный шкафами с полуистлевшими бумагами, со статуэткой мальчика, играющего на трубе, с широким столом и креслом у единственного окна. Огляделся, нащупывая за пазухой нож.

В кабинете кроме меня и отца Никодима никого не было.

Глава ОСОБи устало опустился в кресло.

-Но где же Лорд-мэр, ваш крест?- спросил я, уже смутно догадываясь об истине.

-Андрей, - вздохнул отец Никодим. – Островцев Андрей, какой ты, в сущности, мальчик. Глупенький мальчик, - он кивнул на статуэтку. – Дудишь-дудишь, а зачем, почему – тебе невдомек. Лорд-мэр перед тобой.

Я выхватил нож. Протиснувшийся в окно солнечный луч сверкнул на лезвии.

Дверь кабинета распахнулась, сильный толчок в спину бросил меня вперед, на стол. Отец Никодим вскочил, прижал мою голову к столешнице. Сзади кто-то выкрутил мне руку и забрал нож.

-Накинь на него браслеты, - брезгливо сказал Лорд-мэр, - что-то распетушился не в меру.

Запястья сдавил холодный металл. Сильные руки оторвали меня от столешницы и усадили на пол. Киркоров, ухмыляясь, уставился на меня, а через его плечо… Через его плечо на меня смотрела Марина.

Киркоров размахнулся и ударил. Рот наполнился соленым. Я не следил за ним, а глядел на Марину. На ее лице отразилась боль, когда кулак Киркорова врезался мне в губы: почему, если она с ними заодно?

Черт подери! Только сейчас я разглядел черный ошейник на шее Марины и цепочку, тянущуюся к запястью Киркорова. Лютое бешенство овладело мной. Что было сил, я боднул Киркорова в живот. Он отшатнулся, врезался спиной в шкаф. Прелые бумаги полетели ему на голову. Цепочка натянулась, Марину швырнуло на пол.

-Андрей, не надо! Они убьют тебя!

Крик Марины отрезвил меня. Я прислонился к стене.

Она выглядела изможденной, под глазами – синие круги, щеки ввалились. Я вдруг осознал, что *физически* ощущаю ее боль.

-Марина, - прошептал я, не замечая ничего вокруг. – Девочка моя.

Она смотрела на меня; две чистые полоски появились на ее запачканных щеках.

-Лорд-мэр, - прошипел Киркоров с искривленной от злобы рожей, - позволь я перережу ему глотку?

-Успеешь, - сказал отец Никодим и обратился ко мне. – Ну, угомонился?

Я не ответил.

-Ну вот, и замечательно.

Он поднялся с кресла.

-Итак, Андрей Островцев, ты пришел убить Лорд-мэра. Верно? Молчишь? И правильно, Киркоров давно мне обо всем рассказал.

-Тварь, - процедил я, глядя на бывшего соратника. – Как только Христо не раскусил тебя?

Киркоров осклабился, сплюнул на пол желтой слюной.

-Тварь, конечно, но он поступил разумнее, чем ты. Какой смысл стучать лбом в бетонную стену? У Киркорова есть своя Серебристая Рыбка. Так, кажется, вы, возрожденцы, называете мечту? Киркоров хотел петь… А-аве Ма-ария-а!

Голос отца Никодима сорвался на высокой ноте. Он откашлялся, посматривая на меня.

-И Лорд-мэр предоставил ему такую возможность. Теперь Киркоров будет выступать перед стрелками…

Я захохотал. Киркоров будет выступать перед стрелками. Ну, надо же!

-А вы стрелкам-то сообщили эту радостную новость?

Физиономия Киркорова перекосилась от ненависти.

-Заткни гнилую пасть, пидар.

-Да, Андрей, - миролюбиво проговорил Лорд-мэр.- Не стоит дразнить Орфея. Ты недооцениваешь прошлое. Оно довлеет над каждым из нас. Вот, ты, например. Человек, руками которого был устроен День Гнева…

Всполох: Андрюшка, ЯДИ, Анюта, лабиринт Василиска, Звоньский, сто тысяч долларов… Я уже почти позабыл все это… Но, как отец Никодим… Он что, проник в мой мозг?

-Вижу, ты растерян, Андрей.

Лорд-мэр приблизился ко мне.

-Вглядись в мое лицо. Борода, шрамы, - отринь это.

Я уставился на Лорд-мэра. Черт! Да как же я раньше-то не узнал?

-Невзоров, - прошептал я. – Директор ЯДИ в Обнинске.

Он кивнул.

-Здравствуй, Островцев.

… Избитый Андрюшка - на полу. Директор вытирает платком лоб, говорит:

«Проклятая жара. Прямо Бангладеш. Даже кондиционеры не справляются»…

-Это ведь ты, - сказал я, смотря Невзорову прямо в глаза. – Ты спровоцировал Андрюшку продать американцам образец.

Невзоров отвел взгляд.

-Не спорю. Андрюшка оказался под рукой как раз вовремя. Неопытный сотрудник, отягощенный семейными проблемами, когда-то имевший точки соприкосновения с диссидентом… Американцы находились на взводе из-за военного конфликта в Азии и, получив из твоих рук неопровержимое доказательство выработки Россией невзория, просто не могли не нанести превентивных мер. Так начался День Гнева…

-И ты его творец, - проговорил я.

-И ты, Островцев.

Последнее замечание я пропустил мимо ушей.

-Но зачем?

-Что – зачем? Зачем – День Гнева?

Невзоров дружески хлопнул меня по плечу.

-Ты чудак, Андрей. Если б апокалипсис не случился тогда, он неминуемо произошел бы позже, но в более изощренной форме. Люди

заиграли, превратились в мусор. Нужен был веник. Ты помнишь Президента?

-Нет.

-А я помню. Это не всполох, я помню – и все. В отличие от тебя, в отличие от всех, мне не пришлось спать…

-Ну, конечно, ведь ты состряпал апокалипсис и, конечно, позаботился об укрытии для себя.

-Умный ты парень, Андрей, - засмеялся Невзоров. – И словечко «состряпал» как нельзя лучше подходит… Так вот, президента избрали на волне всеобщего желания «очистки». Его ждали как мессию, в вожди записали, в Моисеи, а он оказался сумасшедшим… Какая трагическая нелепость! Все его ужимки, блеск глаз, речи во время предвыборной кампании, принимаемые нами за признак гениальности, за огонь, оказались просто-напросто признаками шизофрении. Но это еще полбеды. Беда в том, что президент не был *человеком*.

Я перестал понимать Невзорова.

-В такие моменты народ исторгает из своего терзаемого тела гения. Этим гением волей судьбы оказался я. Видит Бог, я не желал этого. Мир стоял на пороге порабощения Искусственным Интеллектом… Внешне это никак не проявлялось, но я говорю тебе, как ученый. И единственным способом избегнуть диктата машин – было ввергнуть человечество в доисторический хаос и дикость. Новый мир уже создан, Андрей, и твои старания тщетны.

Усталость одолела меня. Хотелось сесть на пол, прислониться к шкафу и, ни о чем не думая, просидеть так до утра. Или уже утро?

-Ну, что скажешь?

-Ваш крест, или как тебя там, - проговорил я. – Ты создал этот мир, так пользуйся им на здоровье. Я устал, и больше не попытаюсь поставить палку в колесо.

-Отрадно. Но я хотел бы иного. Я хотел бы, чтобы ты присоединился ко мне.

-Этого не будет, ваш крест.

-Почему?

-Я же сказал, что устал.

Невзоров поиграл желваками.

-Жаль, черт подери. Ты мог бы быть мне полезен.

-Отпусти нас, ваш крест. Мы просто уйдем в Джунгли.

Он бросил взгляд на Марину.

-К сожалению, это невозможно. Вы несете угрозу Резервации и будете казнены.

-Мразь, - проговорил я, не испытывая никаких эмоций. – Просто мразь.

И опустился на пол.

9

ДВЕ КЛЕТКИ

Откуда-то сверху прилетела ржавая холодная капля и распласталась по щеке. Я словно и не заметил этого. Держась за железные прутья, смотрел перед собой. Там, в зарешеченной каменной нише, освещенной тусклой лампочкой, стояла Марина, так же как и я, ухватившись за шершавые от ржавчины прутья. Некоторое время мы молчали, глядя друг на друга. Наконец, Марина сказала:

-Что нам теперь делать, Андрей?

Я не ответил.

-Они казнят нас.

Ее голос звучал равнодушно, мертво. Он испугал меня.

-Марина, не надо отчаянья. Я спас Лорд-мэра и не верю, что он не пощадит нас.

Лицо моей женщины немного просветлело.

-Дай-то Бог, Андрей. Я хотела сказать тебе, что здесь…

Она дотронулась рукой до живота.

-Я знаю, Марина.

-Да?! Откуда?

-Из сна.

-Так я тебе снилась?

Счастливо засмеялась.

Холодные капли срывались с сырых стен, и от этих же стен отражался женский смех.

По каменной лестнице застучали подошвы ботинок: стрелок принес еду. Он с удивлением посмотрел на Марину: еще бы, - смеяться в застенке, накануне казни… Сумасшедшая?

-Солдат, что на ужин? - спросил я.

-Тварка, конунг.

Марина попросила пить, и стрелок передал ей бутыль с водой. Я же принялся за тварку.

Караульный присел на нижнюю ступень, насвистывая что-то.

-Что слышно про нашу казнь, боец? – спросил я, прожевав мясо.

Стрелок вздрогнул, взглянул на меня.

-Вообще-то мне не положено разговаривать с заключенными, - нехотя ответил он. – В бараке болтают, что послезавтра, как раз перед большим походом на Тверь.

Послезавтра. Есть расхотелось. Я взглянул на Марину. Даже отсюда было заметно, что она изменилась в лице. Послезавтра…

-Ну, вы закончили? Можно забрать посуду?

Я протиснул между прутьями полупустую миску.

Стрелок, гремя жестянками, направился к лестнице. Перед тем, как захлопнуть дверь, щелкнул выключателем. Лампочка погасла.

-Марина?

-Андрей?

-Как ты?

-Все хорошо.

-Я что-нибудь придумаю, Марина, нас не казнят.

-Да…

Тьма. Тишина.

-Андрей?

-Да?

-Расскажи мне, что знаешь о смерти Христо и Букашки?

Бедная моя, мысли о казни не дают ей покоя…

-Я не присутствовал на их казни, но по рассказам, Христо и Букашка держались гордо. Христо пытался докричаться до издевающейся толпы, рассказать о Серебристой Рыбке. Перед тем, как упасть в небытие, он прокричал: «Будущее зависит от тебя». По другой версии, это было: «Будущее не зависит от тебя».

-Значит, он осознал, - голос Марины дрожал, – что мы не в силах ничего изменить… Муравью не дано поднять над собой слона. Андрей! Мы примем свою участь так же достойно, как Христо и Букашка. Я рада умереть с тобой, Андрей, и ни о чем не жалею.

-Заткнись.

Марина умолкла.

-Ты лучше б рассказала, как очутилась на привязи Киркорова.

-Ревнуешь?

-Нет. Просто хотелось бы знать.

-Хорошо, расскажу. Хотя особо – нечего. Среди ночи в мою келью ворвались двое особистов и Киркоров. Киркоров сообщил, что уже год работает на Лорд-мэра и надел мне на шею эту гадость…

-Выродок.

-Да. Затем меня привезли сюда и держали на цепи в каком-то погребе.

Ее голос сорвался. Из темноты до меня донеслись приглушенные рыдания.

-Я отомщу, - до боли сжимая зубы, сказал я. – Клянусь, отомщу. Игрок засиделся во мне, пора выпустить его на свободу.

-Не нужно, Андрей.

-Что не нужно?

-Не нужно мести. Не нужно крови. Если бы Лорд-мэр пощадил нас… Андрей, ты помнишь, как хорошо нам было в Джунглях?

-Помню.

-Уйти в Джунгли, жить там, растить наше дитя – ведь это и есть Серебристая Рыбка. Неужели Лорд-мэр не простит нас?

-Простит.

Мне показалось, что я ответил ей достаточно уверенно.

Простит? Едва ли. Лорд-мэр, он же Невзоров, он же отец Никодим заигрался и, очевидно, наша с Мариной казнь станет лишь эпизодом его игры. Нужно бежать отсюда.

Я приблизился к стене: камень. Попробовал на прочность решетку – прутья даже не шелохнулись. Пол – бетон. А главное, - усталость, ворочающееся в душе неверие, что нам и на этот раз удастся спастись. Ну, куда отсюда сбежишь? Как хорошо, что темнота, и Марина не видит отчаяния, наверняка отразившегося на моем лице.

Скрежет у двери заставил меня встрепенуться. Кто-то идет! Возможно, Лорд-мэр или его посланник, с тем, чтобы объявить нам: «Вы помилованы».

Сердце беспокойно стучало в груди. Дыхание срывалось.

Под потолком вспыхнула желтая лампочка. Я зажмурился. Когда распахнул веки, увидел стоящего в узком пространстве между моей и Мариниой клетками Киркорова. Все лучше, чем тьма и отчаяние…

Киркоров угрюмо смотрел на меня. Марина сидела на деревянном настиле в своей камере; она словно не заметила его появления.

-Чего ты приперся сюда, мразь? - не выдержал я. – Хочешь спеть нам?

Киркоров откинул со лба седые волосы.

-Прибереги свое остроумие для виселицы, Островцев. Я пришел не к тебе.

Он повернулся к Марине. Та равнодушно взглянула на него и отвернулась к стене.

-Послушай, - Киркоров взялся за прутья ее клетки, – я шишка при Лорд-мэре и в моих силах… Короче, я могу открыть твою клетку. Пойдешь со мной?

Меня захлестнуло бешенство, но тут же сменилось холодным, как сталь на морозе, пониманием: да, это единственный выход.

-Пойдем со мной, Марина, - увещевал Киркоров.- Зачем тебе сдыхать с диким? Он, каким был в Джунглях, таким и остался… Лорд-мэр присвоил мне статус певца Армии, и со временем я стану конунгом.

-Он прав, Марина, - негромко сказал я. – Иди с ним.

Киркоров удивленно обернулся.

-Слышишь? Даже дикий понял, что к чему.

Марина вдруг прекратила рассматривать стенку, кинула на меня пылающий взгляд.

-Иди с ним! – крикнул я.

-Пошли вы оба на хуй, - отчетливо сказала она и прилегла на настил, свернувшись калачиком.

Что-то тяжелое свалилось с плеч…

Киркоров в сердцах ударил кулаком по железному пруту, тонко зазвеневшему.

-Сука паршивая, - процедил он сквозь зубы. – Шлюха. Не хочешь по своей воле, я заставлю. А для начала трахну на глазах у твоего дикаря…

-Киркоров! – заорал я, бросаясь к решетке. – Я убью тебя.

Он засмеялся.

Марина лежала на настиле, как будто и не подозревая, что речь идет о ней.

Киркоров достал из-за пазухи ключ. Ухмыляясь, взглянул на меня.

-Убью, Киркоров.

Крутанув ключ, он отпер лязгнувшую дверцу. Марина поднялась с настила, сжимая что-то в правом кулаке.

Кулак угодил Киркорову в плечо, тот охнул, но тут же перехватил руку Марины, вывернул ее. Небольшой камень упал на бетонный пол. Крик боли огласил застенок.

-Киркоров, прекрати, - прохрипел я, желая, чтоб темнота застила мои глаза, но, как назло, происходящее было видно отчетливо. Прижав Марину к решетке, Киркоров резким движением задрал на ней свитер. Блеснуло тело - округлый живот, груди с темными сосками. Руки насильника накрыли два бледных холмика, сдавили. Марина закричала, пытаясь высвободиться из железной хватки.

Я отвернулся. Глаза кипели. Мне хотелось умереть, хотелось, чтобы тело мое ощущало страшную боль. Вздернув рукав толстовки, я вцепился зубами в руку чуть ниже локтя. Сдавил. Во рту стало солоно. Что-то закапало на пол.

-*Сука!*

Киркоров метался по камере Марины, натыкаясь на решетку и стены. В единственном его глазу торчал значок «Работник парковки № 56». Кровавая слеза стекала по щеке.

Марина одернула свитер, подняла с пола камень.

-Убей его.

Киркоров прекратил слепую пляску и опустился на колени в сыром углу. Марина шагнула к нему, поднимая камень.

-Темнота, - бормотал Киркоров, щупая руками значок, но не решаясь вынуть его. – Шлюха дикаря погрузила в темноту.

Марина опустила руку.

-Лучше быть шлюхой дикаря, чем предателем.

Но Киркоров не слышал ее, бормоча в углу про темноту, обступившую со всех сторон.

В застенок вбежал стрелок. Замер, глядя на Марину, стоящую с камнем в руке.

-Что за хуйня? – вскрикнул он, выдергивая из кобуры пистолет. – И отлучиться нельзя.

-Боец, угомонись, - поспешил крикнуть я. – Певец Армии пытался изнасиловать заключенную.

Стрелок взглянул на Киркорова, выругался.

-Ты, - обратился к Марине, - положи камень и отступи туда.

Та благоразумно выполнила распоряжение.

Стрелок помог Киркорову подняться, вывел из камеры. Загремел ключами.

-Давай к выходу, куриная слепота.

Щелкнул выключатель, лампочка погасла; мы с Мариной остались в темноте, схожей с той, в которую только что погрузился Киркоров.

10

ПОБЕГ

В круглом окошке под самым потолком - свет. Значит, утро. Начало нашего с Мариной последнего дня. Начало конца.

Кто-то тяжелый навалился на меня, придавил к настилу. Я увидел казнь – как *это* будет: плотные ряды стрелков, ухмыляющегося Лорд-мэра, палача в противогазе, слепого Киркорова, поющего фальшивым голосом. Марина, ну зачем мы пришли в резервацию?

Я приподнялся на локтях. Марина лежала на спине, глядя в потолок. Луч света застрял в ее волосах.

-Марина.

-Андрей, я не хочу ни о чем говорить и думать.

Отвернулась к стенке.

Понятно. Мне не впервой дожидаться казни, и то на душе паршиво. Разве к этому можно привыкнуть?

Почему саднит рука? Ах, да, вчерашнее посещение Киркорова… Я закатал рукав – синий след от моих же зубов, кожа вспухла. Пальцы с трудом сжимаются в кулак. Как такими держать заточку?

Держать заточку… Это мысль игрока во мне, жителя Русских Джунглей. Целая жизнь – даже чуть больше, чем жизнь – прошла с тех пор, как я встретил Марину на Поляне. И вот теперь мы умрем, и мое умение орудовать заточкой не поможет.

Черт! Неужели нельзя думать о чем-то другом, кроме как о смерти?

Каково это – сорваться в бездну с петлей на шее? Что будет там, за гранью?

Опять эта грань! Я уже думал о ней, после приговора трибунала, лежа на постели в квартире конунга Ахмата.

Что будет там, за гранью?

-Ничего не будет.

Я вздрогнул – Марина прочла мои мысли.

-Ты сказал это вслух, дурачок. За гранью ничего не будет. Теперь я это точно знаю.

-Знаешь? Откуда?

-Знаю – и все.

Она заплакала.

-Андрей, я не хочу умирать. Не хочу в пустоту, не хочу стать пустотой. Я хочу родить нашего малыша, кормить его грудью, беречь.

-Так и будет…

-Так и будет, - передразнила Марина. – Зачем ты лжешь? Как лгал Христо. Серебристая Рыбка?! Одна ложь! Вот она, Серебристая Рыбка, - она ткнула себя пальцем в живот. – Вот он – новый мир! А завтра его не станет.

Ее слова, как плети.

-Замолчи, - закричал я. – Закрой пасть, глупая баба! Я же сказал тебе – мы не умрем, значит, так и будет.

Она принялась размазывать по щекам слезы.

Я вскочил, вцепился в решетку.

-Эй, там! Караульный! *Караульный, мать твою!*

Ключ заворочался в двери.

-Че ты орешь, гнида? – рожа стрелка была помятой, как после сна на горохе. – Арматуры отведать захотел?

-Боец, - взмолился я. – Выслушай, брат. Мне надо поговорить с отцом Никодимом…

-А с хуем тебе не надо поговорить?

-Постой, брат. Я друг главы ОСОБи, однажды спас ему жизнь, он не откажет. Передай.

Дверь стала медленно затворяться.

-Я заплачу тебе! – заорал я.

Дверь с лязгом закрылась.

-Ничего, скоро он принесет еду, и тогда я попробую еще раз.

Марина с презрением посмотрела на меня.

-Чего ты? – от бессилия я разозлился. – Вчера ты как будто была готова достойно умереть вместе. Или жалеешь, что не приняла предложение Киркорова?

-Пошел ты.

Марина снова отвернулась к стене, чтобы пролежать так до самого вечера.

Вечером стрелок принес жратву, и я не заговорил с ним. Молча принял миску. Марина из своей ниши сверкала глазами и тоже молчала, пережевывая тварку.

Когда стрелок забрал посуду и направился к двери, нестерпимо, до дрожи, захотелось крикнуть: «Постой!», но я не крикнул, провожая взглядом нашу последнюю надежду на спасение. Погас свет, хлопнула дверь. Вот и все. Дальше – только ночь и казнь.

-Упрямый осел, - раздался в темноте голос Марины (в нем не было злости - только усталость).

Да, Марина. Я знаю.

Она снова заплакала, и я от бессилия снова прикусил свою руку.

Боль снимает боль. Одна боль убивает другую.

Кап-кап. Я представил, как ржавые капли разбиваются о камень. Одна капля, другая, третья… Дыхание Марины ровное, тихое: спит. Кап-кап. В окошке - несколько колючих морозных звездочек: значит, ночь. Капля набухает где-то на потолке, становясь все грузнее, наконец, срывается, ударяется о пол – кап! - разлетается на мельчайшие брызги. Тьма, ни зги не видно, но я-то знаю, что так оно и есть.

Киркоров стоит перед вальяжно развалившимся в кресле отцом Никодимом. На одном глазу певца Армии – черная повязка, на другом - нарост запекшейся крови. У отца Никодима почему-то нет бороды, и он одет в халат сотрудника ЯДИ прикрытия.

-Ты просрал испытание, непретендент. Стрелком тебе не бывать.

-Ваш крест, я не за тем пришел к вам. У меня есть информация, которая может вас заинтересовать.

-Едва ли.

-Это касается возрожденцев.

Лицо отца Никодима вытягивается, становится серьезным.

Муть обволакивает говорящих, слышен только голос Киркорова:

-Я вижу всполохи, ваш крест. Они кричат мне, что я люблю петь, люблю славу. И это правда. Резервация не вытравила из меня певца. Позвольте мне служить вам, служить Армии тем, что я умею лучше всего.

Малышка, я твоя мышка,
Летучая мышка
И я тебя съем.
Счастье, зайка моя,
Лишь передышка
Единственная моя.
Пение Киркорова невыносимо. Замолчи.
-Андрей.
Светом отраженная,
Я твой зайчик.
-Андрей!
В тонком лунном сиянии – пятно лица. Широкого, как заходящее солнце.
-Шрам!
Гиганту-игроку, казалось, было тесно в промежутке между моей камерой и камерой Марины.
Виднеющаяся из-под прорванной кофты мускулистая волосатая грудь тяжело вздымалась, в уголках губ и на клочковатой бороде – засохшая слюна. Глаза Шрама блестели.
-Андрей, я за тобой, – прошептал он.
Испуганно вскрикнула Марина.
Гигант, вздрогнув, обернулся.
-Марина, это Шрам, - поспешно сказал я. – Он пришел спасти нас. Шрам, ключи у караульного.
-Хрен с ними, с ключами.
Игрок ухватился двумя руками за прутья решетки. На толстой, как ствол дерева, шее вздулись извилистые вены.
Металл поддался богатырской силе, лязгнув, переломился. Я поспешил скользнуть в образовавшуюся в решетке щель. Дьявол подери - свобода!
-Скорее, - поторопил я, и Шрам вцепился в решетку Марины. Девушка смотрела на него во все глаза. Ну, еще бы, - такого молодца не каждый день увидишь.
Освобождение Марины стоило Шраму больших усилий. Казалось, ржавые прутья вонзились в ладони, но гигант не замечал боли.
Шрам заскрипел зубами, свитер трещал на его спине. Лязгнуло железо, и один из прутьев покинул паз, оставшись в рукахигрока.

-Живей, Марина.

Я помог ей выбраться из клетки.

-За мной, - бросил Шрам, вытирая ладони о джинсы. Он направился к двери, пригибаясь, чтобы не врезаться в притолоку.

В комнатке охраны горела лампочка, освещаянавалившегося на столешницу стрелка. Его голова была свернута могучими руками, направленные в потолок стеклянные глаза отражали свет.

-Постой, Шрам.

Он обернулся. На широком раздвоенном лице - тревога, страх и недовольство.

Быстро обшарив труп стрелка, я снял с него кобуру с пистолетом.

-Теперь пошли.

Ночной морозный воздух, коктейль из снежинок и звезд, хлынул в легкие. До чего приятно! Может, стоило посидеть в застенке, чтобы испытать это?

На узкой улочке изгибались темные спины бараков, над ними чернел административный корпус Второй Базы, башня, где дозревают в теплицах овощи и заседает Лорд-мэр.

Марина прижалась ко мне, я обхватил ее рукой за талию. Выйди сейчас из барака стрелок полюбоваться на звезды либо поссать, - поднимется шум, и мы пропали. Левой рукой я расстегнул кобуру – на всякий случай.

Шрам шагал впереди, поминутно оглядываясь.

За бараками открылась вертолетная площадка. Машины спали, уныло свесив лопасти. Что задумал Шрам? Неужели… Это самоубийство!

Он остановился у одной из машин, огляделся.

Черт, значит, и вправду…

Но я ошибся: Шрам и не думал использовать для побега вертолет.

-Ага!

Кинулся к сугробу, принялся расшвыривать во все стороны снег, подняв маленький буран.

-Ну-тка, подмогните.

Под снегом - канализационный люк, точь-в-точь такой, как тот, через который мы с Мариной когда-то проникли в Резервацию.

Шрам сорвал тяжелую крышку, скомандовал:

-Ну.

Марина, взглянув на меня, скользнула вниз, переступая по железным скобам, впаянным в бетонную стенку. Я – следом.

Когда подошвы ботинок коснулись хлюпнувшего пола, круг света над головой исчез: Шрам задвинул крышку люка.

-Андрей, - Марина коснулась моего плеча.

-А? Я здесь.

Что-то жесткое задело висок: я чуть не вскрикнул от боли, выругался.

-Осторожно, - пробурчала темнота голосом Шрама. – Чего ты стал под лестницей? В сторону.

Сноп света показал на мгновение низкий сводчатый тоннель, с темным ручьем посредине.

-Черт! Батарейки сдохли!

Глухой удар… Снова – свет; на этот раз фонарь в руке Шрама не погас.

-Так-то лучше.

Стены тоннеля из красного, выщербленного кирпича; блестящие струйки воды стремятся вниз, к ручью.

-Вперед.

Шрам зашагал по каменному берегу.

-Андрей, кто он? – шепнула Марина.

-Шрам? Долгая история… Бывший игрок, как и я. Однажды я спас его шкуру, а он в благодарность уже дважды спас мою. Шрам!

Гигант обернулся:

-У?

-Как получилось, что Марина не знает тебя? Я вроде послал вас с Олегычем в Пустошь?

-В Пустоши никого не было, Андрей, - отозвался Шрам, бросая на стены луч фонаря. – Мы долго добирались, Андрей.

Я насторожился.

-Где Олегыч, Шрам?

-Убили отца… Мародеры.

Убили мародеры… Эх, Олегыч. Старый машинист, раб своего дела, ставший отцом для калечного дикаря из Русских Джунглей! Еще одна Серебристая Рыбка умерла…

-Кто это – Олегыч?

-Человек, Марина. Просто хороший человек.

11

ТЕПЛАЯ ПТИЦА

Дым, светловатый, искрящийся, сворачиваясь в кольца, медленно поднимался к заснеженным верхушкам елей. Кусок мяса над огнем сочился шипящими каплями. Марина, прикорнув мне на грудь, смотрела на костер, ее щеки пылали румянцем.

Мы покинули Москву и вошли в Джунгли всего двое суток назад, но отчего-то казалось, что прошло гораздо больше времени. Я полной грудью вдыхал свежий морозный воздух и никак не мог надышаться. Бесконечные затхлые туннели, по которым мы выбирались из резервации, представлялись теперь если не сном, то чем-то вроде всполохов - в Русских Джунглях всегда надо быть начеку, и это стирает память.

В краю, где осталась рябина,
Живет та, чье имя – Марина.
Я просто хочу, чтобы знала она,
Что темная ночь рядом с ней – не темна.
Что радуга ярче, что воздух свежей,
Когда я подумаю тихо о ней.
Я просто хочу, чтобы знала она-
Когда воссияет на небе луна,
Когда соловей поутру запоет…
Что где-то есть сердце, что любит ее.

Марина вскинула голову. Я отвел взгляд.

-Как здорово, - прошептала она. – Ты вспомнил?

Я пробормотал какую-то невнятицу, с досадой понимая, что краснею.

-Вспомнил?

-Марина, - запинаясь, проговорил я. – Кажется, я это сам только что сочинил.

Она смотрела на меня, прикусив верхнюю губу, задумавшись о чем-то.

-Прочти еще.

Откашлявшись, я кое-как повторил стишок. Подняв глаза, с изумлением увидел полные слез глаза Марины.

-Ты чего?

Она отвернулась.

-Ничего. Это так.

Вытерла глаза рукавом куртки.

-Марина, я не хотел… Я не думал, что это расстроит тебя.

-Дурачок.

Ее руки обвили мою шею, губы коснулись губ.

-Дурачок ты, Андрюшка.

Дрогнул заснеженный лапник: Шрам. В глазах - смятение, на широком лбу - испарина.

Гигант шагнул к костру, ногой опрокинул рогульки с жарящимся мясом, закидал огонь снегом. Я отстранил Марину и поднялся.

-В чем дело, Шрам?

Он зачерпнул широкой ладонью снега, вытер сухие губы, зажевал.

-Ну, говори.

-Андрей, они идут следом.

Я бросил взгляд на побледневшую Марину. Стоило ли надеяться, что Лорд - Мэр не снарядит погоню? А я надеялся…

-Далеко?

-В трех часах ходьбы. Хотя теперь уже ближе…

Шрам опустился на поваленное дерево. Мне показалось, он уменьшился, скукожился.

-Сколько?

-Шестеро. Из личной гвардии.

Ясно. Шесть головорезов, отборных выблядков - за одной Серебристой Рыбкой.

-Идемте. Вставай, Марина.

-Куда?

Ее голос прозвучал, как со дна колодца.

-Поднимайся! – крикнул я.

Шрам вздрогнул, огляделся. Макушки елей покачивались на ветру.

Марина поднялась. Бедная моя, до чего же ты устала!

-Вперед. Шрам, прокладывай дорогу.

Мы побрели прочь от поляны, на которой я рассчитывал переночевать, поесть мяса, выспаться у костра. Отпусти, Лорд-мэр! Прошу тебя, отпусти!

Тварь, бегущая между стволами деревьев… Откуда она знает, что следующий по пятам охотник опасен для нее? Неужели ей

подсказывает «беги!» та теплота, что порой дымится над свежей кровью? Есть теплота – и ты бежишь, нет теплоты – и ты кусок льда, такой же, как этот обледенелый пень.

-Больше не могу.

-Надо, Марина, - я потянул ее за руку, но она вырвалась.

-Отстань.

-Они близко.

-Пусть. У тебя же есть пистолет.

Я дотронулся до кобуры. Пистолет против шести автоматов…

-Андрей.

-Да, Шрам?

-Я мог бы задержать их.

Изуродованное лицо гиганта показалось мне почти красивым. Оно словно светилось изнутри.

-Нет, друг, - я хлопнул его по плечу. – Будем держаться вместе…

До конца. До скорого конца.

Они настигли нас на рассвете третьего дня. Макушки елей были красны от пробуждающегося солнца, и сухие щелчки выстрелов я поначалу принял за потрескиванье деревьев от утреннего мороза.

Я видел, как убили Шрама, когда тот вскочил во весь рост. Несколько пуль вонзились в широкую грудь, одна угодила в макушку. Он упал лицом в заалевший снег.

-Марина! – заорал я, выдергивая из кобуры пистолет. Расстрелял обойму и отбросил ставшее бесполезным оружие в сторону. Перекатился по снегу.

-Марина.

Чувствуя биение сердца где-то в голове, я ухватился за плечо девушки, перевернул ее на спину. Изумрудные глаза безжизненно глядели на меня. Алые струйки извивались от уголков губ к подбородку.

Я закричал. Пули летели мимо меня, кажется, я даже видел их – мухи. Мухи! Я кричал. Одна муха с разлету вонзилась мне в плечо, но я не почувствовал боли.

-Марина.

Женщина моя.

Обхватив ее, я отполз вместе с ней за широкий ствол ели. Откинул с лица припорошенные снегом волосы, заглянул в глаза. Может быть,

мне показалось и Марина еще жива? Бледность и холод… Теплая Птица улетела?

-Суки. Твари.

Я гладил рыжие непослушные волосы, целовал холодные щеки. Откуда-то со стороны, как из другого мира, не касающегося меня, доносилось:

-Вот этот ублюдок, под деревом. Добегался, гад.

-Пристрели его, Самир.

-Пулю жалко. Он уже трупак, посмотри. Пусть твари позабавятся…

И все стихло. Наступила настоящая, невозможная тишина.

Рай и ад. Ты рассказывала мне про них, Марина, помнишь? Где ты? Я знаю где. Ты в раю. И наш малыш. И я иду к вам. Наша мечта исполнилась – Серебристая Рыбка существует.

Смеешься, спрашиваешь: « Почему ты уверен, что мы окажемся именно в раю?»

Мы заслужили это, Марина.

«Чем?»

Тем, что нашли друг друга. Здесь, в Русских Джунглях. Тем, что полюбили друг друга.

«Но зачем было все это? Зачем Русские Джунгли? Мы могли полюбить друг друга где угодно».

Зачем? Просто так, Марина.

Просто так было надо.

В краю, где осталась рябина … живет та, чье имя – Марина … я просто хочу… чтобы знала она … что темная…. что черная ночь …. рядом с ней… не черна… не черна…

2011.

Краткий словник

День Гнева. Распространенное наименование Апокалипсиса.

Русские Джунгли. То, что возникло на месте России после **Дня Гнева**.

Последний Поезд. Железнодорожный состав, идущий неведомо куда, один из немногих шансов уцелеть с наступлением ночи. Символ хрупкости жизни.

Поляна – место, где ждут Последний Поезд.

Игрок. Человек (а может, и не человек), обитающий в Русских Джунглях.

Игра. Жизнь, существование.

Теплая Птица. Что это такое - каждый определяет сам для себя.

Бывшие. Игроки и стрелки до Дня Гнева, также условное обозначение представителей погибшей цивилизации.

Всполох – отголосок памяти.

Заточка. Оружие **игрока** (кинжал, нож, но чаще – заточенный кусок арматуры).

Стрелок. Солдат армии **Резервации** (Московской, Питерской, возможно, других).

Резервация. Место компактного проживания уцелевших, огорожено высокой стеной. Достоверно известно о существовании двух Резервации - Московской и Питерской**.**

Мародер. Житель резервации.

Лорд – Мэр. Правитель Московской Резервации.

Отец. Идеолог Резервации.

О **СОБЬ.** Особый отряд безопасности. Орган, предназначенный для выявления предателей и шпионов, отвечает за идеологию Резервации. Возглавляется **Отцом**.

Отряд. Подразделение Стрелков.

Кон *у* **нг.** Начальник **отряда**.

УАМР. Устав Армии Московской Резервации.

Череп (жаргон конунгов). Чрезвычайное происшествие (из УАМР).

Тварь. Хищный обитатель Джунглей (этногенез не поддается расшифровке).

Тв *а* **рка.** Сушеное мясо (надо полагать, мясо тварей).

Зел *е* **нка.** Спиртовая настойка (вроде абсента).

Концентрат. Пища стрелков.

Мутант. Нечто (этногенез не поддается расшифровке).

Кокаин. Условное наименование сильнодействующего наркотика, популярного в отрядах стрелков.

Серебристая Рыбка. Что это такое - каждый определяет сам для себя.